This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UN
LIBRARI

This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Tikhonravov, N. S.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОПРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

PG 3200
T544
v. 2

МАТЕРІЯЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРАМЗИНА, КАКЪ ПРАКТИЧЕСКАГО ФИЛОСОФА.

Еще далеко не опредѣлено значеніе, которое имѣлъ для насъ Карамзинъ своею мыслью, какъ литераторъ, какъ ученый и какъ гражданинъ. Скажемъ болѣе: изданныхъ матеріаловъ для подробной его оцѣнки еще такъ мало, что нѣтъ и возможности произнести о немъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ окончательнаго сужденія. Извѣстно нѣсколько весьма важныхъ его статей, еще непапечатанныхъ безъ пропусковъ: сколько же, быть можетъ, сохранилось о немъ интересныхъ данныхъ, о существованіи которыхъ мы и не подозрѣваемъ? Такъ еще недавно удалось мнѣ первому ознакомиться съ его Альбомомъ, который вслѣдъ за тѣмъ былъ напечатанъ во второй книжкѣ «Лѣтописей русской литературы и древности.»

Альбомъ этотъ даетъ возможность объяснить себѣ подробнѣе философскіе взгляды Карамзина, отъ которыхъ конечно не могли не быть въ тѣсной зависимости всѣ отрасли его дѣятельности. Отрывочность отдѣльныхъ статей Альбома, не мѣшающая впрочемъ замѣтить главной идеи, которою руководился Карамзинъ при ихъ выборѣ, и отсутствіе прямаго указанія на эту идею — наводятъ на мысль, что послѣднее было сдѣлано въ разговорѣ, при чемъ конечно и уяснилось многое, недосказанное на бумагѣ. Уже поэтому, мы считаемъ не лишнимъ представить нѣкоторыя данныя для разбора Альбома, въ надеждѣ, что другіе опредѣлятъ точнѣе все его значеніе. Въ то же время, мы постараемся сообщить

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 31 дня 1859 года.

Цензоръ *А. Дашкевъ.*

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

нѣсколько указаній на отношеніе образа мыслей, выраженнаго въ немъ, къ нѣкоторымъ явленіямъ въ ученой дѣятельности нашего исторіографа.

Нельзя не остановить вниманія на сходствѣ убѣжденій Карамзина, высказанныхъ словами Руссо и другихъ писателей, со взглядами Канта относительно добродѣтели, дружбы, монархическаго правленія. «Способность и рѣшимость сопротивляться сильному, но несправедливому врагу, пишетъ Кантъ, и называется мужествомъ, а относительно врага въ насъ самихъ — добродѣтелью, которая есть нравственная сила въ исполненіи обязанностей[1])». «Имя добродѣтели», читаемъ въ Альбомѣ, «и происходитъ отъ силы: человѣкъ добродѣтельный находится постоянно въ военномъ положеніи и долженъ безпрестанно вступать въ бой съ самимъ собою». Вслѣдъ за статьею о добродѣтели, Карамзинъ помѣщаетъ статьи о супружествѣ и дружбѣ. Въ основаніе супружества Карамзинъ кладетъ добродѣтель и дружбу. «Я когда то думалъ», пишетъ онъ, «что любовь необходима для того, чтобы быть счастливымъ въ супружествѣ; но это ошибка: достаточно благородства (l'honnêteté), добродѣтели, извѣстныхъ приличій..... Молодые супруги! вамъ грозитъ опасность, если вы другъ для друга ничто другое, какъ любовники: заключите заранѣе между собою дружбу, чтобы сохранить ее навсегда. Довѣріе, которое важнѣе любви, замѣнитъ ее». — «Заключаютъ супружескій союзъ», сказано тамъ же не для того, чтобы любить другъ друга, а чтобы взаимно нести обязанности». И такъ супружество, а равно и дружба, по Карамзину есть обязанность, которую беретъ на себя человѣкъ и самая добродѣтель возлагаетъ ее на насъ. Что я не ошибаюсь, толкуя такъ связь мыслей Карамзина о добродѣтели, супружествѣ и дружбѣ, свидѣтельствуетъ также самая послѣдовательность статей Альбома.

Весьма сходныя съ этимъ убѣжденія встрѣчаемъ мы относительно дружбы у Канта. О ней есть цѣлый отдѣлъ въ его Tugendlehre, гдѣ она причисляется къ обязанностямъ человѣ-

---

[1]) См. Канта. Tugendlehre, Einleitung. I. Kants Werke. Leipzig. 1838. Fünfter Band, S. 203.

ка [1]). Наконецъ самыя идеи Канта объ апатіи или отсутствіи аффектовъ, какъ условіи добродѣтельнаго образа дѣйствій, мы встрѣчаемъ въ Альбомѣ, гдѣ высшими добродѣтелями считаются добродѣтели отрицательныя (vertus négatives). Совершивъ переворотъ въ философіи, Кантъ самъ не могъ не впасть въ крайность. Вотъ почему, возставъ на эмпиризмъ въ наукѣ о добродѣтели, онъ дошелъ до-убѣжденія, что во имя homo noumenon мы должны жертвовать homo phaenomenon [2]). Человѣкъ, по Канту, суще[illegible] для осуществленія отвлеченныхъ идей добр[illegible]а. Вмѣсто добродѣтельнаго образа дѣйствій, [illegible] цѣль — самое дѣйствіе, жизнь, а добродѣтели [illegible] еловѣку предписывается какое то самозаклаиіе [illegible] послѣдуемъ за Кантомъ. «Осуществлять идеи [illegible] дѣтели, пишетъ онъ, не въ состояніи тотъ, к[illegible] свободы духовной или автономіи. Государст[illegible] для того, чтобы устранить для каждаго инд[illegible] ятствія къ пріобрѣтенію этой автономіи. Послѣдния заключаются въ безпорядкахъ и дикой необузданности общества; и потому правительство создано для уничтоженія тѣхъ и другой» [3]). И такъ чѣмъ правительство успѣшнѣе дѣйствуетъ, имѣя въ виду эту цѣль, или чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ оно лучше. Самое же малосложное

[1]) Nach Freundschaft, als einem Maximum der guten Gesinnung gegen einander, zu streben... ist eine Pflicht. Ethische Elementarlehre. II. B. II. Hstck. § 46, B. V, S. 309.

[2]) Стр. 246: Der Mensch betrachtet sich im Bewusstsein seiner Pflicht gegen sich selbst, als Subject derselben, in zwiefacher Qualität: erstlich als Sinnenwesen (homo phaenomenon), dann aber auch als Vernunftwesen (homo noumenon) u. s. w. Всѣ обязанности человѣка относительно homo phaenomenon ограничиваются у Канта самохраненіемъ. Развитіе же въ самомъ тѣлѣ силы и красоты, которое нельзя не считать обязанностію, онъ совершенно упускаетъ изъ виду. Въ этомъ отношеніи въ Альбомѣ мы можемъ указать на весьма удачное дополненіе идеи Канта, на выписку изъ Мильтона.

[3]) Das Staatsrecht, § 44. Man muss aus dem Naturzustande, in welchem jeder seinem eigenen Kopfe folgt, herausgehen, um sich einem öffentlich gesetzlichen, äusseren Zwange zu unterwerfen. Въ Rechtslehre, § D, Einleitung, Кантъ пишетъ: wenn ein gewisser Gebrauch der Freiheit selbst ein Hinderniss der Freiheit nach allgemeinen Gesetzen (d. i. unrecht) ist, so ist der Zwang, der diesem entgegengesetzt wird, recht и потому Кантъ говоритъ дальше: das strikte Recht kann auch als die Möglichkeit eines mit Jedermanns Freiheit nach allgemeinen Gesetzen zusammenstimmenden wechselseitigen Zwanges vorgestellt werden.

и сильное есть автократическое и потому оно лучшее; такъ же называемая ограниченная форма правленія прикрываетъ только видомъ законности поступки, основанные на своекорыстіи и ведетъ къ безпрерывнымъ междоусобіямъ. Конечно «автократія легко переходитъ въ деспотизмъ; но какъ скоро она учредилась въ какой либо странѣ, то монархъ не можетъ самовольно замѣнить ее другою формою правленія, а долженъ лишь стремиться къ тому, чтобы древняя эмпирическая форма правленія, служившая для того, чтобы создать подданныхъ, перешла въ примитивную или раціональную».

Итакъ есть два лучшихъ образа правленія: одинъ по простотѣ и малосложности, другой по примитивности. Первый называется самодержавнымъ, второй чистою республикою [1]) Нельзя не замѣтить, какъ много сходства во всемъ этомъ съ убѣжденіями Карамзина. Записка о древней и новой Россіи написана съ цѣлью доказать, что установившіяся у насъ государственныя формы коренятся въ исторіи и потому насильственное ихъ измѣненіе даже со стороны самой власти ничѣмъ бы не оправдывалось; въ Альбомѣ выставляются преимущества самодержавія передъ конституціоннымъ правленіемъ и въ то же время первому противуполагается недостижимая впрочемъ форма правленія, въ которой бы законъ стоялъ выше человѣка. Итакъ Кантъ и Карамзинъ требовали отъ правительства во первыхъ уваженія къ тому, что развилось исторически и во вторыхъ рѣшимости ограничить кругъ своей дѣятельности строгою бдительностью за тѣмъ, чтобы насиліе и самовластіе, съ чьей бы стороны ни было, не препятствовали частнымъ лицамъ совершенствоваться нравственно.

Понятенъ этотъ образъ мыслей обоихъ, если припомнить, что передовые люди 19-го вѣка къ тому лишь одному и стремились, чтобы въ основаніи государства легла идея справедливости. Сочувствуя свободному развитію народа, при бди-

[1]) Staatsrecht, § 51, 52. Die Staatsformen mögen also bleiben, so lange sie durch alte und lange Gewohnheit (гражданскіе навыки у Карамзина) für nothwendig gehalten werden... Aber die constituirende Gewalt hat die Verbindlichkeit die Regierungsart allmählig und continuirlich dahin zu verändern, dass sie mit der einzig rechtmässigen Verfassung, nämlich der einer reinen Republik ihrer Wirkung nach zusammenfalle u. s. w.

тельномъ лишь правительствѣ, Карамзинъ не скрывалъ своего удивленія къ Екатеринѣ и нѣкотораго нерасположенія къ Петру. Впрочемъ ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что Карамзинъ обрекалъ правителей на какую то пассивность. Нѣтъ, онъ возлагалъ на нихъ обязанность: не плѣняться ни блескомъ силы военной, ни однимъ матеріальнымъ развитіемъ націи, а любить ее. — Какъ же понималъ Карамзинъ послѣднее, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія слова Канта: «любовь, какъ долгъ относительно ч[illegible] есть эстетическое чувство, заставляющее и[illegible] при видѣ совершенства другихъ людей: она [illegible]брожелательности, влекущая за собою добр[illegible]

Не стану распростр[illegible] сходствѣ идей Карамзина съ идеями Канта[illegible]ко, что оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Кар[illegible]а современнымъ ему развитіемъ философіи на з[illegible]знакомый съ сочиненіями Руссо, онъ не могъ [illegible]ниманія на ученіи мыслителя, значеніе котораго, какъ практическаго философа, заключается именно въ томъ, что онъ формулировалъ идеи Руссо, конечно отчасти видоизмѣнивъ ихъ. Впрочемъ вліяніе мыслей Руссо не ограничилось Кантомъ и Карамзинымъ, а распространилось и на другихъ замѣчательныхъ мыслителей послѣдней четверти 18-го и первой 19-го столѣтія. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Фихте, окончательное развитіе практической философіи котораго вертится около того же года, въ которомъ написанъ Альбомъ Карамзина[2]).

Фихте, заслуги котораго такъ велики, вмѣстѣ съ Карамзинымъ гордился тѣмъ, что воспитался на Руссо и прекрасно опредѣлилъ значеніе послѣдняго въ исторіи развитія человѣчества. «Пробужденный Руссо, духъ человѣческій совершилъ великій подвигъ: онъ измѣрилъ самъ себя» пишетъ Фихте, и далѣе: «молодые люди, полные силъ, почуявъ на себѣ вліяніе

---

[1]) Die Liebe wird hier nicht als Gefühl (ästhetisch) d. i. als Lust an der Vollkommenheit anderer Menschen... genommen, sondern muss als Maxime des Wohlwollens (praktisch) gedacht werden, welches das Wohlthun zur Folge hat.

[2]) Das System der Rechtslehre in Vorlesungen 1812; das System der Sittenlehre 1812. Die Staatslehre oder über das Verhältniss des Urstaates zum Vernunftreiche 1813. Politische Fragmente 1807.

духа Руссо, произведутъ въ мышленіи переворотъ, который будетъ находится въ связи съ этимъ подвигомъ [1])

Къ числу молодыхъ людей, о которыхъ говоритъ Фихте, слѣдовало бы причислить и Карамзина: духъ Руссо подѣйствовалъ также на него и онъ приступилъ къ изученію русской исторіи, благоговѣя передъ мыслью лучшихъ современныхъ ему философовъ. Впрочемъ Карамзинъ не былъ слѣпымъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Канта. Такъ первый нигдѣ не восхваляетъ самодержавія, приверженцемъ котораго является Карамзинъ, сходствуя въ этомъ съ Кантомъ; такъ мы не встрѣчаемъ у послѣдняго убѣжденія, что правительство, чувствующее свою силу, не уподобится Неронамъ и Тиверіямъ, а мысль эта, какъ намъ кажется, вѣрна, если только, какъ часто бываетъ, не смѣшивать съ сознаніемъ силы величавую трусость.

Чтобы объяснить, какъ вѣрны приведенныя выше слова Руссо и что литературною дѣятельностью послѣдняго обозначена грань между двумя эпохами мышленія, замѣтимъ, что и въ Англіи, въ послѣдней четверти 18-го столѣтія произошелъ переворотъ въ изученіи философіи. Виновникомъ его былъ Ридъ, идеи котораго представляютъ много сходства съ идеями Канта. Ридъ менѣе заимствовалъ у Руссо, но послѣдній самъ былъ тѣсно связанъ съ предшественниками Рида въ Англіи, теорія котораго была вызвана въ видѣ противодѣйствія трудами ихъ.

«Люди, обладающіе хоть малою долею таланта», сказано въ Альбомѣ, «читаютъ только два рода книгъ: такія, которыя заставляютъ думать и такія, которыя содержатъ факты». Спрашивается: углубившись въ лѣтописи, переталъ-ли Карамзинъ читать книги перваго рода, забылъ ли онъ, приступивъ, къ собиранію данныхъ для описанія прошедшаго Россіи, то, что почерпалъ въ Руссо и другихъ сочинителяхъ? Альбомъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ: притомъ не подвержено сомнѣ-

---

[1]) Durch Rousseau geweckt, hat der menschliche Geist ein Werk vollendet... er hat sich selbst ausgemessen (Фихте подразумѣваетъ трансцедентальную философію Канта) и далѣе: durch jenen Geist geweckt werden junge kraftvolle Männer die gänzliche, neue Schöpfung der menschlichen Denkungsart, die dieses Werk bewirken muss, hervorbringen.

нію, что, приступивъ къ своему послѣднему и главному труду, Карамзинъ не намѣревался пожертвовать дѣятельности въ чисто ученой сферѣ даже своимъ литературнымъ вліяніемъ на современниковъ. Разсказывая исторію Россіи, онъ постоянно имѣлъ въ виду настоящее и потому трудно предположить, чтобы его философскія идеи, вырабатывавшіяся въ то время, когда онъ трудился надъ собираніемъ фактовъ для исторіи Россіи, не отразились на послѣдней. Не имѣя времени подвергнуть ее обстоятельному разбору съ цѣлью опредѣлить подробно, гдѣ и какъ проявляется въ Исторіи Государства Россійскаго мысль Кара практическаго философа, ограничусь на время у вліянія, которое оказали не него идеи Руссо, имъ Записки о древней и новой Россіи. Чита замѣтить, что отвлеченныя понятія, которыя ь, когда онъ писалъ ее, заставили его утратит слъ къ пониманію дѣйствительности, такъ ч ней освѣщено не вѣрно, согласно съ буквою, мъ лѣтописцевъ. Такъ, говоря о норманско Карамзинъ пишетъ, что князей тогда оживлял тическая страсть къ завоеваніямъ; монархи к полубогами: въ счастливомъ отдохновеніи мира государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди своего семейства многочисленнаго. Невольно припоминаешь при чтеніи этихъ строкъ возгласы Руссо о доблестяхъ людей, неиспорченныхъ ложнымъ образованіемъ, его сочувствіе Катонамъ и всему древнему міру, когда законодатели облекались въ глазахъ народа *божескимъ* авторитетомъ. Согласно съ послѣднимъ, Карамзинъ отозвался и о Екатеринѣ: «она ласкала такъ называемыхъ философовъ, но хотѣла повелѣвать, какъ земной *Богъ* и повелѣвала. Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи, едва ли не каждый изъ насъ пожелалъ бы жить тогда». Самое мнѣніе Карамзина о Петрѣ вполнѣ согласовалось со взглядами Руссо на этого монарха. Признавая въ Петрѣ замѣчательнаго воина и геніальнаго правителя, Карамзинъ ставитъ ему въ вину цѣль его, которая состояла въ присвоеніи *обычаевъ европейскихъ* и жестокія мѣры, къ

которымъ не нужно было прибѣгать Екатеринѣ, «ибо она не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ». Какъ сказано выше, совершенно того же мнѣнія былъ о Петрѣ Руссо. Приведемъ слова послѣдняго: «Pierre avait le génie imitatif... Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglois, quand il fallait commencer par faire des Russes.»[1]) Иногда въ Запискѣ о древней и новой Россіи буквально приводятся слова, которыя встрѣчаются и въ Альбомѣ; такъ въ первой приведены, также съ цѣлью доказать ихъ ошибочность, слова: «надобно только поставить законъ еще выше государя». Въ Альбомѣ Карамзинъ ставитъ Катона, какъ идеалъ патріота, выше космополита Сократа; въ Запискѣ намъ ставится въ вину, что послѣ Петра мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили много гражданскихъ. Останавливая вниманіе на нѣкоторыхъ частностяхъ въ статьѣ о древней и новой Россіи, я надѣялся доказать, что даже въ нимъ замѣтно вліяніе Руссо. Гораздо конечно важнѣе то, что самыя главныя идеи въ этой статьѣ тѣже, которыя мы встрѣчаемъ въ Альбомѣ. Вѣра, любовь къ отечеству и самодержавіе вотъ главныя начала, о которыхъ говоритъ Карамзинъ въ статьяхъ послѣдняго, писанныхъ передъ самымъ нашествіемъ Наполеона. Въ тоже время говорилъ онъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи: «вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти повели въ 1612 году къ освобожденію Москвы» и далѣе: «вслѣдъ за тѣмъ граждане и аристократы, воспламененые любовью къ отечеству, взывали: Богъ и Государь».

Мы старались доказать выше, что въ идеяхъ Карамзина, выраженныхъ въ Альбомѣ, много сходства съ идеями Канта. Записка о древней и новой Россіи вся основана на мысли, въ то время развитой послѣднимъ съ рѣдкою ясностью. «Монархъ», пишетъ Кантъ, «обязанъ стремиться не устранять существующій порядокъ, а измѣнять его постепенно, смягчая его и содѣйствуя тому, чтобы-древнія эмпирическія формы постепенно перешли въ раціональныя». Главное дѣло Екате-

[1]) Contrat Social; du peuple, livre II, chap. VIII.

рины II, по Карамзину, заключалось въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Съ рѣдкою опредѣлительностью, согласно Канту, объявляетъ себя Карамзинъ противъ двудержавія и олигархіи, которая помышляетъ лишь о себѣ.

Быть можетъ, спросятъ: велико ли достоинство идей Карамзина, вѣрно-ли судилъ онъ о современныхъ нуждахъ, не былъ ли взглядъ его отсталымъ? Стоитъ прочесть сочиненія Канта, Фихте и другихъ лучшихъ писателей того времени, чтобы убѣдиться, какъ современенъ былъ взглядъ Карамзина. Усиленіе олигарховъ, кот[illegible] ходить въ голову своекорыстнымъ или нѣкот[illegible]ъ людямъ, замедлило бы безъ сомнѣнія ходъ р[illegible]ства. Рядъ статей, недавно напечатанныхъ [illegible]Вѣстникѣ, которыя прочтены конечно всѣми [illegible]й высшей породы убѣждаютъ насъ, что и теп[illegible]ь Карамзина во многомъ не утратилъ своего з[illegible]е Записка и Альбомъ, по духу, въ которомъ [illegible], вѣчно будутъ свидѣтельствовать о ясност[illegible]ина и о благородномъ, смѣломъ его сочувствіи [illegible]ому для Россіи. —

Лучшимъ доказательствомъ тому, что Карамзинъ не приписывалъ себѣ одному истинъ, которыя высказалъ въ Запискѣ о др. и н. Р. служатъ его же слова: » Какое имѣю право судить о настоящемъ? Любовь къ Отечеству, Монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и *въ бесѣдахъ съ мужами великими*, т. е. въ ихъ твореніяхъ.» — Альбомъ былъ составленъ имъ вѣроятно съ цѣлью представить философскія доказательства въ пользу началъ, которыя въ Запискѣ онъ выводилъ изъ наблюденія давно прошедшихъ и недавно минувшихъ судебъ Россіи. Опредѣливъ съ точностью, какого рода были эти начала, мы поймемъ доносы людей высшей породы, подобные тому, который недавно напечатанъ въ одной изъ книжекъ «Чтеній московскаго Общества исторіи и древностей».

Чтобы судить объ отношеніи, въ которомъ находился Карамзинъ къ Руссо при составленіи Альбома, надо уяснить себѣ, какъ онъ составленъ. Часто одна статья состоитъ изъ

нѣсколькихъ отрывковъ, почерпнутыхъ въ совершенно различныхъ сочиненіяхъ Руссо и отрывки эти расположены такъ, что въ связи представляютъ нѣчто цѣлое. Иногда у Руссо они въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ведутъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, для которыхъ воспользовался ими Карамзинъ. Иногда важно знать, что именно выпустилъ онъ. Съ цѣлью облегчить трудъ при сличеніи Альбома Карамзина съ сочиненіями, изъ которыхъ почерпнуты заключающіяся въ немъ выписки, укажу на страницы, гдѣ стоятъ главнѣйшія изъ нихъ или значительнѣйшія по величинѣ [1]). При ссылкахъ относительно отрывковъ, почерпнутыхъ изъ Руссо, я пользовался изданіемъ Петитена, которое важно уже по нѣкоторымъ комментаріямъ и историческимъ заключеніямъ. Такъ, мнѣ кажется, не лишено интереса то обстоятельство, что, выставляя преимущества монархическаго образа правленія, Руссо отчасти имѣлъ въ виду правленіе Шуазеля. Взгляды Руссо зависѣли часто отъ внѣшнихъ условій; знаніе послѣднихъ опредѣляетъ иногда большее или меньшее достоинство первыхъ и тѣмъ дастъ возможность судить отчасти и о вѣрности самыхъ убѣжденій Карамзина.

Н. ЛЫЖИНЪ.

---

[1]) Сообщаемъ ссылки, о которыхъ упомянули:

Христіанская политика, 2 отрывка изъ Discours sur l'histoire universelle de Bossuet. Troisième partie, chapitre huitième. Oeuvres etc. Liegè, chez les Libraires Associés Tome IX p. 363 и 365. О любви къ отечеству изъ Руссо III отрывка: a) Economie Politique, Tome premier p. 233 b и c) Emile p. 581. Стихотворецъ философъ изъ Попе Essay on Man. О Богѣ изъ Руссо, 7 отрывковъ: 2 изъ Emile p. 329; 4 ibidem p. 321—324; одинъ изъ Lettre à M. de Beaufort T. III. p. 677. Монархія и Самодержавіе, 9 отрывковъ: 4 первыхъ изъ Contrat Social p. 351 366, 368, взятый изъ Gouvernement de Pologne p. 429. О добродѣтели 6 отрывковъ изъ Руссо: два первыхъ изъ Emile, livre V p. 542 и 543. О Супружествѣ изъ Руссо, 3 отрывка: первый изъ Nouvelle Heloise lettre XX.

СМОЛЕНСКАЯ ЛЕГЕНДА О СВ. МЕРКУРІИ.

Смоленская легенда о св. Меркуріи принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы. Какъ народныя пѣсни заставляютъ князя Владиміра воевать съ Татарами, такъ и эта легенда соединяетъ въ одно поэтическое цѣлое древнѣйшія преданія народнаго эпоса съ характеристикою нравственнаго и религіознаго движенія русской жизни во времена татарщины. Это произведеніе принадлежитъ столько же письменной литературѣ, какъ и безъискуственной народной поэзіи, и хотя дошло до насъ по преданію письменному, но во всей ясности обнаруживаетъ свое древнѣйшее чисто народное происхожденіе. Если собственно историческія, точныя свѣдѣнія въ житіяхъ русскихъ святыхъ и въ другихъ духовныхъ повѣствованіяхъ предлагаютъ историку Россіи драгоцѣнныя данныя для разработки народнаго быта; то *легенды*, то есть, такія повѣствованія, въ которыхъ историческая истина, проходя черезъ таинственную область творческой фантазіи, возводится до поэтическихъ идеаловъ, — даютъ самое богатое и самое существенное содержаніе исторіи нашей литературы.

Предлагая читателямъ опытъ литературнаго изученія смоленской легенды, почитаю обязанностію предварительно упомянуть, что она уже введена г. Шевыревымъ въ 3-ю часть его «Исторіи русской словесности». Въ изложеніи XIII вѣка,

подъ рубрикою: *Герои отечества* (стр. 57 и слѣд.), авторъ говоритъ слѣдующее: «Первое мѣсто между святыхъ мужей XIII столѣтія занимаютъ герои, дѣйствовавшіе противъ Татаръ мечемъ и мученическимъ терпѣніемъ. Первымъ является Меркурій, смоленскій витязь и чудотворецъ; онъ родомъ былъ Римлянинъ, но православнаго исповѣданія; Богоматерь отъ иконы своей позвала его на подвигъ противъ Татаръ. На Долгомъ Мосту, передъ Смоленскомъ, сражался онъ съ ними; сначала онъ поразилъ какого-то исполина татарскаго, а потомъ и цѣлое полчище враговъ. Ему помогали святые молніеносные мужи и сама Богоматерь солнцеобразная. Эту воздушную рать видѣли Татары. Но по совершеніи побѣды, судъ божій, т. е. смерть постигла и Меркурія. Онъ, утомленный, преклонилъ сномъ голову, и сынъ исполина, имъ убитаго, ему отсѣкъ ее. Меркурій взялъ голову и принесъ ее въ городъ. Исповѣдавъ событіе передъ изумленнымъ народомъ, онъ возлегъ въ Смоленскѣ, и особеннымъ явленіемъ приказалъ, чтобы оружіе его было повѣшено надъ его гробомъ». (стр. 57–58).

Очевидно, что г. Шевыревъ имѣлъ въ виду *не самое сказаніе, а только предметъ его*, то есть, героя, въ сказаніи прославленнаго. Потому, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, почтенный авторъ хронологію своего историческаго изложенія ведетъ по лицамъ, когда они жили и дѣйствовали, а не по сказаніямъ, когда составились они о тѣхъ лицахъ, хотя бы между дѣйствующимъ лицомъ или событіемъ и между сказаніемъ о томъ и другомъ прошло сто, двѣсти и болѣе лѣтъ. Несомнѣнно и давно признано, что Меркурій смоленскій, Евфросинія суздальская, Петръ и Февронія муромскіе, Петръ Царевичъ ординскій и друг., относятся къ XIII вѣку; но не только сомнительно, принадлежатъ ли той же эпохѣ сказанія объ этихъ лицахъ, но даже достовѣрно извѣстно, что большая часть сказаній, составились въ XV, даже въ XVI вѣкѣ, а нѣкоторыя и въ XVII. Г. Шевыревъ зналъ это очень хорошо, но допустилъ въ свою исторію литературы анахронизмы по слѣдующему соображенію: «Многія изъ житій—говоритъ онъ—сложены въ томъ же столѣтіи (т. е. въ XIII) и внесены въ лѣтопись; многія появились въ XIV, XV и даже XVI столѣтіяхъ, уже въ подробнѣйшемъ изложеніи. Но мы рѣшились, при изуче-

ніи этихъ многообильныхъ памятниковъ нашей древней словесности, слѣдовать не времени, когда житія писаны, а времени тѣхъ святыхъ мужей, которыхъ жизнь послужила для нихъ преметомъ. На это двѣ причины: первая та, что устныя преданія, служившія для составленія житій, раждались современно святому мужу, котораго касались; вторая, что подробности, извлекаемыя изъ житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени, особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ и тѣмъ восполняютъ недостатки лѣтописей, которыя этой стороны, по большей час . (часть 3-я, стр. 57.)

Эти основанія изло ревымъ передъ характеристикою *Героевъ оте ихъ по жизни* XIII вѣка. Посмотримъ, какъ тео авторомъ къ дѣлу.

Сначала первая при устныя преданія, служившія для составленія ись современно святому мужу, котораго касали баснословныя народныя преданія о Петрѣ и Ф скихъ, не вошедшія въ Прологъ и изъятыя к торіи русской церкви [1]). Самъ г. Шевыревъ г следующее: «Житіе муромскаго князя Петра Февронін, носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя собраны неизвѣстно кѣмъ и когда». (3, стр. 63.) По теоріи г. Шевырева, слѣдовало бы полагать, что эти преданія современны житію Петра и Февронін; но весь сказочный составъ повѣствованія объ этихъ муромскихъ святыхъ, убѣждаетъ всякаго ,что устныя о нихъ преданія не имѣютъ ничего общаго съ историческою истиною; и народный идеалъ вѣщей ткачихи и пряхи, загадывающей загадки и своею сказочною хитростью, побѣждающей князя — есть созданіе народной фантазіи, котораго составленіе принадлежитъ глубокой миѳической древности, а примѣненіе къ личности муромской княгини стало возможно только спустя много лѣтъ послѣ кончины ея. Предложенное мною сближеніе муромской легенды съ преданіями нѣмецкаго и русскаго эпоса, и особенно съ сербскимъ сказаніемъ, достаточно убѣждаетъ всякаго, занимающагося лите-

[1]) Смотр. Введеніе къ Исторіи русской церкви Макарія, стр. XVI.

ратурою, какъ опасно вести хронологію на основаніи устныхъ преданій [1]). Смоленская легенда о св. Меркуріи, какъ показано будетъ ниже, содержитъ въ себѣ нѣсколько грубѣйшихъ историческихъ несообразностей, каковы, напримѣръ, смѣшеніе имени Татаръ съ Печенѣгами, сказка о смерти Батыя, встрѣча обезглавленнаго Меркурія съ дѣвицею, шедшею по воду и проч. Всѣ эти несообразности обязаны своимъ происхожденіемъ устнымъ, народнымъ преданіямъ, которыя, по критикѣ г. Шевырева, слѣдовало бы отнести къ эпохѣ, ближайшей и даже современной смоленскому герою; но онѣ устранены уже изъ позднѣйшей, литературной редакціи сказанія, которою пользовался авторъ Исторіи русской словесности.

Теперь вторая причина принятой г. Шевыревымъ системы изложенія: «подробности извлекаемыя изъ житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени, особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ.» Совершенно справедливо, что эти подробности, раскрывающія внутренній бытъ народа, особенно любопытны *въ порядкѣ времени* и *на своемъ мѣстѣ*, т. е. въ ту эпоху, когда эти подробности взяты изъ народнаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ, *когда* и *какъ* онѣ были записаны авторомъ сказанія. Всякій авторъ изображаетъ событія и лица, сообразно понятіямъ и воззрѣніямъ своего вѣка, а часто и сообразно своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Потому позднѣйшіе составители житій святыхъ эпохи древнѣйшей придаютъ многимъ подробностямъ новѣйшую характеристику и тѣмъ самымъ нарушаютъ историческое правдоподобіе. Любопытный примѣръ такого анахронизма можно видѣть на 59 стр. 3-й части Исторіи русской словесности, въ характеристикѣ Евфросиніи суздальской. Житіе было составлено уже въ половинѣ XVI вѣка, довольно образованнымъ по тогдашнему времени монахомъ. Современникъ Іоанна Грознаго по понятіямъ и литературнымъ пособіямъ своего времени судилъ и о XIII вѣкѣ, приписавъ благочестивой княжнѣ начитанность и обширныя познанія въ риторикѣ, философіи, даже въ ариѳметикѣ и ге-

[1]) Смотр. мои Лекціи о пѣснях древней Эдды и о муромской легендѣ въ Аѳинеѣ за 1858 г.

ометріи. И въ XVI вѣкѣ такое обширное образованіе для дѣвицы могло быть только желаннымъ, вознесеннымъ до того святаго идеала, который предлагался авторомъ житія въ личности Евфросиніи суздальской. Самъ г. Шевыревъ на стр. 60 говоритъ, что житіе этой княжны составлено уже въ XVI вѣкѣ, а на стр. 59, предлагая характеристику благочестивой дѣвицы XIII вѣка, пользуется для того чертами позднѣйшей эпохи: «Рано обрекши себя Богу, говоритъ онъ — она (т. е. Евфросинія) не пре ными науками, какъ говорится объ ней въ грамматику, риторику, философію, науку чис роятно, самъ г. Шевыревъ чувствовалъ здѣ ловкость потому и прибавилъ: *какъ говорит нтіи.* Потому же, вѣроятно, онъ оставилъ э ку русскаго образованія въ XIII в. неполнок томъ, что благочестивая княжна, по сказанію ѣйшаго жизнеописателя, имѣла себѣ ученымъ во всѣхъ этихъ предметахъ, извѣстнаго боярина Ѳеодора, пострадавшаго въ Ордѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ, княземъ черниговскимъ.

Умѣлъ ли по крайней мѣрѣ г. Шевыревъ воспользоваться подробностями въ житіяхъ святыхъ, раскрывающими внутреннюю сторону народнаго быта и живо обрисовывающими вѣкъ, хотя бы и не тотъ, къ которому онѣ отнесены въ Исторіи русской словесности? Это лучше всего можетъ видѣть читатель изъ сличенія сказаннаго г. Шевыревымъ о царевичѣ Петрѣ съ тѣми подробностями, которыя предложимъ мы по самому житію.

На стр. 64 и 65 того же 3-го тома, и тоже въ характеристикѣ XIII вѣка, у г. Шевырева сказано: «Житіе Петра, царевича ординскаго, по прозванію Беркы, свидѣтельствуетъ, что силою христовой вѣры мы въ XIII вѣкѣ уже дѣйствовали на своихъ порабощителей, Татаръ. Въ Ордѣ, когда епископъ ростовскій Кириллъ разсказывалъ хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ ростовскую землю, — тогда слушалъ его племянникъ хана, плѣнился христіанствомъ, оставилъ все богатство отца своего и вмѣстѣ съ епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ. Богослуженіе храма Пресвятой Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли тогда по гречески, а на правомъ

по русски, поразило татарскаго царевича. Онъ молилъ Кирилла крестить его. Имъ основаны были въ послѣдствіи храмъ во имя Петра и Павла на томъ мѣстѣ, гдѣ явились ему сами первоверховные апостолы, и монастырь на берегу озера. Петръ былъ женатъ на русской, одаренъ землею отъ князя — и по кончинѣ супруги, постригшись въ монахи, скончался въ глубокой старости, въ 1253 году. Потомки Петра спасали Ростовъ отъ грозы татарскихъ хановъ, напоминая имъ о родствѣ своемъ».

Не зная житія въ подлинникѣ, можетъ ли читатель догадаться, по этимъ словамъ г. Шевырева, что ростовское сказаніе о царевичѣ Петрѣ въ высокой степени важно своими характеристическими подробностями, не только для исторіи литературы и церкви, но и вообще внутренняго быта древней Руси, и въ особенности юридическаго? Г. Шевыревъ, будто нарочно, именно тамъ остановился, гдѣ сказаніе предлагаетъ любопытнѣйшія, драгоцѣнныя для историка подробности о татарщинѣ въ Ростовѣ и объ установленіи и опредѣленіи юридическихъ понятій о владѣніи землею и водою.

Вотъ эти подробности, по рукописямъ графа Уварова, № 884 (Царск. № 743) и № 517 (Царск. № 378).

«По прибытіи царевича Петра изъ Орды въ Ростовъ, епископъ Кириллъ померъ въ 1262 г. Ему наслѣдовалъ владыка Игнатій, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ ростовскомъ. Не оставляя своихъ царскихъ потѣхъ, однажды царевичъ Петръ охотился ловчими птицами, вдоль ростовскаго озера, и, утомившись охотою, къ вечеру заснулъ на берегу его. Тогда явились ему два свѣтлыхъ мужа. Когда царевичъ въ ужасѣ палъ передъ ними, они, взявъ его за руку, говорили ему: «друже Петре! не бойся! мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, и посланы для того, чтобъ укрѣпить родъ твой и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра». Потомъ дали они царевичу два мѣшка, въ одномъ золото, а въ другомъ серебро, и велѣли вымѣнить ему въ городѣ три иконы, одну Св. Богородицы съ младенцемъ, другую Св. Димитрія и третью Николая Чудотворца. Царевичъ сначала подумалъ, что эти чудесные мужи *въ Татарахъ пле-*

мя ему укрѣпляютъ [1]), но, узнавъ, что они апостолы Петръ и Павелъ, уразумѣлъ истину. Потомъ велѣли они царевичу, съ вымѣненными иконами, явиться къ епископу и сказать отъ имени первоверховныхъ апостоловъ, чтобъ онъ соорудилъ имъ церковь при озерѣ, гдѣ царевичъ спалъ. Въ ту же ночь являлись они и самому епископу, съ тѣмъ же повелѣніемъ о сооруженіи церкви; и когда на другой день епископъ Игнатій, бесѣдовалъ о томъ съ [illegible]овскимъ, приходитъ къ нимъ царевичъ съ вым[illegible]ми, которыя сіяли, какъ солнце, и повѣдалъ и[illegible]ніи. Князь и епископъ, поклонившись иконамъ [illegible]сь, какъ могъ царевичъ вымѣнить такія на то[illegible] въ городѣ не было иконописцевъ; видѣли та[illegible]ичъ былъ молодъ и *отъ иновѣрныхъ* [2]). Но к[illegible]рѣшилъ ихъ недоумѣніе, епископъ пѣлъ иконам[illegible]отправившись на указанное мѣсто при озерѣ, [illegible]ъ апостоламъ Петру и Павлу. Когда храмъ б[illegible] царевичъ Петръ поставилъ въ немъ вымѣненныя три иконы, тогда князь ростовскій, вмѣстѣ съ нимъ возвращаясь отъ храма и садясь на коня, глумясь сказалъ царевичу: «владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ: что тогда будешь дѣлать?» Петръ отвѣчалъ: «Княже! повелѣніемъ святыхъ апостоловъ, я куплю у тебя, сколько благодать твоя отлучитъ отъ земли этой». Князь же, видѣвъ мѣшки Петровы въ епископіи, помолчалъ немного, потомъ сказалъ: «Петре! вопрошу тебя: дашь ли за мою землю столько, сколько ты далъ за иконы? дашь ли девять литръ серебра, а десятую золота?» Петръ сказалъ: «святые апостолы говорили мнѣ: что владыка Игнатій повелитъ, то и сотвори; потому спрошу его самаго». Тогда владыка на вопросъ царевича, благословилъ его и сказалъ: «Господь изрекъ своими святыми устами: просящему у тебя дай; и ты, чадо, *не пощади родителей имѣнія* [3]), дай князю, сколько онъ хочетъ». Петръ, вѣруя словамъ владыки, покло-

[1]) Въ подлин. «мнѣвъ во сноприведѣніе, аки въ татарехъ племя ему укрепляета».

[2]) Въ подлин. «не вѣдяхуть, откуду суть писца, во градѣ ихъ не бысть. Петра же зряху юна суща отъ иновѣрныхъ».

[3]) Это точныя слова подлинника.

нился ему до земли; пошелъ къ князю и сказалъ ему: «да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя!» Тогда князь велѣлъ извлечь *вервь* отъ воды и до воротъ, и отъ воротъ до угла, а отъ угла возлѣ озера: мѣсто это велико. Послѣ того Петръ сказалъ: «повели, княже, ровъ копать, *какъ въ Ордѣ бываетъ*, чтобъ не погибло то мѣсто». Такъ и сдѣлали: выкопали ровъ, который видѣнъ и донынѣ; а Петръ началъ отъ воды класть деньги по одиначкѣ, вынимая изъ мѣшковъ, девять литръ серебра и десятую золота; и наполнили возы петровыми *кунами* и тѣ колесницы, на которыхъ клѣть [1]), возили такъ что кони едва тронули съ мѣста. Князь же и владыка, видѣвши множество выложеннаго серебра и золота, а мѣшки все такъ же полны, дивились великому чуду.

Спустя нѣкоторое время однажды князь и владыка говорили между собою о царевичѣ Петрѣ: «если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ Орду, будетъ не ладно [2]) нашему городу»; — а Петръ былъ ростомъ великъ и лицемъ красивъ. И потомъ оба они говорили ему: «Петре? хочешь ли мы выдадимъ за тебя невѣсту?» Петръ же прослезился и отвѣчалъ князю и владыкѣ: «я возлюбилъ вашу вѣру и пришелъ къ вамъ: да будетъ воля господня да ваша! — Князь взялъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, *потому что были тогда въ Ростовѣ ординскіе вельможи;* а владыка вѣнчалъ Петра и устроилъ ему церковь и освятилъ ее по заповѣди святыхъ апостоловъ.

Князь всегда бралъ Петра на царскую утѣху около озера; ястребами, кречетами и прочими утѣхами тѣшилъ его, *дабы въ нашей вѣрѣ утвердился.* [3]). Однажды, во время охоты, сказалъ ему князь: «велію благодать обрѣлъ ты предъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздастъ намъ; — пріими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и воды отъ этого озера: я тебѣ напишу грамоты.» И отвѣчалъ ему царевичъ: «Я, княже, отъ отца и матери не умѣю землею владѣть: а грамоты эти

---

[1]) Въ № 517 (Царск. 378) *клить*, а въ № 884 (Царск. 743) *храмину*.

[2]) Въ подлин. *будетъ стона*.

[3]) Тѣми же словами и въ подлинникѣ.

для чего?» — «Все это я тебѣ сдѣлаю — говорилъ князь: а грамоты для того, чтобъ послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внучатъ.» Петръ принялъ предложеніе, а князь велѣлъ передъ владыкою писать грамоты: множество земель, отъ озера воды и лѣса, которые и донынѣ, были уряжены Петру.

Орда была тогда тиха много лѣтъ, и князь такъ любилъ Петра, что и хлѣба безъ него не ѣлъ, и при владыкѣ побратался съ нимъ въ церкви. И прозвался Петръ братомъ князю; и народились у него сыновья; и спустя малое время померъ владыка Игнатій, поме[illegible]овскій, а дѣти его звали Петра дядею и до ст[illegible] лѣтъ въ благоденствіи пожилъ царевичъ Пе[illegible]я въ глубокой старости, въ монашескомъ чинѣ[illegible]го у Св. Петра и Павла, у его усыпалища; и о[illegible]и установился тамъ монастырь.

Внуки же стараго [illegible]язя, забывъ Петра и добродѣтель его, начали [illegible]и украйны земли у петровыхъ дѣтей. Тогда [illegible]ошелъ въ Орду, сказался внукомъ брата цар[illegible]лись дядья его, почтили его многими дарами и [illegible]у у царя посла. Царевъ посолъ пришелъ въ Ростовъ и разсмотрѣлъ грамоты Петра и стараго князя; и положены были тогда рубежи землямъ по грамотамъ стараго князя, а петрова сына посолъ оправилъ и грамоту ему далъ съ золотою печатью.

Когда посолъ воротился въ Орду, молодые князья ростовскіе стали говорить между собою и съ боярами: «слышали мы, что родители наши звали Петра дядею, и что дѣдъ нашъ много у него серебра взялъ и братался съ нимъ въ церкви; а вѣдь это *рода татарскій, а кость не наша: что это намъ за племя?* Серебра же намъ не оставили, ни дѣдъ, ни родители наши!» Такъ говорили они, а не искали чудотвореній святыхъ апостоловъ и забыли любовь своихъ родителей; жили такъ много лѣтъ, зазирая петровымъ дѣтямъ, *за то, что въ Ордѣ выше ихъ честь принимали.*

И народились у сына петрова, у Лазаря, сыновья и дочери. Одинъ изъ внуковъ петровыхъ, именемъ Юрій, навыкши отъ родителей своихъ честь творить святой Госпожѣ Богоро-

дищѣ въ Ростовѣ, возлагалъ на нее гривны златыя, и учреждалъ пированья владыкамъ и всему клиросу и собору, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, творя ежегодно память по родителяхъ.

И ловили рыбы ловцы петровы гораздо больше, чѣмъ ловцы городскіе. Петровы ловцы въ шутку закинутъ сѣти и вытащатъ множество рыбы, городскіе же, сколько ни трудятся, все понапрасну. И стали эти послѣдніе говорить князю: «господине княже! если петровы ловцы не перестанутъ ловить, то все озеро наше опустѣетъ: всю рыбу повыловятъ». Тогда-то правнуки стараго князя ростовскаго стали говорить Юрію: «Слышали мы, что дѣдъ вашъ грамоты у прародителей нашихъ на мѣсто монастыря вашего взялъ, и рубежи земли его, а озеро наше: на него грамоты не было взято: потому запрещаемъ вашимъ ловцамъ ловить въ этомъ озерѣ». Слышавъ то, внукъ петровъ Юрій, пошелъ въ Орду и сказался правнукомъ брата царева. Дяди же многими почестями его почтили и дарами многими, и посла у царя испросили ему. И пришелъ посолъ татарскій въ Ростовъ и сѣлъ при озерѣ у святыхъ апостоловъ Петра и Павла. И былъ страхъ ростовскимъ князьямъ отъ царева посла. И сталъ онъ ихъ судить со внуками петровыми. Юрій положилъ передъ нимъ грамоты; и посолъ, воззрѣвъ на грамоты, сказалъ: «положены ли грамоты на эту куплю [1])? ваша ли вода? есть ли подъ нею земля? и можете ли снять воду отъ земли той?» И отвѣчали ростовскіе князья: «Такъ, господине! положены эти грамоты, а земля подъ водою есть, а вода, господине, наша отчина, а снять ее съ земли не можемъ». Тогда сказалъ имъ посолъ царевъ: «если не можете снять воду отъ земли, то по что своею называете? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу и на пищу всѣмъ человѣкамъ и скотамъ». И присудилъ царевъ посолъ *по землѣ и воду* внукамъ петровымъ: *какъ есть куплѧ землямъ, такъ и водамъ*; далъ Юрію грамоту съ золотою печатью и ушелъ въ Орду; князья же ростовскіе перестали Юрію творить зло и утишились на многія лѣта.

---

[1]) Въ № 884 сказано: «положены суть грамоты сія купля сія». А въ № 517: «не ложь ли суть грамоты сія купли».

И возросъ правнукъ петровъ, у Юрья сынъ, Игнатій. При немъ случилось слѣдующее: Пришелъ Ахмылъ царь на русскую землю и пожогъ городъ Ярославль; оттуда направился со всею своею силою на Ростовъ. Устрашилась вся земля, а князья ростовскіе бѣжали; бѣжалъ[1]) и владыка Прохоръ. Но Игнатій, съ обнаженнымъ мечемъ погнавшись за владыкою, сказалъ ему: «если не пойдешь со мною противъ Ахмыла, то убью тебя! Это наше племя и сродники!» И послушалъ его владыка: [illegible] кліросомъ, въ ризахъ, съ крестами и хоругвями [illegible] противъ Ахмыла, а Игнатій съ гражданами передъ [illegible] онъ *тышь царскую* — соколовъ и кречетовъ, [illegible], и цвѣтныя портища, и питья различныя, и б[illegible] и озера, сталъ на колѣна передъ Ахмыломъ [illegible] древняго брата царевымъ племенемъ: «а э[illegible] — село царево и твое, господине! а купля [illegible], гдѣ чудеса творились, господине!» И страш[illegible] рать Ахмылову вооруженну. Тогда Ахмылъ сказалъ: «ты *тышь* подаешь; а это кто въ бѣлыхъ ризахъ, и что это за хоругви? или биться съ нами хотятъ?» Игнатій отвѣчалъ: «это богомольцы царевы и твои, да благословятъ тебя, а носятъ они *божницу* по закону нашему, господине!»

Въ то самое время у города Ярославля былъ въ тяжкомъ недугѣ сынъ ахмыловъ, и возили его на возилахъ. Ахмылъ велѣлъ привести его, да благословятъ его. Владыка Прохоръ со всѣмъ клиросомъ, моляся Богу, пѣлъ чудотворцамъ молебны, и, освятивъ воду, далъ испить больному царевичу и благословилъ его крестомъ, — и тотчасъ же сталъ здоровъ сынъ ахмыловъ. Самъ же Ахмылъ возрадовался, сошелъ съ коня передъ крестами, и, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благословенъ вышній Господь, вложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ еси ты, господине епископе Прохоре! ибо молитва твоя воскресила сына моего. Благословенъ и ты, Игнатіе! ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ; ты, —

[1]) Это мѣсто объ Ахмылѣ у г. Шевырева помѣщено въ 83 примѣч. къ II-й лекціи; но вмѣсто: «Владыка Прохоръ *бѣжа*» — какъ значится въ лучшихъ рукописяхъ, г. Шевыревъ прочелъ: «Владыка *жъ бѣ* Прохоръ».

наше племя, царева кость! И если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойдти до насъ!» Сказавъ это, далъ онъ 40 литръ серебра владыкѣ и 30 его клиросу; а самъ взялъ отъ Игнатія царскую *тѣшь*, цѣловалъ его, и, поклонившись владыкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Орду во свояси. Игнатій же, проводивъ Ахмыла съ честію, возвратился вмѣстѣ со владыкою и съ гражданами въ великой радости; и, пѣвши молебны, прославили они Бога и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ».

Это превосходное ростовское сказаніе оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ, изъ котораго ясно видно, что предметомъ его было не одно житіе царевича Петра, но историческое повѣствованіе обо всемъ родѣ его, который Татары величали *своимъ племенемъ* и *царевою костью*.

Вотъ это наивное заключеніе: «Дай же, Господи, утѣху почитающимъ и пишущимъ древнихъ родителей дѣянія, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой! А петрову бы сему роду соблюденіе и умноженіе живота и неоскудѣніе до старости, и безпечаліе, и вѣчная ихъ память до скончанія міра, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава во вѣки аминь!»

Этотъ любопытный эпизодъ изъ ростовскихъ сказаній я внесъ съ двоякою цѣлью: во первыхъ, для того, чтобъ яснѣе опредѣлить критическій взглядъ г. Шевырева и достовѣрность его «Исторіи русской словесности»; и во вторыхъ, для того, чтобы сличеніемъ двухъ легендъ изъ эпохи татарской, то есть, легенды ростовской и смоленской, яснѣе опредѣлить литературное значеніе послѣдней.

На этотъ разъ мы ограничиваемся вышеупомянутымъ отдѣломъ «Исторіи» г. Шевырева, именно, только характеристикою героевъ и святыхъ XIII вѣка. Изъ подробнаго и внимательнаго разсмотрѣнія этого отдѣла оказывается слѣдующее:

1. Г. Шевыревъ смѣшиваетъ эпоху, когда жили лица и происходили событія, съ эпохою, когда были тѣ и другія описываемы. Мы уже видѣли на его характеристикѣ Евфросиніи суздальской, къ какимъ грубымъ анахронизмамъ довелъ автора принятый имъ некритическій методъ.

2. Сосредоточивая вниманіе на священныхъ лицахъ, а не на разсказахъ о нихъ, г. Шевыревъ переходитъ изъ области исторіи литературы въ чуждую ему сферу церковной исторіи.

Но такъ какъ для этого послѣдняго предмета еще необходимѣе историческая и филологическая критика; то и въ этомъ отношеніи книга г. Шевырева столько же погрѣшительна, какъ и въ отношеніи исторіи литературы.

Вотъ примѣръ. Г. Шевыревъ, какъ мы уже видѣли, относитъ кончину Петра царевича къ 1253 году, слѣдуя «Словарю святыхъ». Но изъ самаго житія мы уже знаемъ, что владыка Игнатій, при которомъ этотъ царевичъ жилъ и подвизался въ Ростовѣ, былъ возведенъ на епископскій престолъ въ 1262 году. Сверхъ того, о хронологіи этого житія г. Шевыревъ долженъ бы принять слѣдующія оче[redacted]раженія Преосвященнаго Филарета, въ его І[redacted] церкви: «*Св. Игнатій* былъ преемникомъ Кир[redacted][1]) (Лѣтоп. у *Карамз. 4.* пр. 113). Ханъ *Берге* [redacted]лъ преемникомъ брату своему Батыю съ 1257 [redacted] 1266 г. Такимъ образомъ прибытіе царевн[redacted] ослѣдовало едва ли прежде 1257 г. Св. Петр[redacted]нія вступилъ въ бракъ, имѣлъ дѣтей, овдовѣлъ [redacted] Игнатія, скончавшагося 1288 г., и слѣд. скончи[redacted] г. Въ Словарѣ святыхъ самая смерть Царевн[redacted] 1253 г. Это уже нелѣпость». (Изд. 3-е. 18[redacted]23). Рѣшительно нельзя понять, почему г. Шевыревъ безо всякихъ съ своей стороны доводовъ, рѣшился принять мнѣніе, признанное за нелѣпость.

3. Желая сосредоточить характеристику духовнаго развитія Руси XIII вѣка на священныхъ личностяхъ, какъ на *историческихъ данныхъ*, г. Шевыревъ не обращаетъ уже надлежащаго вниманія на литературные источники, откуда извлекаются свѣдѣнія объ этихъ данныхъ. Извѣстно, что житія, какъ и другія древне-русскія произведенія, различаются по редакціямъ. Въ исторіи церкви необходимо означить, какая редакція принята въ основу изложенія и чѣмъ отличается она отъ другихъ. Это должно быть исходною точкою въ разработкѣ нашей древней письменности. Но г. Шевыревъ ограничивается слѣдующими указаніями: о житіи царевича Петра въ примѣч. 83-мъ указано: «Опис. Рум. Муз. CLX. л. 83. —

[1]) Наше разногласіе въ одномъ годѣ нисколько не мѣшаетъ хронологіи ростовскаго сказанія.

Катал. рук. Царск. № 135, л. 485; № 190, л. 135, № 378, л. 270; № 614. л. 258; № 728, л. 334 об.; № 743, л. 267 об. — Библ. В. М. Унд. № 358». — О Меркуріѣ смоленскомъ въ примѣч. 72-мъ: «Русскій Временникъ. Печат. въ Моск. Синод. Типографіи 1790 г. стран. 114. — Второе Прибавленіе къ описанію славяно-росс. рукоп. графа Ѳ. А. Толстаго. Отдѣл. II, № 455, л. 43.—Каталогъ рукоп. И. Н. Царскаго. № 380, л. 381». Этотъ рядъ цыфръ можетъ озадачить неопытнаго и внушить ему великое уваженіе къ полнотѣ или по крайней мѣрѣ громадѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ Исторіи русской словесности. Но въ сущности это не болѣе, какъ рѣшительно безполезный наборъ цыфръ. Изъ этихъ указаній г. Шевырева неизвѣстно, помѣщены ли оба эти житія въ Макарьевской Минеѣ, и если помѣщены, то въ какомъ видѣ, въ краткомъ или распространенномъ, въ первоначальномъ или передѣланномъ? Между тѣмъ какъ и то и другое, дѣйствительно, вошло въ этотъ литературный сборникъ половины XVI в., и г. Шевыревъ на первомъ планѣ своихъ ссылокъ на источники долженъ бы упомянуть Четьи-Минеи, по крайней мѣрѣ по изданному г. Ундольскимъ перечню, если не случилось автору пользоваться самымъ источникомъ. Потомъ: вошли ли эти житія въ прологи, разумѣется въ позднѣйшіе, старопечатные? Далѣе: какія претерпѣли они измѣненія и въ какихъ редакціяхъ дошли до насъ? Нѣтъ ли какихъ особенностей въ различныхъ редакціяхъ одного и того же житія или сказанія? — Изъ нашего изслѣдованія о смоленской легендѣ читатели увидятъ, что она дошла до насъ въ четырехъ различныхъ редакціяхъ, между тѣмъ какъ г. Шевыревъ пользовался одною, и то не означилъ, что это редакція Макарьевской Минеи.

4. При такомъ отсутствіи критическихъ основаній всѣ указанія г. Шевырева на авторовъ житій и сказаній не заслуживаютъ вѣроятія; потому что неизвѣстно, какая именно редакція была сочинена или сложена тѣмъ авторомъ, котораго г. Шевыревъ называетъ. Такъ напр. объ авторѣ житія Петра и Февроніи муромскихъ г. Шевыревъ говоритъ: «житіе муромскаго князя Петра и супруги его Февроніи носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя

собраны неизвѣстно кѣмъ и когда. Въ одномъ сборникѣ сочинитель названъ монахомъ Эразмомъ». Ч. 3. стр. 63. Этимъ послѣднимъ извѣстіемъ мы обязаны г. Ундольскому, какъ это видно изъ слѣд. словъ г. Шевырева въ 82-мъ примѣч. къ 11-й лекціи: «Владѣлецъ библіотеки (т. е. г. Ундольскій) замѣчаетъ, что по Сборнику академическому за № 224, это есть сочиненіе монаха Эразма». Извѣстіе любопытно и важно, какъ и все то, что ни сообщитъ г. Ундольскій; но г. Шевыревъ не умѣлъ воспользоваться этимъ извѣстіемъ, потому что не справился, какая именно редакція житія приписана Эразму, простая или [illegible]тому что и эта легенда, какъ и многія другія, [illegible]исторической порчѣ. Витіеватую редакцію мит[illegible]ть въ Сборникѣ гр. Уварова за № 425 (Цар[illegible]77. Если академическая рукопись приписыва[illegible]но эту редакцію, то все авторство наивнаго [illegible]лось неумѣстною напыщенностью.

5. Хотя и думае[illegible]ь удержать историческій фактъ во всей его [illegible]исимо отъ вымысловъ и личныхъ соображен[illegible]о или другаго сказанія; но, не руководясь осн[illegible]тикою, часто за исторический фактъ выдаетъ выдуманную повѣсть. Напримѣръ, никакъ нельзя понять, какимъ это страннымъ случаемъ, въ обзорѣ духовнаго религіознаго характера нашихъ предковъ, подъ чисто-историческою рубрикою: *святые по жизни* помѣщены у г. Шевырева сказочныя подробности о загадкахъ вѣщей дѣвы, миѳическій образъ которой въ преданіяхъ народныхъ слился съ памятью объ исторической личности муромской княгини? — Само собою разумѣется, что легенда о Петрѣ и Февроніи, какъ одинъ изъ лучшихъ поэтическихъ памятниковъ русской старины, заслуживаетъ полнаго вниманія историка русской словесности; но пользоваться имъ, съ какою-то исключительно религіозною цѣлью, только для характеристики *святыхъ по жизни*, какъ это дѣлаетъ г. Шевыревъ, значитъ — оказать такую же плохую услугу исторіи русской церкви, какъ и исторіи народной поэзіи, то есть — отнять у послѣдней собственное ея содержаніе и насильственно навязать его первой, или иначе сказать: принять поэтическій вымыслъ за истину и

рядомъ съ дѣйствительно-историческими фактами постановить народную повѣсть, восходящую своими основами къ миѳическимъ преданіямъ и согласную съ извѣстною сербскою сказкою, какъ это объяснено мною въ другомъ мѣстѣ [1]). Такимъ образомъ, неправильный и слишкомъ ограниченный взглядъ г. Шевырева на муромскую легенду лишилъ его возможности оцѣнить по достоинству этотъ драгоцѣнный памятникъ древне-русской поэзіи.

6. По той же самой причинѣ г. Шевыревъ не умѣлъ воспользоваться множествомъ замѣчательнѣйшихъ подробностей, которыя въ духовныхъ повѣствованіяхъ предлагаются не только вообще для исторіи внутренняго быта, но и въ особенности для исторіи литературы. Примѣромъ этому служитъ приведенное мною ростовское сказаніе о Петрѣ царевичѣ. Г. Шевыревъ, какъ мы видѣли, пользовался этимъ сказаніемъ только для доказательства обще-извѣстной мысли, что уже въ XIII в. нѣкоторые изъ Татаръ принимали христіянскую вѣру. Для того и все сказаніе пріурочилъ онъ къ XIII-му же вѣку, хотя въ примѣч. 83-мъ и говоритъ: «Когда написано это житіе, неизвѣстно; но должно думать, что оно написано еще во времена татарскаго нашествія. Въ заключеніи разсказывается, какъ Игнатій, правнукъ Петра, освободилъ Ростовъ отъ нашествія Ахмыла, татарскаго хана, въ силу своего родства съ нимъ по предкамъ». Преосвященный Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовн. литературы (статья 94-я) относитъ сочиненіе сказанія къ XV вѣку, присовокупляя: «Въ описаніи говорится о внукѣ Петра, и описаніе оканчивается такъ: «дай же Господи Петрову сему роду соблюденіе и умноженіе»; *слѣдовательно это писано еще при потомкахъ св. Петра*». Послѣдній выводъ въ высшей степени важенъ для исторіи литературы. Именно имъ, по моему мнѣнію, опредѣляется не только эпоха, когда это сказаніе составилось, но и весь литературный характеръ его. Послѣ царевича Петра уже третье поколѣніе, то есть, его правнукъ — внесено въ легенду. Слѣдовательно она могла составиться не ранѣе ста лѣтъ послѣ

[1]) См. мои Лекціи о пѣсняхъ древн. Эдды и о муромск. легендѣ въ Атенеѣ за 1858 г.

ордынскаго царевича, то есть, не ранѣе послѣдней четверти XIV столѣтія; литературную же отдѣлку могла получить въ первой половинѣ XV-го. Основная мысль сказанія — удержать за монастыремъ Петра и Павла не только земли, но и озеро, пріобрѣтенныя ордынскимъ царевичемъ въ церковное владѣніе. Царевичъ пріѣхалъ изъ Орды въ Ростовъ, вѣроятно, не съ пустыми руками; но все же пріобрѣлъ онъ эти владѣнія не на татарскія деньги, а на данныя ему чудесно отъ самихъ первопрестольныхъ ап[illegible]ъ самымъ уже опредѣлялась святость и непр[illegible] церковнаго владѣнія; впрочемъ, въ сказаніи [illegible]ный намекъ на то, что земли могли быть купл[illegible]ы, вывезенныя царевичемъ изъ Орды: «Чадо[illegible]дителей имѣнія» — говоритъ ему владыка Ио[illegible]ости отмежеванія земли въ высшей степени ло[illegible]овскій князь, по *древнерусскому обычаю* отъ[illegible] *вервію*, по обычаю, согласному съ юридическ[illegible] *верви* Русской Правды. Но татарскій выходецъ этимъ не [illegible]льствуется, и, *по обычаю татарскому*, отдѣляетъ купленныя имъ земли *валомъ*. Уже при жизни царевича Петра замѣтно со стороны ростовскаго князя противодѣйствіе татарскому элементу, пускавшему свои корни въ Ростовѣ. Князь сначала не даетъ Петру земли, а потомъ продаетъ ее за самую дорогую цѣну, и только тогда перестаетъ питать къ нему подозрѣніе, когда женилъ его, и такимъ образомъ сдѣлалъ его осѣдлымъ въ Ростовѣ; наконецъ подружился съ нимъ, и дружба ихъ обоихъ была освящена *обрядомъ побратимства*. Но тотъ часъ же по смерти того и другаго потомки обоихъ стали враждовать между собою. Князья ростовскіе гнушались потомками ордынскаго царевича, называя ихъ татарскимъ племенемъ и *татарскою костью*, а также и завидовали, что они *въ Ордѣ выше ихъ, князей русскихъ, честь принимаютъ*. Неудовольствія усилились коростью, и возникла тяжба о владѣніи озеромъ. Надобно было прибѣгнуть къ высшей власти въ Ордѣ, и татарскій посолъ, въ качествѣ юриста, рѣшаетъ дѣло въ пользу потомковъ царевича Петра, а вмѣстѣ и въ пользу церкви противъ святотатственныхъ покушеній князей русскихъ. Любопытное сказаніе о татарскомъ адвокатѣ за православіе противъ хрис-

тіянскихъ князей! Во всякомъ случаѣ это сказаніе заслуживаетъ того, чтобъ было введено въ исторію русскаго права. Изъ него явствуетъ, что въ XIV вѣкѣ юридическія понятія о владѣніи водою еще не были опредѣлены во всей ясности: что̀ подавало поводъ къ тяжбамъ. *По земль присудити и воду и какъ есть куплял земляма, такъ и водама* — вотъ результаты, добытые русскими юристами XIV вѣка. Татарскій посолъ предлагаетъ наивное и наглядное доказательство истины этихъ результатовъ. Наивный доводъ — чтобъ мнимый владѣлецъ взялъ свое озеро съ чужой земли — есть какъ бы отдѣльный юридическій анекдотъ, вставленный въ сказаніе. Наконецъ самое заключеніе его чисто эпическое: это — описаніе царской *тьши*, сопутствуемой крестнымъ ходомъ, для отвращенія немилости татарскаго хана, который, оставивъ свои враждебные замыслы, воздаетъ хвалы и православной вѣрѣ, и епископу, и правнуку петрову, называя его татарскимъ племенемъ и татарскою костью.

Изъ предложенныхъ мною замѣчаній о критической методѣ г. Шевырева читатели могли усмотрѣть, почему его исторія русской литературы не даетъ понятія о самой жизни русскаго человѣка, которой наша древняя и народная литература служила вѣрнымъ выраженіемъ. И тѣмъ чувствительнѣе этотъ недостатокъ въ книгѣ такого автора, какъ г. Шевыревъ, который, казалось бы, до того проникнутъ мыслію о русской жизни, что готовъ всѣми собственно литературными интересами жертвовать этой основной и любимой его мысли. Причина этого недостатка, какъ мы видѣли, неумѣніе отдѣлить историческій фактъ жизни дѣйствительной отъ народнаго преданія о фактѣ и отъ литературной отдѣлки преданія; то есть, неумѣніе отдѣлить истину историческую отъ субъективныхъ представленій и воззрѣній, въ которыхъ она передается литературными источниками.

Руководясь такимъ мнѣніемъ объ «Исторіи русской словесности» г. Шевырева, мы пришли къ тому убѣжденію, что, вмѣсто полной критической оцѣнки всего этого сочиненія, гораздо полезнѣе будетъ для науки это сочиненіе передѣлать, давъ ему болѣе прочныя историко-филологическія основы. А чтобъ показать путь, которому, по нашему мнѣнію, должно слѣдовать для достиженія результатовъ болѣе вѣрныхъ и для

науки полезныхъ, мы выбрали на первый разъ для опыта *смоленскую легенду о св. Меркуріи*. По незрѣлости вообще всѣхъ изслѣдованій по нашей старинѣ и народности, безъ сомнѣнія, и этотъ опытъ не изъятъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей; по крайней мѣрѣ, позволяемъ себѣ думать, что читатели убѣдятся въ необходимости другихъ болѣе основательныхъ началъ и воззрѣній, для составленія исторіи русской литературы, нежели тѣ, которыя усвоилъ себѣ г. Шевыревъ.

Въ изученіи духов ваній надобно отличать три важнѣйшія эпохи. поху самаго событія или лица, послужившихъ ествованія; во вторыхъ время, когда составил реданія объ этомъ предметѣ, и наконецъ эп ой обработки и потомъ переработки преданія. редметъ вымышленъ, то разумѣется первой эпохи для него не существуетъ. Если повѣствованіе обязано своимъ происхожденіемъ искусству книжника, то изъемлется изъ изслѣдованія и вторая эпоха. Впрочемъ, большая часть повѣствованій проходятъ, по крайней мѣрѣ, черезъ обѣ послѣднія эпохи, удерживая отъ первой хотя бы самыя скудныя и краткія данныя, иногда только одно собственное имя или намекъ на извѣстную мѣстность или на какое либо историческое событіе. Легенда смоленская проходитъ черезъ всѣ три эпохи. Въ основѣ легенды фактъ, принятый нашею церковью; потомъ этотъ фактъ послужилъ предметомъ разнообразныхъ народныхъ преданій, и наконецъ преданія эти получили литературную обработку.

Самый фактъ не составляетъ предмета исторіи литературы. Она имѣетъ дѣло только съ двумя послѣдними эпохами повѣствованія. Помощію историко-филологической и эстетической критики довольно легко и почти безошибочно можно отдѣлить народныя преданія и безъискусственные разсказы отъ витіеватыхъ передѣлокъ, вставокъ и всякаго многословія нашихъ старинныхъ книжниковъ. Само собою разумѣется, что народный элементъ сказанія или легенды не только несравненно важнѣе всякихъ риторическихъ передѣлокъ, но и по-

преимуществу онъ одинъ составляетъ то существенное достояніе литературы, въ которомъ выражается жизнь народа. Книжная передѣлка витіеватаго свойства даетъ понятіе только о степени развитія грамотнаго просвѣщенія въ извѣстную эпоху, о личныхъ взглядахъ и пристрастіяхъ автора; между тѣмъ какъ народное сказаніе или, по крайней мѣрѣ, народныя преданія, вошедшія въ книжныя передѣлки, ставятъ изслѣдователя лицомъ къ лицу въ прямыя отношенія съ вѣрованіями, убѣжденіями и воззрѣніями всего народа. Эти преданія и сказанія, хотя бы и не во всемъ основанныя на дѣйствительно происходившемъ историческомъ событіи, все же должны быть разсматриваемы, какъ историческій фактъ, потому что служатъ они выраженіемъ духовной жизни народа въ извѣстную эпоху и въ извѣстной мѣстности.

Въ исторіи нашей литературы обыкновенно принято опредѣлять время составленія житія или какого другаго духовнаго повѣствованія тою эпохою, когда эти произведенія получили литературную обработку трудами извѣстнаго, поименованнаго автора. Конечно, это хронологическое указаніе очень важно для опредѣленія послѣдней изъ трехъ принятыхъ нами эпохъ. Но гораздо труднѣе опредѣлить хронологію второй эпохи, то есть, времени, когда составились народныя преданія, вошедшія въ повѣствованіе. Иныя преданія многими вѣками могли предшествовать историческому существованію самаго предмета народныхъ сказаній. Таковъ именно миѳическій элементъ многихъ преданій. Другія сказанія, по своему очевидно вымышленному, фантастическому характеру, могли составиться только спустя много лѣтъ, даже спустя цѣлое столѣтіе послѣ дѣйствительнаго существованія того лица, котораго они касаются. Другія же, хотя и баснословныя, могли произойти одновременно съ историческою эпохою лицъ и событій, о которыхъ повѣствуется: какъ напримѣръ и въ наше время въ народѣ возникаютъ различныя басни и эпическіе разсказы о текущихъ событіяхъ. Такимъ образомъ, народныя преданія вошедшія въ легенды, точно также составлялись въ теченіе многихъ лѣтъ, даже цѣлыхъ столѣтій, какъ и народныя пѣсни или вообще эпизоды народнаго эпоса.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что интересъ устныхъ преданій

гораздо шире обхватываетъ народную жизнь, нежели ихъ книжныя передѣлки. Устное преданіе живетъ въ народѣ свободно и привольно, не стѣсняемое никакимъ исключительнымъ примѣненіемъ къ извѣстной цѣли. Напротивъ того, грамотный передѣлыватель его, обыкновенно благочестивый монахъ или вообще человѣкъ набожный, предназначаетъ свой риторическій трудъ для поученія и душевнаго спасенія. Важнѣйшимъ переходнымъ пунктомъ между народнымъ преданіемъ и его литературною пер[illegible]ть составленіе похвалы святому и пѣснопѣній [illegible]И похвала, и эти стихи обыкновенно отличаютс[illegible]рическимъ характеромъ, какой замѣчается и въ [illegible]редакціи сказанія.

Со времени состав[illegible]й сказаніе получаетъ въ глазахъ народа высш[illegible]вящается авторитетомъ церкви, и изъ области [illegible]а переходитъ къ духовной лирикѣ, сопровожда[illegible]о музыкою или пѣньемъ. Такимъ образомъ за [illegible]ріодомъ народнаго преданія наступаетъ новый періодъ, *лирическій*, въ пѣснопѣніяхъ или стихахъ, и *прозаическій* въ литературной отдѣлкѣ преданія. Конецъ XV вѣка и первая половина XIV, то есть, время Пахомія Логовета, Геннадія и Макарія, есть самая замѣтная эпоха этого важнаго литературнаго перехода отъ *эпической простоты* къ *искусственной лирикѣ* и *прозѣ*. Сентиментальность Іоанна Грознаго много способствовала развитію этого новаго направленія духовныхъ повѣствованій. Впрочемъ должно замѣтить здѣсь, что вслѣдствіе тугаго и довольно неправильнаго развитія литературныхъ формъ древней Руси, и въ XVI, даже въ XVII вѣкѣ, еще составлялись народныя легенды эпическаго характера.

Само собою разумѣется, что главное вниманіе историка русской литературы должно быть обращено на народныя преданія и сказанія, составляющія основу всѣхъ лучшихъ духовныхъ повѣствованій. Несмотря на разнообразіе интересовъ, не только церковныхъ, но и свѣтскихъ, несмотря на примѣсь вымысла и даже миѳологіи, эти народныя сказанія дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ искренняго вѣрованія. Можно даже сказать, что въ нихъ больше чистоты убѣжденій и *искренности, нежели* во многихъ витіеватыхъ передѣлкахъ, раз-

бавленныхъ пустымъ многословіемъ. Сверхъ того, по нужно думать, чтобъ эти духовныя повѣствованія составлялись въ народѣ съ исключительно религіозною, поучительною цѣлію. Это была особенная *художественная форма*, соотвѣтственная благочестивому духу времени, для выраженія всего разнообразія нравственныхъ интересовъ народа. Муромская легенда о Петрѣ и Февроніи, между прочимъ, забавляла остроумными загадками и хитростями вѣщей ткачихи, ставшей потомъ княгинею. Сверхъ того, въ этомъ сказаніи явственно выраженъ протестъ со стороны личныхъ достоинствъ противъ боярской спѣси и аристократическихъ предразсудковъ. Ростовская легенда, возникшая въ городѣ, проникнутомъ татарщиною, очевидно, держится татарскаго направленія противъ своекорыстія и маловѣрія ростовскихъ князей. Легенда смоленская, какъ увидимъ впослѣдствіи, въ противоположность ростовской, возстановляетъ чистую идею христіанства противъ татарскаго варварства.

Какъ въ настоящее время господствующею формою литературы — повѣсть и романъ, такъ въ древней Руси — духовное повѣствованіе и легенда. Въ формѣ житія или легенды излагалось самое разнообразное содержаніе: и подвиги святыхъ, и крупныя историческія событія, и семейныя *памяти*, или мемуары, и различныя любопытныя похожденія. Это было не только поучительное чтеніе, но и благородная забава или утѣшеніе: потому составитель ростовскаго сказанія и говоритъ въ заключеніи: «дай же, Господи, *утѣху* почитающимъ и пишущимъ» — то есть, тѣмъ, которые будутъ читать это сказаніе или переписывать.

Послѣ этихъ общихъ соображеній, обращаясь собственно къ смоленской легендѣ, мы должны прежде всего разсмотрѣть различныя редакціи, въ которыхъ она дошла до насъ.

Эти редакціи слѣдующія: во первыхъ, *народная*, существенно отличающаяся бо́льшею свободою фантазіи; во вторыхъ, *лирическая*, въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и стихахъ, служащая переходомъ къ книжной передѣлкѣ; въ третьихъ, *литературная*, вошедшая въ Макарьевскія Четьи-Минеи, и наконецъ, въ четвертыхъ, *самая краткая*, вѣроятно, народнаго происхож-

денія, но записанная уже въ позднѣйшую эпоху въ «Книгѣ, глаголемой о россійскихъ святыхъ.»

Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, предварительно должно сказать, что и народная редакція, будучи записана книжникомъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторую литературную порчу; а также, наоборотъ, и литературная редакція будучи составлена на основаніи устныхъ разсказовъ, содержитъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи народныхъ преданій. Но мы отличаемъ здѣсь народную [illegible] литературной по степени участія въ той и дру[illegible] народныхъ и книжныхъ. Строгое отдѣленіе тѣ[illegible]ементовъ въ обѣихъ редакціяхъ должно быть [illegible]орико- филологической и эстетической критики, [illegible] предлагаемъ здѣсь читателямъ Лѣтописей русс[illegible]

Итакъ, во первыхъ [illegible]дакція, по Сѵнодальному Цвѣтнику Жюлева 1[illegible] лист. 218 об. и слѣд.) отличается слѣдующим[illegible]ми.

Въ городѣ Смоленскѣ [illegible]о молодой человѣкъ, по имени Меркурій: былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душою и слезенъ, часто приходилъ къ кресту господню молиться за міръ, *зовомый Петровскаго Ста.* А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ русскую землю и мучилъ христіянъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ великою ратью на богоспасаемый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ него за 30 поприщъ; много святыхъ церквей пожогъ и христіянъ побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, неисходно пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы, и умильно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слезами ко Всемогущему Богу и ко Пречистой его Богоматери и ко всѣмъ святымъ, о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

И было нѣкое смотрѣніе божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ [illegible] за Днѣпръ-рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно [illegible] Пречистая Богородица понамарю [illegible] сказала: «о человѣ[illegible] [illegible]ю изъиди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ

мой Меркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь!» Понамарь отправился и нашелъ молящимся у креста, и назвалъ его по имени: «Меркуріе!» — А тотъ отвѣтствовалъ: «что ти есть, господине мой?» — И сказалъ ему понамарь: «иди скоро, брате! тебя зоветъ Божія Матерь въ Печерскую церковь!»—И пошолъ богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидѣлъ тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ предъ ногами ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: «Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя! иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіянской: ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви.» Меркурій сильно востужилъ о томъ и восплакалъ, и говорилъ: «О Пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ недостало Тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго царя?» Потомъ взялъ онъ отъ нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашолъ тамъ прехрабраго коня; сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, божіею помощію и Пречистой Богородицы, побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіянъ и отпущая ихъ въ свой городъ; и скакалъ по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ, блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ уздцы, пришелъ въ свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологии-

скихъ воротъ. Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его пелѣпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

И пришелъ архіепископъ того города съ крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдался имъ святой. Великій плачъ былъ тогда въ людяхъ и рыданіе, что не восхотѣлъ святой подняться; архіепископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: «О [illegible]! не скорби о семъ! Кто послалъ его на побѣ[illegible]бетъ.» И три дня лежалъ святой непогребенъ. [illegible]ю ночь безъ сна пребывалъ, моляся Богу, да [illegible]йну. И смотря въ окно це свое, прямо къ соб[illegible]дитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ[illegible], вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ [illegible] господними, съ Михаиломъ и Гавріиломъ, [illegible] того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла он[illegible]огородица въ полу свою, и принесла въ свою соб[illegible]и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ [illegible] чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вшедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошелся народъ, и, видя то чудо, прославилъ Господа Бога.

Такова народная редакція. Главнѣйшіе пункты, на которые слѣдуетъ въ ней обратить вниманіе, суть слѣдующіе:

1) Меркурій представляется героемъ народнымъ, русскимъ. По крайней мѣрѣ, въ народномъ сказаніи нѣтъ и слѣда о римскомъ или нѣмецкомъ его происхожденіи.

2) Вся обстановка героя идеальная. Конь, дожидавшійся его у выхода изъ церкви, былъ необычайный. Обезглавленный Меркурій привелъ его съ битвы въ городъ, гдѣ онъ чудесно исчезъ, сталъ невидимъ. Это чудесное животное напоминаетъ намъ до-христіянское чествованіе коней, отразившееся въ миѳѣ о Слейпнирѣ Одина, о конѣ Свѣтовита балтійскихъ Славянъ, о виловитомъ или вѣщемъ конѣ Момчилы въ сербскомъ эпосѣ, о *Сивкѣ-Буркѣ-Вещей-Каурки* нашихъ сказокъ и проч. Какъ

бы то ни было, только чудесный конь смоленской легенды прямо указываетъ на живую связь ея съ народнымъ эпосомъ.

3) По этой редакціи святой герой сражается не съ татарскимъ великаномъ, а со всѣмъ Батыевымъ войскомъ, и, что особенно важно — убиваетъ Меркурія не сынъ великана, въ отмщеніе за убіеніе отца, а нѣкто *человѣкъ красенъ лицомъ*, или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, *прекрасенъ воинъ*. Меркурій долженъ былъ, по повелѣнію Богородицы, покорно отдать ему свое оружіе и для усѣченія преклонить передъ нимъ голову. Ясно, что не отъ татарина, даже не отъ человѣка обыкновеннаго приключилась ему смерть, но отъ какого-то существа прекраснаго, отъ прекраснаго воина, какими представляются въ нашей древней литературѣ ангелы. Совершивъ велѣніе Богоматери, исполнивъ свое назначеніе въ мірѣ, Меркурій долженъ былъ, во цвѣтѣ лѣтъ лишиться жизни. Смерть должна была набросить свой таинственный, непроницаемый покровъ на невѣдомыя, столь же таинственныя сношенія героя съ міромъ чуднаго, неземнаго. Но народной фантазіи жаль было представить храбраго героя жертвою татарина. Онъ заслуживалъ лучшей участи, и, если уже не суждено было ему жить, то пусть же лучше самовольно и тихо отдастъ онъ свою душу въ руки неземнаго, свѣтлаго существа. Впрочемъ вмѣстѣ съ произвольнымъ движеніемъ, оставлена была ему жизнь до тѣхъ поръ, пока онъ не дошелъ до своего города. Для исторіи народной поэзіи—какъ кажется—не надобно упускать изъ виду того обстоятельства, что *прекрасный воинъ*, усѣкшій Меркурія, въ сказаніи не названъ ангеломъ. Слѣдовательно, это сверхъестественное существо, можетъ быть, не что иное, какъ слабый отсвѣтъ древнѣйшаго, доисторическаго вѣрованья въ какое нибудь свѣтлое божество.

4) Мѣстныя черты сказанія видны въ томъ, что Меркурій до совершенія своего подвига «часто прихожданіе ко кресту Господню молитися за міръ, зовомый *Петровскаго Ста*», и что, воротившись съ битвы, обезглавленный «дошедъ вратъ *Молошскихъ*,» — былъ встрѣченъ въ этихъ воротахъ дѣвицею, шедшею по воду: «ту же вышла по воду нѣкая дѣвица, и зря святаго безъ главы идуща, и начатъ святаго нелѣпо бранити:» — странная и наивная подробность, очевидно народнаго и мѣстнаго происхожденія.

Наконецъ 5) все сказаніе по народной редакціи отличается простотою, малосложностью и краткостью, въ отличіе отъ усложненной и витіеватой редакціи искусственной.

Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, и эта послѣдняя редакція даетъ намъ возможность усмотрѣть нѣкоторыя новыя народныя основы, которыя частію вошли въ ея содержаніе. Но чтобы яснѣе былъ для насъ составъ ея, сначала необходимо познакомиться съ нѣкоторыми чертами смоленскаго сказанія изъ стиховъ, или похвальныхъ молитвословій подъ 24 числомъ Ноября, по рукописи графа Уварова, № 681 (Царск. 563), лист. 404—420. Похвалы эти и славос[illegible] изъ двухъ частей, вторая начинается на л. 414, [illegible]: «Второе твореніе Меркурію смоленскому же [illegible]рой половинѣ, на л. 416, находится между моли[illegible]щая вставка, важная въ библіографическомъ о[illegible]онъ святому Меркурію. Повелѣніемъ и благосл[illegible]итаго его рукоположенія. бываетъ исписана блаж[illegible]кона. того же Смоленска Киръ Варсанофія. И м[illegible]сицево. велехвално поемъ воина тверда. свят[illegible]кургія» и проч.

Эти похвалы, сущ[illegible]ясь своимъ содержаніемъ отъ народной редакціи, [illegible]нѣйшихъ пунктахъ представляютъ такое замѣчательное сходство съ редакціею литературною, что прямо говорятъ объ очевидномъ вліяніи одного литературнаго произведенія на другое. Я позволяю себѣ думать, что не литературная редакція вошла въ основу похвалъ и раздробилась на части, а на оборотъ — составитель этой редакціи пользовался похвалами, приведя въ систему все то, что было разсѣяно въ похвалахъ и молитвословіяхъ со многими повтореніями и распространеніями.

Въ пользу этого предположенія говоритъ одна характеристическая подробность въ похвалахъ, уже устраненная изъ литературной редакціи сказанія, какъ анахронизъ или непонятная странность. Хотя кое гдѣ и говорится, что Меркурій сражался съ Агарянами, съ Татарами, напр. на л. 409 обор. «ту побѣдилъ много вой татарскихъ»: но гораздо чаще врагами Меркурія, Смоленска, и всей Руси называются не Татары, а *Печенѣги*: напр. на обор. 404 л. восхваляется Меркурій: «како злаго богоборца царя Батыя набѣгъ низложилъ и исполина побѣдилъ

и злотворныхъ Печенѣгъ много множство побилъ» — «противу злочестивыхъ Печенѣгъ крѣпко пострада» 405 об. — «Меркуріе прекрасне, преудобренне воевода! како удивишася ангельская воинства, видяще твое крѣпкое страданіе противу злыхъ Печенѣгъ» 412 и обор. — «егда злый богоборецъ царь Батый видѣ яко исполина убита, и множьство много Печенѣгъ побитыхъ, и не смѣя граду належанія сотворити, и побѣже посрамленъ отъ Госпожи и Богородици, дивнѣйшія заступницы нашея» 413 и об.

Это странное смѣшеніе Татаръ съ Печенѣгами устранено въ литературной редакціи сказанія, которая, впрочемъ, во всѣхъ остальныхъ подробностяхъ представляетъ самое полное сходство съ историческими мѣстами пѣснопѣній. Отсюда ясно, что въ сказаніи исправлена уже неточность первоначальныхъ его источниковъ, открываемыхъ въ этихъ похвалахъ.

Конечно, во многихъ случаяхъ не слѣдуетъ обращать серьёзнаго вниманія на анахронизмы и смѣшеніе историческихъ фактовъ въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ, такъ же какъ и въ народной поэзіи. Но здѣсь, какъ мнѣ кажется, память о Печенѣгахъ имѣетъ немаловажное значеніе. Уже неоднократное вниманіе этого имени, и притомъ, въ похвальныя пѣснопѣнія, устраняетъ всякое предположеніе о случайной ошибкѣ или описке писца. Безъ сомнѣнія, дѣйствительно такъ, а не иначе воспѣвалось въ похвалахъ Меркурію смоленскому и Пречистой Богородицѣ, заступницѣ города Смоленска отъ безбожнаго Батыя. Если бы это смѣшеніе Татаръ съ другимъ народомъ не имѣло никакого основанія, то, конечно, не съ Печенѣгами бы, а скорѣе съ Половцами надобно было ожидать этого случайнаго, безсмысленнаго смѣшенія. Память о Половцахъ была еще свѣжа, когда составлялись сказанія о Татарахъ, между тѣмъ какъ Печенѣги давно уже сошли со сцены историческихъ преданій. Откуда же могло взяться въ похвалахъ Меркурію это настойчивое, неоднократное возвращеніе къ народу, казалось бы, давно уже забытому? Зачѣмъ сражается Меркурій съ исполиномъ, не татарскимъ, а именно съ печенѣжскимъ? Въ памяти народной не могла ли быть сближаема эта побѣда, одержанная Меркурі-

емъ надъ исполиномъ, при помощи Богородицы, съ другою подобною же побѣдою, тоже надъ исполиномъ, и тоже при чудесномъ пособіи Богоматери? — Исторія народной литературы предлагаетъ намъ множество сближеній различныхъ событій и эпохъ, по сходству идеи или даже нѣкоторыхъ подробностей въ двухъ или нѣсколькихъ преданіяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга вѣками.

Дѣйствительно, нѣкогда одержана была блистательная побѣда Мстислава тмут[illegible]ъ касожскимъ исполиномъ Редедею, при [illegible]упничествѣ Богоматери. Побѣда эта была такъ [illegible]о еще въ концѣ XII в. воспоминалась автором[illegible]ку игоревѣ, какъ событіе, воспѣтое Бояном[illegible]ъ одинъ изъ сюжетовъ историческаго народн[illegible] именно въ *печенѣжскомъ* исполинѣ смол[illegible]я позволяю себѣ видѣть естественный переход[illegible]наго, полуисторическаго преданія о борьбѣ рус[illegible]съ восточными исполинами, Касогами, Печенѣгами или съ какимъ другимъ племенемъ, — къ позднѣйшимъ чисто историческимъ сказаніямъ о Татарахъ. Меркурій отражаетъ отъ Смоленска уже Батыя, но борется еще съ Печенѣгами и побѣждаетъ печенѣжскаго исполина, какъ Мстиславъ, «иже зарѣза Редедю передъ плъкы касожьскыми». Такова, по нашему мнѣнію, эпическая связь Смоленской легенды съ Словомъ о полку игоревѣ и съ *замышленіями* Бояна, соловья стараго времени. Во всякомъ случаѣ, въ Печенѣгахъ смоленской легенды сохранился слѣдъ древнѣйшаго преданія, только не историческаго, а поэтическаго. Древнѣйшія сношенія Руси съ Печенѣгами, передаваемыя изъ устъ въ уста въ народныхъ сказаніяхъ, оставили по себѣ еще нѣкоторую память, когда слагалась легенда о пораженіи Батыя Меркуріемъ. Такимъ образомъ, въ этой смоленской легендѣ, сквозь позднѣйшую обстановку, доносится до насъ голосъ народнаго сказанія изъ той ранней эпохи, къ которой принадлежатъ многія баснословные разсказы Нестора о борьбѣ Руси съ Печенѣгами.

Другая подробность впрочемъ внесенная уже вмѣстѣ съ другими въ литературную редакцію сказанія, вѣроятно, также принадлежитъ къ древнѣйшимъ эпическимъ преданіямъ народ-

нымъ. Это, нѣкоторымъ образомъ, символическое сопоставленіе земли, какъ лица одушевленнаго, съ самою Богоматерью. Какъ бы то ни было, только поэтическій плачъ *матери земли*, и начинается, и оканчивается обращеніемъ молитвословія къ *Богоматери*. Это мѣсто въ похвалахъ Меркурію заслуживаетъ особеннаго вниманія для исторіи поэзіи въ связи съ народными вѣрованіями. Вотъ оно:

«Мати Царя и Господа славы, мати Бога Еммануила, мати, рождьшія всея твари Творца, мати, порождьшія избавителя и спасителя душамъ нашимъ, тебе истинную Богородицу вси роди величаемъ». Вслѣдъ за этимъ обращеніемъ, идетъ пѣснь 6-я слѣдующаго содержанія: «Како быша злыхъ Измаилтенъ великое плѣненіе, тогда земля восплакася, яко нѣкая чядолюбивая мати; мы же тогда возрадовалися, и возвеселилися, видяще божіе милосердіе и пречистые Богородици защищеніе, и страданія воина христова благочестно хвалимъ. Како бышя отъ невѣрныхъ православнымъ стонаніе, веліе сѣтованіе и вопль къ Господу Богу, тогда наша мати земля жерломъ *(т. е. горломъ, голосомъ)* возстоняше, вопіющи: Чаде мои, чаде мои! прогнѣваваше Господа своего, а моего Творца и Бога! Мы же тогда къ Господу Богу и къ Пречистѣй Богородицы умилно возопили, глаголюще: заступница наша Госпожа Богородица! избави насъ варварскаго нахожденія и злаго плѣненія. Тогда земля зря и възрыдала, како отъ пазухи ея православніи отторгаемы и безмилостивно посѣкаемы; тогда мы руцѣ въздѣюще и съ воздыханіемъ слезы испущающе, молящеся Христу Богу и пречистѣй его Матери, вопіюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Іисусе, сыне Божій! Слава Тебѣ, святая Богородица! избави насъ отъ агарянскаго насилованія и горкаго томленія! Како намъ даровала стократное и милостивое заступленіе, Госпожа и Богородица, тогда възопили къ Богородицы съ усердіемъ молящеся, слезы отъ очію точаще и глаголюще: Пресвятая Госпожа и Богородица! Ты избавила родъ христіянскій отъ адова мучителства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахожденія, и злаго и нечестиваго плѣненія и посѣченія! Мы же тебя, Богородицу, пѣснено славимъ и величаемъ и покланяемся пречистому Твоему образу.» л. 410 и обор.

Прежде нежели опредѣлимъ литературное значеніе этого

мѣста, необходимо, въ предупрежденіе недоразумѣній, упомянуть, что художественная форма олицетворенія земли, хотя и согласуется съ народнымъ миѳическимъ представленіемъ о *матери сырой землѣ*, однако въ нашу духовную литературу вошла безъ сомнѣнія, изъ Византіи, такъ какъ и всѣ другія художественныя формы искуственнаго развитія древне-русской образованности. Еще въ изображеніяхъ страшнаго суда, особенно имѣвшихъ сильное вліяніе на умы, предки наши могли видѣть олицетвореніе земли и моря въ видѣ двухъ женщинъ, отдающихъ или возвращающихъ отъ себя тѣлеса умершихъ.[1]) Это живописное вліяніе могл[illegible] сильную поддержку въ чтеніи. *Златоструй*, о[illegible]къ раннихъ памятниковъ переводной славянской [illegible]ь 135 словѣ, о второмъ пришествіи Христовѣ, [illegible]цетвореніе земли и моря, готовящихся къ встрѣч[illegible], и вступающихъ между собою въ споръ. *Пр*[illegible]*оремъ*, напечатанная въ приложеніи къ моей рѣ[illegible]поэзіи, есть не что иное, какъ передѣлка на ру[illegible]ныя воззрѣнія художественнаго мотива древне[illegible]

Но вотъ самое мѣ[illegible]руя, по сборнику графа Уварова № 542 (Царск. [illegible]). [illegible]*олетъ земля к твари*: Пріидите все рожденіе мое, соберетеся и видите на небеси и на земли славимаго! Пріидѣте, видите и возрадуйтеся на руку женску носима, иже на херувимехъ вышнихъ сѣдитъ; пріидите и видите млекомъ кормима, дающаго млеко женамъ. Грядите, видите во чрево дѣвыя вмѣстившася в небеса не вмѣстимаго. Пріидѣте, видите отъ матери нищу пріемлюща, иже всю вселенную питаетъ. Грядите, видите учителемъ предаема, иже всѣмъ учителемъ ремества даетъ», и проч. въ томъ же родѣ; воззваніе земли окачивается такъ: «Пріидите, маліи с великими, нищъ з богатыми, раби съ господами, грѣшныи с праведными, пресмыкающися с четыроногами и птицами, и видите всѣмъ животъ дающаго; и лѣта времены, зимами паче естества плодъ принесете тамо обѣщавшему намъ плоды вся твари божество (sic), и своя принесете уханія, яко да о всѣхъ ихъ призритъ на плоды

---

[1]) Didron, Manuel d'iconographie chrétiènne. 1845. Стр. 266 — 267. Смотр. также мою статью о страшномъ судѣ въ Современникѣ за 1857 г.

земныя. Си вси сристашася, якоже речено бысть: и пустая мѣста прозябоша и многоплодіе прія, да пророчество исаино збудется, глаголющее: да возвеселится пустыни, и да процвѣтетъ, яко кринъ, и да велми ублажитъся пустыни іорданова.—*Прится море съ землею*: сим же сице содѣваемымъ, тогда же и море восхотѣ пріяти благая, и начатъ само ся обличати, и земли сопротивляшеся, глаголя: и мнѣ уже Господа подаждь, еда бо твой единъ владыка есть, яко всю отъ него благодать прія; или (?) [1]) его пріити ко мнѣ. Аще бо не пріидетъ ко мнѣ, и покрыю ти лице; аще бо не быхъ его разумѣлъ и срамлялся печатлѣвшаго мя и связавша мя нерѣшимыми узами, то паки быхъ покрылъ ти лице. Или не вѣси, яко прежни тебе есмь, и преже роженія твоего стояхъ? Преже бо явленія твоего азъ во глубинахъ ликовахъ. Отдаждь ми владыку моего, яко же рече пророкъ: яко того есть море, и той сотвори е; по семъ же рече: и сушу руцѣ его создастѣ. Понеже послѣ создана еси, перстная мати, и пара несытая, окровавленіе лстивыхъ и гробе мертвыхъ, и грѣхомъ доме! Что мучиши старѣйшаго себе, и едина пріемше держиши Господина? Пусти его ко мнѣ, да избудется реченое: в мори путіе твои и стезя твоя в водахъ многахъ. Отдаждь ми присного Творца, да и моя нѣдра исполнитъ радости. —*Прится земля с моремъ:* И тако пудима отъ моря земля, того волею пряшеся, глаголющи: Егда горши тебе есмь, воздивіяло естество, разслабленое и нестоящее, горко шумящее, пагубное и славное пиво, и непотребное житію, нетлачный пути, вѣтрови содруженый, посинѣлое бурею! аще еси, яко же рече, честнѣйше мене; то къ тебѣ бы преже пришелъ Господь. Нынѣ же отъ сего являешися самъ, яко содержащи тя есмь; яко во мнѣ преже луча испусти божества. Толице тебе прежши есмь, яко бо мати есмь человѣкомъ, а ты пресмыкаемымъ гадомъ. Азъ Святыя Дѣвы мати есмь, яже прозябе Владыку; ты же — лукавому змію, иже ругается животнымъ. Азъ мати есмь пророкомъ и апостоломъ и святымъ мужемъ; ты же дивіимъ и пресмыкаемымъ мати, и водоплавающимъ тѣлесамъ [2]). Азъ есмь рай плодящи и имущи цвѣтца и ароматы; ты же — вѣтры нестройныя. Аще бы во мнѣ

---

[1]) Въ рукоп. *Улы*.

[2]) Въ рукоп. *телѣсъ*.

быхъ азъ держала Господа, то не быхъ дала ему не приблизитися к тебѣ». Л. 20—23.

Итакъ, поэтическое олицетвореніе земли въ глазахъ нашихъ благочестивыхъ предковъ не только не имѣло въ себѣ ничего миѳологическаго, но даже напоминало священныя изображенія византійскаго искусства и литературы. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, народныя, своеземныя вѣрованья нашли себѣ оправданіе въ искусственной иностранной литературѣ, съ давнихъ поръ внесенной къ намъ въ переводахъ. Каковы бы ни были воззрѣнія при олицетвореніи земли въ смоленской легендѣ, русскія или византійскі [illegible] лучаѣ мѣстное и историческое примѣненіе этих [illegible] етъ олицетворенію чисто народный, русскій хар [illegible] землею разумѣется уже земля *только русская*. [illegible] на погромы татарскіе, какъ на бѣдствіе, прич [illegible] ы жителями *не земли*, а какой-то другой, бого [illegible] и, какъ бы того жилища враждебныхъ силъ, ко [illegible] ерной миѳологіи, окруженъ *Мидгардъ*, или [illegible] *лище* свѣтлыхъ Асовъ и Вановъ. Такое нелоги [illegible] іе понятія о землѣ, такое низведеніе этого понятi [illegible] страны есть самый обыкновенный пріемъ эпиче [illegible] ія. Настоящая земля — только та, на которой живетъ народъ русскій, это земля русская; все остальное, все окружающее этотъ *Мидгардъ* древнерусскаго человѣка — наполнено враждебными, проклятыми силами, чуждыми спасенія и обреченными на вѣчную гибель. Этотъ Мидгардъ — есть земля *свѣто-русская* или *свято-русская*, то есть, не только *свѣтлая*, но и *святая*. Таково, по нашему мнѣнію, эпическое значеніе страннаго, нехристіянскаго выраженія: *святая Русь*, которое въ народной поэзіи употребляется въ самомъ обыкновенномъ, общемъ смыслѣ *русской земли*, безъ всякаго присоединенія къ тому, какого бы то ни было намека на святость извѣстныхъ лицъ или урочищъ и предметовъ.

Итакъ, олицетвореніе въ смоленской легендѣ, съ понятіемъ о землѣ соединяетъ частное представленіе земли русской. Она — чадолюбивая мать всѣхъ православныхъ — видя, какъ *отъ пазухи ея* православные отторгаемы посѣкаются, возстонала и вопіяла: «О чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, а моего Творца и Бога!» Но когда сѣтовала такъ земля, — и православные

обращались съ благодарственною молитвою къ Богородицѣ и ея угоднику Меркурію о спасеніи града Смоленска и всей земли русской. Эти совокупныя воскликновенія и земли и православныхъ заключаются торжественнымъ обращеніемъ къ Богородицѣ, какъ главной заступницѣ, ниспославшей Меркурія для побѣды надъ Батыемъ; и въ этомъ восторженномъ лиризмѣ пѣснопѣнія живо чувствуется, какъ *мать—сыра—земля*, эта земная мать всѣхъ людей, смиренно передаетъ свое заступничество Матери Небесной, взявшей подъ свой надежный покровъ всѣхъ православныхъ христіанъ.

Плачъ и томленіе земли отъ погромовъ Батыя, искренностью и свѣжестью лиризма, заставляютъ предполагать, что историческія основы смоленской легенды составились въ эпоху татарскую, точно такъ же, какъ лирическіе, скорбные стихи, тамъ и самъ разсѣянные въ народныхъ стихахъ о татарщинѣ.

Если народная редакція смоленской легенды переноситъ насъ къ доисторической эпохѣ народнаго эпоса, и если Печенѣги, упоминаемые въ похвалахъ, указываютъ на слѣды древнѣйшихъ поэтическихъ преданій; то плачъ русской земли о гибели православныхъ есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ русской поэзіи темныхъ временъ татарщины.

Теперь обратимся къ другимъ подробностямъ въ похвалѣ Меркурію. Всѣ онѣ, какъ замѣчено выше, вошли въ литературную редакцію легенды, за исключеніемъ двухъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Народная редакція ничего не знаетъ о происхожденіи героя, или по крайней мѣрѣ — не упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, почитаетъ Меркурія русскимъ. Но въ похвалахъ онъ называется уже Римлянишомъ: «Римъ оставль к намъ пришелъ еси; богатество римское оставль и пріатъ богатество на небесѣхъ, и нынѣ со ангелы водворяешися. Римское княженіе и славу сустную ни во что же вмѣнивъ, оставль княженіе, и пріатъ царство небесное и нынѣ живеши съ лики ангельскими. Римскихъ родителей своихъ небрегъ, едино вожделѣлъ еси, за вѣру Христову кровь свою проліати и за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и сего ради веселишися въ селехъ небесныхъ». Л. 406.— «Римское богатество оставль, и пріатъ богатество отъ Господа вѣнецъ, пріимъ в руцѣ коніе, крѣпко пострада, зловѣрнаго ца-

ря Батыя ужасилъ, и самохвальнаго исполина побѣдилъ, и вси внуци агарянскыя проженулъ, страстотерпче Меркуріе, моли Христа Бога спастися душямъ нашимъ». Л. 411. — «Римлянинъ родомъ сый, но вѣрою благовѣрною огражденъ, а не полувѣріемъ боляй; но угодникъ Богу бысть и того Рожешой; льстиваго ратника посрами, исполина съ сыномъ порази, и вѣнечникъ христовъ явися и славы радостныя причастися: сего ради священную его память празднуемъ нынѣ». Л. 417.

Въ похвалахъ упоминается и о возрастѣ героя: «младъ убо тѣломъ, душею святъ, вѣрою благочестивъ, но благочестіи поборникъ, за православі . Л. 406 об.

Подробности самой даются слѣдующимъ образомъ: «Начнемъ касати сѣдѣ, страданія воспомянемъ угодника и мучен Меркурія, како злочестивый и богопротивный ц де на градъ нашь со многимъ множествомъ вар адъ нашь пустъ сотворити, а насъ погубити; но вятою его Матерію и страданіемъ угодника вои спасетъ градъ и люди. По благовѣщенію Святыя инде святый въ церковь Богородичну, и обрѣтоша у предъ самою иконою Госпожи Богородицы, отъ е гласъ пономарю, и паднe святый предъ образомъ чюдотворнымъ, нача молитися: Госпоже Богородица! буди помощнице на супротивныхъ сихъ. И тако гласъ бысть отъ иконы пресвятыя Богородицы и явленіе святому, безбожныхъ нахожденіе, и посла побѣдити ихъ силою Христовою. Отъ чюдотворныя иконы пречистыя Богородица бысть гласъ глаголюще: рабе мой Меркуріе! иди злотворнаго Батыя и измаилтескы люди огрози; плѣнныя свободи дарованіемъ Христовымъ; домъ мой и градъ и люди безбѣды [1]) сотвори. Отъ пречистаго и чюдотворнаго образа Пресвятыя Богородица бысть гласъ предоброму воину христову: Рабе мой Меркуріе! иди, убій силнаго исполина, а злочестиваго царя Батыя и поганыхъ Агарянъ прожени; божіею благодатію люди и градъ отъ нихъ спасутся. Пречистая Госпожа и Богородица! некосная наша заступнице! крѣпкая держава, непобѣдимый воевода града нашего, имущи во своемъ градѣ таковаго воина и угодника своего Меркурія, и

[1]) Въ рукоп. *безмедны*.

тако святаго воспосылаше огрозити и побѣдити зловѣрныхъ, и прогонити отъ лица нашего». Л. 407 об. и 408. — «Како прииде святый градныя врата и стѣны бещука [1]), и дошедъ злоименитаго царя Батыя ужаси, и немощію обложена силнаго исполина побѣдилъ, а инѣхъ измаилтескихъ людей мечю предалъ, и оставшіи на бѣгъ себѣ вдаша; и възвратился святый къ свѣтлу вѣнцу радуяся». Л. 409.—«Прінде святый на мѣсто, идѣже повелѣ святая Богородица, и ту побѣдилъ много вой татарскихъ, и оставшія варвари разъяряхуся сердцы и расыхахуся суемыслеными душами на богохранимъ градъ Смоленескъ. И бѣ виде жену превелику и пресвѣтлу солнцеобразну съ множествомъ вой небесныхъ, и ужасошася, въскорѣ отъбѣжа отъ насъ. Шатающася безумніи въ молвѣ горкаго своего злаго невѣрія, яко провидѣли Госпожю Богородицу, паче солнца сіяющу и помогающу своему угоднику: и тако расыпашася мысли ихъ, и бысть яко прахъ, и побѣгоша въскорѣ, и на бѣгъ себе вдаша. Прінде святый въ богопокровенный градъ, и ту блаженная глава, яко доброплодная маслина, процвѣте». Л. 409 об. и 410.—Выше было уже приведено мѣсто о томъ, какъ Меркурій «исполина съ сыномъ порази». Л. 417. — О убіеніи святаго въ одномъ мѣстѣ сказано глухо: «Егда зліи Агаряне отсѣкоша главу святому Меркурію, и въспріатъ ю самъ святый и принесе въ градъ, предъ всѣми людьми, глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ Госпожи и Богородици заступленіе и святому отъ нея поможеніе». Л. 413 об. — Но въ другомъ мѣстѣ опредѣлительнѣе: «Скончася, свяше, отъ исполина, Меркуріе, мечемъ усѣченъ въ главу ти, и оттуду получилъ еси желаемаго тобою вѣнца». Л. 419. — «Красно мѣсто и свято, на немъ же твои всечестныи нозѣ стоястѣ, идѣже своя святая глава усѣчена, и ту бѣ воинъ Христовъ свыше отъ Бога, яко царскую діадиму пріатъ, сіяя въ лицѣ святыхъ мученикъ, яко солнце посрѣдѣ звѣздъ осіявая градъ и люди». Л. 412 об. и 413. — О принесеніи главы еще въ другомъ мѣстѣ: «Ангели бо удивившася и мученицы [2]) ужасошася, видяще како твои руцѣ пречестную твою главу принесоша во градъ». Л. 412 об.

---

[1]) Чит. *безъ щука.*

[2]) Въ рукоп. *ученицы.*

Итакъ изъ пѣснословій явствуетъ, что въ эпоху составленія ихъ еще не опредѣлилось сказаніе объ убіеніи Меркурія сыномъ того исполина, котораго поразилъ святой. Это обстоятельство также, можетъ быть, говоритъ въ пользу древности пѣснопѣній, которыя, въ этомъ случаѣ, стоятъ на срединѣ между народною редакціею и литературною.

О послѣдующей судьбѣ Меркурія воспѣвается такъ: «По преставленіи явися святый тому же попомарю, яко живъ, въ воинскомъ подобіи, и рекъ старцу: повѣждь гражаномъ, да устроятъ щитъ и копіе мое надъ гробомъ моимъ, и когда будетъ гражданомъ притуженіе [illegible] ожденій, тогда износятъ мое оружіе, прославляя [illegible] вы и того рождьшую Богоматерь, и мене смир[illegible]ія Меркурія помнящие, да подасть Господь вѣ[illegible]гивныхъ крѣпость и одолѣніе». Л. 413. — «Си[illegible]у вси граждане, страстотерпче христовъ добле[illegible] и щитъ твой выну пособіе имущи, тя величаю[illegible]га славяще, вѣнчавшаго тя!» Л. 419 об.

Эта любопытная [illegible]тъ намъ разумѣть, что древній обычай ставить [illegible] на могилѣ воина имѣлъ не только эпическое, но и религіозное значеніе. Почившій герой для новыхъ воинскихъ подвиговъ возставалъ изъ своей могилы и вооружался оставленнымъ на ней оружіемъ. Это вѣрованье идетъ отъ той отдаленной эпохи, когда воина зарывали въ могилу вмѣстѣ съ оружіемъ и съ конемъ.

Оружіе Меркурія, хранимое на гробѣ его, было для гражданъ Смоленска знаменіемъ побѣды и избавленія отъ вражескихъ нашествій. Какъ однажды этимъ оружіемъ отражены были Татары, такъ и всегда впредь будетъ оно символомъ божественнаго могущества противъ враговъ православія.

О судьбѣ Батыя воспѣвается: «Восточную страну плѣнилъ и на западѣ изратова, и тамо пріялъ, яко Каинъ, месть отъ Бога, мечное усѣченіе отъ угорскаго самодержца Владислава, и той злый кровопійца животъ свой злѣ предалъ со всѣми вои своими». Л. 414. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить о разногласіи съ народ-

ною редакціею въ имени угорскаго короля, и о полномъ отсутствіи этой подробности въ литературной редакціи [1]).

Уже изъ вышеприведенныхъ цитатъ явствуетъ, что пѣснопѣнія эти были составлены въ Смоленскѣ, который потому и называется постоянно: *градъ нашь*. Что же касается до эпохи, когда составились эти похвалы въ ихъ окончательномъ видѣ: то, судя по слѣдующимъ мѣстамъ, надобно опредѣлить ее временемъ самодержавія московскихъ царей, и конечно не позже первой половины XVI вѣка, когда на основѣ этихъ похвальныхъ пѣснопѣній была составлена литературная редакція смоленскаго сказанія, вошедшая въ Макарьевскія Четьи-Минеи. Вотъ эти мѣста: «Ими благодарными пѣснями воспоимъ страстотерпца и мученика... въсточнѣй странѣ быть великое радованіе *всеа россійстьй земли самодрьжцу государю нашему благочестивому царю* великому князю, къ Богу тепла предстателя». Л. 404. — «И нынѣ, святе, испроси *царю и государю нашему* великому князю здравіе и на супостаты одолѣнія». Л. 406. — «Святая Богородице! даруй крѣпость и одолѣніе православѣрнымъ; посли побѣду на злочестивыхъ православному *царю и государю нашему* великому князю скипетры утверди, градъ нашь и вся грады и люди соблюди отъ всякихъ находящихъ бѣдъ». Л. 408 об.

Ставши предметомъ церковныхъ пѣснопѣній, смоленское сказаніе было сближено съ подобными же о другихъ священныхъ лицахъ. Защита города отъ враговъ при участіи божественныхъ силъ и битва съ исполиномъ — вотъ главныя черты, подавшія поводъ къ сближенію. Сближенія эти иногда такъ наивно предлагаются въ духовныхъ повѣствованіяхъ, что иногда невольно наводятъ на мысль о литературномъ подражаніи.

Въ похвалахъ Меркурію смоленскому воспѣвается слѣдующее: «Какъ царь Давидъ божіею помощію убилъ превеликаго и силнаго Голіаѳа, такоже и сій святый мученикъ Меркурій повелѣніемъ пресвятыя Богородици уби силнаго исполина... Како посыла святая Богородица угодника своего древняго Меркурія, соблюдающи градъ Кесарійскый, и вѣрныя люди въ немъ спасающи, да убьетъ злаго мучителя законопреступнаго царя Уль-

[1]) Сказки о Батыѣ въ житіяхъ святыхъ смотр. у преосв. Филарета въ Обзорѣ русск. дух. литер. статья 133, стр. 146.

яна; также и сего блаженаго Меркурія посылала пресвятая Богородица, храня градъ и люди, царя Батыя ужасити и исполина убити, варваръ побѣдити, инѣхъ прогонити». Л. 411 об.—«Другаго тя поемъ, имящего побореніе по духу, христовъ Меркуріе, яко непобѣдимаго воина. Внегда бо по велѣнію, угодниче божій и Богородицы, изшелъ еси на стрѣтеніе поганыхъ силъ, и исполина съ сыномъ крѣпкаго побѣдилъ еси пособіемъ Богородицы, подобіемъ якоже святый мученикъ Несторъ ярость прекротивъ злосерѣнаго мучителя Люя богоборца, побѣдивъ христовымъ именемъ и силою, или тезоименитому ти святому мученику Меркурію, як и онъ побѣдивъ, прободѣ сердце мучителя и зако ревнуя по благочестіи». Л. 414 и об. Сверхъ т своей собственной головы могло напоминать с казаніе о Діонисіи Ареопагитѣ.

Послѣ этого подр нѣсколькій намъ будетъ уже очевидно все сход литературной редакціи, которую предлагаю здѣ скамъ: по одному въ Макарьевской Четьи-Мин по Синодальн. рукописи, № 176, л. 2273 и слѣ му, согласному съ этою Минеею, въ Синодальн. I в. (подъ № 850, л. 820 и слѣд.). Систематическою литературною отдѣлкою, нѣкоторымъ искусственнымъ порядкомъ и очень замѣтною витіеватостью редакція эта явственно указываетъ на свой позднѣйшій составъ и существенно отличается отъ простой и малосложной редакціи народной. Не смотря на сокращенія излишняго многословія, которыя я позволяю себѣ въ изложеніи смоленскаго сказанія по редакціи Миней, все же достаточно познакомятся читатели съ ея витіеватостью и искусственностью.

Великое чудо предлагается нынѣ въ повѣсти, которая долгое время предана была забвенію и нерадѣнію. О господа и братія, богатые и маломощные, вельможи и властители! оставя всякую гордость, и все народное множество людей города нашего, вспомянемъ дивное чудо сіе, какъ дивнѣйшая заступница и милостивая помощница наша, Госпожа Богородица невидимою божественною силою своею и святымъ своимъ амофоромъ осѣняетъ и покриваетъ городъ нашъ отъ всякаго искушенія и язвы, отъ тайно находящихъ бѣдъ и золъ. Вспоминается въ этомъ чудѣ

о пособіи нашему городу отъ непорочной Дѣвы черезъ святаго Меркурія, и о твердой побѣдѣ города нашего. Вы же съ чистымъ сердцемъ послушайте, и бодро молитвою къ Богоматери прилѣпимся, да и нынѣ поможетъ она своимъ угодникомъ чудодѣйствовать, да вручитъ граду нашему пособіе веліе и спасетъ его отъ бѣдъ.

Во времена оны было то лютѣйшее нахожденіе злыхъ варваръ на всѣ страны христіянскихъ предѣловъ, попущеніемъ божіимъ, великимъ прещеніемъ и праведнымъ божіимъ гнѣвомъ; потому что умножились беззаконія великія, и лютые грѣхи, и мерзкая нечистота блудная. И за то всетворческая десница божія послала на насъ великую бѣду и запустѣніе городовъ: и было великое лютое плѣненіе не на одинъ городъ Кіевъ, но и на всѣ страны и предѣлы православныхъ христіянъ. Была тогда такая великая бѣда, что и великія церкви оскудѣли и опустѣли, даже дикіе звѣри въ нихъ плодились; потому что оскудѣли люди и разорены были честные монастыри; городамъ же и деревнямъ великое было и тяжкое запустѣніе, а священникамъ и всѣмъ сановникамъ тяжкія узы на хребтахъ, честнѣйшимъ инокамъ и инокинямъ лютѣйшее и немилостивное посѣченіе, и всѣмъ православнымъ людямъ тяжкое иго и ярмо поганское на шеяхъ.

И восплакалась тогда земля, какъ чадолюбивая мать, видя ту бѣду, бывшую на всѣхъ странахъ христіянскихъ. Лютые тѣ варвары не щадили и грудныхъ младенцевъ, отторгая ихъ отъ нѣдръ матернихъ и ударяя о землю. Иныхъ оружіемъ прободали: оскверняли чистоту дѣвства, растлѣвая юныхъ дѣвъ, разлучали брачныхъ женъ отъ мужей, и самыхъ инокинь, честнѣйшихъ невѣстъ христовыхъ, оскверняли блудомъ. И многіе отъ православныхъ сами себя зарѣзывали и отъ себя смерть принимали, дабы не оскверниться отъ поганыхъ. Лютое плѣненье было тогда на православныхъ, и безчеловѣчно показывали себя немилостивые враги, связывали плѣнныхъ другъ съ другомъ волосами собственныхъ ихъ головъ, и гнали ихъ, какъ скотъ, тыкая острыми рожнами.

И видя все то, общая наша мать земля вопіяла своимъ голосомъ и стонала: О сыны русскіе! Какъ же мнѣ оставить васъ, о любимые мои дѣти, прогнѣвавшіе Господа своего, и моего Творца Христа Бога! Вижу васъ отторгнутыхъ отъ моей пазу-

:и, и, судомъ божіимъ, въ поганскія руки немилостивно впад-
шихъ и рабское иго имущихъ на своихъ плечахъ. И стала я
бѣдная вдова: о комъ же прежде буду я сѣтовать, о мужѣ или о
любимыхъ чадахъ? Вдовство мое — запустѣніе монастырямъ и
святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпя лютой бѣды,
возопію къ Творцу общему Господу Богу: Боже сотворивый вся
и содѣтелю всѣхъ! презри беззаконіе людей своихъ, и мило-
сердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ свой, и возврати ихъ,
да вторицею наслѣдятъ меня, твоимъ повелѣніемъ, Господи, яко
ты еси единъ Богъ, милуяй грѣшныхъ!

Слышите ли, какъ земля, не [illegible] бѣды, возопила гла-
сомъ своимъ, моляся Творцу. К[illegible]е стократное молит-
венное показалось на насъ див[illegible]леніе Госпожи Богo-
родицы. Если бы не она, свят[illegible]а сына своего Христа
Бога нашего и праведный его [illegible] прещеніемъ утолила,
кто бы избавилъ насъ отъ та[illegible]и злаго мучительства?
Увѣдайте же нынѣ истину отъ [illegible].

Было великое нахожденіе [illegible]славныя страны и плѣ-
неніе отъ безбожнаго и злоч[illegible]царя Батыя, *варварина*
злаго, отъ котораго постра[illegible]риста великій мученикъ
христовъ, православный и благов[illegible]й великій князь черни-
говскій, блаженноименитый Михаилъ и бояринъ его Ѳеодоръ.
Въ лѣто 6745 (т. е. 1237 отъ Р. Х.) было нахожденіе злобож-
наго того варвара. Пришелъ онъ къ Кіеву и преодолѣлъ его, а
оттуда проходилъ многіе города, полоня ихъ, даже и до самой
Москвы, и тамъ пощелилъ и преодолѣлъ. Нельзя подробно раз-
сказать о всемъ его зломъ мучительствѣ, о плѣненіи и разоре-
ніи: потому что великою жалостію утроба наполняется, оцепе-
нѣваетъ языкъ и гортань пресыхаетъ. Мы же воспомянемъ
только о подвигѣ и о великомъ побѣжденіи святаго Меркурія;
потому что чудеса эти были въ тогдашнія лѣта, во время того
злаго плѣненія. И умыслилъ злой мучитель Батый тайное наше-
ствіе на богоспасаемый градъ Смоленскъ; съ нимъ былъ и исполинъ съ сыномъ своимъ.

Смотрите же, православные, скорое и милостивное городу
тому поможеніе отъ заступницы нашей Госпожи и Богородицы
подвигомъ угодника ея святаго Меркурія! Въ ту ночь во свя-
той своей церкви явилась она сама отъ святой своей иконы по-

номарю, то есть, церковному сторожу, и сказала: «иди, человѣче, къ рабу моему Меркурію, на Подоліе на такое то мѣсто» — и дворъ назвала пономарю — «и скажи ему: ««Госпожа зоветъ тебя»»; а шедши туда, не просто ко двору приходи и не стучи въ ворота, но кого найдешь среди двора, того и зови, говоря ему тихо: ««Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя во всемъ твоемъ воинскомъ подобіи»». Тотчасъ же отправился пономарь на показанное мѣсто и нашелъ святаго Меркурія, который въ то время стоялъ среди двора, опоясанъ и вооруженъ во всемъ воинскомъ подобіи, и съ воздѣтыми къ небу руками молился Господу Богу и пречистой его Богоматери; потому что было уже ему явлено выше о посланіи и побѣдѣ. И было глубоко въ ночи пришествіе пономарево. Пономарь, ставъ передъ воротами, сказалъ, какъ былъ наученъ самою Богородицею: «Святой Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя!» Меркурій, отворивъ ворота, вышелъ и вмѣстѣ съ пономаремъ отправился на гору; и пришли они въ церковь Богородичную, и увидѣли свѣчу горящую передъ самою тою иконою, отъ которой былъ голосъ пономарю. Меркурій палъ на землю и молился съ великимъ слезнымъ плачемъ. Тогда икона Богородицы провѣщала: «Угодниче мой Меркуріе! азъ посылаю тя огрозити домъ мой! азъ бо тя на сіе призвахъ, раба моего».

Былъ же святой Меркурій *отъ римскихъ пазухъ*, отъ славнаго рода, княжескаго, изъ земли римской, а заѣхалъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города Смоленска, или же, справедливѣе сказать, воззваніемъ отъ Госпожи Богородицы и посланіемъ на чудотвореніе и на великую помощь своему городу и превеликой своей церкви. Какъ мы сказали, родомъ былъ онъ Римлянинъ, вѣрою же благочестивъ, святой вѣры греческой, и по благочестіи великій поборникъ и ревнитель истинный, соблюдалъ себя въ дѣвствѣ, да будетъ святъ чистотою тѣлесною.

И говорила ему сама святая Богородица: «Вотъ идетъ безбожный мучитель въ тайнѣ; въ эту ночь хочетъ напасть на мой городъ своею ратію; съ исполиномъ и сыномъ его хотятъ опустошить городъ мой. Возненавидѣла я велерѣчіе того мучителя, какъ онъ, возносяся суетно, охуждаетъ православіе; потому умолила Сына моего, да не предастъ мой городъ въ плѣнъ и

рабство злымъ варварамъ. Того ради повелѣваю тебѣ выйти на встрѣчу злому тому мучителю, но такъ, чтобъ граждане того не вѣдали, ни старѣйшины градскіе, ни самъ святитель превеликой той церкви; но всѣ бы оставались въ ту ночь въ городѣ, ничего не вѣдая, гдѣ тотъ злой ратникъ. Ты же выдь и ступай на мѣсто, называемое Долгій Мостъ, потому что тамъ злой богоборецъ уготовилъ рати на мой городъ. Возвѣщаю тебѣ: тамъ побѣдиши ты исполина, помощію и силою Христа Бога. И я сама буду тамъ съ тобою, помогая тебѣ на враговъ. Потому возвращу тебя назадъ, опять на это мѣсто, передъ городомъ, гдѣ ты увѣнчаешься своею кр[illegible]нецъ отъ Христа пріимешь» — тамъ, гдѣ и [illegible]наемо есть *на крови* его, на полѣ, внѣ передъ г[illegible]

О дивнѣйшее зас[illegible]отъ славной заступницы святымъ тезоименитым[illegible]у Меркурію, бывшему въ кесарійскомъ градѣ! [illegible]есарійскій, и тогда сама Госпожа Богородица и[illegible]угодника, того Меркурія, да убьетъ внезапно зл[illegible]законопреступнаго царя Юліана — и избавленъ [illegible]ть. Такъ и нынѣ другаго мученика, новаго Мер[illegible]ластъ избавить городъ нашъ отъ иноплеменниковъ.

Услышавъ все то отъ иконы Богородичной, святой Меркурій радостію исполнился, и, поклонившись иконѣ той до земли, вышелъ и отправился на показанное мѣсто. Прошелъ онъ ворота, незамѣченный городскимъ сторожемъ, и прибылъ на Долгій Мостъ. Ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ и призывая въ молитвѣ Богоматерь, взялъ онъ свой мечъ, и, вшедши въ полкъ злобожныхъ варваровъ, убилъ того сильнаго исполина и посѣкъ мечемъ многое множество другихъ изъ вражескаго полка. На зарѣ проснулись ратные, и, къ удивленію своему,

---

[1]) Вотъ въ подлинникѣ это замѣчательное мѣсто, по Синод. Сборн. № 850, л. 825 об.: «Да и в сих ивѣ ти есть. яко тебѣ раба моего самого возвращу вспять. паки на сие мѣсто оно пред градъ, якоже ту вѣнчашися своею кровию, и побѣды вѣнецъ от христа пріимеши, идѣже и нынѣ мѣсто то знаемо есть на крови его на послѣ внѣ пред градомъ».—Такъ же и въ Макарьевск. Четьи-Минеѣ, за исключеніемъ самаго конца, который по Минеѣ, послѣ слова *пріимеши*, читается такъ: «Яко идѣже ти паметь. но на крови его нынѣ есть на поли внѣ пред градомъ мѣсто то». Л. 2277.

увидѣли, что сильный исполинъ ихъ убитъ, и около множество мертвыхъ тѣлъ. Не смотря на то, не оставили они своего злаго намѣренія и пошли къ городу. Тогда святой Меркурій отошелъ на то мѣсто, гдѣ принялъ непобѣдимый вѣнецъ, и, стоя тамъ, молился онъ Богородицѣ о побѣдѣ и о своей смерти, говоря въ своей молитвѣ: «Царица и Владычица всей твари, Госпожа и Богородица, пресвятѣя Маріа! Милостію своею покрой городъ и церковь свою навѣки невредимо отъ ратныхъ; обо мнѣ же, о рабе твоемъ, умоли сына своего Христа Бога нашего, да покоитъ меня мирно отъ временныхъ сихъ, и да учинитъ меня съ лики святыхъ мучениковъ; ибо я хочу пострадать за Христа и кровь свою пролить за святую твою церковь». И тотчасъ же послѣ его молитвы былъ ему голосъ: «Рабе мой! дерзай, и будетъ тебѣ, что̀ просилъ ты: городъ свой соблюду я невреднмъ до конца вѣка; тебя же самаго положены будутъ мощи въ моей церкви, въ этомъ же городѣ».

Итакъ, враги подступили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ святой Меркурій: и онъ побѣдилъ ихъ всѣхъ, другіе же со срамомъ предались бѣгству, восклицая: «О горе намъ, братія! Молніеносные мужи побораютъ насъ и немилостиво посѣкаютъ; а еще видѣли мы и больше того: стояла тамъ нѣкая прекрасная жена, превеликая и солнцеобразная: она и мертвыхъ на помощь воскрешала и посылала противъ насъ»!

Видите ли, какое дивное было заступленіе городу нашему!

Святой же Меркурій подклонилъ свою голову, по суду божію: по содѣявшейся отъ него побѣдѣ, пришелъ одинъ лютый *варваринъ*, или сынъ того исполина, и убилъ святаго Меркурія мечемъ своимъ, и тутъ блаженный кончину пріялъ о Господѣ [1]). Самъ же варваръ устремился и побѣжалъ назадъ отъ великаго страху; а злобожный царь Батый, видя убитымъ исполина со

---

[1]) Это одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ легенды. Въ подлинникѣ, по Сборн. № 850, читается оно такъ: «Святый же Меркурій подклони главу свою по суду божію по содѣявшеся от него побѣдѣ, пришедъ единъ варваринъ лютъ, сынъ того исполина, и уби святаго Меркурия мечемъ своимъ, и ту блаженныи кончину приятъ о Господѣ». Л. 827 об. Такъ же и въ Макар. Минеѣ, за исключеніемъ того важнѣйшаго варіанта, что между: *варваринъ лютъ* — и между: *сынъ того исполина* — стоитъ частица *или*. Л. 2279. Въ нашемъ переложеніи принято чтеніе Минеи.

множествомъ другихъ, не смѣлъ приблизиться къ городу и побѣжалъ отъ Долгаго Мосту назадъ, будучи посрамленъ отъ небесной царицы, отъ Госпожи Богородицы.

Когда же отсѣкли голову святому Меркурію, тогда онъ самъ свою отсѣченную голову своими руками принялъ и къ городу принесъ передъ всѣми. И провѣщалъ святой своею головою, повѣдая о побѣдѣ и заступленіи Госпожи Богородицы. И всѣ граждане стеклись на это чудо, и слышали о дивномъ заступленіи Богородицы; честное же тѣло преславнаго Меркурія съ великою честію, съ псалмами и пѣснями взяли и положили въ церкви пречистой Б[illegible]едъ лѣвымъ крылосомъ, на одной сторонѣ отъ [illegible].

Не забудемъ сказа[illegible]скорѣ послѣ явился Меркурій тому же пономар[illegible]на конѣ, во всемъ воинскомъ подобіи, и сказа[illegible]гражданамъ, да повѣсятъ оружіе мое, копье и щ[illegible]гробомъ, и когда будетъ какая бѣда городу, да и[illegible]ужіе, прославляя Господа Бога и рождьшую его [illegible]еня смиреннаго раба божія помнпая, да подас[illegible]ъ побѣду отъ моего оружія, и да посрамитъ вр[illegible]И такъ граждане, по заповѣди святаго, повѣсили[illegible]гробомъ, какъ и до нынѣ всѣми нами видимо есть [1]).

Такова литературная редакція по своимъ подробностямъ и господствующему въ ней тону. Отъ похвальныхъ стиховъ она отличается не столько по содержанію, которое обще обоимъ произведеніямъ, сколько по порядку изложенія и по литературной отдѣлкѣ.

Въ отношеніи содержанія, какъ уже замѣчено было выше, эта редакція отличается отъ похвальныхъ стиховъ въ трехъ пунктахъ:

1) опущено преданіе о Печенѣгахъ;

2) опущена также замѣтка о судьбѣ Батыя въ Уграхъ, и

3) прибавлено объ убіеніи Меркурія отъ сына поверженнаго имъ исполина.

Впрочемъ, послѣдній пунктъ, не вошедшій ни въ народ-

---

[1]) По Макар. Минеѣ: «и нынѣ же и доднесь всѣми видимо есть». Л. 2279. По Сборн. № 850: «даже и доднесь всѣми нами то зримо есть». Л. 828.

мую редакцію, ни въ стихи, какъ кажется, не твердо еш
былъ установленъ, когда смоленское сказаніе было внесен
въ Макарьевскую Четьи-Минею: потому объ убійцѣ Меркурі
въ ней сказано глухо: «варварин лютъ, *или* сынъ того не
полина». Но потомъ эта неопредѣленность была замѣчена
устранена; и по списку XVII в., въ Синод. Сборникѣ, раз
дѣлительный союзъ *или* опущенъ, и убіеніе приписано *люто
му варвару, сыну исполина*. Отдѣленіе побѣдоносныхъ под
виговъ Меркурія отъ принятія вѣнца и отъ убіенія его от
руки варвара кажется въ литературной редакціи какою-то не
мѣренною натяжкою, которой отлично избѣжала редакція на
родная внесеніемъ чудесной личности прекраснаго воина, пе
редъ которымъ Меркурій преклонилъ свою голову, вручивъ ем
прежде все свое оружіе.

Не будемъ говорить о витіеватомъ тонѣ литературной ре
дакціи, который мы старались удержать въ нашемъ переложе
ніи. Но порядокъ и способъ изложенія заслуживаютъ нашег
полнаго вниманія.

Сначала ставится на видъ заступничество Богородицы, и
похвалу которой предлагается и самое сказаніе о Меркурі
Потомъ говорится о нашествіи Татаръ и о бѣдствіяхъ, при
чиняемыхъ ими русской землѣ. Затѣмъ, какъ естественно
вступленіе въ разсказъ, плачъ земли, отъ котораго дѣлает
прямой переходъ къ заступленію Богородицы: «Слышасте л
како ону бѣду видѣвши земля и не стерпѣ и возопи жерлом
ко творцу молася. Колми паче и стократное и милостивн
на насъ показася, дивное заступленіе Госпожи и Богородицы
По Сборн. № 850, л. 822 об. Въ этомъ переходѣ очевидн
и несомнѣнное то символическое сопоставленіе матери зем
— Богородицѣ, Дѣвѣ Матери, на которое только намеки встр
тили мы въ пѣснопѣніяхъ.

За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ самая исторія о наш
ствіи Батыя на Смоленскъ. Явленіе Богородицы пономар
Таинственное пришествіе Меркурія къ иконѣ Богородицы. Здѣ
помѣщена, очевидно, вставка о римскомъ происхожденіи Ме
курія. Далѣе голосъ Богородицы, посылающей Меркурія
подвигъ. Здѣсь опять вставка, но уже необходимая въ лит
ратурномъ, искусственномъ произведеніи: это сравненіе см

ленскаго героя съ древнимъ Меркуріемъ. И уже затѣмъ идетъ описаніе самаго подвига. Сначала Меркурій ночью, тайно отъ гражданъ Смоленска, поражаетъ Татаръ, убивъ ихъ исполина; потомъ обращается къ Богородицѣ съ молитвою о вѣнцѣ мученическомъ, и, отшедши на показанное мѣсто, лишается головы отъ меча варварина или сына того исполина. Наконецъ возвращается въ городъ, неся въ рукахъ свою голову. Повѣствованіе оканчивается разсказомъ о положеніи тѣла Меркурієва въ церкви и о вооруженіи его гробницы копьемъ и щитомъ и прочимъ оружіемъ святаго.

Такимъ образомъ редакція представляетъ намъ одно обдуманное нное изъ главной идеи о спасеніи города Смо. іемъ Богородицы и подвигомъ ея угодника М а бѣдствій русской земли отъ татарскаго нашес ственную обстановку величавой фигурѣ матер ивающей чадъ своихъ. Миѳологическій образъ сь символическій смыслъ въ быстромъ перехо ь Небесной заступницѣ города Смоленска и кой. Великая, солнцеобразная жена является рницею за Меркурія; но въ самомъ описаніи бы говорится, а только, какъ чудесное видѣніе, представляется она въ устрашенномъ воображеніи Татаръ, обратившихся въ бѣгство: поэтическая черта, достойная даже болѣе развитаго художника, нежели каковъ былъ составитель нашего сказанія. Безплотныя существа духовнаго міра сообщаются съ міромъ земнымъ или посредствомъ своихъ чудодѣйственныхъ силъ, или же черезъ видимый символъ, черезъ свое изображеніе. Потому не сама Богоматерь является Меркурію, но только черезъ свою икону входитъ съ нимъ въ таинственное сообщеніе, не проницаемое для постороннихъ свидѣтелей, и самому Меркурію доступное только въ благодатныя минуты его слезныхъ моленій.

Согласно съ этимъ характеромъ чудеснаго, весь подвигъ Меркурія совершается въ таинственной обстановкѣ. Въ глубокую полночь пономарь находитъ Меркурія на показанномъ мѣстѣ, и оба они тихо и таинственно идутъ къ церкви Богоматери. Безъ вѣдома жителей Смоленска, Меркурій ночью же побѣждаетъ Татаръ и убиваетъ исполина. Даже сами враги

узнали о своемъ бѣдствіи только по утру, когда, пробудившись отъ сна, увидѣли мертвыя тѣла. Наконецъ, также таинственно и ни для кого не видимо, Меркурій получаетъ вѣнецъ мученическій и только принесенная имъ самимъ голова его чудесно повѣдала о великомъ подвигѣ и о милостивомъ заступленіи Госпожи Богородицы.

Не смотря на малосложность событій и дѣйствій, характеръ Меркурія обрисованъ живыми чертами; герой своею симпатическою личностью возбуждаетъ участіе. Онъ молодъ и храбръ. Пріѣхалъ изъ далекихъ странъ; живетъ въ Смоленскѣ безъ рода и племени. Будучи иностраннаго происхожденія, онъ всѣмъ чужой на Руси, и только вѣрующею душею своею умѣлъ онъ найдти родной для себя пріютъ подъ милостивымъ покровомъ общей всѣмъ заступницы рода человѣческаго. Римлянинъ, то есть, католикъ по происхожденію, изъ княжеской породы, но вѣрою благочестивъ, то есть, православный, прибылъ онъ въ Смоленскъ на службу къ тамошнему князю; но единственною для себя владычицею и госпожею избралъ чудесную заступницу города Смоленска. «Изыди отеюду скоро! Госпожа зоветъ тя!» — вотъ слова, которыми Богоматерь велѣла пономарю позвать къ себѣ Меркурія, и герой тотчасъ же уразумѣлъ, кто такая госпожа его.

Если уже самое происхожденіе героя изъ чужой, далекой стороны, придавало его характеру нѣкоторую таинственность и идеальность, согласно со всею таинственною, чрезвычайною обстановкою расказа: то душевное расположеніе и образъ дѣйствій героя, идущаго на побѣду, просящаго себѣ мученическаго вѣнца и добровольно принимающаго смерть, въ юномъ, цвѣтущемъ возрастѣ—отличаются трогательнымъ драматизмомъ. Это уже не только герой эпическаго произведенія, но и симпатическая личность трогательнаго, сентиментальнаго произведенія. Это великодушный рыцарь, посвятившій всю свою жизнь служенію Небесной Царицѣ.

Таково, по нашему мнѣнію, высокое литературное значеніе этой искусственной редакціи. Она составилась очевидно подъ вліяніемъ кроткихъ, человѣколюбивыхъ идей, распространявшихся вмѣстѣ съ размноженіемъ легендъ и сказаній о высочайшемъ идеалѣ женскаго существа въ кроткомъ образѣ

Дѣвы Маріи. Если эта литературная редакція составилась, какъ замѣчено было выше, уже на основѣ разобранныхъ нами стиховъ и пѣснопѣній, то, безъ сомнѣнія, принадлежитъ она къ эпохѣ довольно поздней, къ концу XV вѣка или къ началу XVI-го. Воспоминаніе о мученической кончинѣ Михаила, князя черниговскаго и боярина его Ѳеодора, можетъ быть, внесено въ эту редакцію подъ вліяніемъ житія этого князя, которое во второй половинѣ XV вѣка было составлено Пахоміемъ Логоѳетомъ.

Теперь остается намъ разсмотрѣть свѣдѣніе, сообщенное о Меркуріи смоленскомъ [illegible] *глаголемой о россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ кое* [illegible] *и области, или въ монастыри, или въ пустыни* [illegible] *чюдеса сотвори, всякаго чина святыхъ.* Книга эта [illegible] не ранѣе конца XVII в. [1]), но, безъ сомнѣнія, вос[illegible]огія древнѣйшія извѣстія, какъ изъ литературныхъ [illegible]тныхъ преданій. По рукописи графа Уварова, [illegible]23, между святыми кіевскими упомянуто: «Св[illegible] ученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворец[illegible] 6747 (1239) ноемвріа въ 14 день во гробь въ [illegible]. Стр. 20.

Извѣстіе это прибавляетъ новую, неожиданную черту къ нашей легендѣ. Приплытіе новорожденнаго младенца въ ладьѣ и спусканіе умершаго человѣка на воду тоже въ ладьѣ, которая потомъ въ сказаніяхъ замѣняется гробомъ — предметъ древнѣйшихъ народныхъ вѣрованій, возникшихъ въ связи съ господствовавшими нѣкогда обрядами похоронъ, какъ уже говорено было объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [2]). По извѣстію въ Книгѣ, глаголемой о россійскихъ святыхъ, черезъ два года послѣ совершеннаго Меркуріемъ подвига, Смоленскъ лишился самого символическаго знаменія побѣды и одолѣнія на враговъ. Днѣпръ, по которому нѣкогда сносились дружины Кіева и Смоленска, и теперь послужилъ путемъ новаго соединенія этихъ городовъ, доставившимъ изъ Смоленска знаменіе его побѣды въ разоренный Татарами Кіевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оба пре-

[1]) Смотр. Филарета, Обзоръ русской духовной литературы, статья 245-я.

[2]) Смотр. мою статью о Православномъ Собесѣдн. въ № 1 Лѣтописей рус. литературы и древности.

данія, и смоленское о вѣковѣчномъ храненіи оружія св. Меркурія надъ его гробомъ, и кіевское о приплытіи святаго къ Кіеву въ гробу — составились независимо другъ отъ друга. Драгоцѣнная святыня, въ которой видѣлся залогъ будущаго избавленія отъ враговъ, равно желанна была и для Кіева, и для Смоленска: и это благочестивое желаніе нашло себѣ выраженіе въ двухъ различныхъ легендахъ, соотвѣтствующихъ самымъ мѣстамъ ихъ происхожденія. Смоленское преданіе ведетъ вѣрующаго по горячимъ слѣдамъ чуднаго подвига и показываетъ, на драгоцѣнныхъ останкахъ, спасительное оружіе, которымъ былъ совершенъ великій подвигъ. Напротивъ того, преданіе кіевское указываетъ на таинственную даль, откуда чуднымъ вѣстникомъ о событіи является плывущій по Днѣпру гробъ. Оба преданія равно національны, равно составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго народнаго эпоса. Какъ смоленское преданіе освящало въ воображеніи народа древній обычай поставленія оружія на гробѣ героя: такъ кіевское напоминало о древнѣйшихъ похоронныхъ обрядахъ на водѣ.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія видоизмѣненія смоленской легенды о Меркуріи, въ заключеніе приведемъ ихъ къ общимъ результатамъ.

1. Въ основѣ смоленской легенды сохранились древнѣйшія преданія народнаго эпоса о борьбѣ русскихъ богатырей съ великанами и существами сверхъестественными. Въ литературной редакціи говорится объ исполинѣ съ его сыномъ, какъ о лицахъ извѣстныхъ: они дѣйствительно давно уже извѣстны были народной фантазіи. Меркурія убиваетъ, или сынъ исполина, то есть, такой же исполинъ, или прекрасный воинъ, сверхъестественное, свѣтлое существо, подобное тѣмъ ангеламъ, съ которыми вступали въ бой русскіе богатыри, послѣ того превратившіеся въ камни. Во всякомъ случаѣ, Меркурію пришла смерть *по суду божію*, согласно съ выраженіемъ литературной редакціи.

2. Другой, древнѣйшій элементъ, вошедшій въ легенду, взятъ изъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, сопровождавшихъ

похороны. Мы уже видѣли, какъ Смоленскъ и Кіевъ раздѣлили между собою преданія объ этомъ предметѣ. Какъ воспоминаніе старины, легенда составилась уже на гробѣ святаго воина; потому преданіе о похоронныхъ обрядахъ могло дать первые мотивы для составленія всего сказанія.

3. Что въ борьбѣ смоленскаго героя съ врагами сначала не имѣлись въ виду Татара, явствуетъ изъ того, что въ похвальныхъ стихахъ этотъ народъ смѣшивается съ Печенѣгами, которые, такимъ образомъ, служатъ среднимъ звеномъ, соединяющимъ баснослов[illegible]ъ съ историческими полчищами Батыя.

4. Вымышленные [illegible]мѣ и поэтическій составъ повѣствованія даютъ р[illegible], что легенда составилась по прошествіи оч[illegible]тъ, послѣ погромовъ батыевыхъ.

5. Тѣмъ не менѣе [illegible]какъ она есть, принадлежитъ эпохѣ татарск[illegible]есть побѣдоносный герой этой эпохи. Его оруж[illegible]обѣды надъ нечестивыми басурманами. Если ми[illegible]ады наши составлены въ духѣ потворства и сближенія съ Татарами; то легенда смоленская, какъ бы предвѣщая мамаево побоище, проникнута фанатическою враждою къ невѣрнымъ и геройскимъ сознаніемъ о возможности побѣды надъ ними. Многія лирическія мѣста легенды, проникнутыя искреннею скорбію о бѣдствіяхъ угнетаемой и терзаемой Руси, свидѣтельствуютъ о томъ, что донеслись они отъ этой тяжелой татарской эпохи, и внесены въ легенду, хотя и переработанную уже въ позднѣйшее время.

6. Эпоха татарская много способствовала къ развитію сознанія о народности, въ противоположность чужеземному, какъ неправославному, нехристіянскому. Понятіе о своемъ родномъ, то есть, о русскомъ, освященное идеею христіянства, было вознесено надъ чужеземнымъ, которое такимъ образомъ низведено было до варварскаго. Татара—варвары въ противуположность угнетенному русскому православію. Это сознаніе могло выработаться изъ лирическихъ воплей бѣдствовавшей Руси только тогда, когда народъ пересталъ уже трепе-

тать передъ сокрушительною силою Татаръ, когда уже онъ началъ увѣряться въ возможности сломить дотолѣ представлявшееся неодолимымъ ихъ страшное могущество, когда наконецъ печальное раболѣпіе передъ татариномъ уступило благородному сознанію національной независимости. Въ Меркуріи смоленскомъ былъ выраженъ идеалъ этого благороднаго національнаго сознанія. Народная фантазія такъ высоко превознесла геройство святаго витязя, что даже убіеніе его приписала не сыну татарскаго исполина, а свѣтлому воину, существу сверхъестественному. Символъ побѣды надъ врагами, по народной редакціи легенды не долженъ былъ носить на себѣ никакихъ слѣдовъ ослабленія своего могущества, не долженъ былъ дѣлать никакихъ уступокъ вражеской силѣ. Даже литературная редакція допускаетъ смерть Меркурія отъ меча татарскаго только по соизволенію и по молитвѣ самого героя. Такимъ образомъ, побѣдоносный тонъ легенды говоритъ въ пользу того предположенія, что она окончательно сложилась въ ту эпоху, когда, вмѣстѣ съ ослабленіемъ татарскаго ига, стало возникать отрадное сознаніе національной самостоятельности. Сама церковь способствовала уже развитію этого сознанія, какъ это могли мы видѣть изъ похвальныхъ стихословій Меркурію.

7. Происхожденіе героя заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Легенда въ этомъ отношеніи колеблется. Въ народной редакціи ничего не говорится объ иностранномъ происхожденіи героя, слѣдовательно въ народѣ Меркурій могъ слыть за русскаго: но литературная редакція, слѣдуя стихамъ, называетъ смоленскаго героя иностранцемъ, Римлянином, то есть, католикомъ. Въ этомъ преданіи очевидны слѣды сношеній Смоленска съ Ригою, Готскимъ берегомъ и вообще съ Нѣмцами. Меркурій хотя и принялъ православіе и сталъ смоленскимъ гражданиномъ, однако сохранилъ въ себѣ благородный духъ геройской независимости, искони свойственный нѣмецкимъ племенамъ. Сочувствіе свое къ Нѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествамъ Смольняне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ нѣмецкаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ. Если Ростовъ, грустно примиряясь съ татарщиной, составлялъ легенду о татарскомъ

царевичѣ Петрѣ; то Смоленскъ, съ надеждою обращавшій взоры на западъ Европы, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилію и варварству. Потому весь характеръ смоленскаго героя проникнутъ *рыцарствомъ*: это *крестоносецъ*, совершающій чудеса храбрости, это *Божій дворянинъ*, побороающій за христіянство противъ поганыхъ мусульманъ, это паладинъ изъ полчищъ Карла Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый рыцарь, посвятившій себя на служеніе Мадоннѣ.

8. Легенда жила и въ устахъ народа и въ преданіяхъ русской церкви. Она дала [illegible] родной фантазіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ перелила[illegible] литвенныхъ пѣснопѣній. Такимъ образомъ вел[illegible] родной жизни находили себѣ сочувственный от[illegible] вѣтской народной поэзіи, и въ духовномъ, церко[illegible] зъ сліянія того и другаго образуется великій на[illegible] овнаго, религіознаго содержанія. Смоленская [illegible] инъ изъ лучшихъ эпизодовъ этого великаго э[illegible] комъ между народомъ и церковью здѣсь, какъ [illegible] ругихъ эпизодахъ, было лицо посредствующее, [illegible] щественному положенію стоявшее между просто.. [illegible] ценствомъ. Это былъ пономарь. Таинственный участникъ въ подвигѣ Меркурія, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искуснымъ рапсодомъ, повѣдавшимъ міру о событіи. Если просвирни, по свидѣтельству Стоглава [1]) имѣли святотатственное притязанія на совершеніе какихъ-то церковныхъ обрядовъ и тѣмъ самымъ способствовали распространенію невѣжественныхъ суевѣрій; то съ другой стороны, церковные сторожа и прислужники благотворно дѣйствовали на развитіе народнаго религіознаго эпоса. Во всякомъ случаѣ, и тѣ и другіе, и просвирни и пономари заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи; и какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ пономарей.

---

[1]) Смотр. мою рѣчь о народн. поэзіи.

Изъ всего сказаннаго нами, безъ сомнѣнія, читатель уже ясно видитъ, что смоленская легенда, какъ литературный памятникъ эпохи татарской, не только не уступитъ другимъ сказаніямъ о татарщинѣ, но даже далеко оставляетъ за собою и самое знаменитое изъ нихъ, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Мамаева Побоища.

Ѳ. Буслаевъ.

МАТЕРІЯЛЫ.

СКАЗАНІЕ О СОЗДАНІИ ЦЕРКВИ СВ. СОФІИ.

—

Предисловіе.

Развитіе поэтическаго элемента въ легендахъ состояло въ тѣсной связи съ элементомъ художественнымъ вообще. Даже самая проза въ книгахъ чисто-церковнаго содержанія, у народовъ христіянскихъ, съ точки зрѣнія развитія литературныхъ идей, должна быть изучаема въ связи съ исторіею христіянскаго искусства и преимущественно храмоваго зодчества и иконописи. Такъ по мѣрѣ сооруженія древнѣйшихъ христіянскихъ храмовъ по священному обычаю на мощахъ мучениковъ, полагаемыхъ въ основу храма подъ алтаремъ, приводились въ извѣстность самыя житія тѣхъ мучениковъ и составлялись о нихъ книги подъ именемъ *мартирологіевъ*. Сооруженіе и украшеніе каждаго древнѣйшаго храма окружено таинственнымъ обаяніемъ чуднаго и сверъхестественнаго. Сооруженіе древнихъ храмовъ во имя св. Софіи, Премудрости Божіей, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ говоритъ о томъ художественно-религіозномъ вліи-

яніи, какое Византія своимъ знаменитымъ Софійскимъ храмомъ оказала на новообращенную Русь въ XI вѣкѣ. Даже къ X в. легенда относитъ это вліяніе на чувство и воображеніе Владиміровыхъ пословъ, которые, изслѣдуя на мѣстѣ различныя вѣроисповѣданія, такъ разсказывали, возвратившись домой, о цареградскомъ Софійскомъ храмѣ: «придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укусить сладка, послѣди горести не пріимаетъ, тако и мы не имамы сдѣ быти» [1]).

Въ этой легендѣ во всей наивности высказывается непритворный восторгъ, возбужденный въ вѣрующихъ сердцахъ великолѣпіемъ цареградскаго храма. Чувство эстетическое такъ тѣсно связано тутъ съ религіознымъ умиленіемъ, какъ это можетъ быть въ самую раннюю эпоху христіянскаго просвѣщенія. Не одно подражаніе, но и внутренняя художественно-религіозная потребность была причиною сооруженія на Руси храмовъ во имя Софіи Премудрости. Если отвлеченная высокая идея о *божественной Премудрости*, которой посвященъ византійскій храмъ не вполнѣ ясна была простодушной Руси XI вѣка, по крайней мѣрѣ безотчетное эстетическое и религіозное чувство удовлетворялось подобіемъ или подражаніемъ тому высшему храмовому идеалу, который по легендѣ впервые возбудилъ, въ некрещеной еще Руси, высокую мысль о пребываніи самого Бога съ людьми во время молитвы.

Какъ бы то ни было, но надобно полагать, что сказанія о сооруженіи цареградской Софіи уже въ раннее время были внесены въ нашу литературу въ переводахъ съ греческаго, и въ подробномъ, и въ краткихъ извлеченіяхъ въ хронографахъ.

Самое интересное для нашихъ благочестивыхъ предковъ въ

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣтописей 1, 46.

этомъ сказаніи [1]) было повѣствованіе о чудесахъ, при которыхъ храмъ былъ созидаемъ. Особенное вниманіе заслуживали три чуда, внесенныя и въ хронографъ: 1) о золотѣ, 2) о трехъ оконцахъ, 3) о именованіи церкви отъ ангела божія. Изъ нихъ второе интересно для исторіи архитектуры алтарныхъ оконъ, а третье свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что въ Византіи былъ обычай употреблять въ клятвахъ священное имя Софіи, Премудрости Божіей.

Для исторіи художественныхъ преданій древней Руси особенно важно въ сказаніи о [illegible]софіи свидѣтельство, что въ этомъ храмѣ было 365 [illegible]о придѣлу на каждый день въ году и каждый придѣ[illegible] святаго, котораго память празднуется въ то[illegible]ь образомъ, придѣлы св. Софіи всѣ вмѣстѣ взяты[illegible]акъ бы архитектурный и живописный мѣсяцосло[illegible]ответствовали любимому чтенію, которое древне[illegible]яне находили въ прологахъ, расположенныхъ [illegible]и по днямъ и содержащихъ въ себѣ житія свя[illegible]и назидательныя повѣсти.

Такимъ образомъ, с[illegible]Слово Божіе, т. е. какъ священное и церковное [illegible]мала въ своихъ стѣнахъ всю церковную святыню и [illegible]нскія преданія, приведенныя въ систему мѣсяцослова. Въ послѣдствіи, когда у насъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, стали появляться иконописныя руководства подъ именемъ подлинниковъ, свидѣтельство о 365 придѣлахъ цареградской Софіи было положено въ основу подлинника, расположеннаго тоже по мѣсяцослову.

Отъ сказанія о св. Софіи перейдемъ къ самому храму.

Церковь св. Софіи въ Константинополѣ, въ теченіи тысячелѣтія составлявшая гордость восточныхъ христіанъ, есть

[1]) Мы печатаемъ его по списку Синодальной Библіотеки, XVI в., N 792.

величайшее изъ произведеній византійскаго искусства. Первое основаніе ея приписываютъ императору Константину Великому: говорятъ, что въ двадцатомъ году своего правленія (въ 326 г. по Р. Х.) онъ въ новопзбранной столицѣ своей Имперіи основалъ базилику и посвятилъ ее Божественной Премудрости — τῇ ἁγίᾳ σοφίᾳ. Вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, (по однимъ землетрясенія, по другимъ, вслѣдствіе малой величины церкви, несоотвѣтствовавшей болѣе возраставшему народонаселенію Византіи),сынъ Константина Великаго, императоръ Констанцій, увеличилъ и частью снова выстроилъ ее и въ 360 году съ большою торжественностью освятилъ свою великолѣпную постройку. Но и въ этомъ новомъ видѣ церковь св. Софіи вскорѣ подверглась новымъ бѣдствіямъ: въ 404 году, въ возстаніи, происшедшемъ по случаю ссылки патріарха св. Іоанна Златоуста при императорѣ Аркадіѣ, восточная часть церкви сильно потерпѣла отъ пожара, произведеннаго аріанами. Во времена малолѣтства императора Ѳеодосія Младшаго она, по видимому, снова горѣла, потому что въ 415 году Ѳеодосій реставрировалъ ее. Въ этомъ видѣ существовала она до губительнаго пожара происшедшаго въ январѣ 532 года, во время борьбы партій цирка, въ которой погибли тридцать пять тысячъ человѣкъ, сгорѣло полъ-города и вмѣстѣ съ нимъ и Константиномъ основанный храмъ св. Софіи.

Это древнѣйшее зданіе, судя по извѣстіямъ писателей, была базилика, имѣвшая продолговатый планъ, крытая деревянною крышею, что и объясняетъ частые пожары, постигавшіе это зданіе. Поэтому, когда, тотчасъ послѣ послѣдняго бѣдствія, императоръ Юстиніанъ вознамѣрился въ наискорѣйшій срокъ на мѣстѣ древней базилики создать новый, «*великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ, построенныхъ со времени сотворенія міра*», онъ предложилъ архитекторамъ, чтобы новое зданіе, наивозможнѣйшимъ образомъ было обезопасено отъ огня. Консеквентно проведенная имъ система куполовъ предохранила ихъ произведеніе до нынѣшняго дня отъ пожаровъ, столь еще частыхъ и гибельныхъ и нынѣ въ Константинополѣ.

Юстиніанъ былъ человѣкъ, умѣвшій не только задумать великое предпріятіе, но и найдти средства для его осуществленія. Еще до построенія новой церкви св. Софіи, онъ призвалъ къ себѣ на службу величайшаго изъ современныхъ архитекторовъ Антемія, уроженца города Траллесъ (въ Малой Азіи); ему-то поручилъ онъ сочинить планъ новой церкви и спустя 40 дней послѣ пожара, 23 февраля, былъ заложенъ первый камень этого зданія.

Что Антемій былъ не только геніальный, но и свѣдующій въ математическихъ наукахъ человѣкъ, это доказываетъ необыкновенная смѣлость его постройки. Ему приписывали различныя изобрѣтенія, и византійскіе историки разсказываютъ разные анекдоты, доказывающіе его глубокія, по тогдашнему времени, познанія въ механикѣ и физикѣ. Не менѣе славенъ былъ его сотрудникъ Исидоръ изъ Милета. Замѣчательно, что оба строителя св. Софіи были уроженцы Малой Азіи, страны, издревле славившейся своими колоссальными постройками. Самъ императоръ принималъ наидѣятельнѣйшее участіе въ сооруженіи храма. Начальники провинцій византійской имперіи получили повелѣніе вездѣ тщательно отыскивать драгоцѣнные мраморы, колонны и различнаго рода скульптуру, которая могла быть пригодна для новаго зданія. Тогда были обобраны древніе языческіе храмы Малой Азіи и Греціи и со всѣхъ сторонъ стекались матеріалы, украшавшіе нѣкогда античные портики и термы. Одна римская знатная дама, Марція, послала на плотахъ Юстиніану восемь колоннъ, украшавшихъ храмъ Солнца въ Баальбекѣ, построенный Авреліаномъ. Константинъ, преторъ города Эфеса, въ Малой Азіи, послалъ къ нему восемь другихъ колоннъ изъ зеленаго мрамора, съ черными пятнами, которые, вѣроятно, были взяты отъ знаменитаго храма Діаны Эфесской. Доходы обширнаго государства, какими Юстиніанъ могъ произвольно располагать, были обращены на построеніе св. Софіи; сверхъ того наложены были новыя подати для покрытія огромныхъ издержекъ на построеніе. Юстиніанъ, для этой постройки, приказалъ расплавить даже свинцовыя трубы городскихъ фонтановъ и замѣ-

нить ихъ глиняными. Со всѣхъ сторонъ стекались рабочіе; впрочемъ число ихъ позднѣйшіе византійскіе писатели сильно преувеличиваютъ: они говорятъ, что подъ начальствомъ каждаго архитектора находилось сто мастеровъ каменьщиковъ, и каждый изъ послѣднихъ начальствовалъ надъ сотнею рабочихъ. Такимъ образомъ работали на правой сторонѣ церкви пять тысячь человѣкъ и столько же на лѣвой.

Но и лично принималъ Юстиніанъ самое дѣятельное участіе въ построеніи св. Софіи. Чтобы придать рабочимъ энергію и похвалою или порицаніямъ споспѣшествовать успѣшному ходу работъ, онъ почти ежедневно посѣщалъ постройку: такъ какъ церковь св. Софіи находилась недалеко отъ императорскаго дворца, то Юстиніанъ приказалъ соединить его съ строющеюся церковью посредствомъ галлереи, позволявшей ему, во всякое, хотя бы непастное время, появляться невидимо отъ народа, на постройкѣ и наблюдать за производствомъ работъ. Взирая на построеніе церкви св. Софіи, какъ на дѣло предпринятое бреннымъ человѣкомъ для прославленія Всемогущаго, онъ, исполненный смиренія, являлся на постройкахъ въ худой и простой льняной тунікѣ съ покрытою главою и съ посохомъ въ рукахъ. Лично награждалъ онъ самыхъ ревностныхъ. Позднѣйшія легенды приписываютъ ему даже часть славы въ сооруженіи этой церкви: разсказывали, будто ангелъ, низлетавшій съ неба, открылъ ему многія изъ архитектурныхъ формъ, употребленныхъ при построеніи храма, будто во время сна нисходило на него рѣшеніе проблеммъ, тщетно искомыхъ строителями.

Юстиніанъ лично, съ большою торжественностію, положилъ первый камень, и патріархъ константинопольскій возсылалъ къ небу молитвы, дабы Господь излилъ свое благословеніе на этотъ огромный трудъ. Зданіе заложено было необыкновенно прочно. Стѣны его были возведены изъ кирпича, а массивныя столбы, на которыхъ долженъ былъ покоиться гигантскій куполъ, изъ огромныхъ известковыхъ бло-

ковъ. Когда слѣдовало приступить къ построенію купола, Юстиніанъ послалъ на Родосъ троихъ изъ преданныхъ ему лицъ — Троила, Василія и Колоквинта для наблюденія надъ изготовленіемъ кирпичей, назначенныхъ для купола.

Внутреннее изукрашеніе церкви св. Софіи отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ: стѣны ея были покрыты драгоцѣнными мраморами, живописью и мозаикою на золотомъ полѣ; капители и карнизы вызолочены, куполъ горѣлъ въ золотѣ. Священны[illegible]елябры, числомъ болѣе шести тысячъ, и крест[illegible]ю частію всѣ изъ массивнаго золота; двадц[illegible]ьшія евангелія блистали драгоцѣнными украше[illegible]ьшимъ же богатствомъ матеріала отличались [illegible]ъ, весьма обширный и сѣдалища для духовенст[illegible]еутомимой энергіи Юстиніана, по истеченіи 5 [illegible]цевъ и 10 дней со времени большаго пожара[illegible]даніе, со всѣмъ внутреннимъ своимъ убранст[illegible]риведено къ окончанію. Торжественное освящ[illegible] послѣдовало 26 Декабря 537 года: императоръ [illegible]ѣ, запряженной четырьмя конями, отправился сперва на ипподромъ, гдѣ были убиты 1000 быковъ, 10,000 овецъ, 600 оленей, 1000 свиней, 10,000 куръ и 10,000 цыплятъ; и все это вмѣстѣ съ 30,000 мѣръ хлѣба было роздано народу. Потомъ, въ сопровожденіи патріарха, Юстиніанъ направилъ стопы свои къ храму св. Софіи. Когда двери отверзлись, онъ взошелъ на амвонъ и, исполненный удивленія къ собственному произведенію, воскликнулъ: Слава Всемогущему, который счелъ меня достойнымъ совершить это великое дѣло! Я побѣдилъ тебя, Соломонъ! [1]) (νενίκηκα σε, Ζαλομῶν). Церковь была освящена и послѣ церемоніи освященія одинъ изъ военачальниковъ разсыпалъ по

---

[1]) Т. е. какъ строителя знаменитаго Іерусалимскаго храма.

полу три центнера золота, которые подобраны были народомъ. Молитвы, общественныя торжества и раздача денегъ продолжались двѣ недѣли.

Но Юстиніанъ, желавшій предупредить возможность разрушенія церкви св. Софіи посредствомъ огня, введеніемъ новой архитектурной формы въ новыхъ размѣрахъ, не предчувствовалъ, что другое бѣдствіе, столь частое въ южной Европѣ, еще при его жизни будетъ весьма гибельнымъ для великолѣпнаго его созданія. Двадцать два года послѣ освященія церкви, вслѣдствіе сильнаго и продолжительнаго землетрясенія, восточная часть купола рушилась и въ паденіи своемъ раздробила трапезу съ балдахиномъ и амвонъ. Юстиніанъ тотчасъ приступилъ къ реставраціи церкви: нѣкоторыя части зданія были укрѣплены, куполъ поднятъ на 25 ф. выше, возобновлено внутреннее великолѣпіе храма и пять лѣтъ спустя послѣ этого несчастнаго событія церковь св. Софіи была снова освящена 24 Декабря 563 года.

Съ тѣхъ поръ, несмотря на частыя землетрясенія и другія бѣдствія, постигавшія Константинополь, церковь св. Софіи мало измѣнила свой видъ, данный ей въ послѣдній разъ императоромъ Юстиніаномъ, хотъ она и подвергалась разнымъ реставраціямъ въ IX, X и XIV столѣтіяхъ. Большей части своего внутренняго великолѣпнаго убранства лишилась она въ 1204 году, вслѣдствіе грабежа при взятіи Константинополя латинскими крестоносцами. Но величайшее бѣдствіе постигло церковь св. Софіи въ 1453 году: 29 мая Турки окончательно овладѣли столицею византійской имперіи. Магометъ II (такъ разсказываетъ историкъ Оттоманской имперіи Гаммеръ) въ полдень получивъ извѣстіе, что весь городъ находится во власти побѣдителей, въ сопровожденіи визирей и гвардіи въѣхалъ въ Константинополь и направился прямо къ церкви св. Софіи. Онъ сошелъ съ лошади и пѣшкомъ вступилъ въ церковь. Съ удивленіемъ взиралъ онъ на ея великолѣпныя колонны и чѣмъ выше

къ куполу подымались его взоры, тѣмъ болѣе росло его удивленіе. Потомъ онъ повелѣлъ одному изъ муеззиновъ призвать правовѣрныхъ къ молитвѣ и самъ совершилъ ее близь святой трапезы. Этимъ поступкомъ церковь св. Софіи была осквернена для христіанъ и освящена для послѣдователей Магомета и съ той поры раздается въ ней монотонный призывъ муеззина. Аллахъ иншъ Аллахъ!

Это трагическое с[illegible]ториками въ послѣдствіи украшено разными пр[illegible]и разсказывали, что Магометъ въ церковь [illegible]алъ верхомъ на конѣ и даже съ лошадью вскоч[illegible]. Гораздо трогательнѣе слѣдующая легенда: ко[illegible]въѣхалъ въ св. Софію, то искавшіе здѣсь убѣж[illegible]молились и священникъ, окруженный дьяконами [illegible]ценно-служителями, служилъ обѣдню. Толпа, п[illegible]сомъ, съ шумомъ разбѣжалась во всѣ стороны: [illegible]окинулъ алтарь и бѣжалъ изъ церкви въ дверь, находившуяся въ одной изъ галлерей. Но едва вышелъ служитель Божій, какъ дверь вдругъ скрылась подъ каменною стѣною. Когда христіане снова овладѣютъ Константинополемъ, говоритъ легенда, то эта дверь сама собою отворится и священникъ выйдетъ изъ нея и окончитъ литургію.

Впрочемъ Турки сдѣлали мало измѣненій въ церкви св. Софіи и эти измѣненія касаются преимущественно ея внѣшности, которыя пристройкою минаретовъ, уничтоженіемъ или передѣлкою разныхъ побочныхъ зданій и прибавленіемъ неуклюжихъ и безобразно-массивныхъ контрфорсовъ получила совершенно иной видъ, который не находится ни въ какомъ отношеніи съ красотою внутренности этого зданія. Во внутренности были совершенно удалены бема, солея и амвонъ со всѣми ихъ богатыми украшеніями; мозаики забѣлены и на мѣстѣ ихъ написаны изрѣченія изъ корана. Магометанскій культъ потребовалъ только устройства ниши, именуемой миробъ, въ которой сохраняется коранъ, минбара (каѳедры), макриля (не высокій тер-

расы) и особой ложи для султана. Въ обширныхъ пространствахъ св. Софіи не трудно было найдти мѣсто для этихъ потребностей мусульманской мечети. Само собою разумѣется, что церковь св. Софіи лишилась всѣхъ своихъ сокровищъ и украшеній: огромныя ковры покрываютъ ея прекрасный мраморный полъ и даже кусочки отпадающихъ мозаикъ продаются мусульманами любопытнымъ европейскимъ путешественникамъ.

Неудивительно, если этотъ храмъ, столь важный для византійской исторіи, (потому что въ немъ происходили главнѣйшіе акты государственной жизни византійской имперіи, какъ напр. короноваціе, бракосочетаніе и другія торжества императоровъ) со времени основанія своего обратилъ на себя вниманіе различныхъ писателей, изъ которыхъ многіе передали намъ весьма любопытныя подробности объ исторіи его построенія, а другіе описали его въ малѣйшихъ подробностяхъ. Между византійскими писателями преимущественно трое, какъ современники построенія св. Софіи при Юстиніанѣ, заслуживаютъ довѣрія: это — Прокопій, Павелъ Силентіарій и Агатіасъ (Agathias). Прокопій, посвятившій постройкамъ Юстиніана цѣлое сочиненіе, въ которомъ по обычной лести того времени онъ приписываетъ этому императору множество зданій, построенныхъ только въ его время, а не имъ самимъ, въ описаніи св. Софіи кратокъ и кромѣ того тяжелъ и напыщенъ. Вѣроятно это древнѣйшее ея описаніе, изданное до 558 года, было уже извѣстно второму описателю этого храма, Павлу Силентіарію, одному изъ важнѣйшихъ сановниковъ при дворѣ, знаменитому и родомъ и богатствомъ своимъ, который въ то же время былъ одинъ изъ ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, занимался древнею греческою литературою и самъ въ стихахъ подражалъ древнимъ писателямъ. Онъ оставилъ намъ стихотворное описаніе св. Софіи и амвона, въ ней находившагося, читанное имъ въ присутствіи самаго Юстиніана и его двора въ императорскомъ дворцѣ. Цѣль этого стихотворенія есть прославленіе какъ самаго зданія, такъ и его строителя и вмѣстѣ реставратора. Въ этой

поэмѣ есть много интересныхъ подробностей, преимущественно о внутреннемъ изукрашеніи церкви, теперь уже не существующемъ.

Историкъ Агатіасъ сообщаетъ только нѣкоторыя свѣдѣнія о реставраціи купола, произведенной Юстиніаномъ и объ удивительныхъ познаніяхъ архитектора Антемія. Позднѣйшіе византійскіе писатели, и именно анонимъ, изданный Бандури, сообщаетъ о событіяхъ, до ихъ времени, столько важныхъ свѣдѣній, кимъ разсказамъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они съ разсказами вышеназванныхъ писателей, ни ъ довѣрять.

Весьма любопытно Софіи въ послѣднія времена Византійской имп въ дневникѣ путешествія Исландца Рюи Гонзале ославнаго Генрихомъ III, королемъ Кастиліи и ольствомъ къ Тамерлану. Клавихо былъ въ К ъ въ 1403 году. О состояніи церкви св. Софіи ецкаго владычества говорятъ два путешественника—Гиллусъ и Грело, видѣвшіе ее въ XVII вѣкѣ. Одно изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ пособій для изученія исторіи этой церкви есть отдѣлъ, посвященный ей въ описаніи Константинополя, изданномъ въ 1680 необыкновенно ученымъ и трудолюбивымъ французскимъ писателемъ Дюканжемъ. Этотъ ученый, обладавшій огромною начитанностію въ византійской литературѣ, которую въ настоящее время едва ли гдѣ бы то ни было встрѣтишь въ ученомъ мірѣ, собралъ въ третьей книгѣ Описанія Константинополя изъ византійскихъ писателей всѣ мѣста, относящіяся къ этому храму и подвергъ ихъ критической оцѣнкѣ.

Въ новѣйшее время церковь св. Софіи много пострадала отъ небрежнаго надсмотра лицъ, которымъ былъ порученъ этотъ храмъ. Софты до того мало заботились о сохранности драгоцѣннѣйшаго памятника византійскаго искусства,

что даже неопытные предвидѣли быстрое его разрушеніе, если не будутъ предприняты сильныя мѣры для энергической реставраціи. Вслѣдствіе повелѣнія султана Абдулъ-Медшида эта реставрація поручена была въ 1847 году итальянскому архитектору Фоссати, который исполнилъ возложенное на него порученіе съ большимъ знаніемъ дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ реставрація церкви св. Софіи представляла весьма удобный случай для всесторонняго изученія этого памятника и этимъ-то случаемъ рѣшился воспользоваться нынѣшній прусскій король, просвѣщенный любитель древне-христіанскаго искусства. По его повелѣнію это изслѣдованіе было поручено архитектору В. Зальценбергу: помосты, наполнявшіе и окружавшіе все зданіе, дозволяли ему изслѣдовать его во всѣхъ частяхъ наиточнѣйшимъ образомъ и такъ какъ въ это же самое время перестроивались въ Константинополѣ двѣ другія византійскія церкви, превращенныя въ мечети, то Зальценбергъ воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ для изученія и другихъ нынѣ еще существующихъ остатковъ древне-христіанской архитектуры въ бывшей столицѣ Восточной имперіи. Результатъ его изслѣдованія появился въ свѣтъ въ великолѣпномъ изданіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: Altchristiche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert. Von W. Salzenberg. Berlin 1854 in fol. Впервые въ текстѣ этого изданія, кромѣ историческихъ свѣдѣній, мы встрѣчаемъ сдѣланное отличнымъ и ученымъ спеціалистомъ подробное описаніе св. Софіи и художественную характеристику этого зданія. Весьма любопытное приложеніе къ тексту составляетъ переводъ на нѣмецкій языкъ стихотворнаго произведенія Павла Силентіарія, которое дастъ намъ полное понятіе о богатомъ внутреннемъ изукрашеніи этого храма. Въ велико-

лѣпномъ атласѣ этого изданія, состоящемъ изъ 39 рисунковъ, превосходно или гравированныхъ или литохромированныхъ, рисунки VI—XXXII посвящены церкви св. Софіи: всѣ архитектурные чертежи сдѣланы по точнымъ измѣреніямъ и изображаютъ это зданіе какъ въ планѣ, такъ во всѣхъ разрѣзахъ и деталяхъ. Впервые получаемъ мы въ нихъ самое полное и достовѣрное представленіе объ архитектурной композиціи этого зданія и отчасти и о системѣ его изукрашенія. Въ особенности драгоцѣнны весьма точные снимки съ мозаичныхъ картинъ, нынѣ, послѣ реставраціи ихъ, вслѣдствіе мусульманскихъ законовъ, снова скрытыхъ отъ любопытныхъ взоровъ христіанъ. Впрочемъ должно замѣтить, что многія изъ важнѣйшихъ картинъ, во время прибытія Зальценберга въ Константинополь, были реставраторами уже снова забѣлены, такъ что ему не удалось ихъ издать въ своемъ сочиненіи. Тѣмъ не менѣе намъ положительно извѣстно, что всѣ мозаики св. Софіи во времена реставраціи, произведенной г. Фоссати, были фотографированы и срисованы другими художниками и нынѣ гравируются въ Дармштадтѣ, такъ что можно надѣяться на скорое изданіе этихъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи византійской живописи.

Самъ реставраторъ церкви св. Софіи архитекторъ Фоссати издалъ въ 1852 г. прекрасный альбомъ подъ заглавіемъ: Aya Sophia Constantinople, as recently restored by order of H. M. the Sultan Abdul Medjid. From the original drawings by Chevalier Gaspard Fossati, litographed by Lovis Haghe. London. Это есть собраніе живописныхъ видовъ внѣшности и внутренности св. Софіи, дающее весьма живую идею о живописномъ впечатлѣніи, производимомъ этимъ храмомъ и въ этомъ от-

ношеніи оно составляетъ пріятное дополненіе къ серьезному труду Зальценберга. Самобытнаго же научнаго достоинства оно не имѣетъ.

К. Герцъ. Ѳ. Буслаевъ.

лѣпномъ атласѣ этого изданія, состоящемъ изъ 39 рисунковъ, превосходно или гравированныхъ или литохромированныхъ, рисунки VI—XXXII посвящены церкви св. Софіи: всѣ архитектурные чертежи сдѣланы по точнымъ измѣреніямъ и изображаютъ это зданіе какъ въ планѣ, такъ во всѣхъ разрѣзахъ и деталяхъ. Впервые получаемъ мы въ нихъ самое полное и достовѣрное представленіе объ архитектурной композиціи этого зданія и отчасти и о системѣ его изукрашенія. Въ особенности драгоцѣнны[illegible]е снимки съ мозаичныхъ картинъ, нынѣ, послѣ[illegible]ихъ, вслѣдствіе мусульманскихъ законовъ, сп[illegible]тъ любопытныхъ взоровъ христіанъ. Впрочемъ д[illegible], что многія изъ важнѣйшихъ картинъ, во вр[illegible]Зальценберга въ Константинополь, были ре[illegible]же снова забѣлены, такъ что ему не удалось ихъ[illegible]емъ сочиненіи. Тѣмъ не менѣе намъ положите[illegible], что всѣ мозаики св. Софіи во времена рест[illegible]денной г. Фоссати, были фотографированы и срис[illegible]художниками и нынѣ гравируются въ Дармштадтѣ, такъ что можно надѣяться на скорое изданіе этихъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи византійской живописи.

Самъ реставраторъ церкви св. Софіи архитекторъ Фоссати издалъ въ 1852 г. прекрасный альбомъ подъ заглавіемъ: Aya Sophia Constantinople, as recently restored by order of H. M. the Sultan Abdul Medjid. From the original drawings by Chevalier Gaspard Fossati, litographed by Lovis Haghe. London. Это есть собраніе живописныхъ видовъ внѣшности и внутренности св. Софіи, дающее весьма живую идею о живописномъ впечатлѣніи, производимомъ этимъ храмомъ и въ этомъ от-

ношеніи оно составляетъ пріятное дополненіе къ серьезному труду Зальценберга. Самобытнаго же научнаго достоинства оно не имѣетъ.

К. Герцъ. Ѳ. Буслаевъ.

Сказаніе ѿ созданіи великіа бжіа црькви стыа софіа. иже есть в костантине градѣ. юже созда. блговѣрный црь. иоустіанъ. в лѣто ҂ѕ. ні. ста на црьство и бы все цртва е. лѣт. лд.

—

Бсть сзданіе в костантинѣ градѣ, стыа бжіа великіа црькви, зовемыа стыа софѣа. прьвее возвиже ю великіи црь костантинъ похлоупо подовно [1] стго агадоника [2], и скочавъ постави. и иные многіе црькви, до лѣта деѡдосіа велика. Бы вторый сзборъ в костантинѣ градѣ. в лѣ. ҂е. ѡ. пг, взоустивше во ареліе. попалиша покро стыа софѣа не-ктарей патріархъ. сѣдаше во стѣи иринии вцьсей, [5]) ю сзда костан-тинъ црь. миноуста двѣ лѣта стоаше непокровенна: Црь же деѡдосіи повелѣ роуминиану магистроу да покрыеть ю мраморо; по. лв. лѣто деѡдосіа црѧ. и по костантине цри за .і. лѣтъ. и по извіенiи на подроумiи. ҂а. н. х. [4]) моу. И вдωхноу бгъ в оу. блгочтвомоу црю. иоу-стіаноу создати црквъ стыа, такова не бы содѣланна ѿ адама; Црь же иоустіанъ напи стратиго свои, и началнико и соудіамъ. на всѣ странах дани сбирати по оуроко, ѿ всякіа страны. всточныа, и западныа, и полоудньныа, и полоуноцныа. сбравше дани послаша къ црви. ѿ всѣх ѿстроⷨ, и, бы даніи, бгатество велiе. ꙗко бы злата. х кентарей. а сребра. ҂к. кентарей. а едина [5]) имѣ рк. литръ. Повелѣ црь испытати всюдоу. да како ѡбращоуть црквныа стопы. и постолпіа на-столпіаже [6]). и преграды дверныа, и аспиды и мраморы, и прочаа [7]) досто-

9

итъ црькви и вся повелѣнная ѿ цря обрѣтоша, ѿ ветхыхъ идолскыхъ црьквей. и ѿ ветхыхъ бань и домовъ. и се нѣкая жена имене марекія.[8] да дары .и. стопъ к зеленыхъ досточюдны, ѿ рима създанны ѿ аверкіана цря. и пиеца іоустіана, и лоута. и ноутаря, привезоша столпы к црькви иныхъ же столповъ .и. чюдны привезе зеленыхъ ѿ ефеса. константи стратигъ, и здѣланы вся равны.[9] и в мѣроу. прочая столпы овы ѿ кизика. овы ѿ троады. и иныя ѿ островъ окроужныхъ. цри и кнзи присылаша. такоже и прочая оугодія же подобна црькви, и прочая вещи вся си събраша, въ з. лѣ. въ .кі. лѣ оустіанова црьства. пренаре́нноую црькъ ѿ великаго цря костантина зданноую ѿ основы разори. и вещи[10] еа прно положи, и и[11] потребы имѣяше а. зане многоу и вещиленоу вещь оустроити емоу, изряднее, нать искоупобати домы вли тоу соущая; **Коупленіе. прьвое.** Первое оубо вдовица нѣкая имене, анна. домъ ея исцыненъ вѣ. на. .п. литръ злата. и посылаше к ней црь велможи своя, моля ѿ домоу ея. и ничто оуспѣвахоу. но и сам црь ше моли ю. ѿ цѣнѣ домоу ея. она гла ко црю. не хощоу цѣны прияти на домоу своемъ. но и хощеши здати црьквь бжію да погребенна боудоу вли домоу мое, да имамъ и а мздоу въ днь соудныи. и обѣща црь ей погрести ю тоу и по совершеніи црькви поминати ю. есть же мѣсто домоу ея. сосоудохранителница вся.

Коупленіе. в. е. Нѣкто, астеріи каженикъ, и тоуто вѣяше до его. и скорбящоу астерію зѣло. не хотяше продати домоу своего. црь вѣяше ирвнъ не хотяше преобидѣти никого. и скорбяше црь печалоуя ѿ домоу что сътворити, стратигже магистръ црьва имѣнія хранитель. обѣща црви оустроити се нѣкоею кознью. астерій любимъ сы подроумію. конномоу оуристанію ѿ срца, магистръ затвори и, астерія к темници. Бысть днь оуристанія конняго. на астеріи каженикъ звати в темницы гля, изведѣте мя да вижоу оуристаніе конное. и створю волю црвоу, и изведоша астерія ис темници на мѣсто сѣдалищоу. идѣже покланяхоуся црви. и тоу створи проданіе домоу своемоу, на .лн. литръ злата, есть же мѣсто домоу его олтарь весь. и мѣсто амвоное до средѣ

[ц]ркви. и къ ѡлтаре клада стый еже есть ѳрда. и написавши тоу. къ
[в]естероу [12]); и все соунклито. пре искоушенія конь. оуставь же въ ветхіи.
внегда исхожаше црь на сѣдалище, авіе течахоу споузиіи коніи. имиже
тогда празновахоу на проповѣданіе кажника и до се дніи, тихо исхо-
дать споузніи колесници конь.

Коупленіе. трее. Деснаа страна женская. до столпа стго васиа бы же
нѣкто. генентъ. хитръ чякъ. и хотя прода до свой. проси оу цря [13])
токмо цѣны на домоу своемъ. но да [14]) выклюіщи коние оуристаніе почтѣ
воудѣ и покланяе воудѣ ѿ четырех [illegible] а [15]). Црви же повелѣв-
шоу на смѣ быти семоу, и въ [illegible] раго оуристанія коннаго
сидѣти емоу средѣ преграды. и [illegible] задоу его на смѣ. пре
восхожения и [16]) на колесницы. се [illegible] блгочтваго багрянороднаго
се бо в то мѣсто покланяти [illegible] тьныя иконы блкы Ха Ба
нщего. и рождьшоую его чти [illegible] и стго пррка и пртчю
иоана. ѡблачашеся долѣ. тако [illegible] ла во ѡбра кажника. в ри-
зоу белоу исткавноу ѡчервленоу [illegible] сподних нарицаше. и напи-
саша до его. [illegible] до столпа стго васиа вѣаше

Коупленіе .д. Лѣваа страна ѡбыш[е] до столпа стго васиа вѣаше
до харитона кажника. тезоименитна, гоусіи продающе, и продаше до
свой съ блгодареніе. на .л. литръ злата. и написаша домъ его.

Коупленіе. пятое. Долняя часть цркьви .д. притворы. и ваиа, о-
крть их, тоу біаше до даміанокъ [17]) патрикіа селевкійскаго. и продалъ
бы до его на .д. деся литръ злата, и пріимъ ценоу его съ многою
радостию да црквн. ѡлтаряже. и долняя страны [18]) ѡснова тоу, ѡколо
ѡснованіе [19]) великаго ветха. ѿ комаръ и до гнѣздна притвора, и напи-
саша до его. Пре ѡснованія црковнаго иноу црквь малоу сътвори прекра-
сноу кроуглоу злато покровенноу во имя стаго іоанна кртля. нари-
цаше [20]) крщеніе, ю постави бли внѣшнаго [21]) часовника нарицаемое крщені
[illegible] емоу [22]) з боляры своими многажды и ѡвѣдати тоу цре
[illegible] размѣривъ мѣсто. и

подобенъ есть ѻномоу кажникоу, ꙗко бы в бѣла ризаⷯ. и ѿ ѻбличенїа єго ꙗко ѻгню исходити. и разоумѣ црь ꙗко аггл бжїи бѣ, и прославиⷡ бга. и радоваше радостїю неизреченною, ꙗко блгоизволи бъ на дѣло єго. и паче ꙗко оубѣда црквное нареченїе, є есть стѣи софѣи слово бжїє. понеⷤ бо не имѣ прьвеѣ нареченїа црквн. и троу бѣ ємоу и печаль ѡ црковнѣм нареченїи. Црь бѣ [41]) юустїанъ в себѣ помысли, [42]) ꙗко к томоу не воратити ѻтрока на зданїе, ꙗко да хранит црквь аггла гнь и до скончанїа всего мира по клатвѣ его еже сътвори.

Чюдо .в. ѡ недоставшеⷨ златѣ. Бысть на десней странѣ, идѣ инѣ чтнаа икона великаго бга и спса нашего іс ха, соутверди потигши зижоущи, на горнеи части стѣны и поставльши имѧ керухимы стоⷧ пы, и наныш здати комары и покрывши около. и бы црь прискорбенъ за ѡскоудѣнїе злата. зане [43]) имѣти съврьшенїа зданїю. бысть въ соубѡтный днь. стоꙗщоу црю горѣ на зданной стенѣ, [44]) и хотꙗщи возвигноути верхъ .въ. д. чаⷭ днїи ави црю моу кажникъ в бѣлаⷯ ризаⷯ, и гла ємоу что скорбиши вако. и гла ємоу црь. ꙗко неиманїа съврьшенїа зданїю. [45]) и реⷱ кажникъ заоутра скоро повели прїити ко мнѣ велможаⷨ своⷨ. и даⷨ ти злата єлико хощеши. заоутраже пришеⷣ кажникъ реⷱ црю, до комоу [46]) повелиши воспрїати злато. црь посла к нимъ магистра, и василїи да строителѧ, [47]) и феѡдосїа патрикїа, тезоименитна тыковника. и с ними прочиⷯ слоугъ и съ к. мскї и ісаїа [48]) поимъ кажникъ. ѻнде ѿ златыⷯ вратъ и пришедшиⷨ имъ на мѣсто триоулїе, ꙗвиша полаты новы зданые. и виндѡша с кажником к полаты, кажникъ же ѿверзе имъ полатоу єдиноу. и бысть полна злата и єдва ѿверзоша двери. и насыпаша кїнжо по ѡблогоⷨ, [49]) и прїимше злато и привезоша ко црю. кажникже ѡстаса в полатаⷯ, прїимъ црь злато испыта и, и бы злата .ргі. [50]) і оудивиса и реⷱ имъ на коемъ мѣсте бы. ѻнии возвестиша ємоу бывшее. и шеⷣ црь с привешими злато. на мѣсто трїноулїе и не ѡбретоша ни єдиноа полатыни храмины. и разоумѣ црь ꙗко аггл бжїи бѣ, и се даръ єго и прослави бга.

Чюдо третье ѡ треⷯ ѡконцаⷯ. Єгдаⷤ хотꙗше съврьшити стый ѡл-

црькви .тѣ҃і. имениты црькви. Црь же подвизаса ѿ срца къ бо҃у. к полѫдне бо не спаше по много тщаніе и прилежаніе имѣаше ѿ свѧтѣи црькви. ѩко приходити ѥмоу многажды и видѣти секоущаѧ каменъ, и древодѣлныа и вса дѣлающаа строителѧ. и бы же .т҃. и сиа зрѧ црь многотщаніемь. 35) вса имѣти повелѣваше, тѣ оубо и ѡпрочь мзы да. даше 36) имъ: в коюдо бо нлю единою, или два по взаникоу, или болѣ да. ваше н. ѡблачашежеса црь и са к тонкоу и бѣлоу понѥвоу. и оу. броу темень имѣаше на главѣ своей, и к роуцѣ своей имѣаше жезлъ. козбниже комары въсточныа … сѣверныа и южныа. и сіа покры ѩко поваленыа 37) ком… вноу 38) .и҃. сажень. и не бы сребреникъ принести ѿ пол… укотныи къ, чѧ г҃. повелѣ стражи дѣлателе все, и … црю на ѡбѣ, ѩже пререн. ныи игнатеи. црквы зиж… ѡстави сна своего ісаіа. .аі. лѣ соуща строщи зижитела … не зижаше на десвѣи странѣ.

Чюдо первое ѡ акле… дащоу ѡтрокоу на стѣнѣ, бы ѥмоу ѡтрокъ кажникъ к… у ѡдѣанъ, красенъ взоро. ѩко ѿ црвы полаты поущ… ікъ. ѥсли сноу игнаевоу, что ра не скончають дѣла бжіа зижсущеи. но ѡставльше дѣло ѡидоша ѡбѣдать ко црю, и гла ѥмоу ѡтрокъ ѩко господіе мои скоро пріидоу, и гла кажникъ. ни, но шѐ рці имъ. тщѫ бо ко исполненію дѣла, ѡтрокоу глющоу противъ ѩко не имамъ ѡставити сѧсоу. да не погибне что ѿ ни, и ре ѥмоу кажни. иди скоро и рці имъ, да пріидоу скорѣе. и а тако кленоутиса, тако ми сила солеа, ѥже есть слово бжіе, ннѣ зи. жемыа црквѣ и не ѡидоу ѿсюдоу. доньдеже возвратиши сѣмо, здѣ бо повелѣно ми е пребывати и хранити ѿ славы бжіа. Оже слышавъ ѡт. рокъ. иде ко ѿцоу своемоу, и к прочи дѣлателе, 39) ѡставивъ тоу англа гнѧ хранѧща зданіа, и повѣда ѿцоу своемоу. и все прочи, и въста ѿць и веде и ко црю оустіаноу. И слышавъ се црь ѿ отрока и съзва вса книжницы, 40) и ѡтрокы своа. и показа ѥмоу вса по единомоу гла, ѥгда есть ли се или нѣ. и ре ѡтро. ни единже есть ѿ си кажниковъ

подобенъ есть оному каженику, яко бы в бѣлах ризах. и от обличенія его яко огнію исходити. и разумѣ цръ яко ангелъ бжій бѣ, и прославив ба. и радовашеся радостію неизреченною, яко блгоизволи бъ на дѣло его. и паче яко оувѣда цркрное нареченіе, е есть стыи софіи слово бжіе. понеже бо не имѣше прьвеѣ нареченія цркви. и трое бѣ ему и печаль о црковнѣмъ нареченіи. Цръ бо[41]) іоустіанъ к себѣ помысли,[42]) яко к тому не возвратити отрока на зданіе, яко да хранитъ црквь ангелъ гнь и до скончанія всего мира по клятвѣ его еже сътвори.

Чюдо .в. о недоставшемъ златѣ. Бысть на десней странѣ, идѣ нынѣ чтная икона великаго ба и спса нашего іс ха, сутвердиша потягши движущи, на горней части стѣны и поставльши имъ верхнимъ столпы, и начаша здати комары и покрывши около. и бы цръ прискорбенъ за оскоудѣніе злата. зане[43]) имѣти съвръшенія зданію. бысть въ соубботный днь. стоящоу црю горѣ на зданной стенѣ,[44]) и хотящи воздвигноути верхъ .въ. д. часа днии яви црю моу каженикъ в бѣлах ризах, и гла ему что скорбиши вълко. и гла ему цръ. яко неимания съвръшенія зданію.[45]) и рече каженикъ заоутра скоро повели пріити ко мнѣ велможамъ своимъ. и дамъ ти злата елико хощеши. заутра же пришедъ каженикъ рече црю, до комоу[46]) повелиши воспріяти злато. цръ посла к нимъ магистра, и василія да строителя,[47]) и феодосія патрикія, тезоименитна тыковника. и с ними прочихъ слоугъ и съ к. мскі и ісліа[48]) поимъ каженикъ. оиде от златыхъ вратъ и пришедши имъ на мѣсто триоуліе, явиша полаты новы зданые. и внидоша с каженикомъ в полаты, каженикъ же отверзе имъ полатоу едииноу. и бысть полна злата и едва отверзоша двери. и насыпаша кіижо по облегоу,[49]) и пріимше злато и привезоша ко црю. каженикже остася в полатахъ, пріимъ цръ злато испыта и, и бы злата .ргі.[50]) і оудивися и рече имъ на коемъ мѣсте бы. они возвестиша ему бывшее. и шедъ цръ с пришедшими злато. на мѣсто тріноуліе и не обретоша ни единоа полатыни храмины. и разоумѣ цръ яко ангелъ бжій бѣ, и се даръ его и прослави ба.

Чюдо третье о треокониц. Вгда хотяше съвръшити стыи ол-

шленія бѣса [68]) на всякъ днь среребреники, и обрѣтахоуть а҃. се износаще, и вся тщахоу к возношенію его. Црквь создаша вы .҂г҃. моу҃. рекше тмок. яко пре реченно бысть. во ѕі. лѣ, и д҃. мцы. О амвонѣ. Амвонже ѿ камени сътвори. емоу имя, сардоникый. в настолпіи мѣстѣ. [69]) столпници [70]) сътвори вси златы и съ аспиды каменіе. и с хроусталы, и с самъанро. тако и верхъ амвонный сътвори зла з вісеро. и с свѣтлыми измарагды. верхоу его сътвори кртъ зла. имоущъ .р҃. литръ имоуще [71]) висеры великия. к настолпна мѣсто постави златы [72]). Оусты кладяза стго принесено бысть из самаріа. того ради именоуется такъ. [73]) зане гдь нашъ іс хсъ к самаряныни бесѣдова, и четыре трубы ѿ ерихона принесены быша, ѧ есть во ѡбра троубъ, ѧ дръжахоу тога англи. егда падоша стѣны ерихоноу. Чтный кртъ, иже стои нне к сосоудохранителницы. е есть мѣра возраста га нашего іс ха, яко извѣсто измѣренъ вы ѿ вѣрны члкъ и во ієрлмѣ. и сего ра ѡбложи сребро чты и злато, и каменіемъ многоцѣнны. то бо кртъ и до днешня дне. недоугы различны исцѣляе, и бѣсы ѿ члкъ прогоняеть. Црь же іоустиянъ во всяко столпѣ долѣ и горѣ честьныя мощи сты вложи, сотвори и съсоуды .в҃. празникоу златыи [74]), сщнными многоразличными ѡбразы. и пяки ѿ еуалїи. сщенныя роукомоя, и горлицы [75]) комканица, блюда вся злата, с каменіемъ драгы. и с жемъчюго число, ҂а҃. индитїа [76]) злата с каменіемъ драгы. .т҃. венець .р҃. да боуде к кіиждо празникъ различіи. сътворижe платы комкалныя ҂а҃. вся златы с жемчюго, и с каменіе многоцѣнны. еуаліи .т҃. по двѣма кентарима златы. и кадилницы .лѕ҃. вся златы с каменіемъ, по единои кентарїи и свѣтилникъ .т҃. имоуще, вся по .м҃. литръ грезно, и паникандия амвонны и ѡлтарни (sic) съ двѣма женскима. ҂ѕ҃. и съ притворы, Оустави приложеніе .тѯе҃. ѿ египта. и ѿ киндіа, [77]) и ѿ востока [78]), и запада. и сія събра потребоу црки. такобы празникъ оустави взимати масла древяного. ҂а҃. корчагъ. вина. т҃. корчагъ. хлѣбо. ҂л҃. постави клирикъ. ҂а҃. единоу ѿ чтитель до последни пѣвець. р҃. раздѣляющи на .в҃. нли, дасть же клиросу школная келія по чиноу ихъ.

вся вторыи и третїи с первыми. и сторонныя и ѡкртъ .д. притворы[57]) вся позлати покровы мосты црквныя оукраси, ралличными многоѡбразными мраморы. ѡкроужныя оукраси бѣлыми и велнкими многоцѣнными мраморы. Стыиже ѡлтарь бе и столпы вся и преграды, и двери[58]) вся ѿ сребра чта. соущїя въ ѡлтарѣ .г. трапезы .и. з. степенеи чистителскы коупно стльскыми, и съ многоцѣнными престолми съ .д. ми столпы теремеческими. и теремиць иже на престоло и иные многїе вещи сътвори ѿ сребра чта позлащенна в толщоу многоу теремець же различны зиженїемъ оукраси. верхоуже его постави ꙗблоко все злато. имоущи мѣроу не кентарїи и кри зла. имѹщи мѣроу .в. кентарїи. и верхоу его кртъ златъ. имоуще мѣроу .б. литръ и оукрасї и каменїемъ драгимъ.

Ѡ стѣи трапезѣ. Стоуже трапезоу прчтнѣ сътвори. и чтнѣишоу ѿ всего злата и сребра. и каменїя многоцѣннаго. помысли таково помышленїе сътворити. съвокоупи всякѹ вещь земноую, ѿ златаже и сребра, и каменїя многоцѣнния. и бисерїя, мѣдиже и проуда ѡлова и желѣза. и ѿ всѣ вещеи земны и вложи в горнило разженно. и смате а[59]) и егда смѣсиша подобно ѡвое, излия трапезоу во ѡбра. егда истыдѣ[60]) ссѣче ю и постави ю недомысленноу. и неподобноу коего ѡвои зракъ съвершахоуть,[61]) немот во оу члчь разоумѣти или разсмотрити доброты ея. занеже ѡвогда злата ꙗвльшеся видящи ю, ѡвогда сребряна или каменна. ѡвогда мѣдяна или желѣзна,[62]) ноги. на ниже стои стая трапеза. и степени и есть около. и сътворише ѿ злата чтна и сребра и дивитися доброты ея, всѣ видящи ю, и сътвори двери, троя прежняя ѿ сребра и ѿ злата чта, и ины двери, ѡвы оубо мѣдяные електерь.[63]) ѡвы синѡновы[64]) позлащенны же ꙗко быти всемоу числоу црквны дверей .тѯе. всеразличны. Помысли црь бе црковный испо[65]) сътворити сребренъ. и оутоленъ вы ѿ адинїи, и ѿ звѣздочтець. и ѿ сродѣа всесовѣтнаго.[66]) извѣсто тако бо емоу,[67]) ꙗко в послѣдняя днїи, прїидоу црствїя темная и возмоу гра сеи. Црь же ѿстоупи ѿ таковаго помы-

шленїа бѣса [68]) на всякъ днь сребреники, и ѡбретахоуть а҃. се износяще, и вся тщахоу к возношенїю его. Црквь създанна бы ҂е҃. моу. рекше тмою. ѩко пре реченно бысть. во .ѕі. лѣ, и .д҃. мцы. О амъбонѣ. Амвонже ѿ камени сътвори. имоу имя, сардоникый. в настолпїи мѣстѣ [69]) столпницї [70]) сътвори вси златы и съ аспиды каменїе. и с хроусталии, и с самъанро. тако и верхъ амбонный сътвори зла з висеро. и с свѣтлыми измарагды. верхоу его сът [illegible] моущъ .р҃. литръ имоуще [71]) висеры великиа. в настолпи [illegible] латы [72]). Оустье кладяза стго принесено бысть из самарїа. [illegible] тякъ. [73]) злие гдѣ иш .е҃ хъ к самаряныни беседова, и [illegible] хона принесены быша, и есть во ѡвра троувъ. и држ [illegible] егда падоша стѣны ерихоноу. Чстный крть, иже стои [illegible] хранителницы. е есть мѣра возраста Га нашего іс [illegible] измѣренъ бы ѿ вѣрны члкъ и во іерлмѣ. и сего р [illegible] чты и злато, и каменїемъ многоцѣнны. то бо кртъ [illegible] е. недоугы различны исцѣляе, и бѣсы ѿ члкъ прогоняеть. [illegible] ь же иоустиїанъ во всяко столпѣ долѣ и горѣ честьсныя мощи сты вложи, сотвори и съсоуды .в҃. празникоу златый [74]), сщнными многоразличными ѡбразы. и пакы ѿ еvалїи. сщенныа роукомоя, и горлицы [75]) комкалница, влюда вся злата, с каменїемъ драгы. и с жемъчюго число, ҂а҃. индитїа [76]) злата с каменїемъ драгы. .т҃. венець .р҃. да боуде в кїиждо празникъ различїи. сътвориже платы комкалиныа ҂а҃. вся златы с жемчюго, и с каменїе многоцѣнны. еvалїи .т҃. по двѣма кентарима златы. и кадилницы .лѕ҃. вся златы с каменїемъ, по единой кентарїи и свѣтилникъ .т҃. имоуще, вся по .м҃. литръ грезно, и паникандил амвонны и ѡолтарни (sic) съ двѣма женскима. ҂ѕ҃. и съ притворы, Оустави притяжение .тѯе. ѿ египта. и ѿ киндїа, [77]) и ѿ востока [78]), и запада. и сїа събра потребоу црки. такобы празникъ оу-

и прочие храмины постойныя[79]). Сотвори и кр҇ты великія златы. ѿ вся-кого каменія имоущія цѣноу .и҃. кентарей. и светили двѣ велицы ѿ стекла ч҇таго, имоущіе златыя ногы вся, кентаріи единаго. и верхоу постави на ни свещи двѣ велицѣ. позлащенныи с каменіемъ драгы, в цѣноу единаго кентаріи. сътворижѣ и ины свѣтилъ .и҃. превеликы, ѿ сребра ч҇та, и ины же свѣтилъ сътворилъ .і҃. в высотоу моужеви еди-номоу достоитъ[80]) во ѡлтаріи. Амвонже токтоеудоу[81]) всего злата, дондеже[82]) взимаше ѿ египта. тѣ, кентаріи взимаше. Великіи убо кон-стантинъ ѿ саворія цр҇я перскаго. и ѿ ины многы. устави прьвѣе убо црькви, кромѣ с҇щнны сосудъ[83]). и селъ ѿ приходящи тоу, но ѿ всякія вещи црквы .҂в҃. и .і҃. кентаріи злата. Іоустіанъ цр҇ь единъ нача. единъ и сверши с҇тоую софѣю. чюдо ѡбдержаше видящи тако-воую црк҇вь, како ѡблещашеся[84]) свѣто, бысть бо вся свѣтла ѿ злата и сребра. и жемчюга. ѿ всякого прочаго оукрашенія. подобно не мало оудивленіе ваше видящи. мрамора различіе аки море видомо ваше; аки рекоу протекоущоу .д҃. во црквныя, четыре рекы наре, исходящая из рая. и положи законъ да когождо[85]) по грѣхо своѝ, ѿлучаяся ста-не на ни. сотворижѣ и во кртилищи, ѡколо кладяза и притворъ, авы каменныи износящія водоу ѿ оустъ свои на оумоленіе[86]) просты людей. На деснѣи странѣ сътвори море пади единой вобышено ѩко восходити водѣ. лѣствицоу единоу постави на въсхожение ч҇тителе. прямо лицоу пріемлющемоу водоу и съдѣла .в҃і. лвы, серны, ѡрелъ и заяць телець,[87]) и вранъ .в҃і. сътвори. и вода и исхожаше изъ оустъ и, на оумовеніе ч҇тителе мѣсто нарече лвове, идѣ возвиже храмину позлащеноу да хотящіе[88]) емоу въ црк҇ви спати в ней. красотоу ю пре рекохо, и преве-личество доброты таковыя црк҇ви кто исповѣ. Великіи цр҇ь іоустиянъ съ-твори с҇тоую софѣю, съ всѣми с҇щнными съсоуды е҃л. мц҇а. се. к҃ѕ, дн҇ь. исшеже ис полаты и пріиде въ двери авгоустія и сѣдъ на четвероноу-нѣи колесницы. и закла воловъ. ҂а҃. а ѡвець .҂ѕ҃, еленей. х҃. ҂і҃.[89]) пше-ницы (к). и т҃. спoудовъ. и да сія оубогымъ. в тыи дн҇ь до треяго

чи, пришедшоу ѥмоу ко краснымъ дверемъ с патріархомъ евтихіемъ. и отторгнувся от патріархову роукоу и теченіемъ до амвона. И воздвиже роуцѣ на небо и рече слава сподобльшемоу мя таковое дѣло свершити. одолѣх ти соломоне. яко не оуготовалъ еси таковыя красоты в домоу господни въ свята святыхъ, яко азъ оустроихъ. во входѣже дасть людемъ злата .г. кентаріи стратигоу магистроу сія просыпавшоу на землю. Заоутра сътвори обновленіе болша прьвыхъ. заклавъ жертвы до святыхъ богоявленій. до .ei. дней пиры творяше и [illegible] ра ба. и та сконча желаніе дѣла своего, и радоваше [illegible] а своего живота. Благовѣрный великій царь іоустіанъ, [illegible] и святыя содѣла .зi. лѣт. до преставленія своего царь же б [illegible] оустіанъ, преда тропарь церкви. да поется, ѥмоу есть на [illegible] нъ. слово божіе, при том антиохіи божій градъ, нарица [illegible] тія, рекше оусрѣтеніе. пріятъ начало праздновати, е [illegible] гдьскы праздников. и божественный златоустъ глагол в ш [illegible] ри богъ дѣла своя вся, яко есть писанно, в седмыи же [illegible] мъ в последняя дни божіе слово изволи, взыскати и спасти погибшая, и въплощь тѣмъ образомъ по числоу дней, всего миротворенія праздникъ предасть намъ своего смотренія первый есть день корень праздников, христово воплощеніе по зачатіи от святыя дѣвица маріа. второе роженіе. просвѣщеніе. г. о страсти очищенны день д. преславное въскресеніе. вне бо исподни бывъ спасъ нашъ, въскреси с собою прьвыя и вѣровавши .е. еже на небо вознесеніе яко в четвертокъ недѣлнаго дни. вы .ѕ.[90] чаемое всѣ мертвымъ воскресеніе, велій прѣимный день.[91] тогда празднество истинно, съ многою радостію и веселіемъ, хотящим наслѣдіе ихже оухо не слыша и око не видѣ. ни на сердце человѣкоу не взыде, ю уготова богъ любящим его о си тако беседоуетъ честный златоустъ. По си же при царствіи, того оустіана, изше море от предѣлъ свои, за три поприща, въ страны фракіискія, и веси многы и села погоуби и человѣкы многыи потопи. и пакы вобрати и воста народ глаголемы зеленосини немного[92]

нѣтъ цр҃а ипатїа на подроумїи. многымже стекшимъ людѥ, напольнишю подроумїю людеи. побѣдѣ, їоустїанъ людѥ свои. і вое оукы свыше инїи, ниже. снизоу сѣдалницы. стрѣлающе [93]) извиша .д҃і. в нихже ипатїа моу оукїи ыко црк҃ии венець на са возложи.

Стн҃ ст҃ыа софеї прм҃рости бж҃їа. Цр҃кви бж҃їа софѣа, пр҃чтаа дв҃а вц҃а. (т҃) Сирѣчь бж҃твеныи дш҃а, неизглаголанаго двьства чт҃ота, смиреныа м҃рости истина; **стн.** Імѣе на главою х҃а. (т҃). Слава бо [94]) м҃рость [95]) тѣнъ и слово бж҃ïе. **стн.** Простерта нб҃са пребыстрь гд҃а. (т҃) Преклони бо нб҃са, и сни въ двоу чт҃оу. елико бо и люба двьство подобатса бц҃и. сїа бо ре сїнъ и слово бж҃їе. та іс х҃а любащеи бо двьство, ражаю слевеса дѣтѣлиаа. рекше неразоумныа налоучаютъ, **стн.** Сїю же возлюби пр҃тча и кр҃таль, кр҃ти гд҃а. (т҃). Оуставъ двьства. показавъ жестокое ѿ въсѣ житие. **стн.** Імаже двьство лице двѥ огнено. (т҃) Огнь бо е бж҃тво, попалаа страсти тлѣнныа просвѣщаа дшоу чт҃оу; **стн.** Імать на сушила торици [96]), е и аггли имоу (т҃). Житие бо чт҃о ся аггли равно е торици соуть покоище ст҃го дх҃а. **стн.** На главѣ еа венець цр҃тїи. (т҃) Смиренна бо м҃рость [97]) цр҃твоуе стр҃те. **стн.** Олнъ препоясанїа ѿ чреслѣ (т҃). Обра старѣишины свѣта и ст҃льства [98]). **стн.** В роуцѣ дрьжаше скипетръ. (т҃). Цр҃ьскїи санъ. **стн.** Імать крилѣ огненѣ орли. (т҃). Высокопарное цр҃тво [99]). и разоу скоръ ыблаеть. ѕило бо зрачна сїа птица, любащии бо м҃рость. егда бо види ловца выше возлѣтаетъ тако бо любащии двьство. неоудобь оуловленїи выклють ѿ ловца диавола. **стн.** В шоуицы имать свитокъ написанъ. (т҃). В немъ соу написаны недовѣдомыа сокровеннаа таины. рекше предлинаа писанїа видѣти, непостижна бо соуть бж҃твеннаа двиства, ни агг҃ло, ни чл҃ко. **стн.** Одѣанїе же свѣта зр҃тах, на немъ сиди. (т҃) Оного [100]) боудоущаго свѣта покоище авлаеть. **стн.** Оутвержени седмию ст҃олпъ. (т҃) Седмїю дх҃а дарованїи. что бо велицѣ пр҃ечтьсѣ писанию. **стн.** Ноѕѣ има на камени. (т҃) На се бо ре камени созижоу цр҃квъ мою, и пакы ре на камени ма вѣры оутверди.

Софеа прм҃рость бж҃иа. толкованїе ст҃ни соборнеи. и ап҃льстви

црькви. Дѣвство ѡбра бжіи, ѿ дѣвы бо родися гдь. дѣвство почте, елико во бесплотенъ. и вѣтелееиъ гдь, толико чтотѣ и бѣнстлѣнію плоти нашея радоуется. Дѣвство наполняеть горнюю тварь и мѣсто, и истоцнша ѿпадшіи англы. Елико во англы выше члкъ смртны. толико дѣвственичество, женншихся чтнѣе. яко по ѡбразоу бжію лѣпо ны есть жити хви, почести дѣвство плоти тлѣнія и кала оубѣгающе [101]), и дивно нетлѣнноу быти члкоу [102]) во тла. чтотою хвы воплощеніемъ нетлѣнно ѿ двы. Приведоутся ре црю двы по неи. искрнѣ дѣвственны дша. тѣмъ скорвите [103]) самъ бо ны ѡбеща гла ид[illegible] тоу и слоуга мои боудѣ.

Софѣя прмірость бжія. токов[illegible]ювѣ. [104]) и апаъстсѝ црькви. Црквь есть нбо земное, и [illegible]ба бо в неи ба аже [105]) на нбси. Верхъ е црковный [106]) г[illegible]лтарь е прѣлъ бжіи [107]). А трапеза перси гня, Аидитія [108]) е[illegible]а; Антиминсъ есть написанный титела на крсѣ, Или пла е[illegible] ѡни емоу віюще. прорцы хе, кто е сударивыи тя, А ветсея[illegible], іерѣвы [109]) лежаше платъ зла, на немже написанъ прибе[illegible] имя бжіе, азъ есмь сын. Литонъ есть плащаница, ею ѿ[illegible] ха. или паки литонъ есть. Егда посла пилатъ мечника по іса зв[illegible] соуще. сеи оушевъ свои съ главы простре по землю [110]). гдне сюдоу стоупаи и прииде на сое ще, егда прійде к пилатоу іс. ѡба полы его вахоу [111]) скипетри. и поклонишася скипетрі исви, недвижими никимъ. то ради вхо с рипидіами твора. Диско есть и потирь ѡчи гнін. И паки потирь е изва копейныя. имже да вкоуся вси бжства. Овиь есть ребра гня. Асоударя [112]) въ оуброуса мѣсто иже вѣ на главѣ его. Іерх есть ѡблакъ нвный. иже на сѣнію првкаго закона. А лжица есть сгла вща, примшіи нвный хлѣ ха въ чревѣ; А дора хс. А каднища есть, чловѣчство. А ѡгнь бжтво. А димна дхъ стыи. А свѣтилникъ пртча. или стрегоущее копіе оу пороцы. Олтаря малая ѡба полы, разлоученія ра ирвны и грѣшны. А толницы [113]) ѡлтарніи соуть [illegible] твои нвный чинъ, англскіи. Амвонъ есть гора равная. по

[illegible]

Свѣтила оба поломы суть. ангела сидѣвша оу главы. и оу ногоу во гробѣ гнї҃и. Или паки, амво есть, отваленый камень ѿ гро҃, Дїаконъ на амвонѣ ангелъ е҃ сидѣвы на гробѣ и вѣрнїе проповѣда. Паникадила суть вышнїи и стерегущїе гроба. Привожникъ е҃, по первомоу законоу стоахоу во вси вѣкъ до саженїа іерѣика, [114]) и изглагахоу. Главоу црковноую держитъ Хс. а шею, апли. а пазоуси [115]), еѵлисти. а полеѣ празницы, а двери олтарю ѡбра спсвъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Выписка изъ Хронографа по рукописи первой половины XVI вѣка, въ листъ; принадл. профессору Ѳ. И. Буслаеву.

(л. 290 — 291).

Глава 137. Сеи създа црквь храмъ бга моего. иво нижнее емоу мирю и серафими дивлящеся чюдатся. Аще бо изволить бгъ жити в роукотворенны҃ в се всельски пребываетъ. и гдѣ во индѣ. і егда помысли таковая творити црь. аггло показа емоу бгъ во снѣ зданїе црквное. и положено бы основанїе црьковныа стены толъстота .к҃. лакот. а вдоль сто саженъ опрѣчь притворовъ. а с четырьми притворы. ро҃. саженъ. а придѣловъ рекше црквеи оу нея .тѯе. колико днь в годоу. на всяхъ днь црквь. в коегожо стго имя. Събралъже на таковое дѣло дань во все црствїи на .н҃. островѣ҃. ,х҃. кентинарей злата. а серебра ,к҃. кентинарей. і единъ кентинарь имать сто и .н҃. литръ. а литра поторы гривенки а золотниковъ .вк҃. в литре. И толико оубо црь тщанїе имѣ на таковое бжтвеное дѣло. не точїю надо основанїе. но егда създавахоу два надесят рядовъ. тогда патрїархъ съ епкпы и съ сщенники млтву творахоу. и мощи стых (мчнкъ) полагахоу по стенѣ. сице сотвори и до верхоу. **ѡ златѣ е҃ дастъ емоу злато аггелъ.** Недоставшоу златоу. но все оубо црьское имѣнїе истощи и скорбяше црь. явися емоу аггелъ бжїи

въ ѡбразѣ кажейника. и гл҃а емоу посли і а тебѣ да҃ злата елико
требуеши. цр҃ь же посла на двадесяте возе҃. и пріидоша на мѣсто ка-
женнико҃ гл҃емое тріоуглен҃ое. и ѡбрѣтошася полаты новозданы. ѡверзе҃
кажникъ едину и бѣ полна злата. и насыпше возы своа пріидоша къ
цр҃ю. цр҃ь же превеси и бы҃ .рп. кентинарей. потомже посла цр҃ь видѣти по-
латы на то҃ мѣсто и не ѡбрѣтоша ничто҃. и разоумѣша ѩко агг҃лъ бѣ
бж҃ій і прославиша бг҃а. ѡ тре҃ ѡконцехъ. И помышляше цр҃ь сотво
рити къ ѡлтари два ѡ [illegible] и ѩвися агг҃лъ ко ѡбразѣ
цр҃я началоуетрецю, и пов [illegible] сътворити въ ѡбра҃ рече ѡц҃а
и сн҃а и ст҃го дх҃а. ѡ н [illegible] ѡаггл҃а. И паки въ мно-
зѣ размышленіи цр҃ь в [illegible] цр҃квь. и егда ѿтоидоша хи-
трецы на ѡбѣдъ къ цр҃ю, [illegible] а стрещи ѡрудіе. и ѩвися аг-
гл҃ъ гн҃ь въ ѡбразѣ каж [illegible] троча рекъ иди и рцы дѣла-
телемъ, да не косни҃ та [illegible] ляше ѡставити ѡрудіа и по-
ити. каженникъ рече а [illegible] софіа премрости бж҃іа слова
ко егоже има цр҃квь сіа [illegible] стражь приставле҃ есм цр҃кви
сеа. ѡтроча҃ ше сказа цр҃ю. онъ҃ прише никого҃ ѡбрѣте. и разоумѣ ѩко
агг҃лъ бж҃ій бѣ и прослави бг҃а. и възрадовася зѣло ѩко ѩви емоу бг҃ъ
како хощеть нарещи цр҃квь. Толико пощаніе положи цр҃ь. ѩко преже всѣ҃
самъ нача зданіе бреніе и каменіемъ и пото҃ боляре его и вси хи-
трецы. Прт҃лъ же цр҃квный сице сътвори. свбравъ едино злато и сребро
и бисеріе. и каменіе многоцѣнно и мѣдь и олово. и желѣзо и ѿ всѣ҃
вещей, и вложи в горнилъ. і егда смѣсишася солїа трапе(sic) вмѣсто
еа. и бы҃ красота трапезы сирѣ҃ престола неизреченна. и недомыслена
оумоу чл҃вчю. зане оубо ѡвогда злата ѩвлашеся. ѡвогда сребрена. ѡво-
гда ѩко камень драгій. и ѡвогда инако. амбонъ же злато҃ и сребромъ
и каменіе драги оукраси тако҃ и двери. его не може҃ оумъ чл҃чь по-
стигноути. и покровъ цр҃ковный тако҃ злато҃ оукраси. восхотѣже и мостъ

соверши здание и украси всячьскими добротами. со многою радостию моляшеся црь въ црькви гдя. супремоудрость та соломоне и проч. сотвори пиръ всѣмъ гражаномъ и пришелцемъ на многи дни, иже превосходи всякого числа.

II. Варіанты по рукописи Синодальной Библіотеки XVII вѣка, № 818.

1) Повну.
2) и сего акакиа.
3) иринѣ витсеви.
4) на друмѣ дух мужь.
5) Послѣ этого слова прибавлено: кетарь.
6) и постолныа наступиаже.
7) и прочаа иже достои црькви.
8) макиа.
9) равны в широту и равны в долготу: равны в мѣру.
10) вещь.
11) ни.
12) естро.
13) не.
14) Находятся пропущенныя за этимъ слова: и на.
15) аздекъ.
16) Этого слова нѣтъ.
17) доменианокъ.
18) комары.
19) оснонаниа.
20) нарицаа.
21) вѣчнаго.
22) Прибавлено за этимъ: тутъ.
23) Этого слова нѣтъ.
24) и концъ.
23) наро.
26) миханикъ.
27) мешаху.
28) Этого слова нѣтъ.
29) притвора.
30) воздѣлаша.
31) издаиина.
32) в часницѣ.
33) вознесоша.
34) и великимъ столпомъ римскимъ ставшимъ зелены. и мраморомъ и всѣмъ поставленымъ. во црькви уже по бере и по комары.
35) много тщание имѣа.
36) благодаше.
37) повалными.
38) возвеша же стѣну.
39) жителемъ.
40) кажники.
41) же.

2) севѣ к севѣ помысли.
3) Послѣ этого слова стоитъ пропущенное въ напечатанномъ спискѣ: не.
4) горѣ зданїю зданїи.
5) гла црь здания ра ѧко не имѧ совершенья зданїю.
6) да повелиши.
7) стратига магистра и васида строителѧ.
8) и сна.
9) по ѡкладомъ.
50) рн.
51) Находится пропущенное за этимъ въ напечатанномъ спискѣ слово: вѣ.
52) и сѹть недвижимѹ всѣмъ стенамъ.
53) велии назнамена ны ѧко бгъ. посре ея.
54) зданиѧ.
55) ѿ создании црковне млтвѹ творахѹ.
56) комары.
57) с перьвыми и сторонними ѡкртъ д притворы всѧ покровы позлати.
58) двери.
59) и смятесѧ.
60) егдаже оустѹдѣ.
61) коегождо во и ѡвои зракъ
62) обогдаже ѡлокана или прѹдана или желѣзна.
63) и ілікторъ.
64) слоновы.
65) стро.
66) вселвѣтнаго.
67) извѣстиста во имѹ.
68) мѣсаже.
69) ... ий мѣсто.
7... .
71 ... ре.
7... златаѹстъ.
7... этого слова стоитъ пропущенное въ напечатанномъ спискѣ: злат... нимъ.
... ными и многоразлич...
75) ...
76) индѣ златы.
77) притѧжание....... ѿ индѣѧ.
78) Послѣ этого слова прибавлено: и асиѧ.
79) ѿсобныѧ.
80) до стоѧтъ.
81) токмо ѹдѣ.
82) дайже.
83) Это испорченное мѣсто читается: Велики ѹбо константинъ ѿ сарвамъ цря перскаго и ѿ иныхъ многи ѹставки примати. сеже ѿ единаго егип-

црк҃ви кромѣ свѧщенны҃ сосу҃.

84) како влещашесѧ.

85) кож҃о.

86) ѡмовенїе.

87) Это слово пропущено.

88) да хождаше ему в црк҃ви и спативрїе.

89) Послѣ этого: вепревъ ҂д, котковъ и кокошь ҂і.

90) Послѣ этого пропущено: ст҃го дх҃а пришествие, ѕ҃ чаемое всѣмъ мртвымъ воскрнїе.

91) вельми непремѣнны днь.

92) многихъ подобныхъ.

93) обы же свыше иниже снизу сѣдалницъ стрѣлающе,

94) галка.

95) мдрости.

96) тороцы.

97) смиренна бо мдрость

98) Этого слова нѣтъ.

99) высокопарное прчнство.

100) иного.

101) убѣлающе.

102) ако.

103) не скорбити.

104) Эта очевидная описка не повторяется въ спискѣ № 818: соборно.

105) ако.

106) Врх҃ црквны есть...

107) Послѣ этого прибавлено: или паки олтарь есть гробъ гнь.

108) индѣтьа.

109) еврееке.

110) Послѣ этого слова прибавлено: и ре҃.

111) внаху.

112) исудара.

113) столпци.

114) посложенна иевреика.

115) пазуху.

РУССКІЕ ИНТЕРЛЮДІИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

—

Предисловіе.

Съ давняго времени въ духовной драмѣ среднихъ вѣковъ смѣшались трагическій и комическій элементы. Съ тѣхъ поръ, какъ наравнѣ съ духовными лицами въ представленіи мистерій приняли участіе міряне и гистріоны по профессіи, съ тѣхъ поръ, какъ мистерія начала постепенно оставлять свою первоначальную сухость и простоту, отступая болѣе и болѣе отъ библейскаго текста: комическій элементъ разростается въ ней въ ущербъ ея исконной задачѣ — быть простымъ и наглядным объясненіемъ Св. Писанія. Самое расширеніе объема мистерій не могло пройдти безъ вліянія на ихъ характеръ. Часто нужно было нѣсколько дней, даже нѣсколько недѣль для представленія мистерій: и публика и дѣйствующія лица не могли не утомиться, не могли не почувствовать потребности освѣжить чѣмъ-нибудь однообразіе всѣмъ извѣстнаго сюжета. И вотъ среди разговоровъ библейскихъ мужей и святыхъ является шутъ съ своими остротами и насмѣшками, и торжественно-важный ходъ мистеріи смѣняется самою несдержанною веселостью. Мало по малу юмористическія выходки, вносившіяся въ мистерію и часто доходившія до полнаго профанированія главнаго содержанія піэсы [1]),

[1]) Любопытные примѣры этого представляетъ «Histoire du théatre français depuis son origine jusqu'à présent». Paris. 1745 (par les frères Parfait). I, p. 297; II, p. 5, 70.

разростаются въ цѣлыя сцены, интерлюдіи. Въ Англіи вмѣстѣ съ *moralities* образовались такія *вставочныя сцены*, interludes, которыя получили особенное распространеніе въ XVI вѣкѣ и могутъ быть разсматриваемы, какъ зачатки комедіи. Любимецъ Генриха VIII Джонъ Гейвудъ († 1565) пріобрѣлъ особенную извѣстность интерлюдіями, которыхъ онъ оставилъ семь [1]). Въ нашей литературѣ, не особенно богатой и мистеріями, интерлюдій (особенно въ первое время) не могъ получить большаго распространенія, потому что мистерію старались держать въ строгой вѣрности библейскому тексту. Древнѣйшій образецъ у насъ интерлюдія представляетъ, сколько мнѣ извѣстно, драма объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ, цѣликомъ перенесенная къ намъ изъ Польши въ XVII вѣкѣ. Тѣмъ драгоцѣннѣе предлагаемые интерлюдіи первой половины XVIII вѣка.

Отлагая до другаго времени разборъ ихъ, теперь необходимымъ считаю только прибавить, что они напечатаны съ рукописи Императорской Публичной библіотеки, второй половины прошлаго столѣтія (XIV Q, 19) л. 98 и слѣд. Ею пользовался г. Пекарскій, составляя статью свою «Мистеріи и старинной театръ въ Россіи»; но въ приводимыхъ имъ отрывкахъ многое произвольно передѣлано и до такой степени искажено, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ смысла.

Н. Тихонравовъ.

---

[1]) Flögel, Geschichte der komischen Literatur, 1787, IV, 206 sqq.

Интерлюдія или междувброшенная забавная игралища.

—

1. *)

Какъ то нынѣ люди увязли глубоко!
Какъ то жить въ мірѣ несносно и жестоко!
Послѣдняя бо времен[illegible] испѣли:
Бо и нѣкоторы[illegible] цовъ антихриста
[illegible] зрѣли.
Подобаше ему пріит[illegible] нашу старую вѣру
[illegible] попрали
Никонщики пр[illegible] нѣкую нову, незна-
[illegible] ему откуду, взяли;
И не токмо вѣру на[illegible] Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ М[illegible] ко утвержденну
Попрали, но и плат[illegible] мѣнили,
Еже апостоли[illegible] носили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, сей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ:
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто Нѣмцы
поганы.
Куды убѣгнемъ отъ строящихъ раздоры
Нашей вѣры старой? въ воду и въ горы?
Не вѣмы: уже бо и въ Брынскомъ лѣсу
Не можемъ укрытися, идѣже и бѣсу
Не можно найти было; новыя же вѣры люди
И тамъ насъ нашли, на погибель ищущи всюды.
Извлекши же насъ изъ Брынскихъ лѣсовъ, понуждаютъ итти своею,

*) Въ рукописи пропущено, что этотъ монологъ принадлежитъ раскольнику.

Новыя вѣры своей Латинской стезею.
Какъ Соловки отъ народу много удаленны!
Но и оттуду мы бѣдные совсѣмъ изверженны,
Скитаемся гонимы, не имѣя гдѣ (главы?) подклонити,
Или бы ученіе старой вѣры распространити!
Наипаче насъ разоряютъ тѣ Латынскія школы,
За коими намъ простой по улицамъ учить народъ нѣтъ воли.
Нѣсть спасенія во градѣ! Спасеніе живетъ въ пустыняхъ:
Погибнетъ всякъ, кто не пребываетъ въ ясныняхъ!
У насъ въ пустыняхъ толки и скиты различны,
Всякое у насъ богатство и всѣ жены личны:
Зачимъ здѣ во градѣ для размноженія свой плодъ оставляю,
А самъ къ своей паствы въ пустыню ступаю.

2.

Отходитъ расколникъ и прибліжаетъ цыганъ.

Цыг. Чхабей! чхабей! чхабей! ха! ха! се жь и я панове до васъ завѣтавъ,
Ходивъ-бродивъ а тутъ таки на начлегъ заставъ.
Бидна моя головонка! якая то моя хорошая урода!
Якъ то мнѣ было отъ ющенка панованіе и выгода!
Якъ же то було насъ и не шаковати?
Наше то дѣло дѣти: замки ковати, людей ошуковати.
Та и жаданчата мой не послѣднее ремесло маютъ:
Бо куры красти, дѣтей манити, добрѣ же узнаютъ,
А якъ бы солонину, аль бо поросятину, хоть бы подъ небесамъ знали,
И выттуль бы якъ колвекъ ужъ бокрасти себе догадали!
А коли поворожить о щастіи и приходѣ, — то нехай пойдетъ до моей Слохи:
Обголитъ его добрѣ, хочь не поможетъ ни крохи.
Бачится, и заданчата и Солоха и я доброе маемъ ремесло,
Но побачили бъ вы и сами, панове! толко не добрѣ ихъ занесло.
Сподѣваюся, что за промысломъ всіи разошлися,
А чѣмъ бы на сало, альбо колбасу чи не здобылися:
Бо ужь бѣдные жаданчата третій день не ѣли
Трохи, з голоду совсѣмъ не отѣли;
Я бы и самъ натрепался хоть собачины,
Коли не ма поросятины альбо солонины.

Convertitur ad aviculas.

Что се за птица? Чи не изъ Египетскаго ли края залятѣла?
Якій хорошій пусь! А гдѣ твои крыла?

Cigano loquente, exit Litvanus.

Лит. Агу, агу! пойдзіомъ пчолки выдирать,
Боловыхъ кошокъ бить и медокъ поѣдать.
Цыг. *(Тихо)* Ось ежь ч[illegible]вина!
Лит. Охъ какой хороше[illegible]дзѣцина!
Здоровъ будзь, ве[illegible]жартуй, Литвине!
Бо всего сер[illegible]годны сыне.
Лит. Не ворцы ты; еще[illegible]клонись!
Да, якъ на с[illegible]мене науцысь:
Я ця научу кійлы [illegible]го знахарства.
Цыг. Цортъ тя зъ[illegible]ри! Лутцѣ не будетъ отъ моего коварства.
Лит. Чтось ты всі[illegible]ъ?
Цыг. Пойди, собако[illegible]якаешь.
Лит. Не бось, не злякаю: когда намъ около тово змолоду водилось,
То ето всіо лихо узь добрѣ имѣлось.
Та знаешьли, что это за птица?
Цыг. Угадай; я же самъ бачу, что перепелица,
Отъ только, что безъ крилъ. Литв. Не такъ,
Ето заморскій дзиковинныхъ птахъ.
Цыг. Може, птахъ и заморскій а ось, яки уши велики:
Чи не соколъ якій, албо чи не пивекъ дики.
Лит. Не знаешъ, что говорись. А ето соколъ маць,
Ночница, толькоже грѣхъ ее выдзираць.
Цыг. Ось я толко поглизу; се бачу: и яица подъ ней съ болтунами,
Чи не чортовъ выродокъ? Л. Не самъ забирай: дѣли съ нами.
Цыг. Забирай; поглядимъ тылко другое.
Лит. Какъ первое, и этожъ такое.
Цыг. Поглядимъ болше, се такеежъ.
Лит. И это такеежъ. Ц. Все, бачу, одного роду.
Цыг. Чи не твоего собачяго Литвинскаго породу?
Лит. Храни мене Богъ, чтобъ у мене якее лупились дзѣци.
Смотри не порви, проклятой колдунъ, сѣци.
Цыг. Може, ктось и нашовся охотникъ купити
Такую пташку, чтобъ у себя расплодити?

Якъ бы въ Корелевцѣ, або въ Ротнѣ съ охотою купили!
Еще бъ и колбасою нашему брату доплатили,
А за одинъ кусокъ сала ни слова:
Тобъ нашъ братъ наѣвся, якъ брюшна попова.

Лит. Що мно думать? на ярманокъ побѣзіомъ
И за эту диковинку много дзенежокъ набсріомъ.

Цыг. Тебѣ приходится запречатись, бо не ма кобылы:
Одна кобыла была и ту вчера волки задавили.

Лит. Ещо я потярну, то болше мнѣ даси платы.

Цыг. Да добро! только впрягайся, а я умѣю погонять:
Плеча добрѣ вытягай и горбъ выворачай.
А куды сергой пожетъ швитка не пускучай.

И такъ погоняетъ.

Proludium secundum.

Цыганъ голодный во снѣ видитъ колбасу, а проснувшись и не кашовши, опять ляговится спать и паки видитъ и по многихъ видѣніяхъ муситъ и, аки голодный. Посль выходитъ лѣкарь нѣмецъ, которому показуетъ цыганъ ротъ и лѣкарь зубы ему вырываетъ.

Цыг. Коли люде чули, чтобъ цыганы съ голоду пропадали?
А мы уже такихъ вѣковъ, бѣдные, дождали,
Хоть добрѣ шалберовать умѣемъ,
Хоть лучшихъ надъ цыгановъ и незлодѣевъ.
Однакъ же теперь приходитъ съ голоду пропасти:
Робити не хочется и негдѣ чего украсти.
Колькій день не бувало во ртѣ куска хлѣба!
Гибну, умираю, якъ на сухомъ песку рыба.
Спробую другаго еще щастія: голодъ чи не переспится,
Або что доброе во снѣ приснится?

Ложится спать, которому показывается калбаса: онъ зубами ловитъ и, не поймавше, прохватывается.

Цыг. Чтось было и хорошенкое теперь мнѣ приснилось:
Бачится, что около губъ калбаса да сало билось;
А якъ бѣдный цыганъ до калбасы проснулся,
Якъ бачу, на сало нездобувся!
Еще ляжу, еще счастія спробую.
Колибъ тылко побачить калбасу тую!
Уже сей никто не вырветъ и клещами:
Такъ ей хвачу голодными зубами.

Ляговится опять и паки показывается калбаса.

Цыг. Ну еще! ну еще! ну еще! *(бѣжитъ за калбасою и не здогнавъ оную назадъ ворочается)*. О бѣдна моя головонка! не могль ю наздогнати.

Выходитъ лѣкарь.

Лѣк. Dolesz forsan? itane?

Цыг. Мы есмы бѣдные цыгане,
Колькій день хлѣба не ѣли,
Отъ чего вси почти и животы помѣли.

Лѣк. Varia sunt mi medicamenta ad manus.

Цыг. То правда, що не одного человѣка уже ты обманувъ;
Толко, якъ бачу, и обманивать мало чого помогаетъ,
Коли, якъ со [illegible] пропадаетъ.
Колибъ то мнѣ поп [illegible] кусокъ сала:
Вся бъ тая в [illegible] перестала!

Лѣк. Scio: fluvium ventr [illegible] aliquot cruti.

Цыг. Нехай тебѣ, собац. [illegible] груди!

Лѣк. O quam pulsu [illegible]

Цыг. Коли хочешь, [illegible].
Ось якій дуракъ! [illegible] слину,
А не знаетъ, [illegible] цыганину.

Лѣк. Hic medicamenta n. [illegible] андрамахи.

Цыг. То уже бъ излиха [illegible]хи!

Лѣкарь раскладываетъ свои лѣкарства и вычисляетъ ихъ именно.

Цыг. Тѣшишь, да якъ бачу, да ничего нейдетъ въ губы.

Человѣкъ. Сказуетъ, что болятъ у его зубы.

Лѣк. Dolor upi? Слуга. Не то е: болятъ у его денте.

Лѣк. Upi rene instrumento utente.

Слуга. Сядько, братецъ! благо ужь готово.

Цыг. Доброе сіе мнѣ и любимое слово
Теперь то есть мнѣ добрѣ: бо выголодався, якъ собака.
Нашовся, слава Богу! такой человѣкъ, что наготуетъ мене, неборака,
А буду добрѣ трепати, чтобъ ты всѣ дни отъѣсти,
Тутъ то нашему брату припадаетъ сѣсти,
Такова пошаковання ни самому гетману!

Слуг. Скорѣй, господинъ лѣкарь! принимайся, а я держать стану.

Цыг. Не держите мене, стулъ тылко подставьте,
А на стулъ порося печеное поставьте:
Сами побачите, якъ добрѣ буду трепати,
Почуете, якъ порося будятъ на зубахъ хрустати.

Слуг. Не смыслишь, что баешь. Цыг. Се мене хощете изнуздати.

Лѣк. Quam dentes sunt lati!
Цыг. Ой! ой! ой! Лѣк. Ecce habes.
Цыганъ вырывается и съ плачемъ жалуется.
Цыг. Чорта нашовъ, а не добродія! Я сказалъ, что наготуетъ,
А винъ вырвалъ мнѣ зуби. Сл. Слышь ты, цыганъ! отходи,
больше ти зубовъ сопсуетъ.
Цыг. Лучше бачу утѣкати.
Бери васъ съ вашимъ добромъ чортова мати!
Лѣк. Деньги гдѣ? нащо упусти пацієнта?
Въ щоку хлопалъ. Сл. Менс ей такъ
Началъ ты бити? нуткось со мною поруски,
У меня вѣдь и чорту, нежели тебѣ, не бываетъ спуску.
Зъ бедры о землю ударитъ Нѣмца.
Лѣк. Heu Jesu, heu, heu! Сл. Всѣ тѣ ей! вотъ тѣ, плутишко,
Некрещоный лобъ, вшивой паручишко.

Proludium tertium.

Выходитъ маркитантъ и продаетъ пироги, вельми ихъ похваляя.

Марк. Кто тутъ спрашивалъ подовыхъ, господа честные?
Вотъ у меня куды хорошіе какіе!
То здѣсь пироги горячи,
Ѣдятъ голодны подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,
Съ свѣжимъ говяжимъ сердцомъ;
Масло чрезъ край льется,
И подлить еще довольно найдется,
Теперь только испечены,
Куды какъ воложно начинены!
То пироги здобны, то скляны:
Покушайте, господа дворяны!
Вотъ теперь только изъ печи взяты,
Ну убирайте, бурлаче! ухваты.
Небось, брюхо не будетъ ворчать:
Изволите за то хоть даромъ взять.
Хоть денегъ поубавятъ,
Да животъ пріуправятъ!

Приходитъ дьячокъ.

Нутко съ легкой руки на починѣ,
Кто купитъ, удалые молодчины?

Что ста, бачка! не изволишь ли подовыхъ? что усы ты
разчищаешь?
Никакъ право ты озябъ, что руками тѣ посыпаешь?
Коли озябъ, то натко, изволь покушать горяченькихъ
срану.

Ставл. Поди, братъ! прочь: нѣтъ денегъ. Марк. Пошарько около
кармана,
Не сыщется ли; смотри: вѣдь то пироги, само почти масло
течетъ. Став. Покажи:
Что тамъ у тя за пироги, что такъ похваляешь
Гораздо, [illegible], меня розманяешь?

Марк. Вотъ будто о[illegible]ѣдь не стану лгать напрасно,
Развѣ ты [illegible]очисть глаза тѣ ясно.

Став. Мужикъ, с...т[illegible]лѣпъ, что ты бредишь?

Марк. Да что ужь и [illegible]видишь?
Ты такихъ не[illegible]й пономарицы.

Став. Я не пономар[illegible] М. Ну инъ, у дьячицы
Она хантява [illegible]къ не пекала,
Но и во[illegible]никогда не видала.
Натко во здра[illegible] скушай,
Вотъ тѣ[illegible]жичекъ: рушай!
Разсмакуй только хорошенько,
А то будешь поѣдать частенько.

Мошен. 1. Хлѣбъ да соль отцу святому!
Благослови и мнѣ сѣсть, мужичку простому.

Став. Вотъ тѣ мѣсто: изволь, пожалуй, садиться.

Марк. Что тамъ еще за груда людей валится?

Мошен 1. Это товарищи мои: ходили со мною
Вмѣстѣ по рынку, да нынѣ зимою
Гораздо холодно, то идутъ погрѣться.

Став. Посмотри побольши горячихъ тыхъ не знайдется.

Марк. Чово у меня нѣтъ? Ты не успѣлъ сказать слово,
А у меня, — вотъ изволь кушать, — все готово.

Мош. 1. Что, бачка! не поставь мнѣ въ гнѣвъ, простому мужичинѣ,
Что я хочу говорить твоей святынѣ
И что такъ по мужицки поступаю?

Став. Говори, что хошь: я не запрещаю.

Мош. 1. Право это не смѣю въ тя вклепаться.

Мош. 2. Что ты, дуракъ! сидя говоришь? не хошь и на ноги
подняться?

Мош. 1. Что вамъ, дураки! до меня дѣла?

Мош. 2. Скачи, чортъ, с...нъ сынъ! пока твоя борода цѣла.
Мош. 3. Да что и въ правду разсѣлся, какъ Галицкой воевода?
Став. Пущай, братцы, сидитъ: здѣсь не разбираютъ, кто какова вида.
Мош. 4. А, бачка! что изволите говорить ста: чинъ чина почитаетъ?
А кто не почитаетъ, нехай с...нъ сынъ знаетъ,
А то сѣдитъ какъ болванъ неотесанный, несмысленна скотина!
За это надобно таскать, якъ собаку, с...на сына.
Мош. 1. Ахти братцы! и въ правду какой я
Недогадливый! на сапожки тѣ его разглядѣлся,
Да и глаза всѣ тѣ продалъ! якъ зѣвака было позабылся!
Прости, пожалуй, отецъ святой! не погнѣвися,
Что я такъ дурачески сдѣлалъ и что,—прошу, не сердися,—
Видалъ я вашу честность, а не знаю гдѣ то.
Став. Да развѣ не тогдаль, какъ я былъ здѣсь въ прошлое лѣто?
Мош. 1. Можетъ быть. А какъ ста ты издалеча?
Став. Куда даль какая! Иванъ Предтеча
Есть церковь: у той меня по указу дьячкомъ опредѣлили,
А нынѣ опять прихожана приговорили,
Чтобъ мнѣ итти въ попи какъ нибудь добиваться.
Мош. 1. Куды ста право (въ) даль какую изволилъ подняться!
Да взялъ ли ты денежокъ хоть сколько нибудь съ собою?
Став. Небольшое число на дорогу взялъ со мною.
Мош. 1. Какжо ты идешь ставиться съ простыми руками?
Вѣдь и къ секретарямъ надобно итти съ дарами.
Став. Ты пожалуй въ томъ не зоблись: они всѣ меня знаютъ.
Мош. 2. Они такихъ знакомыхъ тѣхъ пуще одуваютъ.
Мош. 3. Еще прежде отъ секретарей не мало претерпишь муки,
Какъ попадешь къ подъячимъ въ руки.
Мош. 4. Да и канцеляристамъ надобно сахару снесть полдесятокъ головокъ.
Став. Нѣтъ, братъ! нѣчево имъ у меня вырвать, я на это ловокъ:
Самъ на обухи рожь молочу, а зерно не уроню;
Пустяки у меня возьмутъ подъячи.
Марк. Ну кутейникъ! разбалакался, ѣшь пока пироги ты горячи:
Вѣдь мнѣ недосугъ съ тобою забавляться,
Надобно еще въ другое, и въ третіе мѣсто поспѣшаться.
Став. Молчи, мужичокъ! не здорь! лучше право безъ крику:
Вѣдь нѣкакую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику.

Мош. 4. Э робята! то плѣшь, посмотрите ка,
Куды кака пропасть, какъ право велика!
Мош. 1. Поди, дуракъ, прочь! что ты надъ нимъ шутишь?
Вѣдь онъ не твой братъ: что выше мѣры кутишь?
Мош. 4. Нѣтъ, безъ шутокъ! куды пропасть какая! право диво:
Мощно, небось, на такой про домашной обиходъ
варить пиво.
Став. Что ты, братецъ! надо мной играешь?
Али я дуракъ, что мнѣ ужь и поѣсть мѣшаешь?
Мош. 4. Тфу кутья толоконна, плѣшь! еще разболтался!
Вотъ разсѣлся, какъ курица на яицахъ, расклался:
Будто тебя не видали, шолудивой попишко!
Марк. Не мѣшай ему поѣсть: что ты распустилъ пропасть, мужичишко?
Мош. 1. Да что и онъ, какъ просвирня, развалилъ брюхо коровье?
Марк. Вотъ какой чортъ болванъ! да на что тебѣ нужда? пущай
кушатъ на здоровье.
Став. Что ты, братъ! шумишь? вѣдь я немного мѣста засяду.
Мош. 4. О! еще много якать сталъ! натко тѣ четыре брата да
пятаго дядю!
Еще сталъ много разговаривать со мною:
Такъ тресну, что перевернешься трою,
То ты впредь станешь съ нами лучше знаться.
Став. Нѣтъ! хоть ос...ся да не поддаться.
Смотрите, братцы! за что онъ бьетъ напрасно?
Мош. 1. Какъ ты каналья такъ дерзнулъ бить безопасно?
За что отца святова бьешь безвинно,
Да еще и выбранилъ, якъ скотину, безчинно?
Став. Право какой безчинникъ! чуть не сломилъ зашейка:
Шумитъ въ головѣ и теперь; знать еще старинныхъ
людей копѣйка
Гдѣ нибудь въ горѣ завалялась,
А теперь мнѣ въ загривокъ попалась.
Мош. 1. Вѣдь ста онъ спроста; видишь: дѣтина малой.
Став. Да нѣтъ ловко жь для того по затылку попалось
Хоть бы тамъ чортъ былъ какой охлюста,
То такъ бы не накостылялъ шеи, какъ онъ теперь
заѣхалъ спроста.
Мош. 1. Полно ста, святой отецъ! пожалуй покинь: вотъ и ему
попадетъ смачка.

О с...нъ сынъ! такъ вотъ тебѣ самому старорус-
ская врачка!
Для чего ты такъ безчинно святаго отца ругаешь?
Куды онъ готовится, развѣ ты не знаешь?
Вѣдь онъ идетъ ставиться во іереи:
За что ты его такъ смазалъ по шеи?
Знаешь что ты: за это вашему брату шею накостыляютъ?
Чего не надобно говорить, пущай много не бол-
таютъ.
Что же всѣ стопте, какъ пѣсты? развѣ у васъ спины
Не гнутся, собачьи сыны?
Но скоро предъ нимъ прощенія просите,
Да пониже, подъ самыя вы ножки, подпадите:
Пожалуйста, бачко! прости въ томъ, что онъ вашу святыню
Обругалъ и обезчестилъ, какъ скотину.
Право-ста, сглупа это сдѣлалъ съ своею простотою,
Что въ твою священную плѣшь заѣхалъ грѣшною
рукою.
Что съ нимъ, с...номъ сыномъ, сдѣлать стало?
Знать ста, уже по твоимъ сказкамъ это тѣ попало,
Вѣдь ста не стать ему сдирать кожи,
А и тебѣ не вырвать, что ужь попало по рожи.
Ужь ста впредь не будетъ такъ кутить.

Став. Добро! что сдѣлать? ставай: Богъ та проститъ;
Впредь, братъ! не учись такъ широко растворять глотку.

Мош. Право, батюшка, не буду, прости, дайже поцаловать
въ бородку.

Став. Да что подынуце было поближе къ лукошку?

Марк. А что? не изволишь ли скушать пирожка на дорожку?

Став. Да не худо, братъ! дайко, коли есть еще подовой.

Марк. Есть, патко-ста ѣшь. Мош. Оставайся, бачка! здорово,
Прощай, пожалуй: вотъ теперь единъ, какъ хошь, растягайся
Да и впредки съ намъ добрымъ людямъ знайся,
Теперь зъ насъ будетъ; вотъ зачѣмъ приходили:
Схватись ко бачко, путно тя охолодили.

Марк. Што-ста ещели пѣроговъ изволишь, или ужь полно?

Став. Нѣтъ ужь, братъ! спасибо: накормилъ ты меня довольно.
Пора ужь мнѣ и къ подворью помаленьку двигаться.

Марк. Изволько — ста, бачко, за пѣроги нынѣ разплачаться.

Став. Да много ли, братецъ! за нихъ просишь?

Марк. Сколько пожалуешь, по своей милости бросишь.

Вѣдь что много хлопотать съ тобою?
Воля твоя и со мною.
Не какую тутъ надобно денегъ тѣ груду:
Копѣекъ полдесятокъ, то я и тѣмъ благодаренъ буду.

Став. Охъ, братъ! какая бѣда да еще и причина.

Марк. Что тамъ, бачко! тебѣ за кручина?

Став. У братецъ не кручина? кручина еще и не мала.

Марк. Да не мошна ли съ деньгами пропала?

Став. То то вѣдь и горе то: кто то добрый человѣкъ поддѣлъ мыло.

Марк. Да гдѣ тамъ [illegible]ыло?

Став. Вотъ здѣ въ [illegible]щомъ.

Марк. Да дайко ста[illegible]щемъ,
Либо и[illegible]ѣ нибудь въ карманѣ.

Став. Что ужь иск[illegible]какъ давѣшные ты оханы
Покорн[illegible]еперь здѣ сидѣли;
Подлѣв[illegible]тащили.
Какъ будто [illegible]пустили на меня балы!

Марк. Прямой ты [illegible]было отъ нихъ итти далѣ,
А то ты съ [illegible]нть деревенскія балясы,
Моли Б[illegible]и съ тебя рясы:
Тутъ не такіе, какъ ты, простаки-то бываютъ;
Да и тѣхъ изъ сапоговъ въ лапти обуваютъ.
Право дураки еще воры тѣ, что боковъ еще не наводтили.

Став. Какъ, братецъ! видишь: вѣдь всю плѣшь расколотили.

Марк. Ну кутья! вѣдь мнѣ недосугъ долго стоять съ тобою:
Бери, гдѣ хочешь; только раздѣлывайся со мною.

Став. Пожди, братъ! до завтрѣя: я тебѣ заплачу хоть вдвое.

Марк. Не разказывай балъ тыхъ; не надобно ни втрое,
Хошь роди, да давай: мнѣ тебя не дожидаться,
Есть у мене мѣстъ: надобно въ любое бѣжати.

Став. Да пожалуй, дай мнѣ дойти до подворья,
Я тебѣ хоть вдесятеро заплачу за сее.

Марк. Что мнѣ нужда дожидаться? вѣдь я тебя не билъ по шеи.
Ѣсть такъ добрѣ было, а теперь не хошь и расплатиться,
Даромъ мнѣ, что ты идешь въ попы становиться.

Став. Дай, братецъ! сроку на минуту на другую

Марк. Что еще долго околиваться? лучше шапочку сдую.

Став. Отдай, братецъ, пожалуй! бѣть нынѣ и уши приморозишь.

Марк. Да мнѣ нужды нѣтъ, хоть плѣшь у ся приморозишь,
Захошъ бачко булавокъ,
Будешь у нашихъ лавокъ:
У вашей братьи вѣдь что захватишь.

Став. Да скажи, братецъ! пожалуй, хоть неложно,
Гдѣ мнѣ тебя сыскать будетъ можно?

Марк. Нашу братью ищи тамъ около приказу.
А коли захошь шапки, то сыщешь и безъ показу.

Proludium quartum.

Выходитъ дьячокъ со своими дѣтьми.

Дьяч. О мои дѣтушки бажоные!
О мои кормильчики рожоные!
Нутетко начните играть,
Повеселите меня, старичка, да и мать.

Сыны. Да у тебя ужь севодни виномъ налита брюшина,
А у насъ еще кроха въ горлѣ не бывала едина.

Д. Настасья, аль имъ севодни закуска не варилась?

Наст. Да вѣдь и мука вся скончилась.

Подъяч. Что ты, кутейникъ! возишься какъ ребенокъ малый?
Вѣдаешь ли, зачимъ мы къ тебѣ присланы?

Д. Для чего мнѣ не потѣшаться? у меня столько увеселья,
что эти робяты.

Подъяч. 1. Куда, право, выглажены: какъ добрые поросята.
Да приходитъ на нихъ бѣда велика.

Д. Нѣтъ, братъ! не вырвешь у меня ни г....наго лыка:
Знаю я вашу братью: выжь вѣдь рабята просты,
А ужь кого одуть, огладить путные охлюсты.

Под. 1. Что мнѣ съ тобой много балакать?
Будешь еще о нихъ и плакать:
Только какъ этотъ указъ прочитаешь,
То въ тотъ часъ познаешь.

Дьяч. Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ моихъ дѣтей отнимаютъ
И въ серимарію на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко! умилосердись надъ нами:
Напиши пожалуй, что они еще негодны лѣтами.

Под. Догадался, какъ проигрался; схватился Малахъ,
Какъ нѣтъ ничего въ головахъ!

Предъ намъ давѣчь и шапки такъ ты снять не хотѣлъ,
Да не токмо шапки снять, еще и слова не хотѣлъ
сказать.
Ну давай скоро, дьячишко! могилна муха!
Смотри, чтобъ я тебѣ не скроилъ треуха.

Д. Возьми съ меня, пожалуй, хоть рублишковъ полдесятокъ.

Под. Добро я съ тобою сдѣлаюся, если къ тѣмъ прибавишь
десятокъ.

Д. Ну я ужь те(

Под. Такъ я дѣтей инарiи избавлю.

Д. Въ правдуль'т ихъ избавишь?

Под. Конечно изб лёно исправишь.

Д. Какъжо намъ ѣлать и секретаря об-
манить?

Под. Небось, дав
Мы ужь зна вать: то наше дѣло.
Да сверхъ т й братьи
Одуваютъ дел
А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,
И какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухо
пошепчу:
Этому скажи пять лѣтъ какъ родился....

Под. 2. Я чалъ, что ты ужь задавился.
Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тымъ изволишь балакать,
А намъ право тамъ лишь плакать.
Ужь третію промеморію изъ семинарiи прислали,
Чтобъ вы скорѣя ихъ сыскали.

Под. 1. Ну братъ! какъ нибудь свободи его дѣтей.

Под. 2. Нѣтъ я боюся: за это вѣдь (въ) приказѣ схватишь
плѣтей.
Ну, дьячокъ! давай ихъ скоряя,
Ни мало не отлагая.

Д. Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ проклятую семинарiю на муку обираютъ.
О мои дѣтушки сердечные!
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное.
Лучше намъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и
родиться,
Тогожь часа киселiомъ задавиться и въ водѣ утопиться.

О мои милые дѣтушки
И бѣлые лебедушки!
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ серимарію на муку отдалъ.
Прощайте, мои дѣтушки! ужь мнѣ васъ не видать,
И съ вами ужь никогда не живать!

Под. 1. О у тя, какъ вижу, плачу конца не дождаться,
Пора ужь намъ и къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай, добрый человѣкъ!
Дай тѣ Богъ множество лѣтъ,
А впредь, пожалуй, знайся съ нами,
Съ подъячими, приказными строками.

Дьяч. Прямь, что не вдурово добрые люди говорятъ,
Что подьячи — ты люди
Ажно люди они, да и не худы:
Вотъ теперь денежки тѣ съ меня охолодили,
А дѣтей тыхъ отъ семинаріи таки не свободили!
Впредь же я ихъ теперь буду знать,
А, когда случай прійдетъ, не такъ буду поступать.

Proludium quintum.

Выходитъ Грекъ съ товарищами и барышникъ цыгановъ приводитъ съ коньми и торгуется.

Моя купца богата: на сери города була
И много ширвонца на кишеня здобула;
Добра вина три ока пила на Молдава,
Турецка кафе и шапса трава,
Серифа каша, лимона и оливка,
Вся день була изюмъ, винна ягода и шорносливка,
Тюбукъ добрый, шубуки и много товары,
Форта полипка вина папуцѣ два пары,
А дѣтка на матка пали въ теперь несчастія велика:
Выбѣжала съ куща два волка дика,
Заразъ на киня добра турецка напала,
Моя злякалась и, что робить, сама не знала;
А проклята звѣря на моя румака начала давити,
Янчарка кебуха моя бъ убити,
Вышли много сира волка велика,
Не ѣхала тогда ни едина прика
И всяка..... [1]) другаго раздавила,

[1]) Не разобрано.

Не оставили сала на турецка мыла;
Одна хвоста остался и грива,
Мой съ роду не видалъ на такое диво.
Лучше була сидѣла наша на Стамбула,
Таку бѣду отъ волка видѣла не була.

Бар. Здравствуй, братъ! здравствуй эка чифутка,
Я думалъ, что ужь тя чортъ взялъ! Нутка,
Изопьемъ вмѣстѣ табачку; отвѣдай, каковъ, то узнаешь
Е твой калосъ; нѣтъ, братъ! сказуешь, что хорошо въ носу.

Гр. Печаль на мое[illegible]аешь?
Печаль т[illegible]часъ перейдетъ,
Озми только [illegible].

Гр. Е, е, е! про[illegible] осквернила!

Бар. О даромъ, бр[illegible]твоя, моя то денежка купила.

Гр. Шорта бери [illegible] и табака!

Бар. Не знаешь, ч[illegible]ошо, я старъ, какъ собака.

Гр. Мой ѣхала т[illegible]а Стамбулъ.

Бар. Тѣмъ то, вид[illegible] и надулъ.

Гр. А на дорогѣ [illegible] конь турецки.

Бар. Я тотчасъ лоп[illegible]пить, только естьли гостинецъ грецкой?

Гр. Мыла добра, люлка и велика шубука.

Бар. Сулишь много, и мнѣ это даромъ. Въ карманѣ нутка
Пошарь, многоль ста денежокъ накопилъ.

Гр. Вела твоя добра коня толко, моя за разомъ купитъ.

Бар. Много только надобно. Скажи: я тотчасъ одну и другую
Приведу лошадь, да и дешевенько для тебя на-торгую.
У мене есть добрый человѣкъ знаемецъ,
А ужь кого обманить добрый дѣлецъ.
Погоди жь только здѣсь, я ти приведу съ лошадями
Добра, твой, мой была тѣмъ торговала.

Барышникъ отходитъ, а Грекъ товары перебираетъ въ возу.

Шубуки добры, люлка хороша, мыла
И у меня кто хотѣлъ купила
И какого добра человѣка мнѣ знашлась:
Купить мнѣ коня заразъ бросилась.
Моя денга многа; а купивъ коня, заразъ на Нижина
Ѣхалъ и тамъ буду ѣлъ добре и пилъ Волоска вина.

Барышникъ приходитъ; за нимъ пріѣзжаютъ два цыгана на конехъ.

Бар. Здравствуй! Вѣдь тотчасъ будутъ и добрые кони,
Кладитко деньги здѣсь на ладони.

Цыг. На хлавдары, на прокураты
Чи тобѣ то треба коня продати?

Гр. Мой будетъ купить, моей теперь коня треба.

Цыг. Уже що кони! завезутъ тебя до медвѣжьего неба,
До черта подъ хвистъ: тамъ добрѣ продавати.
Добра тамъ моя треба на ярманка.

Гр. Безпечно ужь заведетъ тебе сія парка.
Грекъ осматриваетъ съ обѣихъ сторонъ.
Видишь, какіе кони изрядные, какъ змѣи добрые?

Гр. Будетъ мой купить конь бодрый.

Бар. Много денга а ежели не червонцамъ, знаешь намъ помѣры.

Гр. Мой дала добра шестьдесятъ хева.

Бар. Сказали дуракъ слонъ гораздо смыслитъ ева,
За чирвонца стоитъ что долго болтать?
Изволь намъ и лехами деньги считать,
Право мы возьмемъ. Цыг. На колбасу чи дашь прибавку?

Бар. Молчи, дуракъ! что тѣ больше найдетъ съ нево знатку
Заплатишь хорошо, а не заплатишь, то мы пошли вотъ.
Ну, братъ, съ коньми ступайте: онъ, вижу, не купецъ;
Можетъ быть, съ вишелицы сорвался рост... мать,
плутецъ.

Гр. Стой! твои бери денга: моя не плутаю.

Бар. Право, хорошъ ты человѣкъ: я ужь давно знаю.

Деньги барышникъ и цыганъ себѣ дѣлятъ, а Грекъ коней осматриваючи за хвостъ тянетъ и такъ у одной клячи хвостъ вырываетъ.

Цыг. Чтожь ты сдѣлалъ тепереча? обезвѣчилъ клячу собачья
личина,
Всесвѣтнъ шалберъ, Гречине, скурве сыне.

Бар. Полно болтать! што дуракъ нужда? подали ступай.

Цыганъ утекаетъ; осматриваетъ Грековъ барышникъ хвостъ и, взявши хвостъ, греку къ шапкѣ прицѣпляетъ.

Е теперь съ хвостомъ хорошо ходить, только разсуждай.

Гр. Пошла твоя! моя пора ѣхала на ярманка,
Бо добра купила коня парка.

Бар. Прости, братъ! впредь съ тобою рады знаться,
Какъ хорошенько около себя не будешь оберегаться.

Гр. Коня гдѣ? Бар. Вѣдь пошли на пашу.

Гр. Е! мой будетъ ѣла сорачинску кашу.

Сѣвши ѣсть Грекъ, поѣвши стаетъ.

Гр. Чорта моя, ни коня купила,
Коня нема, а деньги заплатила,
Самая моя заразъ пошла коня шукати,
О нашолъ злодѣя отдали накаты.

И отходитъ.

Proludium 6tum.

Выходитъ жид[illegible]мъ спороваться.

Раск. Какіе то были [illegible]та,
Какіе то [illegible]шей вѣры крѣпила!
Славной побо[illegible] протопопъ,
Да нам[illegible]къ, Никита попъ,
Пречестный л[illegible] учитель Ѳеодоръ,
Которые [illegible]нихъ нововѣрцовъ
Зачали [illegible]ь.

Жидъ. О вей! о вей[illegible]р...,
Якъ лоп[illegible]лалъ
Полну голову [illegible]добрѣ умѣю
Горѣлку съ медомъ добрѣ продавати:
До мене нехай идетъ, кто хоще хоросово пива.
О вей! я такова еще николи не бацивъ дива!
О вей! цорнѣ годъ! цо сей за человѣкъ?
Не бацилъ николи такова, а ужь изжилъ вѣкъ.

Раск. Стой, бачка! этому ты не дивися,
Пожалуй, только со мной разговорися.
Да скажи прежде: какой ты вѣры,
Этое у тебя увѣдать желаю безъ мѣры.

Жидъ. Якой тебѣ треба? ци турецкой,
То я; а коли хоцесь, то и грецкой.

Раск. Нѣтъ! скажи, пожалуй, мнѣ однымъ словомъ.

Жидъ. Цого больше еще тебѣ хоцесь? я тебѣ молвилъ.

Раск. Скажи, пожалуй, истину, ужь водить мене полно.

Жидъ. Я есмь человѣкъ стараго закона.

Раск. Ахъ! радостію весь растопився.

Жидъ. Се, бачу, старый собако схазився.

Тутъ расколшикъ падаетъ, а жидъ около его обѣгаетъ.

Жидъ. Стось сему целовѣку стало?
Ци недоброе цо на его напало?

О вей! о вей! цорны годъ! узе посепцу къ уху.
Бацу, ницого не помогаетъ! ось ежь я еще поддамъ духу.
Узе, бачу, отъ духу заворошився.
Сцо тебѣ было стало? отъ цого ты бувъ схазився?

Раск. Я тепереча былъ въ восторзѣ
И нашолъ тое, чего искалъ надолзѣ.
Почти ужь всю вселенную избродилъ,
А еще такова мужа не получилъ:
Вѣдь и я старой вѣры смиреннъ наставникъ,
Нынѣшній убо день будетъ намъ великій праздникъ.

Жидъ. Говори далѣ; сцо будесь есцо брехаты?
Ну, ну не бався: неколи мнѣ цекати.
Я когда бывалъ на воинахъ, всѣ меня боялись,
Не разъ отъ заеца утикавъ и церевики поспадали.
Ну, ну и ты на войну, старый, прибирайся,
Естьли пистолетъ и сцолъ, я хоть бы ты на тысяцу.
. . . . . [1]) ступай, не злякайся
Ну, ну, ну! наси ну ну на сабли припасайте,
А добрѣ съ пистолетовъ, какъ и я, стрѣляйте
Пока ужь попощь ксендзаровати,
Будемъ уже лучше на казаковъ воевати.

Раск. Престань этово разговаривать со мною,
Я съ тобою радъ поговорить, якъ съ умной головою.
Вѣдь ты старой законъ содержиши,
Что презрядно твориши;
Однаковъ я то прямой старовѣрецъ.

Жидъ. А се чтожь у тебе? Раск. Бо какъ безъ перецъ
Птицы невозможно летати,
Такъ безъ этово невозможно пребывати,
Да и пробыть же безъ этого заслонца,
Понежь безъ него не пропустятъ въ адскіе оконца.

Жидъ. Цоръ себѣ, цорны годъ! якъ ты хороше убранный!
Еще бы покраще былъ, кабы ус...ный
Якій ты старовѣрецъ? я то стараго закона.

Раск. Нѣтъ! вѣдь и я не новаго.
Вѣдь этакъ ли ты по старому крестился?

Жидъ. О вей! чорны годъ! я добрѣ сказалъ, сцо сей человѣкъ сказився.

Раск. Эдакъ крестился всѣ пророки.

[1]) Не разобрано.

Жидъ. Згинь, що говоришь? пророки не крестилися:
Что тѣ развѣ пцолы въ головѣ разроилися?
Раск. Двоперстный крестъ былъ искони:
Развѣ ты такъ не видалъ молящася Авеля на иконѣ?
Бывалъ ли ты во Іерусалимѣ?
Жидъ. Былъ не разъ и еще пойду въ зимѣ.
Раск. Поповщина, Аввакумовщина, Андрѣевщина, перекрещеванцы и неперекрещеванцы и толки
Тамъ есть ли уже? здѣсь намъ жить нельзя: какъ хищные волки,
Никонщики над… жь настали,
Своей но… еликую взяли
И насъ старов… сняютъ,
Съ Керже… а, съ Польши немилостивно сгонаютъ.
Надѣюся, что … шься старой, какъ я и, вѣры:
Съ бород… озрадовался безъ мѣры.
Жидъ. Ци знась ты Х… ру оборону
Я тобъ с… тараго закону.
Раск. Слышалъ я объ… ей довольно,
Но о семъ нынѣча говорить полно:
Мнѣ нынѣча сомнѣніе не мало.
Жидъ. А отчегось тобѣ тое стало?
Раск. Старовѣрца себя быти объявляешь,
А двоперстнымъ старинным крестомъ себе прекрещаешь.
Жидъ. Севъ ты, бачу, съ разуму сступився;
Старъ якъ собака, а еще сего не научився!
Да вѣдь добрѣ знаешь, что наша вѣра моисейская старая.
Раск. Какъ же ты старую вѣру содержишь, а не крестишься
Двама престы, какъ Аввакумова велитъ вѣра святая?
Жидъ. Аввакумъ не крестився, онъ былъ давный пророкъ.
Раск. Какъ ты не устыдѣвся на него навесть такій порокъ?
Это, вижу, ты не прямой старовѣрецъ,
Знать, что ты Никонщикъ иновѣрецъ.
Жидъ. Я старой вѣры. Раск. Нѣтъ я старой вѣры хранитель.
Жидъ. Нѣтъ брешишь ты; я старой вѣры. Раск. Лжешь; я старой вѣры учитель,

Жидъ. Цорны годъ на твою голову! яка твоя вѣра старая?
Моя вѣра старая истинная и прямая.
Брешишь ты, якъ собака; я то старовѣръ.
Раск. Нѣтъ! я старой вѣры, въ этомъ ты мнѣ повѣрь.
Жидъ. А когда хоцесь, лучше позвать судію пошукаймо:
Нехай винъ насъ разсудитъ, хочь ему и за работу
дапмо.
Раск. Изрядно: судья надобно искати
И какъ онъ присудитъ, будемъ правду знати.
Жидъ. Хоросе, я пойду судью искати.
Раск. А я здѣсь буду тебя и судью ожидати.

Жидъ отходитъ, а расколщикъ стула ищетъ и, нашовши, на серединѣ становитъ.

Раск. Но почто мнѣ напрасно стоять?
Надобно стула гдѣ нибудь пріискать,
Чтобъ было гдѣ господину судьи сѣсти,
А мы будемъ предъ нимъ стояти вмѣсти.

Жидъ приходитъ

Жидъ. Будетъ заразъ судья, а уже вельми разсудный
Аять то и винъ совсѣмъ правдивый.
Раск. Чтожь онъ Руской ли или иноземецъ?
Я и судиться не хочу, ежели онъ Нѣмецъ.
Жидъ. Самъ заразъ побацишь, лучше угадаешь.
Гроси на плату только ци маешь?
Раск. Намъ здѣ никому не подобаетъ судити.
Жидъ. Ось побацись нечеты будешь говорити.

Цыганъ выбѣгаетъ.

Цыг. Чхавей! чхавей! Чи тутъ то шукали судити на росправу?
Раск. Какъ этакой можетъ судить вѣру
Стару, который и самъ бороду брѣетъ,
Да еще и парикъ на головѣ имѣетъ?
Нѣтъ! какъ хошь, я не хочу предъ нимъ судиться,
Не хочу и его зрѣніемъ сквернить ся.
Жидъ. О винъ васѣць не важаетъ
И, покей процю, отсюду замышляетъ.
А я васецъ узе гросей на выкладъ отличихъ.
Цыг. А ты, собака, ничего не положилъ.
Жидъ. Я осцѣ васѣце придамъ, только добрѣ судите
И сего собаку, якъ треба людей шаковать, научите.
Цыг. За то ни слова, бери только на барака.

Proludium septimum.

Выходитъ могильникъ съ кобыльникомъ: могильникъ копать отцу ямы, а кобыльникъ искать кобылы, да оба глухіе.

Могильникъ, кобыльникъ.

Мог. А вой, вой! батюшка ты мой!
Теперь ужь не дожидаться мнѣ тебя домой,
Какъ ѣздилъ было на добычку, хоть въ полночку,
А пріѣдешь, мнѣ гостинца привезешь, твоему сыночку.
А вой, вой! [illegible]ой! голубчикъ бѣлинькой!
Почто т[illegible]лъ миленькой?
Закатился ты, [illegible]о красное,
Покинул[illegible]нова напрасно:
Некому уже [illegible]ки погладить,
Только [illegible] по затылку ладить;
Некому за ме[illegible]ерь заступить,
Только [illegible]вшивицу нагрѣть.
Куды мнѣ бѣ[illegible]ѣвать?
Стань, [illegible] какую тебѣ могилу копать.

Другой ко[illegible]ть, ища кобылы.

Коб. Ей! что, братъ, [illegible]но свозило въ полночь?
Мог. Спасибо, добрый человѣкъ! надобно Божья помочь.
Коб. Не видалъ ли ты этта моей кобылы?
Сынъ. Хорошо, голубчикъ, пособико мнѣ копать могилы,
Однако здѣ есть и лопата.
Коб. Нѣтъ! не гораздо она была собою низковата,
Таки и очень была высока.
Сынъ. На што? не надобно очень глубока;
Полно, когдабъ выкопать хоть на три локти.
Коб. Гдѣ? когда еще ей попасть медвѣдю въ когти?
Теперь вотъ недавно со двора сбѣжала.
Сынъ. Ужь этая яма да ему будетъ мала?
Куды ему съ ней? хоть кому то будетъ полно.
Коб. Да какъ тебѣ не знать? вѣдь ты на ней ѣзживалъ довольно:
Помнишь, какъ тебя хватила зубомъ?
Сынъ. Э братъ нашто? еще подстилать лубомъ!
Таки также ляжетъ и безъ луба.
Коб. Да то та то и есть, что разсѣчена губа.
Помнишь, какъ я на ней ѣхалъ мостомъ?

Сынъ. То правда, что ужь великъ то великъ ростомъ,
А въ ночи было ему никто не попадайся на дуло.
Коб. А ея тогда чортъ носомъ подкинуло.
Да оттово то вотъ и губа та у ей разбита.
Сынъ. О что до свѣта, то до свѣта!
Часто онъ и одинъ лазилъ по клѣтямъ,
А то еще иногда какъ со мною пойдётъ по черквамъ,
Не бось, уже не придетъ съ голыми рукамъ.
Коб. Эхъ держать было: вѣдь она и всегда лягатся ногами!
Ну гдѣ же вотъ теперь его сыщешь?
Сынъ. Какъ не прыскать? таки гораздо на радостяхъ прыщешь,
Какъ иногда хоротенькую таки принесешь добычку.
Коб. А коли у тебя, отдавай же мою кобыличку.
Для чего ты не сказывалъ до сего мѣста?
Сынъ. Да отчіово то и умеръ, какъ не отъ солонова тѣста?
Третьева дни пришелъ, какъ волкъ проголодался,
А на то то время въ печки съ тѣстомъ горшокъ разогрѣвался.
Ну да вотъ на ту-то пору, будто чортъ сунулъ мачку
Выпялить съ печи горшокъ, да подала бачку,
А онъ съ шальныхъ тѣ, какъ впустилъ туды рыло,
Да ужь дулъ, дулъ, дулъ, дулъ, пока ему брюхо то какъ гору разворотило.
Да! оттого то ему смеріодушка то и припала.
Коб. Нѣтъ не пропала она, на люди попала:
Вѣдь ты самъ давечь говорилъ, что у тя моя кобыла.
Сынъ. Что ужь дѣлать? пришло копать могила,
Коли ужь ему такая смерть пришла.
Коб. О, братъ, ты этого не плети; она у тя не ушла.
Какъ хочь отдавай, хоть роди бокомъ.
Сынъ. Ну братъ правду ты говоришь, что вышло ему воровство сокомъ,
А всё въ томъ мачка, р..... мать, виновата.
Коб. Что ты братъ врешь? она была не горбата,
Вѣдь и вашъ сусѣдъ Сверчокъ знаетъ.
Сынъ. Да то понамарь, то дьячокъ читаетъ,
Вотъ лишь только за салтырь приняться топеря.
Коб. За что меня бранишь? развѣ ты самъ тетера,
Да и другихъ тетіорама называешь.
Сынъ. А когда посмотрѣть бачка то желаешь,
То хоть завтра ко мнѣ приди ты.

Коб. Вотъ дуракъ! скажи, да скажи примѣты!
Вѣдь я тобѣ давича говорилъ,
Да ты развѣ тогда безъ ушей былъ?
Попъ въ алтарѣ паки, паки поіотъ,
А дьячокъ распустилъ горло да вѣчну память
дерiотъ.
Ты говори чорту аминь,
А чортъ таки чортомъ все глядитъ въ овинъ.
Отдавай мнѣ кобылу, полно шалберить.

Сынъ. Еще да что ужь тутъ больше мѣрить то?
Будетъ, кажется, съ него довольно долины.

Коб. Да то во лбу [illegible]стрины,
А хребётъ та[illegible] пёстрой.

Сынъ. Помяни ево Б[illegible]о былъ востроЙ:
Таки по часте[illegible]а Волгу.

Коб. Да вѣдь я тебѣ [illegible] что гриву имѣетъ долгу,
А ты по ся [illegible]растолкуешь.

Сынъ. Что же дѣлать [illegible]не хотя горюешь,
Когда бачка к[illegible]не стало,
А при ё[illegible] никогда не бывало?
А это все так[illegible]чка, дура.

Коб. Врешь ты какъ [illegible]я то кобыла не бура,
Она шерстію вся почти была сѣра.

Сынъ. Гдѣ у ево вотъ тѣ то и мѣра,
Какъ куды пойдётъ, да ловко попадётъ,
То лишка не возмётъ, только сани нагребётъ,
А домой то какъ прикатитъ, такъ любо смотрѣть

Коб. . . . . а вѣдь ужь тебѣ не избыть,
Какъ хошь, это твое братецъ дѣло.

Сынъ. Да вотъ завтрѣ увидишь, что ужь совсѣмъ почернѣло,
А брюхо то все выше и выше дiотсо.

Коб. Да тебѣ нужды нѣтъ, что она бiотце,
Отдай вѣдь я рос....ю мать всего перекорюю.

Сынъ. Да то часто бывало, что, какъ возьметъ дубину,
Да еще въ товарищахъ у его были два сына поповы,—
И то правда, что ужь робята здоровы,—
Какъ когда пойдетъ на большую дорогу съ ними;
То, пожалуй, управится хоть съ десятерыми.
А что на кабакѣ хоть бы маленко что зашумѣли,
Ужь то давай: подраться, побиться то его дѣло
И нѣчего таки право, за кого примется, напуститъ въ гачи.

Коб. За что? у меня одна и есть, да и той не отдаешь клячи.
Сынъ. Право таки безъ шутокъ: хоть бы кто, то уже въ гачи
напустить,
Вѣдь онъ, пожалуй, и чорту не спуститъ.
Коб. Нѣтъ, братъ! нѣчево такъ то больше проѣдаться,
Хоть не хотѣлося было мнѣ ужь драться,
Да ужь вижу, что съ тобою не быть безъ драки.
Сынъ. У ково? у бачка-та? у ево были три собаки,
Хоть и самъ онъ былъ не послѣдній воръ,
Да таки надобно, чтобы стерегли и свой дворъ,
Для того, что часто и то бываетъ,
Что и чортъ на чорта набѣгаетъ.
Также и бачко: тотъ, хоть и самъ воръ былъ,
Таки назадъ то оглядывался, чтобъ и самого не
обрилъ.
Коб. Нѣтъ, братъ, турусу на колёсахъ везёшь,
Пойдёмъ-ко въ губерскую кончелярію: тамъ инако
запоешь,
А то ты точишь шары да вары.
Сынъ. Пойдемъ, коли хошь, то увидишь, какіе анбары
Послѣ бачка пожитковъ тѣхъ стоятъ.
Коб. Не грози! отдашь небось; пойдемъ ка, братъ!
Сынъ. Да вотъ и увидишь, что и у боярина столько нѣту.
Коб. А когда ногу сломилъ, то отдашь и свою за эту.

СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ПРОПОВѢДИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года совершился переворотъ, возведшій на русскій тронъ Елисавету Петровну. Въ манифестѣ, изданномъ черезъ три дня послѣ того, объяснены были права новой императрицы на престолъ и исторія нарушенія этихъ правъ, установленныхъ еще завѣщаніемъ Екатерины I. Лицами, устранившими Елисавету отъ короны, названы Остерманъ, Минихъ и гр. Головкинъ. На нихъ возлагаетъ манифестъ отвѣтственность за управленіе государствомъ въ короткое царствованіе Іоанна Антоновича. За тѣмъ обѣщано членамъ Брауншвейгской фамиліи забвеніе прошедшаго. Успѣхъ переворота, возведшаго императрицу на прародительскій престолъ, приписанъ «наипаче и особливо» преданности лейбъ-гвардіи полковъ[1]). За ними скрывались люди, дѣйствовавшіе въ рѣшительныя минуты въ пользу Елисаветы. Но манифестъ могъ бы назвать еще партію, хотя и не принимавшую участія въ переворотѣ, но отозвавшуюся сочувствіемъ новому царствованію, вынесшую изъ временъ господства Бирона много тяжелыхъ воспоминаній: этою партіею было русское духовенство. Прискорбная исторія съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, не единственная въ своемъ родѣ; простое, очень естественное чувство ненависти къ иновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки значительную часть управленія, имѣвшимъ вліяніе даже на церковныя дѣла; наконецъ раздраженіе, вызванное полемикой съ католическимъ и лютеранскимъ ученіями: все это не мало содѣйствовало тому, что перемѣна правительствующаго лица, обѣщавшаго положить конецъ прежнему порядку вещей, встрѣчена была расположеніемъ со стороны духовенства. И дѣйствительно, въ большей части проповѣдей, произнесенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, не трудно замѣтить подъ торжественнымъ, оффиціальнымъ

---

1) П. С. З. XI, № 8476.

покровомъ церковнаго краснорѣчія радостное чувство побѣды. Духовные ораторы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать это чувство, а нерѣдко и требованія, внушаемыя имъ: проходитъ пять, шесть, десять лѣтъ послѣ 25 ноября 1741 года, и не смотря на такое разстояніе, въ годину переворота, или въ день коронованія императрицы, ея именинъ и рожденія, проповѣдникъ считаетъ своею обязанностію возвратиться воспоминаніемъ къ этому счастливому, по его мнѣнію, событію, указать на его общественное значеніе. Съ своей стороны Елисавета Петровна не остается равнодушною слушательницей такихъ панегириковъ: въ ея правленье мы видимъ цѣлый рядъ указовъ, обнаруживающихъ особенную заботливость и попечительность правительства о церкви, ея служителяхъ монастыряхъ, о распространеніи православія среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири. Чрезвычайно любопытно было бы прослѣдить такія отношенія между церковью и государыней во всей ихъ подробности.

Прошло три недѣли послѣ 25 ноября, и въ день рожденія новой императрицы, декабря 18, выступили два оратора: одинъ говорилъ свое слово въ Петербургѣ въ придворной церкви, другой—въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Первымъ былъ Амвросій, архіепископъ новгородскій; вторымъ—архимандритъ заиконоспасскаго монастыря Кириллъ Флоринскій. *Амвросій Юшкевичъ*, получившій первоначальное воспитаніе въ польскихъ школахъ, бывшій также и въ кіевской академіи, сперва служилъ въ ней учителемъ синтаксимы, былъ потомъ игуменомъ монастыря Святаго Духа, единственной въ то время православной обители въ Вильно [1]), откуда переведенъ архимандритомъ въ Симоновъ монастырь, сдѣланъ членомъ синода, съ 1730 года епископомъ вологодскимъ и наконецъ въ 1740 новгородскимъ занявъ такимъ образомъ каѳедру, остававшуюся свободною по смерти Ѳеофана Прокоповича [2]). Подобно знаменитому предшественнику своему, такъ громко прославлявшему дѣла Петра Великаго, Амвросій напоминаетъ Елисаветѣ славное царствованіе отца ея: «Рожденна Ея В. отъ обоихъ коронованныхъ лицъ, отъ обоихъ законовладѣтельныхъ самодержавныхъ героевъ и монарховъ, которые не только по прерогативамъ своего самодержавія, но и по самымъ своимъ

---

[1]) А. *Киркора*, Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 года, стр. 86.

[2]) См. Ист. Р. Іер. I. 82, 186, 603; II 363, VI 877. *Аскоченскаго*, Кіевъ с древнѣйшимъ его училищемъ Академіею I, 314, 316. *Б.-Каменскаго*, Словарь дост. людей (М. 1836) ч. I. стр. 42, 44. *Новикова*, Опытъ истор. словаря о рос. писателяхъ, стр. 12.

наслыханнымъ къ отечеству заслугамъ, имѣли истинный законъ вѣчно, со всѣми своими потомками, престолъ россійскій наслѣдствовать. Ибо что надлежитъ до преславныхъ заслугъ ихъ; то я не знаю, есть ли въ свѣтѣ уголокъ такой, есть ли народъ дикой и незнаемой, чтобъ до него не дошелъ слухъ дѣлъ и словъ Петра Великаго, и чтобъ не зналъ онъ, кто и что былъ въ Россіи Петръ Первый, кто и что была Екатерина? Но ежели жъ и забылъ ихъ нынѣ свѣтъ; то не дивно: было по чему забывать ихъ. То дивно, когда и у насъ самихъ, толикими превысочайшими дарами обогащенныхъ, толикими трудами, словами и побѣдами ихъ одолженныхъ, но неблагодарныхъ дѣтей ихъ, начали было [illegible] приходить забвеніе.» Императорскій титулъ, которая [illegible]стичь тридцать предшественниковъ Петра; искусство, [illegible]ѣпость и всему свѣту удивительная и ужасная сила [illegible]россійскаго, которому Петръ, «вмѣсто бердышей посмѣ[illegible]залъ толь искусно, толь храбро и скоро дѣйствовать [illegible]еннымъ оружіемъ», которому Петръ «отверзъ путь мор[illegible]осударства новымъ, но всѣмъ стариннымъ не уступающи[illegible]мъ флотомъ»; политическое обхожденіе россійскаго г[illegible]ремудрое учрежденіе коллегій и судовъ государственны[illegible]е и почти съ самыми древнѣйшими иностранными срав[illegible]е заводы, различныя фабрики и художества; перемѣна грубаго прежнихъ обычаевъ нашихъ варварства и свирѣпства; самое благосостояніе россійскаго духовенства, есть, по мнѣнію Амвросія, заслуги Петра Великаго, отца новой императрицы. «Когда онъ воевалъ, училъ воевать воинство; когда училъ воинство, устроялъ благополучіе внутренняго гражданства; когда устроялъ благополучіе гражданства, и о духовномъ своемъ чинѣ промышлять не оставилъ. Видѣлъ онъ совершенно, ово изъ древнихъ исторій, ово же и самъ своимъ уже искусствомъ, какъ народъ россійской тогда былъ неславный и посмѣятельный; видѣлъ, какъ былъ всюся темный въ наукахъ и непросвѣщенный: и того ради великою суммою сыскивалъ людей ученыхъ, держалъ ихъ во всякомъ довольствѣ и почтеніи, посылалъ своихъ подданныхъ для науки и всякой експеріенціи въ иностранныя государства, старался вездѣ заводить училища духовныя и политическія, снабдѣвалъ ихъ весьма мудрыми и славными учителями, и, что всего удивительнѣе, самъ своею императорскою персоною почти по всей Эвропѣ странствовать изволилъ, для единаго, чтобъ, разсмотрѣвъ тамошнее состояніе училищъ, воинства, гражданства и мастерства корабельнаго, завесть то такимъ же образомъ и въ своемъ государствѣ. Но въ чемъ толь крайнею силою трудился, и что такъ великимъ прилежаніемъ пріобрѣталъ

Петръ; во всемъ томъ неотступно присутствовала, и все то также пріобрѣтала и Екатерина». Несмотря на то, по смерти Петра II, Елисавета не получила родительскаго престола: «жалостно то воспомянуть, — говоритъ ей ораторъ, — но нельзя правды утаить, какъ Богъ, отъ самыя блаженныя кончины вселюбезнѣйшихъ твоихъ родителей, водилъ тебе чрезъ всю жизнь твою по острому и язвительному терню. Не терніе ли то было, шлюсь я на разсужденіе всякаго, видѣть свой *наслѣдственный* государственный скипетръ чужими руками обладаемый? Не терніе ли то было, въ собственномъ добрѣ, собственными родителями твоими пріобрѣтенномъ, почти попелъ за хлѣбъ имѣть, а питіе съ плачемъ растворять? Не терніе ли то наконецъ было, терпѣть отъ своихъ подданныхъ рабовъ сущей порфирородной императорской дщери крайнее презрѣніе, и сверхъ того, быть еще во всегдашнемъ опасеніи живота и здравія дражайшаго?» Но, подобно Давиду, послѣ долгаго испытанія и Елисавета достигла желаемой цѣли: «говоритежъ теперь безбожники, неисповѣдающіе Бога и Его промысла, — говоритъ проповѣдникъ, — что то сдѣлала фортуна, слѣпой случай, а не Богъ всѣми владычествующій: блядословите»... «Послалъ ей Господь сердце мужественное, вліялъ духъ петровъ, даровалъ храбрость іудиную, которою внутрь возбуждаемая, и Господемъ своимъ аки непреоборимымъ оружіемъ защищаемая, пошла къ надежнымъ своимъ и давно уже того желающимъ, солдатамъ, и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказать изволила: *Знаете ли, ребята, кто я? и чья дочь?* Родители мои вселюбезнѣйшіе Петръ Великій и Екатерина трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами; а нынѣ все то растащено; сверхъ же того, еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ вседражайшаго отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно раззоряется, и людей столько, невѣдомо за кого, пропадаетъ. Кому жъ вѣрно служить хочете? Мнѣ ли природной государынѣ или другимъ, незаконно мое наслѣдіе похитившимъ? И какъ то они услышали, того жъ часа всѣ единогласно закричали: «тебѣ, всемилостивѣйшая государыня; за тебя послѣднюю каплю крови излить готовы; мы того давно желаемъ и дожидаемся, нынѣ время благополучное, нынѣ день приспѣлъ россійскаго спасенія». Сіе сказавши и ко кресту святому приложившись, начали во имя господне исправлять дѣло свое, и сдѣлали то въ одинъ часъ, что иные дѣлали чрезъ многія лѣта и со многимъ кровопролитіемъ». Представивъ слушателямъ въ такомъ видѣ ноябрьскій переворотъ, Амвросій прибавилъ о самой Елисаветѣ: «не имѣя ни командира надъ солдатами, ни офицера присутствующаго, сама была

и полковникъ, сама и офицеръ командующій». По его мнѣнію, «преславная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что, какъ болѣзнь внутренняя есть тяжчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество чаще раззоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и пр[illegible]дто они не вѣру, но непотребное и весьма вредите[illegible]ству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множест[illegible]ъ притворомъ людей духовныхъ,—а наипаче ученыхъ[illegible] монаховъ поразстригали и перемучили! спроси жъ за[illegible] отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, л[illegible]къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію [illegible] чтобъ вовся въ Россіи истребить священство прав[illegible]весть свою нововымышленную безпоповщину. Разговору[illegible]ихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже[illegible]частлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ, и [illegible] завесть не можетъ! Не знающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства, думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ-нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сего ихъ обмана народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ, и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными *претекстами* губили, раззоряли, и вовся искореняли, а рав-

ныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то воистинну, что и говорить стыдно; однако то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранной незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали, и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штаны, и жалованья опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутренніе враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее раззореніе. — Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую; сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколько жъ сотъ тысячъ церковниковъ и другихъ рекрутъ перебрали, а всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили: но тѣ все то дѣлали притворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліонны полагали»[1]). Такая картина злоупотребленій и общественныхъ грѣховъ, совершившихся во времена, уже ставшія прошедшимъ для всѣхъ слушателей Амвросія, картина не лишенная нѣкоторой исторической достовѣрности, была бы не-

[1]) Слово 1741 г. дек. 18; кромѣ того Амвросій Юшкевичъ говорилъ проповѣди: 1742 ноября 8, 1743 апрѣля 25, ноября 25, 1744, іюля 15. Срв Сопикова №№ 1149 — 1153; Библ. Общ. Истор. отд. II, № 666. 2. Кастерина №№ 818, 837.

оцѣненною для насъ, если бъ эпоха, которой она касалась, имѣла и надъ самымъ ораторомъ, и надъ внимавшими ему все неотразимое вліяніе настоящаго, предъ глазами ихъ проходящаго дня; теперь же она интересна для насъ потому только, что въ ней впервые такъ громко высказался взглядъ на это время людей, въ руки которыхъ досталась нежданная побѣда надъ дѣятелями 1730-хъ годовъ. Понятно, что взглядъ этотъ могъ ясно отличать въ прошедшемъ лишь тѣ явленія, которыя наиболѣе поражали его, для которыхъ однакожъ новые зрители не могли быть безпристрастными цѣнителями. —

Но если новгородскій архіепископъ остановился только на общей картинѣ той эпохи, [illegible] юрилъ; то гораздо далѣе пошелъ московскій проповѣ[illegible]*лъ Флоринскій*. Онъ также воспитанъ былъ въ кіевс[illegible] откуда поступилъ въ только-что учрежденный тогда [illegible]ллегіумъ сперва учителемъ, потомъ префектомъ; въ 1[illegible] назначенъ былъ префектомъ московской академіи, гдѣ [illegible]ковіе, и за пять мѣсяцовъ до дня, въ который произне[illegible]вѣдь, сдѣланъ ректоромъ академіи и вмѣстѣ съ тѣм[illegible]томъ заиконоспасскаго монастыря[1]). Уже изъ текста [illegible]мъ для проповѣди: *сильно на земли будетъ сѣмя его*, [illegible]гадывать, что содержаніемъ слова будетъ панегирикъ [illegible]о дочери. Въ самомъ дѣлѣ, Флоринскій, сочиненія котораго вообще отличались обиліемъ аллегорій, притчъ, сравненій, смѣлостію выраженій, почти въ самомъ началѣ проповѣди своей представляетъ Петра сѣятелемъ, а Россію почвою, принявшею брошенныя имъ сѣмена. «Егда вопросите мя, говоритъ онъ: да скажу вамъ не притчу, но свѣжую исторію о насѣянныхъ плевелахъ въ Россіи? Тако отвѣщаю: Сѣявый въ насъ доброе сѣмя, есть самъ Петръ Великій, село есть Россія, доброе сѣмя — сынове россійскаго отечества вѣрніи, паче же всѣхъ по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска Елизаветъ, наслѣдница престола Петрова; а плевелы—подъ видомъ токмо сыновъ отечества, вещію же порожденія ехидинна изгрызающіе утробу матери своея Россіи, да чужестранцы пришлецы, Петромъ насѣянныхъ въ Россіи расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія вкорененнаго въ Россіи отъ многосотныхъ лѣтъ растлители и истлители, подъ ухищ-

---

[1]) *Аскоченскаго*, Кіевъ и т. д., II, 72. *Смирнова*, Исторія моск. ак., стр 120, 121, 125, 198. Ист. Рос. Іер. I, 556, 641, II, 182, 504, VI, 878. Краткое историч. описаніе Св.-Троиц. Серг. Лавры. М. 1815, стр. 125. *Новикова*, Опытъ истор. словаря о росс. писателяхъ, стр. 232.

ренною политикою всего счастія россійскаго губители;... а жатели, плевелы и плевелосѣятелей враговъ собирающіе, сынове же вѣрныхъ безъ поврежденія, яко пщеницу въ житницахъ въ отечествѣ хранящіе — лейбъ-гвардія и вся воя». При объясненіи правъ Елисаветы Петровны на русскій престолъ, проповѣдникъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на постановленіи Екатерины Первой: не бывать никогда же никому же не греческаго закона, или другую имѣющему корону, монархомъ въ Россіи. Представляя себѣ послѣднюю въ олицетворенномъ видѣ, онъ обращается къ ней съ такимъ вопросомъ: «то намъ страшное чудо, что, тебѣ невѣдущей, возрасте Елизаветъ, знать по сторонамъ негдѣ ты бродила, или, яко конечнѣ доумѣваюся, спала, о Россіе! да еще летаргомъ? Запамятовала, что Петръ воскресилъ тя»... Потомъ вдругъ переходитъ къ самимъ слушателямъ: «да что я виновну творю едину Россію? Яснѣя сказать, вси мы чрезъ десятилѣтіе и болѣе нечувственныя древеса бѣхомъ, не примѣчая, како созрѣвше сильное сѣмя Петрово; запамятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своима рукама коль въ красные статуи передѣлалъ, да еще и небездушные. Почто же мы отъ кончины блаженныя мужа Петра Великаго, Екатерины и Петра Втораго, очи смежа, дремлюще ходихомъ? Почто на петрово сѣмя, еже въ крайнемъ уничтоженіи, озлобленіи и смиреніи бяше, ни воззрѣхомъ, ни подъ сѣнію витахомъ? О пречудная вещь! возрасте сѣмя петрово, подобно зерну горушну евангельскому, подъ его же вѣтвіями намъ, Россіянамъ, отраду и прохлажденіе давно надлежало было пріяти; но мы, отягченны всѣми наругательствы, страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвлеми, отечества и правовѣрія лишаеми, дремлюще, благосѣнно-лиственнаго сего не видѣхомъ древа». Нельзя не замѣтить, что такимъ быстрымъ переходомъ отъ одного представленія къ другому, отъ мысли къ мысли, умѣньемъ заинтересовать слушателя живописнымъ выраженіемъ, обронить какъ бы мимоходомъ не совсѣмъ точное слово и потомъ измѣнить его смыслъ неожиданнымъ эпитетомъ (Петръ сдѣлалъ изъ русскихъ, какъ изъ дерева прекрасныхъ статуй, — и вслѣдъ за тѣмъ объясненіе: да еще и не бездушныхъ): всѣми свойствами этими проповѣдь Флоринскаго выше проповѣди амвросіевой. Но мало того: она и въ разсказѣ о прошедшихъ событіяхъ идетъ дальше, не покидая при этомъ своей обычной рѣзкости въ выраженіяхъ. Флоринскій прямо говоритъ: «Древо сіе не всяко плотоядные, по человѣкояды птицы, Остерманъ и Минихъ съ своимъ стадищемъ начали было, чрезъ

двонадесятолѣтіе обезпокоивавшіе, сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, донелѣже само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?....» Проповѣдникъ заставляетъ императрицу разсказывать Россіи исторію дѣлъ петровыхъ: «не мой ли отецъ?... не отецъ ли мой?» Такими словами начинается каждое новое исчисленіе заслугъ Петра. «Не и самыхъ ли васъ, о постоянно вѣрные солдаты, изъ боязливыхъ заяцовъ въ небоязненные и нетерпѣливые львы передѣлалъ? Не отецъ ли мой, грубыя прежде и невѣжды—политичныя и вѣжливыя сдѣлалъ?.... Не мой ли отецъ, видѣвъ юстицію, или правосудіе, по [illegible] царствующаго града Москвы, скитающееся безъ [illegible]нія, возгради во обитаніе тому многая судилищная [illegible]берга, комерцъ, духовное дикастиріонъ, сенатъ, и [illegible] свидѣтельствуютъ?».... и т. д. Характеръ же участ[illegible] переворотѣ, совершенномъ Елисаветою, проповѣдник[illegible]дѣлаетъ съ довольно наивною откровенностью: «*н*[illegible]*ь дѣло торжествовать, о чемъ мы и радуемся*, [illegible]*люще, спяще и невѣдуще, како возрасла еси, до*[illegible] тѣмъ большимъ ожесточеніемъ нападаетъ онъ н[illegible]инихъ и ихъ друзей. «Доселѣ дремахомъ, а нын[illegible]о Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи православіе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ..... Что же Остерманъ и Минихъ съ своими сподвижники таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ сіи доводы. Первый: яко законной наслѣдницы, православной благочестія хранительницы Елисаветы, престола отеческаго злодѣйскими тестамента укрывательствы наслѣдовать не допускли. Кто же не вѣсть, что таковой наслѣдницы до отеческаго престола не допущать есть православіе и благочестіе, отъ апостоловъ первозваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатерины, Петромъ и Екатериною по лицу всея Россіи расположенное, искоренять и въ конецъ истреблять?» «Вторый доводъ: Миниховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украйнѣ зловѣрія его замышленныя и едваль не возстановленныя кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китаи на прельщеніе душъ неповинныхъ христіянскій рогъ, крестъ христовъ, вознесшая армян-

ская церковь, не ихъ ли дѣло являетъ?» [1]) Проповѣдникъ призываетъ Іоанна Златоустаго, гремѣвшаго нѣкогда противъ аріанъ и Армянъ, заградить Остерману и Миниху челюсти, пролившія коварнымъ образомъ многую кровь Россіянъ, внушить государынѣ о безчестіи, какое наноситъ, по его мнѣнію, Москвѣ существованіе въ ней армянской церкви. «Думали Армяне и ласкатели многи, продолжаетъ онъ отъ себя: кои слѣпымъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ разсказамъ удивлятися часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство принуждены бывали, — будто бы, какъ въ первенствующей церквѣ, два свѣтила и два новые апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой, яко Аполлосъ, напаивалъ; но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Миниха напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняетъ. Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози, уподобльшеся человѣкомъ, снидоша къ намъ, и царицаху Остермана Діа, Миниха же Ермія; и во правду можно нарещи идолами: Остермана Діа, Миниха Ермія, яко же бо Діи и Ерміи въ язычѣхъ, тако Остерманъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златыя, имже сосовѣтніи не устыдѣшася, яко болванамъ, и жрети, своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ..... Гдѣ домъ, жертвенники, образы и Маѳанъ жрецъ Вааловъ? истребимъ я!.... Домъ Вааловъ? Совѣта нераскаяннаго на сѣмя петрово соборище; жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерманъ, Минихъ и снузники тѣхъ, ихъ же и кромѣ насъ, яко скудельніи идолы, самъ сокрушитъ Господь [2])». Въ это самое время надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ, Менгденомъ, Темирязевымъ, Яковлевымъ, Стрѣшневымъ, Хрущовымъ и другими торопливо производила судъ особенная коммиссія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожались нѣкоторые изъ указовъ, состоявшихся въ предшествовавшее правленіе; отнимались чины, данные тогда; участники ноябрьскаго переворота награждались щедрою рукою. А въ послѣдній день 1741 года объявлена была закрытою страшная доимочная коммиссія; въ канцеляріи же конфискацій прибавленъ еще одинъ комиссаръ: тамъ принимали имущество, отписанное у взятыхъ подъ стражу приверженцевъ прошедшаго

---

[1]) При Аннѣ Іоанновнѣ религіозная терпимость распространена была не только на христіанскія исповѣданія, но и на магометанъ, которыхъ запрещено было силою обращать въ православіе: ибо «*Богу то угодно быть не можетъ*».

[2]) Слово 1741 г. дек. 18. Кромѣ того у насъ были подъ руками еще два слова Кирилла Флоринскаго: 1742 г. апр. 11 и іюля 15. Срв. Сопикова №№ 10463. 1174, 1175. Библ. Общ. истор. отд. II № 148.

правленія; велѣно было также вынуть изъ обращенія монету съ изображеніями Іоанна Антоновича [1]).

На другой день, перваго января 1742 года, съ каѳедры проповѣдника придворной церкви снова слышались неумѣренные панегирики Елисаветѣ, 25-му ноября и рѣзкая оцѣнка прежнихъ царствованій. Ораторомъ былъ *Стефанъ Калиновскій*, воспитанникъ кіевской академіи, служившій потомъ въ ней префектомъ, далѣе префектомъ, ректоромъ и, стало быть, преподавателемъ богословія въ московской академіи [illegible] переведенный въ Александро-Невскую лавру архимандр[illegible]мъ затѣмъ получившій назначеніе быть епископомъ [illegible]номъ въ синодѣ [2]). Замѣтивъ, что 25 ноября [illegible] «съ неописаннымъ всего города веселіемъ, съ [illegible]народными восклицаніями, съ друголюбнѣйшими [illegible]ными поздравленіями,» проповѣдникъ перешелъ к[illegible] Петру и Елисаветѣ, называя послѣднюю, подобно Ю[illegible]ринскому, русской Юдиѳью, Есѳирью и Пульхеріей. [illegible]ей того образа жизни, какой вела Елисавета Петровна [illegible]ановнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, Стефанъ приводитъ только слѣдующія: «еще тогда, какъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти родители ея отъ временнаго сего на вѣчное царство переселилися, многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно претерпѣла; еще тогда отъ всезлобныхъ людей въ монастырь побуждаема была: что ѣстъ, что піетъ, что дѣлаетъ, куда ѣздитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпіонами назираема, не унывала, не изнемогала, не малодушествовала» [3]). Любопытно видѣть, что краснорѣчіе проповѣдниковъ достигало своей цѣли. Такъ негодованіе Кирилла Флеринскаго противъ армянскихъ церквей, построенныхъ въ Москвѣ, высказанное съ страстнымъ желаніемъ выпросить у Елисаветы приказъ объ уничтоженіи ихъ, вызвало со стороны синода донесеніе о томъ, подтвержденное именнымъ указомъ

---

[1]) П. С. З., Т. XI. №№ 8482, 8483, 8490 — 8494.

[2]) Ист. Рос. Іер. I, 128, 556, 607; II. 264; VI. 877. *Евгенія* Словарь пис. дух. II. 262. *Смирнова*, Ист. Моск. Акад. 198. *Аскоченскаго*, Кіевъ и пр. II. 53.

[3]) Слово на новый годъ, генваря 1 дня 1742 г. Кромѣ того Ст. Калиновскій говорилъ еще слова: 1742 янв. 17, февр. 13, ноябр. 25; 1743, іюля 3, сент. 14; 1744 г. апр. 25; 1747 сент. 5; 1749 сент. 5. Срв. Сопикова №№ 1154-1164, гдѣ нѣкоторыя слова показаны дважды и №№ 10464, 10475, *11481: кромѣ того подъ* № 1172 слово 1746 г. апр. 25 отнесено къ 1744 году.

слѣдующаго содержанія: «церкви армянскія, кромѣ одной каменной въ Астрахани, всѣ какъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) и въ Москвѣ и въ Астрахани недавно построенныя, упразднить, и впредь позволенія о строеніи оныхъ не давать» [1]).

Между тѣмъ дворъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Москву для коронованія государыни. 28 февраля былъ торжественный въѣздъ ея въ древнюю столицу. Надписи къ тріумфальнымъ воротамъ, чрезъ которыя она проѣзжала, были составлены Амвросіемъ Юшкевичемъ и академикомъ Штелинымъ [2]) — Въ проповѣди, которую сказалъ въ тотъ день Амвросій въ Успенскомъ соборѣ, между прочими заслугами Елисаветывыставлено было повелѣніе «книгу Камень Вѣры, во тмѣ невѣденія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить,» которая также необходима была для духовнаго чина, «какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему кораблеику на морѣ кормило,» а до тѣхъ поръ «нетокмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли.... готовыя во тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили [3]). А 25 марта, воспитанникъ Московской академіи, архимандритъ Свіяжскаго монастыря, первый членъ коммиссіи объ обращеніи въ христіанство магометанскихъ и языческихъ народовъ въ нижегородской и казанской губерніяхъ, *Димитрій Сѣченовъ*, говорилъ въ присутствіи Елисаветы проповѣдь на текстъ: *благовѣствуй, земле, радость велію*. Никто, ни прежде, ни послѣ, не выражался такъ рѣшительно, какъ Сѣченовъ. Сказавъ нѣсколько словъ о духовномъ торжествѣ того дня, онъ распространился о торжествѣ политическомъ. «Было неблагополучное время, говорилъ онъ, но прошла тая нечестія лютая зима, возсіяло вѣдро благочестія». Настало время спокойныхъ размышленій, когда можно безъ опасности произнести свой приговоръ общественнымъ дѣламъ, обнаружить свои чувства. Теперь приличнѣе всего, по мнѣнію проповѣдника, обратиться воспоминаніемъ ко временамъ Петра Великаго, имѣвшаго не малое попеченіе о томъ, какъ-бы въ духовныхъ сребролюбный нравъ истребить, расколы изпразднить, суевѣрія отгнать, волшебство вывесть; «того ради самъ духовное собраніе посѣщати не лѣнился, ко исправленію благочестія духовныхъ пастырей поощрялъ; но сія паче удивительна

---

[1]) П. С. З. т. XI. № 8500

[2]) Рус. старина, т. IV. стр. 23.

[3]) Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священ. коронованія И Елисаветы. печ. при И. А. Н. въ Спб. 1744 г. стр. 16 — 17.

о благочестіи ревность, яко въ самой уже тяжкой болѣзни, въ самомъ послѣднемъ издыханіи, не иное что приказывалъ, не о иномъ чемъ вселюбезную свою супругу просилъ, токмо да сохранитъ благочестіе: Екатерина, соблюди православную вѣру.» Но со смертію Петра и Екатерины I наступили частыя и вредительныя перемѣны: и «видя то, противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пол[illegible]нію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отеч[illegible] руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійски[illegible] коликое гоненіе на церковь христову и на благочест[illegible]заставши, ихъ была година и область темная; что хот[illegible]мали. А вопервыхъ тщалися благочестіе отнять, бе[illegible]ы мы были горшіи Турокъ, Жидовъ и Араповъ. А[illegible]удумали, какъ де благочестіе у нихъ отымемъ, тогда [illegible]намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ нашъ пойдутъ[illegible]всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, [illegible]ныя ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи возлюбиша тьму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ..... И что бѣдственнѣе: догматы христіянскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатайцу спасенія нашего неусыпную христіянскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста святаго, егоже бѣси трепещутъ, гнушалися; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали; добрая дѣла, имиже вѣчная язда снискуется, отметали, въ посты святые мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялися; сами суще чада и наслѣдницы геенны, геенны быть не вѣрили..... И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ епикурская мнѣнія впадали. Яжды, піи, веселися, по смерти никакого де утѣшенія нѣсть: и которые такъ бредили, таковые-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковые и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками, грубіанами нарицали. Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто иконамъ кланяется—суевѣръ. Кто языкъ отъ сue-

словія воздерживаетъ,—глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню неоскудно подаетъ,—простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталося. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою, и сухимъ путемъ—куды? за чѣмъ?—монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе городы, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается.» Въ послѣднихъ словахъ проповѣдника какъ будто таится сознаніе, что поздняя борьба не есть заслуга, что равнодушіе и боязнь во время опасности (если только непреувеличена эта опасность силою краснорѣчія) не могутъ возбудить въ слушателяхъ особенной симпатіи къ себѣ. Ораторъ, подобно своимъ предшественникамъ, поднялъ Елисавету на недосягаемую высоту гражданскаго подвига, политическаго и религіознаго мужества. Она одна вступила въ борьбу съ общественнымъ бѣдствіемъ; что же осталось на долю тѣхъ, кто точно такъ же понималъ характеръ этихъ бѣдствій, какъ и самъ проповѣдникъ? Неизбѣжная мысль о собственной слабости. За то Сѣченовъ ищетъ оправданія ей въ нравахъ современнаго общества: «Узнали враги наши, что имъ не трудно священника, или монаха, или простаго человѣка, какъ мушку задавить, принялися они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія (?) знатныя фамиліи до конца (?) истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали.» Насилія развратили слабыхъ; «поносимъ праотца нашего, говоритъ проповѣдникъ, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца,поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставлю: возьми и душу готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть.» Но люди сильные не были довольны только этимъ; они удумали свои хитрый совѣтъ на самую истинную наслѣдницу русскаго престола..... «А теперь, замѣчаетъ проповѣдникъ, и языкъ закусили,» въ Елисаветѣ слабые духомъ увидали, по его выраженію: «одушевленный инструментъ, чрезъ который изгнаніи

возвратилися, узники свободилися, ограбленные, уничтоженные первыя имѣнія и чести воспріяли» [1]).

25 Апрѣля, въ день коронованія Елисаветы Петровны, въ молитвѣ предъ началомъ литургіи, Амвросій Юшкевичъ, обращаясь къ Богу отъ лица всего *народа*, читалъ: «Видимъ въ душѣ дѣвической дивная дѣла Божія, видимъ непобѣдимое мужество, сердце героическое, премудрость высокую, храбрость неустрашенную, любовь и милосердіе къ отечеству безприкладное. И кое жъ большее можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе, не жалѣть за цѣлость вѣр[illegible] послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеров[illegible]бирать вѣрное солдатство, заводить шерсти, идти г[illegible]пріятеля и, сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго, [illegible] и истопырей, мыслящихъ злое государству, прочь [illegible]ыхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и на[illegible]еликаго изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ россій[illegible]и высвободить, и до перваго привесть благополу[illegible]ое онымъ возвратить благополучіе? Нѣсть ли у[illegible]ту удивительно? Нѣсть ли потомнымъ вѣкамъ памят[illegible]орія.» Преувеличивая заслуги Елисаветы, архіеп[illegible]дскій признавалъ отъ лица того же народа, что всѣ бывшія бѣды и скорби наведены были на Россію за грѣхи всего населенія [2]). А между тѣмъ, въ тотъ же самый день, какъ въ Москвѣ совершался обрядъ коронованія, въ петербургской придворной церкви говорилъ проповѣдь священникъ петропавловскаго собора *Петръ Гребневскій*; называя враговъ Елисаветы гробами повапленными, яблоками содомстими, лисами прехитрыми, ковчегами позлащенными, квасъ фарисейскій въ себѣ содержащими; о самой Елисаветѣ проповѣдникъ выражается въ такихъ словахъ: «она едина аки солнце, которое темными облаками окружаемо бываетъ, но не помрачается. Она едина, аки корабль, который волнами обуреваемъ бываетъ, но не погружается; но паче отъ всѣхъ возносится. Она едина, аки кедръ ливанскій, который вѣтромъ не крушится, но паче крѣпчайшій отъ того бываетъ. Она едина, аки древо финиково, которое отъ тяжести не ломится, но паче про-

[1]) Слово въ день Благовѣщенія... 1742 г. марта 25. У насъ было подъ руками еще слово 1742 г. іюля 8. Срв. Сопикова №№ 1181, 1182, 10466 Библ. Кастерина № 820, Описаніе рукоп. Толстаго IV, 41. Ист. Р. Іер. I, 83, 134, 168, 580, VI, 880; Словарь Евгенія I, 138.

[2]) *Обстоятельное описаніе* и проч., стр. 60, 64, 65.

цвѣтаетъ. Она едина, аки адамантъ претвердый, ни чѣмъ сокрушитися могущій [1]).»

Если, на другой день коронаціи, архіепископъ новгородскій, принося поздравленіе Елисаветѣ отъ лица духовенства, просилъ ее принять виноградъ мысленный, т. е. церковь, въ дѣйствительное защищеніе, покровъ и оборону отъ многихъ разорителей; [2]) то въ отвѣтъ на его рѣчь послѣдовали указы: объ обращеніи въ православіе калмыковъ, татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ, находившихся въ полкахъ; объ освобожденіи отъ постоя дворовъ тѣхъ священно-служителей, которые находились на службѣ при церквахъ; о соблюденіи приличія во время церковнаго служенія; о томъ, чтобъ судебныя мѣста не брали подъ арестъ духовныхъ лицъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ важныхъ государственныхъ преступленій, безъ сношенія съ архіереями; объ учрежденіи школъ къ казанской губерніи для новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей; объ облегченіи участи духовныхъ лицъ, неправильно сказавшихъ за собою слово и дѣло государевы, и. т. под. [3]).

Такимъ образомъ обычай проповѣди, объясняющей современность, развившійся при Петрѣ, но забытый при его преемникахъ, возникъ съ новою силой съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы Петровны. Скоро онъ сдѣлался какъ бы оффиціальною принадлежностью придворной жизни, и каждое воскресенье, каждый праздникъ слышалось во дворцѣ слово какого-нибудь новаго оратора. Такъ намъ извѣстны еще 36 словъ, произнесенныхъ въ присутствіи Елисаветы Петровны въ томъ же 1742 году, и кромѣ того нѣсколько указаній на проповѣди, которыхъ не было у насъ подъ руками [4]). Мая 16-го говорилъ слово архимандритъ и ректоръ кіевобратскаго училищнаго монастыря, *Сильвестръ Кулябка*, родственникъ гетмана Данила Апостола, достигшій въ царствованіе Елисаветы сана петербургскаго архіепископа и извѣстный своимъ ловкимъ комплиментомъ красотѣ императрицы. Когда послѣдняя выразила однажды свое сожалѣніе, что ни одинъ живописецъ не можетъ написать вѣрнаго изображенія ея, и въ доказательство того показала Сильвестру нѣсколько своихъ портретовъ, онъ сказалъ ей:

---

[1]) Слово печатано въ Спб. при И. А. Н., мая 12 дня 1742 года. Стр. 1—15. Срв. Смирдина опись, № 512.

[2]) Обстоят. описаніе и проч., стр. 99, 100.

[3]) П. С. З., т. XI, №№ 8540, 8546. 8548, 8559, 8566, 8577, 8579, 8583, и др.

[4]) См. Испр. каталогъ библ. П. Гр. Демидова въ Чтеніяхъ Общ. ист. годъ 2.

«Предметъ огорченія вашего величества составляетъ предметъ радости нашей.» Почему? спросила удивленная императрица. «Красота вашего величества неописанная,» отвѣчалъ Кулябка [1]). Впрочемъ всѣ проповѣди его, за весьма немногими исключеніями, почти не касаются современности [2]). Мая 21 говорено было слово учителемъ грамматики въ московской академіи, іеродіакономъ *Арсеніемъ Могилянскимъ*, который былъ потомъ архимандритомъ троицкой лавры, архіепископомъ переяславскимъ и дмитровскимъ, жилъ нѣкоторое время въ нов[illegible]скомъ монастырѣ и потомъ назначенъ въ Кіевъ ми[illegible]). Два дня спустя, говорилъ проповѣдь савинскій арх[illegible]*аріонъ Григоровичъ*, впослѣдствіи архимандритъ воскр[illegible]онастыря, занимавшійся вмѣстѣ съ другими лицами [illegible] библейскаго текста на славянскомъ языкѣ, а по окс[illegible] труда назначенный въ епископы на Крутицахъ и ч[illegible]нодѣ [4]). Вслѣдъ за нимъ 27 мая, въ день Вознесенія, [illegible]во въ соборной церкви Коломенскаго дворца экзамина[illegible]ой епархіи іеромонахъ *Іоасафъ Хотунцевскій*, кот[illegible]ъ же году послали въ Камчатку во главѣ цѣлой миссіи изъ духовныхъ лицъ, для обращенія въ христіанство инородцевъ, населявшихъ восточный край Сибири [5]). Проповѣдь, сказанная 30 мая, въ день рожденія Петра

---

[1]) Словарь Бантышъ-Каменскаго V, стр. 42; срв. И. Р. I. ч. I, стр. 95, 204, 492, 505, II, 264; VI, 880. Словарь Евгенія II, 206. Аскоченскаго, Кіевъ II, 63. Записки Пащокина, 78 сл., 269.

[2]) 1744 г. сент. 5; 1745 г. ноября 25; 1749 г. апр. 25; 1750 г. авг. 30, сент. 5, ноября 25, дек. 8, 15; 1751 г. янв. 1, февр. 8, 20; срв. Сопикова №№ 1196—1204. Слово Сильвестра 25 апр. 1749 г. приписано у Сопикова подъ № 1159 Стефану, епископу псковскому и нарвскому, бывшему потомъ архіепископомъ новгородскимъ. Срв. Описаніе библ. общ. истор. №№ 148, 24.

[3]) И. Р. Іер. I, 64, 230, 231; II, 182; VI, 879. Словарь Евгенія I, 341; Аскоченскаго II, 68; Смирнова И. М. Ак. 220, И. С. Р. З. № 8960; Описаніе Троицкой Лавры, стр. 125, 126. Слова его: 1742 г. іюня 7, декабря 8; 1743 г. февр. 6, марта 13, августа 15, ноября 6; рѣчь въ 1744 г. при встрѣчѣ Елисаветы у воротъ Троицкой Лавры. Срв. Сопикова №№ 9989, 10468, 1144, 1147, 10477, 13167; Опись Смирдина № 528.

[4]) И. Рос. Іер. I, 239, 641; II, 353, VI, 879, 893; Аскоченскаго II, 50. Слова его: 1742 г. мая 23; 1747 г. января 1; 1748 сент. 5. Срв. Сопикова №№ 1188, 1189 (подъ № 1220 это слово приписано архимандриту Спасо-Преображенскаго монастыря Веніамину Григоровичу; см. Каталогъ библ. Кастерина, № 856.) 10480 и Библ. общ. ист. № 148, 23.

[5]) И. Рос. Іер. I, 86, 557; VI, 812; Смирнова, Ист. М. Ак., 201, 233; Сопикова № 1205; Библ. ист. общ. № 148, 3; Библ. Демидова № 580. Исторія *Рус. церкви, періодъ* синодальный, стр. 39, 40.

Великаго, принадлежала архимандриту николаевскаго бѣлградскаго монастыря, *Аѳанасію Танольскому*, бывшему прежде префектомъ и ректоромъ харьковскаго Коллегіума [1]). Воспоминанія дня дали поводъ проповѣднику сказать нѣсколько словъ о заслугахъ Петра, о перемѣнѣ, наступившей съ воцареніемъ Елисаветы, которая удалила отъ престола «чуждыхъ доилицъ, которые самую Россію съ кровію выцѣдили.» Между другими проповѣдниками того же года встрѣчаемъ: архимандрита бѣлгородскаго же монастыря *Платона Малиновскаю*, въ послѣдствіи архіепископа московскаго и сѣвскаго [2]); *Маркелла Радышевскаю*, епископа корельскаго и ладожскаго, викарія Амвросію Юшкевичу, умершаго въ ноябрѣ того же года [3]); іеромонаха и учителя философіи *Іоанна Козловича*, бывшаго потомъ архимандритомъ донскаго и заиконоспаскаго монастырей, епископомъ южнаго Переяславля [4]); митрополита ростовскаго и ярославскаго *Арсенія Мацѣевича*, только что переведеннаго тогда съ сибирской митрополіи, пострадавшаго при Екатеринѣ II за свой протестъ противъ отобранія недвижимыхъ имуществъ у монастырей [5]); придворнаго проповѣдника, дьякона *Стефана Савицкаю*, о которомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей статьѣ о духовномъ краснорѣчіи [6]); священника при церкви Успенія Богородицы, что въ Кожевникахъ, *Евстафія Могилянскаю*, бывшаго послѣ архиман-

---

[1]) П. Рос. Іер. I, 641, 642; Аскоченскаго Кіевъ и проч. стр. 144; Сопикова №№ 1192, 1193 (слово 30 авг. 1742 г.)

[2]) П. Р. I. I, 91, 239, 504, 555, 641; VI, 876, 879, 893. Смирнова П. М. Ак., 208; Аскоченскаго, стр. 65–66. Слова его были произнесены: 1742 г. іюня 20, 1744 г. сент. 5; 1745 декабря 18, 1746 сент. 5, срв. Сопикова № № 1165 (ошибочно показано 20 іюля вм. іюня), 1164, 1166; — третье слово пропущено у Сопикова.

[3]) П. Р. I. I, 86, 616; VI, 810, 811; Аскоченскаго I. 312; Сопикова № 1213, слово 22 іюня 1742 года. Діаріушъ Ханенко, въ Чтеніяхъ общ. ист. 1858 г., кн. I, отд. V, стр. 18.

[4]) П. Р. Іер. I, 211, 557; II, 369, 379; VI, 893. Аскоченскаго II, 118, Смирнова П. М. Ак. 121, 200. Слова его: 1742 г. іюня 27, 1749 г. янв. 1. Срв. Сопикова №№ 1186, 1187; Библ. общ. ист. № 148, 26.

[5]) П. Р. I. I, 111, 123; VI, 878; Евгенія Словарь I, стр. 56. Филарета Ист. Р. Ц. періодъ синодальный, стр. 16. Словъ его было семь: 1742 г. іюня 29, сент. 3, окт. 16; 1744 г. іюня 29; ноября 25; 1749 г. августа 1, декабря 1, срв. Сопикова № № 1137—1142 (пропущено второе слово, вмѣсто котораго помянуто третье съ ошибочнымъ указаніемъ мѣста проповѣди: въ церкви кн. Куракина вм. кн. А. Б. Шереметева). Кастерина №№ 822, 835, 838; Библ. общ. ист. № 148, 9, 16, 26.

[6]) Сочиненія Сумарокова, изд. 2, ч. VI, стр. 281. У насъ было подъ руками одно только слово его, 4 іюля 1742 г.

дрита въ нѣжинскомъ, благовѣщенскомъ, кіевскомъ и никольскомъ монастырях, подъ именемъ Епифанія [1]); священника *Іоанна Камаровскаго*, воспитанника кіевской академіи [2]); священника лейбъ-гвардіи коннаго полка *Михаила Красильникова* [3]); намѣстника троицкаго сергіевскаго монастыря іеромонаха *Антонія Нарожницкаго*, говорившаго проповѣдь 4 августа во время пребыванія Елисаветы въ лаврѣ, и посвященнаго мѣсяцъ спустя въ санъ митрополита Сибири [4]); архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря *Платона Петрункевича*, бывшаго потомъ епископомъ владимірскимъ [5]); священ[illegible]ского собора *Стефана Левицкаго* и *Іоанна Змил*[illegible]нгельскаго собора *Антипа Мартеніанова* [6]); іеромо[illegible]я *Крайскаго*, 17 лѣтъ служившаго при московской [illegible]елемъ, бывшаго наставникомъ Ломоносова по классу ре[illegible]слѣдствіи епископомъ въ Суздалѣ, Коломнѣ, Бѣлградѣ [illegible]московской академіи, іеромонаха *Гедеона Антонскаго* [illegible]отомъ архимандритомъ харьковскаго Покровскаго [illegible]ректоромъ тамошняго коллегіума [8]), архимандрита [illegible]троча монастыря и ректора тверской семинаріи, *Іоан*[illegible]*скаго* [9]); игумена лубенскаго

---

[1]) Краткая исторія построенія Нѣжинскаго Благов. мон., называемаго Богородичнымъ Назаретомъ, стр. 73. Евгенія Словарь I, 164. Аскоченскаго II, 128. Слова его были: 1742 іюля 11, ноября 21; 1743 г. іюля 17; 1744 г. февр. 26, авг. 19, срв. Сопикова №№ 1176—1179 (пропущено третье слово); Кастерина № 840.

[2]) Аскоченскаго II, 118; слово 18 іюля 1742 г.; Сопикова № 1215.

[3]) Слово 25 іюля 1742 года; Сопикова № 1216.

[4]) Ист. Рос. Іер. I, 112. Слово 4 августа 1742 г., Сопикова № 1208; Кастерина № 817; Библ. общ. ист. № 148, 5.

[5]) Ист. Рос. Іер. I, 182; II, 534; VI, 878; Аскоченскаго II, 71. Слова его: 1742 г. авг. 6, сент. 19; 1743 іюня 27, 1746 г. генв. 1, ноября 30; срв. Сопикова №№ 1169-1173, 10472; Библ. общ. ист. № 148, 6, 8, 19. У Сопикова слово 30 ноября 1746 года неправильно отнесено къ 1744 году.

[6]) Слова перваго: 1742 авг. 8, октября 24; втораго: августа 22; третьяго: авг. 16. У Сопикова №№ 1210, 1211, 1194; Библ. общ. ист. № 148, 7.

[7]) Ист. Рос. Іер. I, 172, 182, 248, 536, 537; II, 379; VI, 881, 892, 893; Смирнова, Ист. М. Ак. стр. 92, 122, 125, 199; слова его: 1742 апр. 16 и авг. 26; срв. Сопикова №№ 1183-1185.

[8]) И. Р. І. I, 642; Смирнова И. М. Ак. 126, 219; слова его 1742 окт. 31, 1744 года мая 21; срв. Сопикова №№ 1190, 1191; Библ. общ. ист. № 148, 10, 15.

[9]) Слово 1742 г. ноября 14; срв. Сопикова № 1217.

Югарскаго монастыря *Іоасафа Горленка* [1]) и діакона петропавловскаго собора *Алексѣя Флорова* [2]). Къ этимъ именамъ надо прибавить еще проповѣдниковъ, слѣдовавшихъ за 1742 годомъ: архимандрита Чудова монастыря *Варлама* [3]), учителя Петра III, іеромонаха *Симона Тодорскаго*, бывшаго потомъ архимандритомъ ипатьевскаго монастыря, епископомъ костромскимъ, псковскимъ и нарвскимъ [4]); іеромонаха троицкой лавры *Панкратія Чернысскаго*, архимандрита ея *Тимовея Щербатскаго*, учителя *Кирилла Лящевецкаго*, впослѣдствіи епископа воронежскаго и елецкаго, и префекта лаврской же семинаріи, іеромонаха *Аѳанасія Болховскаго*, бывшаго потомъ епископомъ въ Твери, Ростовѣ и Ярославлѣ [5]): іеромонаха, проповѣдника въ московской академіи, впослѣдствіи архимандрита нижегородскаго благовѣщенскаго монастыря, *Лаврентія Ясинскаго* [6]); учителя семинаріи троицкой лавры іеродіакона *Иннокентія Паскевича* [7]); архимандрита Спасскаго въ Казани монастыря *Веніамина Григоровича*, бывшаго потомъ епископомъ въ Твери, Псковѣ, Петербургѣ, Казани, гдѣ едва не пострадалъ по ложному доносу одного изъ

[1]) Ист. Р. Іер. I, 172, Аскоченскаго II, 47; слово 1742 ноября 28; Сопикова № 10470; Библ. общ. ист. № 148, 11; первое прибавленіе къ описи Смирдина № 9946.

[2]) Слово 1742 г. декабря 18, И. Іер. I, 606, Сопикова № 10473; Библ. общ. ист. № 666, 3.

[3]) 1743 года января 1; Библ. общ. отд. II, № 148, 12.

[4]) Ист. Рос. Іер. I. 128, 204; II, 653; VI, 879. Словарь Евгенія II, 220; Аскоченскаго стр. 142; слова: 1743 г. февр 10; 1745 г. августа 21; 1746 декабря 18 Сопикова № № 13166, 10477 и 12840. (Одно и то же слово, заглавіе котораго должно быть приведено такъ: Божіе особенное благоволеніе, нынѣ всегда благословлъ Богъ и нынѣ благословляетъ всепресвѣтлѣйшій домъ Петра Великаго. Слово на день бракосочетанія В. Кн. Петра Ѳедоровича съ В. Кн. Екатериною Алексѣевною, произнесенное вѣрнѣйшимъ ихъ рабомъ и всеусерднымъ богомольцемъ Симономъ, епископомъ псковскимъ и нарвскимъ, М. 1742, т. 4) срв. № 148 Слово 1746 года не упомянуто.

[5]) Слово перваго: 1744 г. іюня 5; Сопикова № 10474; рѣчь втораго въ томъ же году. Библ. общ. ист. № 166, в. Слова третьяго 1744 дек. 9, 1749 сент 25; И Р. Іер. I, 199, 155; II, 302; Аскоченскаго II, 72; словарь Евгенія I, 336, Сумарокова VI, 281. 282; Сопикова № 1206; Кастерина № 859. Слова четвертаго, называемаго также и Бальховскимъ. 1745 сент. 25, ноября 22, 1749 іюня 29; И. Р. I I, 123, 140, 548, 628, 89: II, 182; VI, 880; Аскоченскаго II. 116, Кастерина № 843, 848; Сопикова № 1209, 1219.

[6]) Слово 1745 г. дек. 22 Библ. моск. общ., отд. I, № 219, Ист. моск. акад. Смирнова, стр. 213.

[7]) Слова 1742 г. сентяб. 25. 1749 г. дек. 8; Библ. общ. ист. № 148, 21, 27.

участниковъ пугачевскаго бунта, въ 1774 году [1]); проповѣдника московской академіи, іеромонаха *Іосифа Золотаго*, котораго и послѣ назначенія игуменомъ серпуховскаго владычня монастыря, обязали «надлежащія по проповѣдническому званію слова Божія проповѣди сказывать всегда безъ всякихъ отговорокъ», и только 16 декабря 1761 года сдѣлали вологодскимъ епископомъ [2]); *Сильвестра Добрыню*, игумна святодухова монастыря въ Вильнѣ [3]); архимандрита тверскаго желтикова монастыря *Макарія Петровича* [4]), и наконецъ *Гедеона Криновскаго*, псковскаго епископа [5]). Такимъ образомъ, сверхъ 48 словъ 1741 и 1742 годовъ, намъ удалось просмотрѣть еще 14 словъ, относящихся къ 1743 г[illegible]ъ и рѣчей 1744 года [6]), 8 словъ 1745 года, 6 словъ 1[illegible] 1747 г., только одно 1748 г., 10 словъ 1749 г., 6 сло[illegible] слова 1751 года, по одному на 1752 и 1753 и 1754 [illegible]дей, говоренныхъ въ послѣдніе годы царствованія Ел[illegible]овны, мы не имѣли подъ руками и не нашли въ рус[illegible]рафіи никакихъ указаній на нихъ. Впрочемъ уже изъ [illegible]го, хотя и не полнаго перечисленія ихъ, можно видѣ[illegible]й, такъ сильно пробудившійся въ первое время послѣ [illegible]венной перемѣны 25 ноября 1741 года, потомъ сталъ [illegible]у ослабѣвать: число произ-

---

[1]) Ист. Рос. Іер. I, 95, 102, 128, 140, 168, 577, 581; II, 264; VI 880. Аскоченскаго I, 312; Бантыша—Каменскаго словарь т. I, стр. 263, 267; слово 25 мая 1754 года срв. Сопикова № 1220 и Кастерина № 656, Пащокиныя записки, стр. 140.

[2]) Ист. Рос. Іер. I, 187. Слово 1749 февр. 26. У Сопикова проповѣдникъ названъ Іоасафомъ см. № 1507. Срв. Ист. м. ак. Смирнова. стр. 123.

[3]) Слово 1751 г. апр. 5 дня въ великій пятокъ о неблагодарствіи возлюбленнаго Божіяго рода іудейскаго, проповѣданное.... въ Спт. въ придворной Ея Величества большой Срѣтенія господня, въ зимнемъ дворцѣ, церкви, игуменомъ и благочестиннаго отъ Святаго Духа польской области вел. книж. Литовскаго стольнаго города Вильны монастыря старшимъ Сильвестромъ Добрынею. Печ. въ М. тип. 1751 авг. 28 дня; стр. 8. На текстъ: воздаша ми лукавая возблагая. Срв. Сопикова № 1212.

[4]) Ист. мос. акад. 126, 210-211; Аскоченскаго II, 204; Евгенія словарь II, 23.

[5]) Евгенія словарь I, 85; Ист. м. ак. 126, первое изданіе словъ Гедеона Криновскаго въ двухъ томахъ вышло въ 1755-59 г., второе также въ двухъ томахъ въ 1760.

[6]) Въ каталогѣ Кастерина подъ № 844, упоминается еще: слово похвальное св. Николаю, печат. въ М. 1745 года т. 4. Въ царствованіе Елисаветы Петровны были издаваемы также и переводы проповѣдей съ греческаго языка, въ предисловіяхъ къ нимъ высказывались мысли, подобныя приведеннымъ выше см. прибавленіе къ сей статьѣ.

несенныхъ въ придворной церкви проповѣдей уменьшалось съ каждымъ годомъ. Въ началѣ каждая проповѣдь печаталась тотчасъ же послѣ произнесенія ея, но потомъ типографскіе станки стали медленнѣе дѣйствовать, передавая печати церковныя слова, наконецъ и вовсе прекратилось изданіе ихъ въ свѣтъ [1]). Посчастливилось только Гедеону Криновскому.

Разумѣется, не всѣ изъ перечисленныхъ нами проповѣдей имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ современной эпохѣ; и потому мы скажемъ здѣсь лишь о тѣхъ, въ которыхъ можно встрѣтить что-нибудь для характеристики русскаго общества въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Почти всѣ проповѣдники сходились въ своихъ требованіяхъ мести людямъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государствомъ до 25 ноября 1740 года, всѣ предлагали наказать измѣнившихъ прародительскимъ, стариннымъ правамъ и преданіямъ. Такъ Маркеллъ Радышевскій обращался къ Елисаветѣ съ совѣтами такого рода: «утоли языки скверные ихъ, гробы ихъ гортани затвори, усте съ языкомъ хульнымъ заключи; а и снять ихъ отъ мѣстъ нехудо», просилъ казни жесточайшей и непослабной иновѣрцамъ, распространяющимъ свое ученіе [2]). Гедеонъ Антонскій, Кириллъ Флоринскій, Арсеній Мацѣевичъ, Кириллъ Ляшевецкій и другіе гремѣли въ своихъ проповѣдяхъ противъ «скотоподобныхъ, безбожныхъ аѳеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ», противъ «нрава и ума епикурейскаго и фреймассонскаго» [3]). Иннокентій Паскевичъ прямо выразилъ мысль, что «нейтралитета Христосъ

---

[1]) Всѣ проповѣди печатались или въ Москвѣ въ синодальной типографіи славянскими буквами, или въ Петербургѣ въ типографіи Академіи наукъ, въ Москвѣ въ синодальной, буквами русскими. Послѣ подробнаго заглавія, въ которомъ обыкновенно обозначалось время и мѣсто произнесенія слова, имя автора и лицъ императорской фамиліи, присутствовавшихъ при его произнесеніи, слѣдовало почти всегда указаніе на время напечатанія слова. Такъ напр. слово Аѳанасія Топольскаго, 1742 года мая 30, было напечатано іюля 2; слово Антонія Нарожницкаго, 1742 г. ав. 4, напечатано 31 авг; слово Иннокентія Паскевича, 1749 г. дек. 8, печатано 1750 г. мая 17 дня; слова Димитрія Сѣченова большею частію издавались по нѣскольку разъ: слово 1742 марта 25, первымъ изданіемъ вышло 10 мая 1742 г. а вторымъ 22 января 1743 г.; слово 1742 г. іюля 8 первымъ изданіемъ напечатано 12 авг. 1742 г., а третьимъ въ 1747 году. Слова печатаны славянскими буквами, номерованы только на лицевой сторонѣ листовъ, остальныя и на оборотахъ листовъ.

[2]) Слово 22 іюня 1742 года.

[3]) Слова 18 дек. 1741 г., 31 окт., 21 мая 1744, 5 и 25 сентяб. 1749 г. Авторъ предпослѣдняго словъ старается между прочимъ опровергнуть любимую раскольниками поговорку: «кто раскольникъ, тотъ и богатъ.»

нашъ не любитъ» [1]). Гедеонъ Антонскій говорилъ: «едва четвертая часть земли, Европа, наипаче плодъ вѣры во Христа принесе; обаче и въ сей части едва четверта часть же плодъ истинной вѣры приноситъ сія, яже православной грековосточной вѣры придержится; но увы! еще и въ сей едвали не четвертая часть плоды спасительные творитъ.» [2]) Кромѣ того придворная проповѣдь отзывалась благодарностію на указы, запрещающіе народные разговоры въ церквахъ во время службы. Такъ Евстафій Могилянскій говорилъ, что «церкви отъ торжниковъ, не голуби, но словесные разговоры продающихъ и купующихъ указами монаршими [illegible]» [3]); Стефанъ Савицкій и Дмитрій Сѣченовъ благода[illegible]грицу за всегдашнее желаніе слышать проповѣдниковъ; [illegible]я дѣйствуетъ и на другихъ [4]). Тоже говорили пропов[illegible]ой лавры о путешествіяхъ въ ихъ монастыри [5]). Изъ [illegible]хъ событій обращали на себя вниманіе проповѣдей: вой[illegible]е съ Швеціей, льготы, данныя Малороссіи, переселеніе [illegible]ссію Сербовъ и Хорватовъ: «мироломные Свеи, иконо[illegible]таты, злобный левъ свейскій» обвиняемы были съ каѳед[illegible]ой церкви въ нарушеніи мирныхъ условій; пересчита[illegible]іобрѣтенія, которыя сдѣлала Россія вслѣдствіе войны [illegible]мъ оцѣнены были благопріятныя послѣдствія отъ родст[illegible]ношеній наслѣдника русскаго престола съ шведскимъ домомъ. Въ послѣднемъ случаѣ политику Елисаветы Петровны Амвросій Юшкевичъ сравнивалъ съ политикой Карла V, который, не смотря на свою извѣстность всему свѣту побѣдами надъ непріятелями, всегда старался о примиреніи посредствомъ родственныхъ связей съ другими государями: выдавъ сестру Елеонору за короля лузитанскаго Еммануила, другую сестру Изабеллу за датскаго короля Христіерна, третью Марію за паннонскаго и богемскаго короля Людовика, а брата своего Фердинанда женилъ на сестрѣ Людовика, самъ женился на дочери лузитанскаго короля [6]). Иннокентій Паскевичъ говорилъ: «нынѣ, егда услышали Елисаветъ на престолѣ сѣдящую, притекли греки, трансильваны и инїи единомудрствующіи съ нами народы, и ктожъ отъ нихъ тощъ изыде?

---

[1]) Слова 4 и 11 іюля 1749 года.
[2]) Слово 31 октября 1742 года.
[3]) Слова 4 и 11 іюля 1742 года.
[4]) Слово 8 іюня тогоже года.
[5]) Слово 5 іюля 1744 г; 25 сент. 8 декабря 1749 г.
[6]) Слово 15 іюля 1744 года.

Хвалится Трансильванія, не молчитъ Синай и иная съ нимъ мѣста, яко отъ тока щедротъ ея возънимѣша прохладу.» [1]) А Сильвестръ Кулябка прибавлялъ съ своей стороны: «Прошолъ годъ высокоматерней милости къ тебѣ, милая Россія, въ который тебе, гладомъ истаявающей, и житницы, и сокровища отверзли монаршія не возбранно.... Настолъ другій: что тебѣ сдѣлала, народа своего воскресеніе сіе, праведная Елисаветъ? Что тебѣ полезное, чего ты долгимъ временемъ ждала, получить же едва не отчаявалась было: воскресила вождя тебѣ. Твердо знаю, малороссійской народе, что ты вѣрностію и мало когда непоколебавшійся, всегда благодарный, и имѣнія и животъ за государство сіе, въ такъ крѣпкое свое защищеніе тебе принявшее, положити готовый, не за страхъ но за совѣсть государямъ служащій, государей паче родившихъ тебя любящій, и безъ присяги и безъ клятвы вѣру и вѣрность знающій (то есть, еслибы и клятвы, и присяги не было, да ты однихъ крове твоея за вѣрность не щадящій); твердо знаю что ты, о благочестивый народе! дѣтей твоихъ отъ доплицъ взимая, прежде, неже азбуки обучать, Елисаветъ знать, Елисаветъ любить, за Елисаветъ и наслѣдство ея душу полагать учить будешь и совершенно учишь; вѣрую несумнѣнно, что преклонитъ въ себѣ (купно съ жезломъ) колѣна своя предъ Богомъ претружденный лѣтами старецъ въ благодареніе Богу, за толикія милости къ тебѣ, чрезъ всемилостивѣйшую государыню сію; возстанетъ въ позднѣйшая лѣта состарѣвшійся юноша и повѣсть сыномъ, елика слышалъ и видѣлъ.»

Въ томъ же словѣ упоминаетъ Сильвестръ и о желаніи императрицы освятить первые серебряные рудники въ Сибири, назвавъ ихъ колывановоскресенскими, и серебро ихъ употребивъ на гробницу Александра Невскаго [2]).

Чрезвычайно замѣчательно по намекамъ на современныя событія длинное слово Кирилла Флоринскаго, произнесенное 15 іюля 1742 года въ день освященія церкви при московской академіи, на текстъ: *не творите дому отца моего дому купленнаго*. Представивъ Россію въ видѣ храма, созданнаго Петромъ Великимъ, упомянувъ о творившихъ куплю въ этомъ храмѣ по смерти Петра, развивъ, по своимъ убѣжденіямъ, идею государства, верховной власти и ея органовъ, сказавши о счастливой перемѣнѣ царствующаго лица, онъ вдругъ прерываетъ свою рѣчь словами: «какъ же ужасно и

---

[1]) Слово 25 сент. 1747 г.

[2]) Слово 5 сент. 1750 г.

подумать, яко осмомѣсячію не претекшу, егда провозсія на престолѣ отчи вѣнценосица Елисаветъ, и уже на нио торжники прелагаются. Странная вѣсть: давно ли вожделѣнная, и уже ненавидима Елисаветъ; давно ли въ сердцахъ и въ устѣхъ сладка, и уже горька Елисаветъ; давно ли оживотворившая насъ, уже опасна жизнь ей посреди дому; давно ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ опечаленна посредѣ дому; давно ли матерь (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть), и уже тяжка и немилосердна. О непостоянства злоковарныхъ торжниковъ!... Но аще тыи, злобою воспящаеми, о благостынѣ ея величества нѣмотствуютъ; то поне, вы прежде расточеннїи и заточеннїи, нынѣ же всегда бѣдствующимъ сострадущіе матере Елисаветы милос[illegible]нїи и уже мнози собраннїи отъ Сибири, Иркута, Кам[illegible]ногихъ трудно и именуемыхъ странъ, и отъ подземленн[illegible]ртвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, ч[illegible]ди причины лукавымъ торжникомъ государства Ели[illegible]ндима, горька, тяжестна кажется и не матерь, яко [illegible]ческая расточенная собирая, узаконенная отцемъ возо[illegible]ъ бѣдствовавшихъ возвращая, словомъ: вся отеческая [illegible]гное состоянїе приводя, не попущаютъ долѣе злодѣя[illegible]тическ и ея величества наслѣдный содѣловаютъ дом[illegible]вертепомъ разбойническимъ.» Потомъ, обращаясь къ [illegible]роповѣдникъ говоритъ: «Что же, ваше императорское величество, долготерпите, и на торжницѣхъ государства, сіе есть чудное премудрыя экономіи вашего величества дѣло, по разуму притчи Христомъ реченныя: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како, восторгая плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу.» Ратуя за успѣхи новаго царствованія, проповѣдники дѣйствовали въ видахъ полнаго удаленія той эпохи, когда, по выраженію Амвросія Юшкевича, «весь обще чинъ духовный равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единаго въ немъ посвященія и характиру пастырскаго не признавали, и для того сами собою пастырей и священниковъ безъ суда правильнаго назначали, предающе оныхъ на узы и темницы, на преисподнія заключенія и безвѣстныя ссылки; но еще тѣмъ не довольствовалась лютость оная, бросилась было звѣрски и на убожество монашеское, и мняще неразсудно, что въ тыхъ убогихъ келіяхъ великія сберутъ сокровища и богатства, того ради однихъ подъ претекстомъ интересу и тайнаго дѣла безчеловѣчно мучили, другихъ на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашея разстригали и въ солдаты отдавали, третіихъ въ далечайшія и безлюдныя ссылки на край свѣта посылали, а новыхъ на ихъ мѣста принимать и постригать на крѣпко

запрещали.» [1]) Это было время, когда, по словамъ Сильвестра Кулябки: «вмѣсто императорства правительство государствовало, взошло на россійскій престолъ безгласство, а за нужду тую иновѣрство царствовати стало, хваталось за скипетръ россійской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперіею рука младенческая покусилась и къ своему послуженію недовольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самого себе разсудить, самого себе распознать не умѣвшій; въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, и православіе въ Россіи кутовъ некало.... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ ломились, препоясуемая бедра сильныхъ въ плинѳахъ томились» [2]); когда, какъ говорилъ третій проповѣдникъ Симонъ Тодорскій: «министры выключали отъ дѣлъ россійскихъ первосвященниковъ, дабы ихъ о семъ не вопрашивать, гдѣ рождается праведный наслѣдникъ всероссійскаго престола за пресвѣтлѣйшею Елисаветою слѣдовати имѣвшій? Такъ бо точно указъ гласитъ печатный при сенатѣ октября 18 дня 1740 года: тогда де долженъ онъ регентъ (Биронъ) для предостереженія постоянія, благополучія Россійской имперіи заблаговременно съ кабинетъ-министрами и сенатомъ, и генералами фелдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установленіи наслѣдства крайнее попеченіе имѣть и по общему съ ними согласію во Всероссійскую имперію сукцессора избрать и утвердить; а о присутствіи бѣдныхъ первосвященниковъ не помянено» [3]). Но приписывая Елисаветѣ Петровнѣ всевозможныя качества: природное остроуміе, проницательность, разсудительность, умѣнье отличать бѣлое отъ чернаго, прямое отъ криваго, безприкладную (т. е. безпримѣрную) милость, неописанную кротость, непреоборимое великодушіе, полезное благочестіе, мудрое правосудіе; говоря, что всѣ обычаи, всѣ обхожденія, всѣ поступки ея сами о себѣ велегласно свидѣтельствуютъ, что они не высокоумія дѣти, что на престолъ въ толь трудныхъ обстоятельствахъ вступила она безъ кровопролитія, непріятельскіе многіе и крѣпкіе города, даже цѣлое великое княжество Финляндское завоевала безъ кровопролитія [4]), проповѣдники болѣе всего старались выставить, что новая императрица дочь Петра. Дѣла великаго преобразователя постоянно служили предметомъ ихъ краснорѣчія. Стефанъ Левицкій, въ своемъ

[1]) Слово 15 іюля 1714 года.

[2]) Слово 25 ноября 1730.

[3]) Слово 10 февраля 1743 г.

[4]) Слова 11 апр. 1742 г., 25 ноября 1745, 25 ноябр. 1746, 25 апр. 1749 и др.

словѣ 25 ноября 1743 года, назвалъ русскій тронъ тѣномъ Петра и тотчасъ же возражаетъ тѣмъ, кто бы сталъ удивляться подобному выраженію: «Всякъ, кто такъ мыслитъ, скажи мнѣ, кто ты таковъ? Ибо, ежели ты русакъ, крайнее свое неблагодарствіе, ежели же и не русакъ, то однакъ крайнее свое невѣжество и не хотя открываешь. Сего ты не вѣдаешь? Воспомяни начало Петровыхъ временъ; вспомяни, что тогда была Россія; воспомяни, какъ некрѣпкая, какъ немудрая, какъ нестройная, какъ у всѣхъ презрѣнная была тогда Россія? Чего же не дѣлалъ Петръ?... Воспомяни сія. Развѣ, можетъ-быть, слабая у тебе память, а для чего? что голова болитъ, а чѣмъ? неблагодарствіе [illegible] глаза твои кажутся здоровы: смотри на учрежденныя [illegible] правительства, изъ которыхъ одного о временномъ, [illegible]чиномъ блаженствѣ державы россійскія старатися дол[illegible] учредилъ? Петръ. Смотри на различныя для различ[illegible]уставленныя коллегіи; а кто уставилъ? Петръ. Смотри [illegible]лѣзные, мѣдные, серебреные, на фабрики шелковыя, су[illegible]няныя, бумажныя, на другая прежде въ Россіи не бы[illegible]дная художества; а кто завелъ? Петръ. Смотри на [illegible]еревянные велелѣпные домы, не токмо къ житію, но [illegible]у житію довольныя; а кто образецъ показалъ? Петр[illegible]училища и семинаріи воздвиженныя, не токмо для обуче[illegible]о, но и паче для наставленія духовнаго, для лучшаго Бога и Христа его познанія; а кто воздвигнулъ? Петръ. Смотри на воинство—какъ искусное, на дворянство—какъ учтивое, на купечество—какъ промысное; а кто научилъ? Петръ. Смотри на флотъ, безъ котораго на морѣ была бы Россія, какъ безрукая; а кто устроилъ? Петръ. Смотри на царствующій Санктпетербургъ, котораго еще бы не имѣла Россія, все что и свое изъ рукъ непріятельскихъ вырвала и вновь завладѣла, Богъ вѣсть, какъ бы сохранила; а кто создатель? Петръ. Словомъ, смотри на все, что ни есть честное, что ни есть похвальное, что ни есть достопамятное въ Россіи: все то есть трудовъ Петровыхъ плодъ... Не усумнюся, которая болѣзнь твою притупила память, не помрачила ли и очей твоихъ; ибо есть ока, которыя ничего не видятъ, хотя и бѣльмомъ не заслонены.... Какъ же быть? Приклони ухо твое и слыши, что говорятъ о Петрѣ вси тіи, у которыхъ и память и зрѣніе отъ недуга свободны. Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое. Согласныя, *хотя издѣвочныя* у всѣхъ рѣчи, что мы прежде Петра ѣсть и пить, какъ надлежитъ, не умѣли.» Съ подобными же вопросами обращался

Порфирій Крайскій къ самой Россіи: «скажи намъ, молю тя нынѣ, о Россіи! что въ тебѣ есть знатнѣйшее, не Петра ли Великаго все то есть дѣло. Яви, что въ тебѣ есть похвалы достойное, не все ли трудами и высокимъ разумомъ и премудростію Петра Великаго сіе есть въ тебѣ учрежденное и устроенное? Скажи намъ, о Россіе, слыхала ли ты когда, не вопрошаю—видала ли, до временъ Петра Великаго, что то есть регула воинская, что артикулъ военный, что порядочно устроенная артиллерія, что атакованіе городовъ, что бомбандированіе крѣпостей, что ретированіе отъ непріятеля, что устроеніе ретранжаментовъ, когда еще ты съ бердышами, съ саблями, съ луками, съ самопалами ополчающеся на враги своя выходила только подъ Кожуховъ, или на Котлы?... Скажи намъ нынѣ, о Россіе! слышала ли ты до временъ Петра Великаго о искусствѣ мореплаванія, что каково есть устроеніе кораблей, что плоская или круглая навигація, что всецѣлый флотъ, что флотилія, что эскадра, что галеры, что яхты? Егда еще ты крыющися въ предѣлахъ своихъ не знала далѣе Смородины, которая нынѣ рѣка Москва именуется, не бывала далѣе Оки; а кто уже бывалъ на Волгѣ, или на Волховѣ, той великій прошлецъ, и бывалый зѣло, и имянитъ въ тебѣ считался человѣкъ. Скажи намъ, о Россіе! вѣдала ли ты заподлинно до временъ Петра Великаго, что то суть фабрики, что манифактуры, каковый оттуда прибытокъ, каковая польза государственная? Не воспоминаю же здѣсь за краткость времени, о размноженныхъ Его Величествомъ наукахъ свободныхъ, о насажденныхъ ученіяхъ душеполезныхъ, о преславныхъ геройчныхъ его дѣйствіяхъ, о торжественныхъ побѣдахъ, надъ врагами воспріятыхъ» [1]). Отъ воспоминаній о прошедшей славѣ, отъ похвалъ настоящему порядку вещей естественъ переходъ къ мысли о будущей судьбѣ общества, уже испытавшаго столько переворотовъ; и вотъ придворный учитель, Симонъ Тодорскій, заводитъ рѣчь о своемъ ученикѣ наслѣдникѣ престола въ день его рожденія: «нынѣ воззри, Россіе, говоритъ онъ,—веселымъ лицемъ и обрадованною душею на внука Петрова, сына Анны Петровны, воззри и благодари Бога твоего, наслѣдствіе Петрово въ пользу твою цѣло тебѣ сохранившаго.... Смотри, какъ дивно и коль красно процвѣтаетъ праведный твой монархъ Петръ Первый въ Петрѣ внукѣ своемъ! Прочитываетъ репорты, отъ гвардіи приносимые, прочитываетъ письма, отъ арміи присылаемыя, какъ же изрядно о репортахъ разсуждаетъ, съ какимъ смысленнымъ любопытствомъ о состояніи арміи вопрошаетъ: удивитися потреба. Разсуждаетъ о иностранныхъ

[1]) Слово 25 ноября 1749 года.

государствахъ, о математическихъ, физическихъ и прочихъ ученіяхъ таковому лицу приличныхъ, о обученіи военномъ, о штатскомъ поведеніи, съ приличными всякой вещи резонами. Можно воистинну о Его Высочествѣ сказать: не великъ тѣломъ, да великъ дѣломъ, внуку Петра Великаго весьма приличнымъ.... Егда по должности и званію моему всеподданнѣйше предлагахъ Его Высочеству ученіе о семъ, какъ-то надобно монархамъ христіанскимъ правду любити, сиротъ защищати, монаршими руками слезы невинно-страждущимъ отирати, яко за сіе вѣчное пріимутъ отъ Бога мздовоздаяніе. Противнымъ образомъ монархи немилостивіи, обидящіи подданныхъ своихъ, не защищающіи невин[illegible]хъ, не поборающе по истинѣ: что имѣютъ получить отъ [illegible] Его Императорское Высочество изволилъ со умиленіе[illegible]екло. Сіе есть, такіе монархи получатъ пекло, муку [illegible]неугасаемый. Не Петровъ ли и се цвѣтъ? Не прямое [illegible]іанское разсужденіе?» Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ [illegible]ь Петра III въ православной богословіи, о ревности е[illegible]ой церкви [1]).

Были и другаго рода [illegible]ней проповѣди съ современной ей эпохою. Сюда м[illegible] случаи, когда проповѣдники, оставляя политическую с[illegible] говорили объ общественномъ бытѣ, когда слово ихъ [illegible]ь форму обличительной рѣчи. Такъ Дмитрій Сѣченовъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ словъ. «Осмотримся же, какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меке въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили [2]). Люблю Христа: у меня запанки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебреные; а въ церкви христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя христовы тайны крашенинными покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь никогда

[1]) Слово 10 февраля 1743 года. Впослѣдствіи Дмитрій Сѣченовъ, привѣтствовавшій восшествіе на престолъ Петра III великолѣпною рѣчью (См. Herrmann's Geschichte des Russischen Staates B. V, S. 241), при Екатеринѣ сказалъ: «Если бы всесильный Богъ не отклонилъ во время того великаго удара, который готовилъ намъ Петръ, то мы лишились бы и праваго и лѣваго уха,—не могли бы слышать рѣчей о нашей вѣрѣ.» См. Филарета, исторія русской Церкви, періодъ пятый, стр. 80.

[2]) Слово было говорено 8 іюля 1742 года; а 9 октября изданъ указъ о дозволеніи помѣщикамъ строить новыя церкви вмѣсто обветшалыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда они обяжутся снабдить оныя всѣми потребностями и проч. П. С. З. т. XI № 8625.

и волосеного галенка не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и нощь легко, нескучно.... иные за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанные репетиціи: здравствуй, здравствуй; а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было.... Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитить правду; сего и не мыслитъ и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ. Правосудіе ли тамъ присмотрится: въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра приди больше не жди; милости ли сыскать,—съ ногъ до головы обдерутъ, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь.» Въ словѣ Антипа Мартиніанова встрѣчается подобное же мѣсто: «При толикомъ множествѣ рабъ и рабынь предстоящихъ къ единому ока мгновенію служащихъ [1])... въ жизни сей благовонными мазми, драгоцѣнными порошками, различными спиртами такъ тѣло наше намазуемъ, умащаемъ лица и руцѣ натираемъ, что не токмо близь, но и далеко стоящій, съ радостію притекаютъ единъ предъ другимъ ускоряютъ, но хотя и притворно, обаче съ желательнѣйшею охотою обоняютъ, благоухаютъ и какъ бы услаждающеся похваляютъ, торжественными словесы возвышаютъ и льстяще удивляются.» Но все-таки главное вниманіе проповѣдниковъ въ продолженіе почти всего царствованія Елисаветы Петровны обращено было на ея собственныя дѣла: ибо, по словамъ Стефана Калиновскаго, «сколько почти поучительныхъ проповѣдей здѣ (въ Петербургѣ), въ Москвѣ и по всей Россійской имперіи съ того времени (25 ноября 1742 г.) говорено, столько природное ея къ коронѣ и престолу россійскому право показуемо было; сколько похвальныхъ рѣчей или письменно сложено, или наизусть произнесено, столько о правахъ ея, монаршаго престола и короны предостойныхъ, засвидѣтельствовано» [2]).

[1]) Слово 16 авг. 1742 г. Іоасафъ Хотунцевскій, въ словѣ отъ 26 мая того же года, замѣчаетъ: «перейди вся философская мудрая примѣчанія, прочти всѣ книги, собери всѣ исторіи на память, сдали возможеши изобрѣсти такого господина, который бы за раба своего умеръ; воистину, аще за добраго раба ни единъ господинъ восхощаетъ лишитися живота, а за злаго ниже помыслитъ.»

[2]) Слово 25 апр. 1746 г.

Но въ какихъ отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ хвалебнымъ и поучительнымъ словамъ стояли современники ихъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ мы не имѣемъ подъ руками иныхъ данныхъ, кромѣ приводимыхъ Сумароковымъ къ его статьѣ «о россійскомъ духовномъ краснорѣчіи», гдѣ онъ говоритъ: «Гедеонъ (Криповскій) есть россійскій Флешіеръ; цвѣтности имѣетъ онъ еще болѣе, нежели Ѳеофанъ (Прокоповичъ); сожалѣтельно то, что мало было въ немъ силы и огня, и что онъ по недостатку пылкости часто наполнялъ проповѣди свои исторіями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ истиннаго краснорѣчія. Пріятность, нѣжность, тонкость были ему свойственны, и послѣ Ѳеофана опустошенной россійской Па[illegible]ковь, лишенная риторскія сладости смертію великаго [illegible] обрадовала Россію симъ Гедеономъ, мужемъ велик[illegible]ѣчіи достоинства. Ибо до него единый бывшій діяко[illegible]рашалъ только придворную каѳедру, и мало почитаемъ [illegible]нимъ невѣжами, оставилъ духовенство и проповѣди, [illegible]ссійскій Парнассъ возвратился, не коснувшися сам[illegible]верху, что многіе не безъ основанія ожидали, и при[illegible]явъ охоту ораторствовать, оттолѣ возвратиться. Сказ[illegible]нѣкая проповѣдь въ Троицкой Лаврѣ: и не зналъ лѣ[illegible]лѣ прочтенія оныя, кѣмъ она говорена, и пріѣхавъ [illegible]ѣченную лавру, узналъ и нечаянно, что намѣстникъ [illegible] монастыря есть авторъ тоя прекрасныя проповѣди, бывшій потомъ воронежскимъ епископомъ. Былъ то Кириллъ Ляшевецкій, не вшедшій никогда во славу [1]), ибо его многіе, угождая нѣкому, хулили, думая, что онъ отлично любилъ.... но сего почтеннаго человѣка и всѣ духовные любили. Такъ и никого въ архіереи ставить не надлежало, ради угожденія его непріятелямъ, которымъ онъ отъ своей стороны никогда непріятелемъ не былъ. Не нужно было бы это прилѣпить здѣсь: но не должноли было сказати, что воспрепятствовало прославиться автору слова: прильпе душа моя по тебѣ? Савицкой изъ моды вышелъ и изъ духовенства; бѣлецъ Ляшевецкій изъ свѣтскихъ вышелъ, но въ моду не вшелъ [2]).» Объ остальныхъ проповѣдникахъ временъ Елисаветы Сумароковъ не говоритъ. Въ заключеніе предлагаемъ вопросъ, не лишенный нѣкотораго интереса для русской библіографіи: въ цар-

---

[1]) Слово Кирилла Ляшевецкаго, о которомъ говоритъ здѣсь Сумароковъ, было произнесено 25 сент 1749 г. въ день преставленія пр. Сергія Радонежскаго, на текстъ: *Горняя мудрствуите, а не земная;* печ. въ М. 1749 г. ноября 11 дня, стр. 16 см. выше стр. 13; о Савицкомъ стр. 29.

[2]) Собраніе сочин. Сумарокова, изд. 2, ч. VI стр. 281 и 282.

ствованіе Елисаветы Петровны съ необыкновенною заботливостію уничтожаемы были присяжные листы, указы, манифесты, грамоты, патенты, паспорты, книги, монеты, появившіеся въ короткое правленіе Іоанна Антоновича [1]); велѣно было также отобрать проповѣдь, говоренную на бракосочетаніе принцессы Анны Леопольдовны съ принцомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ Ульрихомъ, и другія, говоренныя при Іоаннѣ Антоновичѣ [2]). Въ недавнее время усиліями русской археологіи отысканы экземпляры не только указовъ, грамотъ, книгъ, монетъ того времени, но даже и портретовъ правительницы [3]): можетъ ли сдѣлать русская библіографія тоже самое, относительно сейчасъ названныхъ нами проповѣдей?

Н. Поповъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Изъ проповѣдей, переведенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, назовемъ: 1) Слово на Евнуха Евтропія, патрикія императорскаго, съ изъясненіемъ, кто таковъ былъ Евнухъ Евтропій, говоренное святымъ *Іоанномъ Златоустомъ*; перевелъ съ славяногреческаго (?) *Степанъ Писаревъ*. Спб. 1759, in-4° См. Сопикова № 10.483. 2) Поученія во святую и великую четыредесятницу, то есть великопостныя недѣли, сочиненныя и проповѣданныя керпикскимъ и калавритскимъ, что въ Пелопоннесѣ епископомъ *Ильею Минятіемъ* Кефалонитянниномъ; съ греческаго на россійскій языкъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ *Стефаномъ Писаревымъ* въ 1741 году переведенныя. Томъ I; въ Спб., при сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, 1759.

Переводчикъ обѣихъ книгъ, достигшій въ 1759 году уже званія секретаря коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ предисловіи ко второй говоритъ между прочимъ слѣдующее: «не сумнѣваюсь, что изъ нихъ (читателей) кто либо и такой, которой къ забавленію себя

---

[1]) П. С. З. №№ 8490, 8494, 8496, 8648, 8690, 8712, 8831, 9005, 9093 9133, 9192, 9197. 9213, 9542, 4740, 9394, 9805, 11402.

[2]) П. С. З. N 8822.

[3]) Ученыя записки А. Н. по I. и III. отд. т. 1 и 3.

историческо-басненными, называемыми *романы*, и прочими подобными книжками (отъ коихъ единственно только въ совѣсти соблажденіе и къ страстямъ поползновеніе ощущается) всегдашнюю охоту имѣетъ, не возжелалъ бы хотя единожды въ годъ, а наипаче во время святыя четыредесятницы, когда каждый христіянинъ особливо отъ всѣхъ страстей воздержать себя долженъ, прочитаніемъ сея духовныя книжицы поуслаждиться.»

Посвященіе этой же книги Елисаветѣ Петровнѣ, написанное переводчикомъ еще 16 декабря 1741 года, напоминаетъ собою современныя ему придворныя проповѣди. Вотъ оно:

«Державнѣйшая
Императрица!
Матерь всероссійская!

«Нѣтъ сумнѣнія, что ... шней радости нашей, и мнѣ послѣднѣйшему, отъ искр... усердія, бѣдный сей трудъ мой подъ высокомонарше... И. В. со всеподданнѣйшимъ рабскимъ моимъ благогов... ить; когда вижу, что дивныя судьбы Божія, между про... его до такого благословенъ наго времени, въ кото... ое благополучіе воскресать начало. *Давно уже* онъ по содержащемуся въ немъ свѣту, т. е. истинному православныя церкви ученію, требовалъ и ожидалъ того, чтобъ ему произойти на свѣтъ, въ пользу народа россійскаго, такъ какъ произошолъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, на пользу христіанъ православныхъ. Но понеже достался было оной въ темныя руки тѣхъ, которыя не распространять, но истреблять благочестіе желали, не содержать, но искоренить до конца вѣру православную старались, и какъ имъ благочестіе и православно-восточной церкви вѣра весьма противна и не мила, такъ и самый тотъ діалектъ, на которомъ оная все основаніе (не упоминая уже о прочихъ всѣхъ высокихъ наукахъ, отъ него происшедшихъ) и силу свою имѣетъ, ненавидимъ и презираемъ былъ: *чего ради и самый сей трудъ мой во тьмѣ до сихъ поръ погребенъ и имя заглаждено быть хотѣло.....*» Не смотря однакожь на всѣ надежды переводчика, трудъ его, какъ мы видѣли, изданъ былъ только въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны.

ПОВѢСТЬ ГРАДА ІЕРУСАЛИМА.

Эта повѣсть взята изъ замѣчательнѣйшаго сборника повѣстей, за сообщеніе котораго приношу мою благодарность г. Истрину, студенту Московскаго университета. Сборникъ писанъ никакъ не позже первой четверти XVIII в., въ малую 8-ку, на 324 листахъ. Въ началѣ 26 листовъ недостаетъ. Мы надѣемся въ скоромъ времени познакомить читателей «Лѣтописей русской литературы» съ любопытнымъ содержаніемъ этого сборника, въ высшей степени важнымъ для исторіи русской литературы XVII в.; а теперь на первый разъ сообщаемъ «Повѣсть града Іерусалима», которая предлагаетъ намъ *первообразъ извѣстнаго народнаго стиха о Голубиной Книгѣ*. Лист. 276—281.

Занимающимся русскою народною словесностью хорошо извѣстны многіе, бо́льшею частію, апокрифическіе источники этого народнаго стиха, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстная *Бесѣда трехъ святителей*[1]); но до сихъ поръ не доставало переходнаго, средняго термина между этими источниками и самымъ стихомъ. «Повѣсть града Іерусалима» составляетъ именно этотъ любопытный переходъ. Она еще не знаетъ князя Владиміра, но уже вводитъ Давыда Іессеовича, и не одного его: при немъ Моисей Моисеевичъ и Елисей Елисеевичъ. Эти три ветхозавѣтныя имени какъ бы варіанты трехъ святителей извѣстной «Бесѣды.»

Мѣсто Владиміра заступаетъ лицо чисто миѳическое, *Волотъ Волотовичъ*, новый герой русскаго миѳологическаго эпоса. Онъ является здѣсь первообразомъ или предшественникомъ герою истори-

[1]) Смотр. мою рѣчь о народной поэзіи.

ческому, Владиміру Красну-Солнышку: замѣчательный фактъ въ исторіи русской народной поэзіи, подтверждающій ту правдоподобную догадку, что именемъ князя Владиміра во многихъ богатырскихъ пѣсняхъ была замѣнена и подновлена какая нибудь древнѣйшая героическая, миѳическая личность. По крайней мѣрѣ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ Владиміру предшествовалъ *Волотъ*. Каково бы ни было филологическое и историческое отношеніе *Волота* къ *Велетамъ*, *Вильцамъ* или *Волчкамъ* и къ сѣвернымъ *Вилькинамъ*, прославленнымъ въ *Вилькина-Саги*, но во всякомъ случаѣ слово *Волотъ* и въ древнемъ, и народномъ русскомъ языкѣ означаетъ *великана;* слѣдовательно, уже по самому , Волотъ принимался народомъ въ смыслѣ героя, по а сверхъестественнаго, какими обыкновенно въ мио ся великаны. Прозванъ онъ *Волотовичемъ*, по той же ему эпическіе герои очень часто называются по имен ъ; такъ въ польскихъ преданіяхъ у Крака и отецъ омъ. Это самое обыкновенное раздвоеніе эпическа ѣ личности. Герою хотятъ вымыслить отца: удобнѣе этому послѣднему дать тоже имя, какое имѣетъ Такъ получилъ свое имя и *Волотъ Волотовичъ*.

Въ извѣстномъ стихѣ нигѣ видно нѣкоторымъ образомъ примѣненіе къ просвѣщенію Руси книжнымъ, христіянскимъ ученіемъ. Потому на первомъ планѣ является символическая *Голубиная Книга*, о которой въ «повѣсти града Іерусалима» вовсе нѣтъ и помину. Въ народномъ стихѣ, Владиміръ, какъ представитель своихъ новообращенныхъ въ христіянство подданныхъ, поучается у Давида Іессеевича, и только по затѣйливости его вопросовъ можно было догадаться, что онъ загадываетъ своему собесѣднику загадки; но полнаго и настоящаго прѣнія или состязанія въ мудрости загадками нѣтъ, потому что Владиміръ только спрашиваетъ, а Давидъ только отвѣчаетъ. Это уже обращеніе въ риторическій, поучительный діалогъ, это уже позднѣйшее риторическое искаженіе древнѣйшаго эпическаго мотива, состоящаго во взаимномъ состязаніи загадками, мотива, который составляетъ существенное отличіе «повѣсти града Іерусалима» отъ стиха о Голубиной Книгѣ. По этой повѣсти, сначала задаетъ загадки Волотъ Волотовичъ Давыду Іессеовичу, предлагая ему объяснить сновидѣніе; потомъ Давыдъ спрашиваетъ Волота о началѣ міра; за тѣмъ опять Волотъ загадываетъ Давыду о первенствѣ различныхъ предметовъ, и наконецъ Давыдъ задаетъ Волоту, по видимому, самый трудный вопросъ, уже не о прошедшемъ и не о настоящемъ, а о будущемъ, именно о страшномъ судѣ. Въ

этомъ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ, въ этомъ взаимномъ состязаніи замѣчается нѣкоторый порядокъ. Сначала предлагается объяснить сновидѣніе, какъ обыкновенно начинаются сновидѣніемъ многія эпическія произведенія; потомъ говорится о первобытныхъ судьбахъ міра, какъ бы изъ области народной космогоніи; далѣе о чудесахъ и великихъ, первенствующихъ предметахъ на всей землѣ, и наконецъ о послѣднемъ, судномъ днѣ.

Если бы эта повѣсть встрѣтилась между древне-нѣмецкими поэтическими произведеніями, то никто не усумнился бы признать ее за подновленный въ эпоху христіанскую варіантъ извѣстной пѣсни древней Эдды о Вафтрудниръ (Vafthrudnismal): таково поразительное сходство обѣихъ этихъ произведеній по основнымъ эпическимъ мотивамъ. Состязаніе Одина съ Вафтруднировъ также сначала касается космогоніи и устройства всего міра, и потомъ оканчивается намекомъ на вѣщія слова Бальдура, идущаго на смерть, съ которою связана послѣдняя судьба Асовъ въ борьбѣ съ полчищами Суртура. Какъ Вафтруднир — великанъ изъ породы Іотовъ, такъ и Волотъ, по самому употребленію этого слова въ языкѣ,—тоже великанъ. Іоты сѣверной миѳологіи, какъ представители эпохи, предшествовавшей господству свѣтлыхъ Асовъ и Ваповъ, имѣли притязаніе на знаніе всего того, что̀ совершалось искони, въ началѣ міровъ. Потому Вафтруднир рѣшаетъ вопросы космогоническаго содержанія; самъ же задаетъ Одину вопросы, болѣе касающіеся именъ различныхъ предметовъ и лицъ сѣверной миѳологіи. Такъ и Волотъ отвѣчаетъ Давыду о томъ, отъ чего свѣтъ свѣтится, отъ чего солнце и заря, какъ ходитъ небо и на чемъ основана земля; самъ же онъ спрашиваетъ Давыда объ именахъ перваго изъ городовъ, звѣрей, озеръ, о матери травъ, птицъ и т. п.

Само собою разумѣется, что это замѣчательное сходство объясняется не позднѣйшимъ, литературнымъ вліяніемъ, а первобытнымъ сродствомъ миѳологическаго эпоса славянскаго съ нѣмецкимъ. Между повѣстью града Іерусалима и пѣснею древней Эдды надобно предполагать древнѣйшее, чисто-русское эпическое произведеніе о царѣ Волотѣ и его великой премудрости. Даже не смотря на позднѣйшую апокрифическую обстановку, можно уже догадываться, что Волотъ Волотовичъ есть существо необычайное, первенствующее: между всѣми сорока двумя царями, съѣхавшимися на Синайскую гору, на̀большимъ былъ Волотъ Волотовичъ. Уже второй по немъ былъ Моисей Моисеевичъ, третій Елисей Елисеевичъ и четвертый Давыдъ Іессеовичъ. Какъ на̀большій, онъ же начинаетъ и бесѣду, спрашивая, кому что̀ во снѣ видѣлось, и разсказывая свое сновидѣніе; онъ же

наконецъ и заключаетъ бесѣду отвѣтомъ о страшномъ судѣ. Можетъ быть, со временемъ яснѣе опредѣлится первоначальный видъ древнѣйшей народной пѣсни о Волотѣ; но уже и въ нашей повѣсти изъ всего апокрифическаго хлама довольно рельефно выступаетъ эта замѣчательная миѳическая личность русскаго народнаго эпоса.

Состязанія загадками или рунами въ пѣсняхъ древней Эдды обыкновенно имѣютъ характеръ драматическій, состоящій въ томъ, что побѣжденный въ состязаніи проигрываетъ, какъ напримѣръ Вафтрудниръ платится своею головою, или же состязаніе служитъ средствомъ для какой цѣли, какъ напримѣръ, Торъ загадываетъ загадки карлику Всезнайкѣ (въ Alvismal), для того чтобъ задержать его до восхода солнца, отъ лучей котораго карликъ окаменѣлъ. Южно-русская пѣсня о томъ, какъ русалка загадываетъ загадки дѣвицѣ, также оканчивается гибелью неотгадавшей. Въ старинныхъ сказкахъ объ Акирѣ, о Дмитріѣ Басаргѣ и друг., загадываніе загадокъ тоже имѣетъ какую нибудь цѣль, опредѣляемую ходомъ событій. Надобно полагать, что и древнѣйшій, предполагаемый первообразъ повѣсти града Іерусалима, въ какой нибудь народной пѣснѣ о Волотѣ, имѣлъ характеръ болѣе драматическій, слагавшійся изъ болѣе опредѣленныхъ, извѣстныхъ отношеній между состязающимися въ мудрости. Начало повѣсти даже намекаетъ на эти отношенія, указывая на будущее родство состязающихся, въ слѣдствіе предсказываемаго брака между дѣтьми ихъ; но за тѣмъ слѣдуетъ обыкновенная бесѣда о различныхъ предметахъ, безъ всякаго участія со стороны личныхъ интересовъ собесѣдниковъ.

Сновидѣніе, которымъ открывается бесѣда, отличается отъ прочихъ частей повѣсти именно тѣмъ, что основано на миѳѣ объ извѣстномъ отношеніи Волота къ Давыду. Сынъ этого послѣдняго, царь Соломонъ женится на Соломонидѣ Волотовнѣ и будетъ владѣть царствомъ Волота. Этотъ миѳъ, очевидно, передѣланъ по извѣстной сказкѣ о царѣ Соломонѣ. На это указываетъ даже сновидѣніе Волота, въ общихъ чертахъ согласное съ загадкою, которую, въ сказкѣ о царѣ Соломонѣ, Давыдъ загадываетъ пріѣзжимъ гостямъ, и которую отгадываетъ сынъ его Соломонъ, вмѣстѣ съ ними прибывшій къ своему отцу инкогнито. Вотъ эта загадка, по той же рукописи г. Истрина: «поконецъ моего царства стоитъ древо злато, вѣтвіе самоцвѣтныя, каменья на томъ древѣ драгія, мѣсяцъ сіяетъ; вкругъ древа пшеница бѣлоярая, а около пшеницы нива ржаная сильна». Отгадка Соломона: «Поконецъ твоего царства стоитъ древо злато — то есть твое государство; вѣтви самоцвѣтны — то есть окольнія царства подъ твоею *державою;* каменье — то есть твои царевы ближнія пріятели и

многія князи и бояря; а сверхъ того древа мѣсяцъ сіяетъ — то ты государь царь; вкругъ того древа пшеница бѣлояра — то твое воинство; вкругъ пшеницы нива ржаная сильна — то православныя христіане». л. 226 и 227. Толкованіе сновидѣнія въ повѣсти града Іерусалима нѣсколько перепутано. Оно должно быть, какъ кажется, въ слѣдующемъ порядкѣ: «Что съ тоя страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторусскую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начальный; а что съ тое страны полуденныя выростало древо кипарисъ, кореніе сребреное — въ томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софіи, премудрости Божія, о семидесятъ верхахъ, сирѣчь, Святая Святыхъ; а что у древа вѣтвіе золотое, то будетъ паникадилы поставлены; а вѣтвіе бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ. Поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой — то у меня (у царя Давыда) будетъ сынъ, царь Соломонъ премудрый, и онъ созиждетъ Святая Святыхъ; а что на ногахъ у него колокольчикъ золотой, то у твоей (у Волотовой) царицы родится дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери жениться, и твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ.»

Итакъ, по загадкѣ Давыда золотое дерево — его государство, по сновидѣнію Волота, древо кипарисъ — Св. Софія, сирѣчь, Святая Святыхъ, то есть церковь. Символическое представленіе государства, церкви или даже исторіи всего человѣчества подъ видомъ дерева очень обыкновенно въ средніе вѣка. Оно восходитъ даже къ эпохѣ миѳологической, какъ напр. въ колоссальномъ образѣ Иггдразиля, этого всемірнаго древа сѣверной миѳологіи. По одной карпатской колядкѣ, напечатанной г. Костомаровымъ въ его разсужденіи о народной русской поэзіи, до сотворенія міра ничего не было, кромѣ неба и моря: изъ моря выростали только два дуба, на которыхъ сидѣли два голубчика, творившіе міръ.

Особенно важно для исторіи народнаго эпоса родство Волота съ Давыдомъ и Соломономъ. Какъ по нашей повѣсти Вологъ сватъ Давыду и тесть Соломону, такъ по сказкѣ о Китоврасѣ, этотъ оборотень братъ Соломону. Такимъ образомъ народная фантазія окружаетъ сказочнаго Соломона миѳическимъ, чудовищнымъ родствомъ. По сказкѣ о Китоврасѣ, чудовище это похищаетъ супругу Соломона и находится съ нею въ преступной связи; по нашей повѣсти оказывается, что эта женщина не кто иная, какъ Волотовна, дочь существа сверхъестественнаго. И если допустить то предположеніе, что исполинъ Волотъ — представитель миѳическихъ оборотней — волковъ, получившихъ историческое бытіе въ племени Велетовъ, Вильцевъ или Волчковъ; то Китоврасъ и Волотъ будутъ существами однородными:

и тотъ и другой чудовищные оборотни, съ которыми вели борьбу какіе-то свѣтлые боги или герои, впослѣдствіи переименованные въ Давыда и Соломона.

Можно догадываться, что эпическая форма разсказа и толкованія сновидѣнія составляла уже существенную часть и того предполагаемаго народнаго эпизода, который потомъ былъ передѣланъ въ апокрифическую повѣсть града Іерусалима. Даже стихъ о Голубиной Книгѣ, не смотря на свой позднѣйшій, искаженный видъ, не забылъ еще этой эпической формы, основанной на вѣрованіи въ сновидѣнія; только даетъ сновидѣнію другое содержаніе, заимствованное изъ изображенія страшнаго суда[1]), и [illegible] въ началѣ бесѣды, а на концѣ.

Вообще содержаніе бе[illegible]Золотовича съ Давыдомъ Іессеовичемъ сходно съ бе[illegible]ѣ о Голубиной Книгѣ, и объясняется одними и тѣми [illegible]и.[2]) Смѣшеніе географическихъ и историческихъ с[illegible]ствующее въ стихѣ, доведено въ нашей повѣсти до [illegible]айности. На Руси городъ Іерусалимъ, въ немъ церков[illegible]ирости Божіей, сооруженная царемъ Соломономъ. В[illegible]ркви Софіи, премудрости Божіей, стоитъ гробъ госп[illegible]ь озеро — подъ Кіевомъ, взяло оно въ себя триста рѣкъ.

Послѣдняя странность нѣсколько объясняется лингвистически, потому что слово *Пьмень* въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низьменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ.

Нѣкоторыя подробности бесѣды указываютъ на другіе апокрифическіе источники, не вошедшіе въ стихъ о Голубиной книгѣ; а именно: «древо древамъ мать — Кипарисъ, Певга, Кедръ» — взято изъ преданія о крестномъ деревѣ; «Іорданъ течетъ изъ рая Едемскаго» — изъ апокрифическихъ разсказовъ библейскихъ. Любопытенъ намекъ на азбучную пасхалію іерусалимскую, распространившуюся по всей свѣторусской землѣ. Этотъ намекъ, можетъ быть, имѣетъ прямое отношеніе къ эпохѣ богословскихъ споровъ о пасхаліи. Другія подробности важны для исторіи миѳологіи и народной поэзіи; а именно: *тремячій кладезь*, у котораго живетъ птица Таврунъ; змій при озерѣ, напоминающій польское преданіе о Краковѣ, малорусскую сказку о Кирилѣ кожемякѣ, болгарскую о бояновомъ царствѣ и друг.

[1]) Смотр. мою статью «О страшномъ судѣ по русскому подлиннику», въ Современникѣ за 1857 годъ.

[2]) Смотр. въ моемъ сочиненіи «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», *въ статьяхъ*, помѣщенныхъ въ Архивѣ Калачева, въ рѣчи о народной поэзіи.

Единорогъ, отъ котораго убѣгаетъ змій, и китъ, предвѣстникъ свѣту представленія, принадлежатъ столько же миѳологіи и средневѣковой художественной символикѣ, сколько и эпосу о животныхъ (Thierfabel).

Заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя отдѣльныя выраженія; какъ то: «ты горазд *сны загадки отгадывать*» — то есть: сновидѣніе представляется загадкою, которую слѣдуетъ отгадать: очевидная связь эпическихъ понятій о сновидѣніи и загадкѣ. «Далече намъ грѣшнымъ *до Рима*» — пословица, распространенная въ средніе вѣка на западѣ, и, вѣроятно, рано перешедшая на Русь. Въ выраженіи: «восходитъ *луча* солнца краснаго» — слово *луча* (вм. *лучь*) древнее и народное.

Касательно внѣшней формы этой повѣсти надобно сказать тоже, что̀ и многихъ другихъ, встрѣчающихся въ старинныхъ сборникахъ. Это — та хаотическая смѣсь стихотворной формы съ прозаическою, отдѣльныхъ стиховъ и прозаическихъ фразъ, которая, съ одной стороны, служитъ естественнымъ переходомъ отъ народной пѣсни къ народному же прозаическому разсказу, а съ другой — предлагаетъ обломки древне-русскаго стиха, драгоцѣнные для исторіи народной поэзіи и для теоріи русской версификаціи.

Въ заключеніе, почитаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о національномъ духѣ, которымъ пропитана вся эта повѣсть. Тотъ обнаружилъ бы свое крайнее незнаніе исторіи средневѣковой литературы, не только русской, но и всѣхъ западныхъ народовъ, кто по историческимъ и географическимъ чрезвычайностямъ, вошедшимъ въ эту повѣсть, вздумалъ бы судить о дикости и грубости нашихъ предковъ. Подобную же чепуху встрѣчаемъ во многихъ замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ старинной литературы Германіи, Франціи и другихъ образованныхъ странъ. Но не въ подобныхъ несообразностяхъ и въ грубомъ невѣдѣніи состоитъ сущность такого рода произведеній, а въ высоко художественной поэтической обработкѣ народныхъ убѣжденій и въ наивномъ, національномъ тонѣ. Судя по «повѣсти града Іерусалима», можно догадываться, какъ пріятно было нашимъ предкамъ мечтать, что все святое и великое находится на ихъ свѣторусской землѣ: на ней стоитъ и святой градъ Іерусалимъ, въ ней и святая Софія, сирѣчь, Святая Святыхъ; на святой же Руси жили-были и царь Давыдъ Іессеовичъ, и сынъ его, премудрый Соломонъ, завладѣвшій царствомъ Волота Волотовича, наибольшаго изъ царей, очевидно, земли русской.

Повѣсть града Іерусалима.

Бесѣда царя давыда иессеевича с царемъ волотомъ волотовичемъ на синайстѣй горѣ, посторонь града іерусалима у дуба маврейскаго у креста ливанидова, у главы адамовы.

В великую было суботу, сьежджалися к церкви к литоргіі 42 царя. Болшой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичь, 2 у нихъ царь Моисей Моисеовичь, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисеовичь, четверты у нихъ у былъ цар[illegible]окъ Иессеовичь. І оне те все цари к литоргіі прие[illegible] литоргию, рече імъ царь болшой Волотъ Волотовичь[illegible]і князи благовѣрныя! скажите вы мнѣ, не утайте: [illegible], кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не могите вы ут[illegible] мнѣ повѣдайте. І все цари молчатъ. И рече царь[illegible]нѣ начесь много видѣлось: і вы про тотъ сонъ скажи[illegible]ево осудите. С тое страны восточныя восходитъ луч[illegible]наго, осветила всю землю свѣторускую, а в др[illegible]олуденную выростало древо кипарисъ, серебрено[illegible]вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ [illegible], [illegible]итъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у нево колоколчикъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? І тутъ цари умолчали все. Единъ от нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Песьсеовичь, и зговоритъ таково слово: Государь ты нашъ первы царь, Волотъ Волотовичь! Далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Пякова, брата Господня! Тотъ бы сонъ твой отгадалъ. І азъ тебѣ про нево съкажу, и тотъ твой сонъ збудетца. Во второмъ надесять году у меня царя Давыда родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ нѣтъ. А что с тое страны восточныя восточныя[2]) восходитъ лучь сонца краснаго, осветилъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начяльныі; і в томъ градѣ будетъ соборная и апостолская церковь Софіі Премудрости Божия, о седмидесят верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будетъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на поникадилахъ поставлены будутъ предчюднымъ (sic) образомъ. А что с тое страны полуденныя выросъталo древо кипарисъ, коренне сребреное, то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожиждетъ Святая Святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что

---

[1]) Т. е. *ночесь*.

[2]) *Такъ въ рукоп.* повторено.

у кречета колоколчикъ золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. И отвеща ему царь Волотъ Волотовичь: іполать тебѣ, Царь Давыдъ, что ты гораздъ сны загатки отгадывать и досушъ[1]) доброе слово молвити. І рече ему царь Давыдъ: а ты мнѣ болшой царь Волотъ Волотовичь про то скажи: отчево у насъ свѣтъ свѣтитца, і отчево сонце сіяетъ, и отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ, на чемъ земля стоитъ? Отвѣща болши царь Волотъ Волотовичь царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтитца от господнихъ очей, а сонце сіяетъ от святыя рызы (sic) ево, а заря занимаетца от сонца краснаго; а небо ходитъ на воздусѣхъ, а земля стоитъ на осмидисятъ китахъ рыбахъ меншихъ, да на трехъ рыбахъ болшихъ. А ты мнѣ царь Давыдъ про то скажи: кой градъ градомъ мать, и коя церковь церквамъ мать, и коя глава главамъ мать? кое древо древомъ мать? коя трава травамъ мать? кой камнемъ камень мать? коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрямъ мать? кое езеро езеромъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу: первы градомъ мать градъ Іерусалимъ: ево пасхалия азбучная во всю землю свѣторускую. А церковь церквамъ мать соборная София Премудрости Божия; да в той же церкви стоитъ гробъ господень: потому церковь церквамъ мать. А река рекамъ мать Порданъ, потому что она течетъ із рая едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ: потому рекамъ мать. А глава главамъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ небо и землю і вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему человѣка, и нарече імя ему Адамъ; і вынялъ у него ребро, і сотворилъ ему жену Евву, и от нихъ поидоша цари і князи: потому глава главамъ мать. А древо древомъ мать древо кипарисъ, пѣзга, кедръ: потому что от нихъ ідетъ благоухание; от нихъ же родитца ладонъ, идетъ во всю землю свѣторускую: потому древамъ мать. А трава травамъ мать плакунъ трава: какъ жидовѣ Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать. А птица птицамъ мать таврунъ птита невелика, с рускую галку; а живетъ она у гремячева кладезя, у теплаго моря. А звѣрь звѣрямъ мать единорохъ. Коли на[2]) земли была засуха, і в тѣ поры дожда на землю не было; тогда в рекахъ і во езерахъ воды не было, толко во единомъ езере вода была; і

[1]) Т. е. *досужъ*.

[2]) Въ рукоп. *на* дважды.

лежалъ великой зимі, и не давалъ людемъ воды пить и никакому потекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей. А коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змі люты заслышитъ и побѣжитъ от звѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди. А озеро озеромъ мать Ілъмень озеро, что̀ пот Киевомъ градомъ: потому что взела (sic) в себя триста рѣкъ. А море морямъ мать акіянъ море великое, потому что в немъ стоитъ церковь Климента, папы римскаго. А рыба рыбамъ мать китъ[1]) рыба великая: какъ та рыба китъ взыграетца и пойдетъ во глубину морскую; тогда будетъ свѣту преставленія. А гора горамъ мать Фаворская да Сіонская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты мнѣ царь Волотъ Волотовичь про то скажи: Кому на второмъ пришесьтви не быть, и лица божія не видать, и суда божія імъ не будетъ? І отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: азъ тебѣ про то скажу: всякому человѣку на второмъ пришестви быть, и судъ имъ будетъ по дѣломъ ихъ; а еретикамъ и чародѣемъ, тѣмъ суда божія не видать: без суда божія посланы будутъ в муку вѣчную. Нынѣ и присно і во вѣки[2]) вѣковъ аминь. Конецъ.

---

[1]) Въ рукоп. вм. *Китъ*, ошибкою стоитъ *Акіянъ*.

[2]) Въ рукоп. *въ* вм.: *вѣки*.

ZEITSCHRIFT FÜR VÖLKERPSYCHOLOGIE UND SPRACHWISSENSCHAFT.

Herausgegeben von Dr. M. Lazarus und Dr. H. Steinthal. Band I. Heft I.

(Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie von M. Lazarus und H. Steinthal.)

—

Г. Штейнталь, приватъ-доцентъ по каѳедрѣ общаго языковѣдѣнія въ берлинскомъ университетѣ, извѣстный въ исторіи современной науки языковѣдѣнія преимущественно трудами въ области ея философскихъ проблеммъ, въ сообществѣ съ докторомъ Лацарусомъ, предпринялъ періодическое изданіе, котораго цѣль и область изслѣдованія опредѣляется во введеніи, предложенномъ въ первой книжкѣ журнала. Современность и наукообразность принятыхъ началъ ручается за успѣхъ предпріятія. Отзывы «Wiener Zeitung» и «Revue Germanique», высказавшіе свое недоумѣніе по поводу новаго явленія и предложившіе редакціи вопросы, убѣдительно разрѣшенные и отклоненные, говорятъ лишь о томъ, что новыя явленія въ частныхъ областяхъ знанія должны оправдать свои начала всею массою предлагаемаго матеріяла, прежде нежели они достигнутъ всеобщаго признанія. Знаменательнѣе для оцѣнки явленія въ исторіи науки готовность раздѣлить убѣжденіе со стороны ученыхъ спеціалистовъ. Редакція предлагаемаго журнала въ этомъ отношеніи имѣетъ право гордиться появленіемъ книжки Ведевера, изслѣдующаго народный характеръ въ языкѣ по началамъ народной психологіи, къ которымъ онъ пришелъ независимо отъ

трудовъ нашей редакціи [1]). Почитая предложенный планъ изслѣдованій плодотворнымъ и для науки русской народности, передаемъ его содержаніе читателямъ Лѣтописей, останавливаясь на тѣхъ сторонахъ обширнаго плана, которыя наиболѣе близки къ нашимъ задачамъ.

Явленіе науки «народной психологіи» совершенно ново въ исторіи этнографіи. Если искать ей историческихъ преданій, то должно будетъ ограничиться частной областью сравнительно-историческаго языковѣдѣнія, къ результатамъ котораго впервые приложилъ методъ психологической оцѣнки Вильгельмъ Гумбольдтъ. Одинъ изъ редакторовъ новаго журнала, г. Штейнталь унаслѣдовалъ Гумбольдтовъ методъ: являясь во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ продолжателемъ Гумбольдта, онъ отчасти развивалъ вопросы философіи языка, отчасти прилагалъ добытыя положенія къ частнымъ вопросамъ лингвистическимъ. Въ 1855 году г. Штейнталь издалъ свое главное сочиненіе «Grammatik, Logik und Psychologie»: стирая слѣды устарѣвшаго Беккерова «Организма» энергическою полемикой, авторъ въ послѣднемъ отдѣлѣ труда представилъ физіологію звука и установилъ отношенія взаимодѣйствія животнаго и духовнаго элемента въ процессѣ его творчества. Выходя изъ частной области языковѣдѣнія въ область обширной науки этнографической, редакція приняла на себя трудную задачу методологическаго опредѣленія границъ изслѣдованія.

Изложеніе начинается съ той общепринятой мысли, что человѣкъ предназначенъ къ жизни общественной, и что личность условливается степенью ея участія въ общественной жизни. Духъ личности опредѣляется духомъ того цѣлаго, среди котораго она живетъ. Общественный бытъ разнообразенъ въ своихъ формахъ, преемственно развивающихся и относящихся другъ къ другу различно въ различныя времена; отдѣльныя личности, причастныя къ развитію этихъ формъ, также безконечно разнообразны, какъ эти формы. Совокупность личностей, связь ихъ содержитъ въ себѣ судьбу личностей,— ибо все духовное ихъ достояніе принадлежитъ цѣлому. Законосообразное движеніе и развитіе внутренней дѣятельности людей есть духъ. Первоначальное, данное исторіей, соединеніе людей есть народъ. Наука народной психологіи изслѣдуетъ законы того движенія и развитія, оставляя частной, *индивидуальной* психологіи человѣка, какъ душевный субъектъ. Историческая первозданность народа, какъ первоначальнаго соединенія людей, заключающаго въ себѣ всѣ другія, устанавливаетъ отношеніе науки народной психологіи къ наукамъ политическимъ: психологическій матеріялъ, добываемый ею, даетъ живое содержаніе

[1]) Указаніе г. Лацаруса во 2 книжкѣ журнала, стр. 180.

формамъ государственнаго быта, какъ порожденіямъ народной жизни. Какъ наука, изслѣдующая законы движенія и развитія народнаго духа, психологія народа выдѣляется изъ того направленія матеріализма естественныхъ наукъ, которое, «познавая животный элементъ органической природы, не признаетъ самобытности духа». «Человѣкъ по природѣ своей выше животнаго». Онъ имѣетъ способность къ развитію: всякое движеніе въ жизни человѣческой природы заключаетъ въ себѣ нѣчто другое относительно предшествовавшаго и зерно для новаго движенія въ будущемъ. Животный же организмъ періодически повторяетъ одинаковыя явленія при одинаковыхъ условіяхъ. Сродство человѣческой природы съ животною состоитъ лишь въ законосообразности движенія; самое же движеніе различно. Слѣдовательно, исторія отличаетъ человѣка отъ животнаго. Наукѣ народной психологіи даются матеріялы историческою наукою. Это отношеніе науки народной психологіи къ исторіи уподобляется авторами отношенію физики, химіи и физіологіи къ описательнымъ наукамъ—минералогіи, ботаникѣ и зоологіи. Народъ, какъ такой, являетъ свое самопознаніе въ своей исторіи: явленія, выходящія изъ предѣловъ народности, сводятся къ отдѣльной народности, какъ къ своему источнику; общечеловѣческому же ихъ значенію должно искать объясненіе въ извѣстномъ историческомъ моментѣ. Такъ напримѣръ, единство народностей въ среднихъ вѣкахъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что германская народность возобладала своею творческою силою культуры надъ всѣми другими — кельтской, иберійской и проч. Какъ скоро германскій элементъ былъ вытѣсненъ изъ земель романскихъ, творческія силы его обособились въ своей народной отдѣльности (deutsch, thiud). Ту отдаленную эпоху хаотическаго броженія европейскихъ народностей, въ которой произошло сверхнародное преобладаніе германскаго элемента, объясняютъ послѣдующія эпохи развитія германской народности. Этотъ удачно выбранный авторами примѣръ подтверждается и живою современностью. Сила народнаго самосознанія и доселѣ сказывается въ области науки: въ развитіи философскаго генія Гегеля новыми изслѣдователями открывается сильное участіе его племенныхъ швабскихъ особенностей [1]). Труднѣе опредѣлить сверхнародное существованіе того духовнаго достоянія народности, которое было унаслѣдовано другою народностью уже по завершеніи историческихъ судебъ первоначальнаго ихъ источника. Особенно были бы поучительны для науки народной психологіи наблюденія въ области буддизма. Миссія,

[1]) Haym, Hegel und seine Zeit.

какъ живой источникъ обмѣна духовной дѣятельности, исчезла, оставивши по себѣ одинъ канонъ. Отъ насъ, русскихъ, прежде всего слѣдуетъ ожидать сообщенія матеріаловъ и ихъ ученой разработки по относительной легкости сообщенія съ сибирскими послѣдователями буддійскаго вѣроученія. Наша духовная миссія принесла не мало пользы исторіи буддизма. Энергія ея представителей не ослабла и доселѣ: свѣжее явленіе ея мы видимъ въ сочиненіи архіепископа Нила [1]), съ которымъ публика уже знакома по извлеченіямъ, напечатаннымъ въ петербургскихъ журналахъ. Представляя любопытный матеріалъ для нашей науки въ главахъ о религіозныхъ обрядахъ и демонологіи, которымъ, по счастью, посвящено много вниманія, авторъ далекъ отъ ихъ историческо[illegible]тѣмъ болѣе — психологической. Въ изложеніи совмѣ[illegible]историческаго безразличія, самые разнородные элемент[illegible]личіе вкрадывается, къ сожалѣнію, въ интереснѣйшую [illegible]нія: обряды гаданій по свѣтиламъ, очевидно шаманскаго [illegible]нія, сопоставляются съ гаданіями о мистическихъ к[illegible]деній, встрѣчающихся такъ часто въ индусскихъ сутр[illegible]ческими формулами, напоминающими индусскія dha[illegible]кое отсутствіе критики легендъ: легенда о миссіи Б[illegible]предлагается безъ всякихъ указаній на ея источникъ[illegible]ея мотивъ, и ея миѳологическое содержаніе привод[illegible]имъ легендамъ. Въ индусской легендѣ о миссіи Vigaya [2]) вмѣсто Raxasi приводимой легенды Jaxani, что по сродству обоихъ духовъ составляетъ незначительный варіантъ; въ другихъ индусскихъ легендахъ встрѣчаемъ Raxasi, какъ духъ, враждебный дѣлу миссіонеровъ, такъ напримѣръ въ легендѣ о миссіи Sona и Uttara въ Suvarnabhumi, въ буддійской миссіи въ Кашемиръ и Гандара [3]). Роль Raxasi, какъ врага миссіи не оставляетъ сомнѣнія въ тождественности легенды о Мандзѣ съ приведенными индусскими. Еще болѣе твердости нашему выводу даетъ эпитетъ безобразной (raxasi, rik? tanana), который придается Raxasi въ Рамаянѣ [4]): этотъ эпитетъ не только удержанъ и въ монгольской редакціи легенды, но даже перенесенъ и на дѣтей ея [5]). Не можемъ не упрекнуть автора и за то равнодушіе, съ которымъ онъ обращается съ словами происхожденія палійскаго, сопоставленными съ монголь-

---

[1]) Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ его послѣдователямъ, обитающимъ въ Сибири. 1858.

[2]) Lassen, Indische Alterthumskunde. B. 2. pp. 98—99.

[3]) Ibid., pp. 237, 235.

[4]) Ramayana, ed. Schlegel, l. II, c. LXIX. Somnium Bharatai, p. 197.

[5]) Сочиненіе Нила, стр. 301.

скими. При отсутствіи критики сочиненіе архіепископа Нила, къ сожалѣнію, не представляетъ никакой вѣрной добычи для науки народной психологіи.

Въ томъ же отношеніи весьма важны судьбы религіознаго канона другой вѣтви арійской народности, судьбы Зендъ-Авесты. Переходъ черезъ пельвійскую редакцію, а посредствомъ ея и черезъ санскритскую редакцію Нріосенга сдѣлалъ необходимымъ толкованіе текста по преданію; запасъ преданія нашелъ себѣ выраженіе въ глоссахъ, которыя обширнѣе текста. Критика Бюрнуфа, Брокгауза, Шпигеля и другихъ оцѣнила эти источники преданія лишь со стороны ихъ филологической цѣнности. Наблюденія надъ отношеніями запаса преданій къ ихъ первоначальному источнику было бы весьма поучительно для нашей науки.

Психологія народа есть синтетическая основа исторіи: она познаетъ законы развитія. Эта синтетическая доктрина предполагаетъ, какъ необходимыя, аналитическія наблюденія въ области отдѣльныхъ народностей. Первая часть называется народно-исторической психологіей; вторая — психическою этнологіей. Совокупность обѣихъ есть наука народной психологіи.

Представивши въ возможной краткости методологическія мысли авторовъ, перейдемъ къ опредѣленію народа и наблюденіямъ въ отдѣльныхъ областяхъ его жизни. Авторы отрицаютъ возможность твердаго опредѣленія понятія народности при исключительномъ руководствѣ какою-либо одной областью его жизни. Вниманіе ихъ остановилось по преимуществу на языкѣ. Можно ли разграничить народности по языку? Авторы отвѣчаютъ на это отрицательно на томъ основаніи, что историческія судьбы единятъ народности, по языку несродныя и, наоборотъ, соплеменныя народности и по языку ближайшія другъ къ другу разъединяются исторіей. Помимо этихъ очевидныхъ доказательствъ, современная наука лингвистики не можетъ взять на себя разрѣшеніе вопроса о предѣлахъ народности по самой природѣ своихъ научныхъ задачъ. Она роднитъ народности, отдѣляемыя другъ отъ друга огромными историческими стадіями, ибо въ ея обладаніи до-историческая эпоха народности, ея дѣтскій возрастъ, въ которомъ родство по непосредственности и первобытной простотѣ народныхъ элементовъ чувствуется глубже. Зендъ, позднѣе другихъ, выдѣлившійся изъ первоначальной области имѣетъ потому самому наиболѣе близкое родство съ санскритомъ, и именно съ древнѣйшимъ его нарѣчіемъ, ведійскимъ; миѳологія и литературная форма Зендъ-Авесты, форма гимна еще болѣе роднитъ зендскую народность съ индусской въ ея ведическую эпоху. Лексикографія Ведъ уяснила

много зендскихъ корней, изъ которыхъ нѣкоторые, находя себѣ весьма рѣдко аналогію въ греко-италійской группѣ, роднятся съ словами германскаго корня [1]). Частныя измѣненія буквъ въ этомъ отношеніи еще знаменательнѣе: они нерѣдко роднятъ языки различныхъ группъ въ тѣхъ явленіяхъ вокализма, которыя остаются чуждыми другимъ языкамъ тѣхъ же группъ. Такъ напримѣръ общій всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ числовой корень *dva* въ Зендѣ отбрасываетъ *d*, а *v* обращаетъ въ *b*, откуда *bi* вм. *dvi* [2]). Эту особенность съ Зендомъ раздѣляетъ лишь латинскій языкъ. Представляя драгоцѣнные матеріалы для науки психологіи народа своими наблюденіями надъ дѣтскимъ возрастомъ народности, лингвистика не отказывается слѣдить за нею и въ даль ея исторь[illegible]итія. Но въ историческую эпоху, по сложности вошe[illegible] элементовъ, лингвистика можетъ быть лишь частнымъ [illegible]ъ познанію народной жизни. Итакъ, языковѣдѣніе отрица[illegible]ость дѣленія народовъ по языку. Языкъ, какъ скоро за[illegible]идать ему значеніе мѣрила народности, становится [illegible]ауки какимъ-то объективнымъ средствомъ познанія [illegible]и; тогда онъ есть та же готовая категорія, подъ ко[illegible] хотѣли подвести жизнь народности.

Это убѣждаетъ въ то[illegible]не можетъ глубже и правдивѣе означить предѣлы нар[illegible]ако то субъективное народное самосознаніе, которое является плодомъ всесторонняго развитія народнаго духа. На пути историческаго развитія каждая народность слагаетъ себѣ воззрѣніе на племенное родство, съ своеобразностью, условливаемою ея историческими судьбами. Въ этомъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, психологія народности можетъ ожидать большой добычи отъ науки сравнительнаго языковѣдѣнія, дающей объясненіе народныхъ именъ. Народныя имена arya, airya (почтенный), въ противуположность anarya, anairya, давно уже уясненныя лингвистикой, получатъ много освѣщенія отъ сравнительно-историческаго изученія народныхъ именъ. Отыскивая субъективное значеніе понятія народности, психологъ находитъ обильный матеріялъ въ народномъ историческомъ эпосѣ. Психологическія наблюденія надъ народностями, богатыми историческимъ эпосомъ, наиболѣе плодотворны. Между славянскими народностями всего болѣе привлекаетъ вниманіе психолога съ этой стороны племя сербское. Воспѣвая каждаго изъ избранныхъ героевъ народной борьбы

---

[1]) Burnouf, Commentaire sur le Yaçna. Avantpropos, p. XXVIII.

[2]) paoirîm,..... bitîm,..... thritîm yânem gaidhyemi. Yaçna y Haug «Gathas Zarathustrani», p. 42.

цѣлымъ рядомъ эпопей, народное творчество выражаетъ свои племенныя симпатіи не въ однихъ внѣшнихъ дѣлахъ борьбы, — она призываетъ на разрѣшеніе великаго народнаго поединка внутреннія силы народнаго творчества, созданія народной миѳологіи, придавая этимъ глубокое значеніе народности племенной враждѣ: такъ напримѣръ видимъ участіе вилы въ разрѣшеніи борьбы Новака съ Грчичемъ Манойлой [1]). Не разъ встрѣчаемся мы въ сербскомъ историческомъ эпосѣ съ кровавой борьбой съ Греками. Въ одной пѣснѣ Грекъ является нарушителемъ семейнаго покоя; въ другой майсторъ Манойло является нарушителемъ общественнаго благосостоянія. «Нельзя ни жениться, ни выходить замужъ, не приходятъ къ царю подати, не торгуетъ купецъ своимъ товаромъ, не ходитъ паломникъ на поклоненіе гробу Господню» [2]). Такое освѣщеніе даетъ народность сербская своимъ отношеніямъ къ Грекамъ, которыми условливалось ихъ поселеніе въ придунайской области, отъ которыхъ приняли они вѣру. Всѣ преданія забыты ради вражды съ Турками. Не смотря на то, что центръ религіознаго общенія съ Греками, монастыри могли бы живо напомнить Сербамъ ихъ отношенія къ православнымъ Грекамъ, народная фантазія съ одушевленіемъ стремится дѣлиться религіозными интересами съ русскими единоплеменниками: хитростью патріарха царь турецкій отдариваетъ московскихъ пословъ драгоцѣннѣйшими предметами православной святыни, въ чемъ послѣ объясненія съ пашей онъ раскаялся, но драгоцѣнныхъ даровъ возвратить уже не могъ. Одушевленіе, съ которымъ роднится сербскій народъ съ своими русскими единоплеменниками очевидно изъ того, что мотивъ приведенной пѣсни [3]) Вукъ Стефановичъ нашелъ и въ позднѣйшемъ его варіантѣ въ связи съ «госпой Елисавкой» [4]). Приведенные факты говорятъ о томъ, что народная борьба Сербовъ совершалась въ пору живыхъ силъ народности и первоначальнаго племеннаго самосознанія. Племенное сочувствіе русскимъ и забвеніе преданій о связяхъ съ Византіей тѣмъ важнѣе, что въ эпосѣ народной борьбы не замѣтна та страдательная покорность печальной современности, которая бы лишала народность самосознанія въ области историческаго прошедшаго. Пѣснь о дѣвицѣ Маргитѣ и воеводѣ Райкѣ [5]) убѣждаетъ въ томъ, что народная самобытность погибала въ моментъ историческаго самосознанія народа.

---

[1]) Вукъ, Срп. нар. пјесме. III, № 6.

[2]) Ibid. № 45, стр. 20—23.

[3]) Вукъ, III, № 15.

[4]) Ibid., p. 83.

[5]) Ibid., № 10.

На упреки въ безсилін отстоять родину, Райко отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ историческихъ воспоминаній о народныхъ герояхъ, совокупными усиліями которыхъ Сербія была обезопасена отъ нападеній Турокъ.

Русская вѣтвь восточныхъ Славянъ роднится съ сербскою и по богатству своего эпоса. Не говоря о эпосѣ доисторической формаціи, не говоря о эпическомъ циклѣ Владиміра, укажемъ на пѣсни, связанныя по своему содержанію съ личностями русскихъ царей, память которыхъ начертана такъ рѣзко въ народномъ самосознаніи. Собраніе г. Якушкина, украшающее страницы второй книжки «Лѣтописей», представляетъ въ №№ VII и VIII пѣснь на свадьбу Грознаго. Кромѣ искренняго народнаго отзыва личности Іоанна Грознаго, мы находимъ въ нихъ указанія на отношенія къ Литвѣ, которыя влагаютъ слова вражды въ уста умирающей русской царевны. Эпитетъ «проклятой», приданный народомъ Литвѣ, оцѣненный со стороны его историческаго значенія въ предисловіи (стр. 24), миѳологически освѣщается тѣмъ значеніемъ, которое получила Литва въ демонологіи нашихъ предковъ. Въ житіи Сергія Радонежскаго, повѣствуя о поселеніи угодника въ пустынѣ Радонежской «вѣси», списатель говоритъ, что бѣсы, раздраженные смѣлостью поселенія Сергія въ грозной пустынѣ, являлись къ нему въ литовскихъ одѣяніяхъ и шапкахъ островерхихъ [1]). Это представленіе нашей народной демонологіи тѣмъ краснорѣчивѣе, что житіе того же святаго содержитъ въ себѣ строки, наполненныя враждой къ Литвѣ; самъ угодникъ является на стрѣльницѣ охраняющемъ г. Опочки, во время осады его Ляхами и Литвой подъ предводительствомъ «Жигдимонта».

Итакъ, историческій эпосъ, какъ непосредственное выраженіе народнаго самосознанія, есть единственно-возможное, правдивое опредѣленіе предѣловъ народнаго родства.

Запасъ впечатлѣній первобытной эпохи народной жизни находимъ въ лексической сокровищницѣ языка. Корни, общіе народностямъ индо-европейскаго племени, говорятъ о томъ, что они въ первоначальномъ своемъ слитіи дѣлили между собой тотъ запасъ впечатлѣній. Отдалившись другъ отъ друга, пройдя въ своей племенной особности извѣстныя стадіи исторической жизни, они снова встрѣчаются на поприщѣ исторіи. Забывши первоначальное родство, относясь съ равнодушіемъ къ тому первобытному запасу народныхъ представленій, они заимствуютъ другъ у друга слова. Самый фактъ заимствованія говоритъ уже о равнодушіи къ основному запасу народныхъ

[1]) Житіе Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 г. Въ литогр. св. Троицкія Сергіевы Лавры. Л. 72.

представленій. Степень этого равнодушія опредѣляется степенью живости и своеобразности заимствованія. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно изученіе лексики романскихъ языковъ, которая принимаетъ въ себя слова латинскія, вошедшія въ употребленіе въ послѣднее время съ очень слабой степенью своеобразности, тогда, какъ слова того же корня входили въ нее, какъ первоначальный составной элементъ, подчиняясь совершенно оригинальнымъ измѣненіямъ [1]). Способъ заимствованія, слѣдовательно, зависитъ отъ эпохи заимствованія. Въ высокой степени поучительно изслѣдованіе явленій позднѣйшаго взаимодѣйствія путемъ внѣшняго сообщенія между языками, находящимися въ первоначальномъ племенномъ сродствѣ. Таково взаимодѣйствіе языка литовскаго съ славянскимъ. Языкъ литовскихъ пѣсенъ и сказокъ, записанныхъ въ XIX столѣтіи, стоитъ на такой степени первобытности вокализма, что отношеніе его къ славянскимъ справедливо сравниваются съ отношеніями готскаго языка Ульфилы къ нѣмецкимъ нарѣчіямъ. Для уясненія этого мы считаемъ полезнымъ узнать ту силу самобытности жизни вокализма литовскаго, которая является въ заимствованіяхъ словъ корня спеціально-славянскаго. Литовское рѣченіе «wëra», не смотря на значительное количество производныхъ словъ, не состоитъ въ первоначальномъ родствѣ съ славянскимъ вѣра. Въ этомъ насъ убѣждаетъ прежде всего неизмѣнность коренной гласной, говорящая о томъ, что литовскій вокализмъ не нашелъ въ себѣ побужденій къ измѣненію слова чуждаго. Кромѣ того лексическая сторона дѣла приноситъ намъ обиліе доказательствъ. Отвлеченное значеніе слова «wëra», къ вѣрѣ объективной (krikszczoniszka wëra) въ противоположность вѣры личной, личнаго убѣжденія, которая имѣетъ свое выраженіе въ спеціально-литовскомъ корнѣ глагола «tikiu» («tikëjimas»), прямо отрицаетъ оригинальность слова «wëra» въ литовскомъ языкѣ. Это получаетъ болѣе яркое освѣщеніе, если оцѣнить миѳологическое значеніе литовскаго изрѣченія «ney saulis duktė negal jam itikti» («и солнцева дочь не угодитъ ему»). Древне-прусскій катихизисъ 1561 г., единственный памятникъ исчезнувшей вѣтви литовской народности, выражаетъ понятіе вѣры христіанской словомъ «*drwwis*» [2]), представляющимъ несомнѣнную аналогію съ скр. «dhruva» (certus), кор. «*dhru*» (fixum esse) [3]). Если «wëra» не есть литовское рѣченіе, то въ этомъ литовскомъ заимствованіи гласная ë есть весьма любопытная транскрипція нашего *ѣ*:

[1]) См. 1-й томъ Diez, «Grammatik der Romanischen Sprachen».
[2]) По изд. Нессельмана, 12, 18, 22, 38, 39 и проч.
[3]) А не «dhr-», какъ-то полагаетъ издатель, стр. 96.

нужно предположить весьма тонкое чутье вокализма въ позднѣйшую эпоху литовскаго языка, чтобъ объяснить транскрипцію *ė*, какъ подъятія гласной *u*, литовскою *ė* (у Милке *ei*), имѣющею туже этимологическую качественность подъятія *u*. Не имѣя этого чутья, литовскій языкъ принялъ бы наше *ѣ*, какъ *e*. Слѣдовательно, тонкіе оттѣнки произношенія, имѣющіе глубокія основы въ исторіи языка литовскаго, удержали свою дѣйственную силу и въ заимствованіяхъ. Въ заимствованныхъ словахъ мы встрѣчаемъ частую смѣну *o* и *a*; такъ наприм. литовское *kosnas* не можетъ получить объясненіе въ законахъ литовскаго словообразованія, ибо оно, очевидно, есть заимствованіе изъ нашего простонароднаго говора — «кажный». Въ согласныхъ, какъ въ матеріяльномъ, менѣе живомъ элементѣ языка, находимъ гораздо менѣе живой силы звуковаго творчества заимствованій. Такъ напримѣръ, польское chomato, наше *хомутъ* звучитъ въ лит. названіи сбруи «kamantai». Буква *x* сочла наиболѣе легкимъ перейдти въ одноорганную *k*, тогда какъ въ древнѣйшихъ образованіяхъ славянскому *x* соотвѣтствуетъ лит. свистящая *s*, такъ напримѣръ musa — муха, blusa — блоха, *sausas* — сухъ и проч. Слѣдовательно сила воспріятія здѣсь не переходитъ границъ органа, къ которому принадлежитъ воспринимаемый элементъ. Относительно же первоначальнаго сродства слав. *x* съ лит. *s* имѣемъ замѣтить, что *s* имѣетъ право на большую первобытность, ибо и въ санскритѣ слав. *x* соотвѣтствуетъ свистящая: лит. sausas, сухъ — скр. suska. Но механическое воспріятіе начальной согласной, оправдываемое самою ея природой, не мѣшаетъ языку явить своеобразность съ формальной стороны въ образовательномъ элементѣ слова: kamantai — plural. tantum, по аналогіи съ другимъ словомъ, чисто-литовскимъ, имѣющимъ то же значеніе «сбруи», являющимся во всѣхъ своихъ образованіяхъ въ формѣ plural. tantum: «szlajei, szlajos, szlajes, szlajuttes», ср. съ русск. «шлея». Послѣднее рѣченіе не есть заимствованіе, ибо его родство съ кр. глагола «szlëju» (придѣлывать, приспособлять) несомнѣнно, а *ë* есть органическая замѣна дифтонга *ai*, какъ гуны *i*. Еще поучительный примѣръ изъ области согласныхъ. Санскритскому небному придыхательному *c* соотвѣтствуетъ въ классическихъ языкахъ группа *sk*, sc [1]); тоже отношеніе можно прослѣдить и въ литовской группѣ *sc* относительно славянскаго *ч*, — лит. skit, skait — слав. кр. *чит*, лит. skystas — слав. чистый. Но на ряду съ рѣченіемъ skystas въ лит. находится вполнѣ созвучное «szystas». Самая аналогія отношеній scr. с къ группѣ *sc* классиче-

[1]) Bopp. Vergl. Gramm. §. 14.

скихъ языковъ съ отношеніями слав. ч къ лит. группѣ *sc* убѣждаетъ въ высокой этимологической качественности и самобытности лит. группы *sc* въ рѣченіи skystas. Еще рѣшительнѣе то, что рѣченіе «skystas» являетъ во всѣхъ другихъ, весьма многочисленныхъ своихъ образованіяхъ подъятіе коренной гласной—«skaistas», тогда какъ рѣченіе «czystas» ни въ одномъ изъ своихъ образованій, почти безъ исключенія тождественныхъ образованіямъ рѣченія «skystas», не представляетъ подъятія. Это говоритъ за то, что рѣченіе «czystas» есть позднѣйшее заимствованіе, не подчинившееся уже законамъ измѣненія гласныхъ. Не можемъ не остановить нашего вниманія и на томъ, что всѣ производныя рѣченія «skystas» повторяются въ заимствованномъ «czystas», именно: нарѣчіе «czystai»—«skaistai», «czysczausas» — «skaisczausas», «czystybe» — «skaistybe», «czystummas» — «skaistummas» и проч. и проч. Языкъ, чувствуя родство *sc* съ *cz*, смѣшивалъ ихъ. Отъ этого смѣшенія удержались, конечно, образованія спеціально-русскія, какъ-то «czystata», «neczystata».

Выражая собой отношеніе народа въ историческую эпоху его жизни къ творческимъ силамъ доисторической эпохи, языкъ служитъ лучшимъ выразителемъ и паденія основъ народной жизни. Оно отражается особенно ясно въ томъ, что образовательные элементы языка, соединяющіе матеріялъ народныхъ впечатлѣній въ извѣстныя представленія, неорганически смѣняютъ другъ друга и ищутъ внѣшнихъ знаковъ для выраженія того, что проявлялось внутренними силами языка въ прежнюю эпоху народной жизни. Любопытный предметъ наблюденій въ этой области представляетъ намъ древне-прусскій языкъ въ вышеприведенномъ своемъ памятникѣ 1561 года. Сохранивши такъ много старины въ склоненіяхъ и по преимуществу въ склоненіяхъ мѣстоименій (удержавшихъ корень *sma* въ цѣлости, нетронутой историческимъ временемъ, въ формахъ stesmu, tennesmu, maiâsmu, noûsmu, jousmu, kasmu, subbsmu), древне-прусскій языкъ обращается въ упомянутомъ памятникѣ весьма равнодушно съ образовательными элементами своего языка, дышащими первобытною свѣжестью. Это равнодушіе наблюдается въ замѣнѣ суффиксовъ склоненія однимъ винительнымъ падежемъ въ обоихъ числахъ, какъ скоро въ предложеніи отношеніе согласованія и управленія, или членъ ясно указываютъ на ту форму, которая неорганически замѣняется винительнымъ падежемъ. Нессельманъ объясняетъ этотъ выборъ винительнаго падежа легкостью его носового исхода (n, ns) [1]). Тѣмъ печальнѣе судьба замирающаго организма, чѣмъ болѣе въ немъ силъ народной жизни!

[1]) Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert, p. 55.

«Миѳологія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ языкомъ». Въ эпоху юности народъ относится ко всему миѳологически; но такъ какъ миѳологія и языкъ раскрываютъ въ себѣ глубокія основы народнаго мышленія, то миѳологическая дѣятельность направляется по преимуществу къ идеаламъ народнаго мышленія, содержащимся въ религіи. Миѳологія не тождественна съ религіей: не все то миѳологично, что религіозно, и не все то религіозно, что миѳологично. Народъ смотритъ на все миѳологически не по религіознымъ побужденіямъ. Миѳологическій образъ воззрѣнія объясняется исторической эпохой его творчества: въ юности народъ миѳологически творитъ свои религіозные идеалы. Преслѣдуя развитіе духа отдѣльныхъ народностей до эпохи христіанства, наука этнографіи не замѣчаетъ внезапнаго перерыва: миѳологическій элементъ религіознаго сознанія не исчезаетъ. «Католицизма не было, да нѣтъ его и теперь». Нѣмецъ, Итальянецъ, Грекъ во всѣ времена имѣютъ различныя религіи по тому самому, что они суть отдѣльныя народности.

«Поклоненіе (культъ), раскрывающее драматическую силу народнаго сознанія въ символическомъ выраженіи религіозныхъ мыслей въ дѣйствіяхъ, и сказаніе (сага) содержатъ въ себѣ первые элементы народной поэзіи и другихъ искусствъ. Въ нихъ является конкретное сочетаніе тѣхъ элементовъ поэзіи, которые при благопріятныхъ историческихъ условіяхъ развѣтвляются на лирику, эпосъ и драму».

Смѣненіе и слитіе мотивовъ лирики и эпоса весьма ясно наблюдается въ тѣхъ немногихъ литовскихъ пѣсняхъ, которыя и по формѣ и по обилію эпическихъ мотивовъ миѳологіи такъ живо напоминаютъ ведическій гимнъ. Переводимъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ по изданію Нессельмана [1]). «Солнышко, божья дочь, гдѣ, съ нами разлучившись, такъ долго замѣшкалась? гдѣ такъ долго зажилась? За моремъ, подъ горкой оберегалъ я, обильный дарами, сиротокъ, пригрѣвалъ пастушковъ. Солнышко, божья дочь, кто утроимъ да вечеромъ огонекъ разводилъ, кто постельку [2]) стлалъ? Утренняя звѣздочки огонь мнѣ разводила, вечерняя постельку стлала, — много у меня родни». Пѣснь, слѣдующая за этою въ собраніи Нессельмана, содержитъ въ себѣ космогоническія представленія въ эпическомъ ихъ изображеніи. «Въ первую весну мѣсяцъ женится на солнцѣ. Солнышко встало рано, мѣсяцъ разлучился съ нимъ. Блуждалъ мѣсяцъ одинокій

---

[1]) Litauische Volkslieder. 1853. №№ 1, 2, 3, 5.

[2]) «pataleli» (постельку) — уменьшительное отъ patalas, слож. изъ предлога *pa* и *talas*, состоящаго въ несомнѣнномъ сродствѣ съ scr. «tala», которое имѣютъ между прочимъ значеніе поверхности какой-либо вещи.

и полюбилъ утреннюю звѣздочку. Перкунъ въ сильномъ гнѣвѣ разсѣкъ его мечемъ. Зачѣмъ разлучился ты съ солнцемъ? зачѣмъ блуждалъ одинокій? Зачѣмъ полюбилъ утреннюю звѣздочку? — Сердце полно смущенія».

Впечатлѣніе грусти, навѣянной грознымъ появленіемъ грома — Перкуна («Perkunas musza» — Перкунъ поражаетъ, по народному изрѣченію) воспринято въ слѣдующей пѣснѣ, которая открывается гимномъ: «Вчера вечерочкомъ пропала овечка моя! Ахъ, кто поможетъ мнѣ отыскать мою овечку? Пошелъ я къ утренней звѣздочкѣ. Утренняя звѣздочка отвѣтила мнѣ,— я должна рано утромъ солнышку огонекъ развести. Пошелъ я къ вечерней звѣздочкѣ; вечерняя звѣздочка отвѣтила,— я должна вечеркомъ солнышку постельку постлать. Пошелъ я къ мѣсяцу; мѣсяцъ отвѣтилъ,—я мечемъ разсѣченъ,—печаленъ мой образъ. Я пошелъ къ солнышку; солнышко мнѣ отвѣтило,— буду искать девять дней и на десятый не оставлю поисковъ» [1]).

Въ трехъ приведенныхъ пѣсняхъ являются миѳологическія личности, изъ которыхъ каждая имѣетъ опредѣленное участіе въ космогоническомъ эпосѣ литовской народности. Тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ миѳологическому представленію свѣта, имѣютъ въ своихъ названіяхъ самую близкую аналогію съ названіями соотвѣтствующихъ миѳологическихъ личностей арійскихъ народностей. «Saule» (солнце) — scr. «surya» (кр. svar), зенд. *hvare*; «Menu» (мѣсяцъ) —scr. «mas»; «Auszrine», прилагательное, заставляющее предполагать существительное «zwaigzda» — утренняя звѣзда — scr. «ushas» (заря) — кр. ush (горѣть). Пятая пѣснь Нессельманова собранія даетъ много весьма интересныхъ эпическихъ подробностей.

«Подъ клёномъ течетъ источникъ [2]), къ которому приходятъ божьи сынки при мѣсячномъ свѣтѣ плясать съ божьими дочками. Къ источнику пришла я вымыть лице [3]). Какъ я вымыла до бѣла лице, упало мое колечко въ воду. И пришли божьи сынки и выудили мое колечко изъ глубины воды. И пріѣхалъ добрый молодецъ на ворономъ конѣ, а конь его вороной золотомъ подкованъ. «Поди сюда,

---

[1]) «o deszimta ne leisius». Здѣсь «leidmi» въ будущемъ времени, въ значеніи вспомогательнаго глагола, принимаетъ возвратное мѣстоименіе (s), часто переходящее на неопредѣленное наклоненіе, къ которому относится вспомогательный гл. leidmi (здѣсь jèszkoti изъ предыд. предл.). Варіантъ «ney nusi leisin» должно было бы перевести — «я не закачусь».

[2]) Источникъ по литовски «szaltinatis»; слово это одного корня съ нашимъ *хлад*-ъ, что объясняетъ эпитетъ студеной воды, студеной рѣчки. *Szalu* им. знач. мерзну.

[3]) «burna praustis» — собственно значитъ: «вымыть ротъ».

дѣвица! поди сюда, молодая! скажемъ другъ другу словечко, подумаемъ думочку [1]) — гдѣ рѣчка поглубже течетъ, гдѣ любовь любовнѣе» [2]). Не могу, молодецъ, забранитъ меня матушка, матушка-старушка, если долго не прійду. «Ты скажи, дѣвица! ты скажи: утки прилетѣли, воду замутили, ждала я, поджидала». ««Не правда, дѣвица, — съ молодцемъ ты говорила, сладку думу думала о словахъ любви»». Пляска божьихъ дочекъ при студеной рѣчкѣ напоминаетъ нашихъ русалокъ. Но кто эти божьи дочки? Въ рѣшеніи этого вопроса много помогаетъ весьма важный варіантъ, который замѣняетъ «dëwo dukteli» названіемъ «saules dukrytе» (дочки солнца). Варіантъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти божьи дочки, представленіе которыхъ въ приведенной пѣснѣ такъ тѣсно связано съ представленіемъ воды, родственны нашимъ русалкамъ, сербскимъ вилamъ и всѣмъ явленіямъ, раскрывающимъ связь миѳологическихъ представленій свѣта съ представленіями воды. Связь эта является въ названіяхъ и эпитетахъ сродныхъ явленій славянской миѳологіи: «русалка» — ведическое «*rusat*», (rutilans) корень котораго въ классическомъ санскритѣ удержалъ значеніе ferire, occidere; вилы имѣютъ при себѣ въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ бѣлыхъ — бjела вила, candida. Не зная личныхъ именъ божьихъ дочекъ, не позволяемъ себѣ идти къ дальнѣйшимъ заключеніямъ о ихъ миѳологической природѣ. Замѣтимъ лишь, что эпитетъ «dëwo duktele» имѣетъ аналогію съ эпитетомъ Перкуна, приводимымъ Бродовскимъ въ лексиконѣ — «die(ë)vactis», божёкъ, богъ по преимуществу [3]).

Кромѣ миѳологическихъ сказаній, народная психологія изслѣдуетъ явленія народнаго духа въ баснѣ, пословицѣ и загадкѣ. Этими произведеніями народнаго остроумія и фантазіи владѣютъ въ обилiи всѣ индо-европейскія народности. Индусскія собранія — Хитопадеша и Панчатантра представляютъ непрерывный рядъ басень, полныхъ представленій животнаго эпоса. Каждой баснѣ предпосылается пословица, повторяемая и въ концѣ ея. При повтореніи пословицы въ концѣ басни говорится: «tatho 'ham bravimi» (отъ того-то я и говорю); литовской пословицѣ предпосылаются слова того же значенія — «besko sako» (потому говорятъ). Слѣдовательно пословица имѣетъ своей внутренней основой басню, и часто даже въ самой пословицѣ замѣтны слѣды представленій животнаго эпоса, содержащагося въ баснѣ.

---

[1]) Замѣчательная эпическая тавтологія — «dumosiwa dumuzate».

[2]) Еще тавтологія — «kur meile meiliausia».

[3]) Lituanica, Schleicher, p. 19.

Народное остроуміе еще яснѣе выражается въ загадкѣ. О древности ихъ можно судить потому, что они вплетаются въ древнѣйшія эпическія сказанія, уцѣлѣвшія въ произведеніяхъ нашей духовной литературы («Муромская легенда»). Наша апокрифическая литература, проникнутая двоевѣріемъ, восприняла мотивъ загадки и развила его во многихъ изъ своихъ произведеній. «Бесѣда трехъ святителей», содержащая въ себѣ столь древнія народныя сказанія, богата и загадками, которыя, по сличенію, являютъ глубокія основы народности. Такъ напримѣръ [1]): В. «Что есть конь стоитъ иссохъ, а трава подъ нимъ до чрева?—О. Конь есть богатый человѣкъ зря на свое богатство, иссохъ. — В. Что есть конь стоитъ на голе гумнѣ а сытъ велми? — О. Конь есть убогій человѣкъ: о богатствѣ не печется ни о чемже». Эту загадку мы встрѣчаемъ въ литовскихъ pasakas [2]) съ тѣмъ незначительнымъ варіантомъ, что кони замѣнены рогатымъ скотомъ. Рыбакъ, желая жениться на дѣвицѣ, найденной имъ у берега, встрѣтилъ соперника въ своемъ господинѣ. Господинъ обѣщаетъ ему уступить, если онъ принесетъ извѣстіе отъ его умершаго отца о схороненномъ имъ кладѣ. Рыбакъ отправляется на небо съ желаніемъ узнать тайну отъ Бога. На пути онъ даетъ многія обѣщанія: чудовищной рыбѣ обѣщаетъ узнать, какъ долго должна она носить на своемъ хребтѣ пашню, и между прочимъ обѣщаетъ узнать, какъ долго сытыя коровы должны стоять на голомъ мѣстѣ и какъ долго тощія должны стоять на густомъ лугу. Онъ долженъ былъ получить отвѣтъ на всѣ эти вопросы и потомъ уже разрѣшить тайну клада. Передавать отвѣты было опасно, потому что многіе изъ нихъ были неблагопріятны для вопрошающихъ, что заставило рыбака давать ихъ издали, во избѣжаніе мести. Чудовищной рыбѣ онъ передалъ отвѣтъ Бога послѣ того, какъ она переправила его на другой берегъ; съ отдаленной горы онъ сказалъ ей, что казнь постигла ее въ отмщеніе за тѣхъ людей, которыхъ она пожирала. Мотивъ загадки, какъ препятствія къ достиженію извѣстной цѣли, весьма распространенъ въ эпосѣ индо-европейскихъ народностей; мы не считаемъ нужнымъ приводить сличенія, всѣмъ давно извѣстныя. Загадку въ области чисто-христіянскихъ представленій видимъ въ духовномъ стихѣ «о грѣшной матери» [3]). Грѣшная мать является во снѣ своему сыну. Онъ, видя ее сидящею на зміѣ, мучимою зміями, крысами, ящерицами, спра-

---

[1]) Рѣчи и отчетъ университета. 1859. Приложеніе къ рѣчи проф. Буслаева, стр. 6.

[2]) См. въ Шлейхеровой хрестоматіи сказку, озаглавленную такъ: «are zweji kurs i dangu ejo» (о рыбакѣ, который пошелъ въ небо).

[3]) Собраніе народныхъ русскихъ пѣсень П. Кирѣевскаго, № XXIX.

шиваетъ ее о значеніи каждой казни въ отдѣльности. Грѣшная мать, объяснивши каждую муку, какъ наказаніе за извѣстное преступленіе, проситъ молиться о себѣ. Здѣсь мотивъ загадки прилагается къ христіянскимъ представленіямъ и изображеніямъ страшнаго суда. Книга «Зерцало», на которую ссылается нашъ стихъ, содержитъ въ себѣ тоже самое подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «сс еже како подобаетъ совершенное исповѣданіе творити и о нѣкоей женѣ страшно осужденнѣй» [1]). Число казней одинаково и въ пѣснѣ и въ «Зерцалѣ» — ихъ 8; но нѣкоторыя разницы есть — такъ напримѣръ въ «Зерцалѣ» — «огонь жупелный изъ устъ», чего не находимъ въ пѣснѣ, демона пѣсни не находимъ въ «Зерцалѣ». Значительнѣе варіантъ въ самыхъ обстоятельствахъ видѣнія. Въ «Зерцалѣ» грѣшница не поставлена въ отношеніи матери къ тому, кому она исповѣдуетъ грѣхи. Пришли два инока въ нѣкій городъ проповѣдывать слово божіе. Въ городѣ томъ была нѣкая жена, сотворившая «чужеложъство» съ своими сродниками. Когда она каялась предъ однимъ изъ иноковъ, то изъ устъ ея выпали жабы. Въ одномъ грѣхѣ она постыдилась покаяться; и жабы снова возвратились въ нее, какъ это было замѣчено другимъ инокомъ. Иноки продолжали путь. Когда пришлось имъ снова проходить тотъ городъ, то они нашли ту грѣшницу уже мертвою. Они молились о ней. На третій день молитвы ихъ явилась имъ та женщина, сидя на зміѣ со всѣми аттрибутами адской казни. Страшный змій не далъ ей кончить исповѣди предъ иноками: «движеся съ нею и занесе ю во адская мѣста». Послѣднихъ словъ, хорошо дополняющихъ явленіе грѣшной души изъ ада, не находимъ въ стихѣ: легендой «Зерцала» читатель еще шире вводится въ кругъ представленій нашей демонологіи. Представленія, относящіяся къ страшному суду, надъ которыми такъ много трудилась фантазія нашихъ предковъ, восприняли народный мотивъ загадки. Содержаніемъ иносказанія послужили отдѣльныя представленія суда.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ, надѣясь, что многое, на чемъ мы съ намѣреніемъ не остановили нашего вниманія, предстанетъ въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ съ теченіемъ времени, когда въ разрѣшеніи задачъ народной психологіи примутъ участіе ученые, труды которыхъ, вышедшіе до изданія журнала Штейнталя, могли уже служить частнымъ наведеніемъ къ обширной области новой науки народной психологіи. Главнѣйшія стороны плана и наиболѣе близкія къ задачамъ «Лѣтописей» мы старались изложить съ возможною ясностью, замѣчая въ нашей литературѣ ложныя воззрѣнія на народность, ко-

[1]) По рукописи синодальной библіотеки, № 101, гл. 703, лл. 495, 496.

торыя могутъ повести къ результатамъ весьма неутѣшительнымъ. Г. Г. [1]), «порицая» трудъ достопочтеннаго Макарія съ рѣшительностью, приличною лишь ученическому невѣдѣнію, высказываетъ свое воззрѣніе на народность, въ которомъ ясно проглядываетъ полная непосвященность въ начала современной науки этнографіи. Говоря о переводѣ священныхъ книгъ, г. рецензентъ замѣчаетъ: «Народъ не имѣлъ духовныхъ понятій въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми; вѣра, можно сказать, не столько замѣщала у насъ старое, сколько восполняла отсутствующее». Далѣе авторъ дополняетъ, что условія христіянскаго просвѣщенія были такъ благопріятны на Руси, что разрѣшали вопросы, еще не возникавшія. Изъ этихъ словъ мы можемъ заключить, что древняя Русь рѣзко распадалась на 2 части, изъ которыхъ одна просвѣщала (Византія?), другая же оставалась въ страдательномъ бездѣйствіи. Первая разрѣшала вопросы, которыхъ не задавала себѣ вторая. Во имя чего они соединились? Просвѣщающая сторона въ представленіи г. Г. напоминаетъ собой жерновъ мельницы, который продолжаетъ вращаться и тогда, когда хлѣба нѣтъ. Періодъ русскаго просвѣщенія, въ которомъ совершался этотъ таинственный актъ, г. Г. называетъ періодомъ преобладающаго значенія православія, хотя это и не мѣшаетъ ему сказать на слѣд. страницѣ (стр. 17), что до татарскаго нашествія; христіянство было распространяемо внѣшнимъ образомъ, и что весь этотъ періодъ являетъ постепенное умаленіе язычества. Вся эта историческая неправда, объясняющаяся невѣдѣніемъ автора, тѣмъ печальнѣе, что поводомъ къ ея выраженію послужили труды одного изъ самыхъ почтенныхъ ученыхъ дѣятелей въ области русской старины.

А. Дювернуа.

---

[1]) Русская Бесѣда, 1859. III. Критика, стр. 15—17.

СКАЗКА О МИЛОСЕРДОМЪ КУПЦѢ.

—

Жилъ купецъ и очень онъ нищую братію любилъ и бѣдныхъ: и подаяніе было, и наводилъ ихъ къ себѣ; что самъ пилъ и ѣлъ, то и имъ. «Гости мои дорогіе, говорилъ имъ: дороже васъ нѣтъ». А жена на нищую братію зрить не могла; онъ на это не глядѣлъ. И пришли къ нему разъ два старичка—апостолъ и самъ Іисусъ Христосъ, такіе старенькіе, одѣяніе худое и сумки назади: стоятъ на крыльцѣ, войдить не смѣютъ. Онъ имъ и говоритъ: «любезные пріятели, гости дорогіе! милости просимъ, подите въ горницу». Какъ, говорятъ они, мы пойдемъ? ноги у насъ грязныя, а у тебя полъ вымытъ.—«Что вы! говоритъ, развѣ прислугъ у меня нѣту? развѣ не вымоютъ?— пожалуйте».—Взошли. Поставили сейчасъ самоваръ, напились, закусили, поговорили кое-что. «Давайте кушать», покушали.—Ну прощай, говоритъ: пора идить. —«Куда, говоритъ, гости дорогіе, вы теперь пойдете? вы у меня переночуйте, завтра я васъ провожу». Покормился. «Пойдемте, говоритъ, по саду». Гуляли тамъ до темной зари; пришли домой, онъ ихъ въ спаленьку свою, на перинѣ положилъ, а самъ возлѣ кое-что наклалъ и легъ; и уснули. Назавтра просыпаются, они ему и говорятъ: «хозяинушка! намъ пора идить»; а онъ имъ: «братцы любезные! чаю напьетеся, пообѣдаете, тогда ужъ и подите и унимать не стану».— Все приготовили, пообѣдали, провожаетъ онъ ихъ за ворота, они ему и говорятъ: «ну чтожъ, приходи къ намъ въ гости; пару лошадей пришлемъ, не ломайся».—«Хорошо, говоритъ, приду», и думаетъ самъ себѣ: «приказываетъ мнѣ нищая братія и эдакой я купецъ пребогатѣющій: я есть ли у нихъ, чѣмъ меня угощать?»

Много ли мало время, присылаетъ Апостола и пару лошадей, что нѣтъ хуже. Онъ посмотрѣлъ, не подумалъ побрезговать, а жена и принялась его бранить: «первый ты купецъ и собираешься на эдакихъ лошадяхъ: всякъ въ заходи будетъ тебѣ смѣяться». Этотъ взялъ и не поѣхалъ. Апостолъ и говоритъ І. Христу: «не поѣхалъ, говоритъ: худыхъ лошадей прислалъ». «Ну погоди», говоритъ І. Христосъ: я ему такихъ лошадей пришлю, что не можетъ рукой гриву достать и подъ стрѣху не подойдетъ» [1]).

Зовутъ; жена опять бранитъ: «мужъ, мужъ! куда ты ѣдешь? первый ты купецъ и ѣдешь къ нищей братіи». Теперь онъ не поглядѣлъ на сё, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣзжаетъ и наставили ему кушанья всякія, самоваръ, всякіе напитки, всякія ягоды и сроду онъ такого не видалъ. Думаетъ онъ самъ себѣ: «нищая братія меня угощаетъ, а у меня того нѣту». Попили, пообѣдали. «Ну теперь пойдемъ въ садъ», говорятъ. Ходили, ходили и стоитъ теремъ: зашли. «Посиди ты тутъ, говорятъ, немножко, а мы немного побудемъ, опять придемъ. Будетъ тебѣ скучно, ты вотъ въ эти два окошечка погляди, а въ третье не смотри». Поглядѣлъ въ оба окошечка: въ первомъ садъ дремучій, всякія ягоды, и яблоки, и вишенья, и дѣвушки пречестныя, и вдовушки—дѣтей няньчатъ и яблочки катаютъ на рукахъ. Поглядѣлъ онъ въ другое окошечко: и тутъ и рай и ему мѣсто показано, гдѣ ему быть: «ахъ и тутъ хорошо!» и такія птицы, и вишенья, и сливы разныя. И думаетъ самъ себѣ: «дай погляжу въ третье окошечко, если спросятъ—повинюся». Видитъ: жена его въ адѣ кипитъ, глянулъ, пріужахнулся, а она ему и говоритъ: «другъ ты мой, законъ ты мой великій! схвати меня хоть мизинчикомъ»; а косы-то у нея такъ и поднимаются. И схватилъ онъ ее за косы, правую и оторвалъ, въ карманъ положилъ, думаетъ: «Господи! куда это меня привели? знать не къ простымъ людямъ попалъ».

Приходитъ І. Христосъ. «Что, братецъ, соскучился»? ««Да, говоритъ, долго сижу, соскучилъ маленько»». «Ну чтожъ ты глядѣлъ въ окошечки»? ««Глядѣлъ»», говоритъ. «Во всѣ глядѣлъ?» ««Во всѣ глядѣлъ»», говоритъ. И въ это глядѣлъ т. е. молъ въ третье-то? Онъ и сказался: ««виноватъ, говоритъ, и въ это глядѣлъ»». «Ну, что ты тамъ видѣлъ»? Все, говоритъ, видѣлъ. Ему І. Христосъ и говоритъ: «ну, вотъ, говоритъ, это мѣсто тебѣ, а это женѣ, когда она, говоритъ, не ужаснется; если будетъ нищую братію принимать, ей Господь проститъ».

Поговорили, спровадили его домой, пріѣзжаетъ: жена ходитъ, холопочьку подвязамши, охаетъ: «охъ голова болитъ, не могу хо-

[1]) Застрѣха, повѣть, надворотни.

дить». Онъ ей и говоритъ: «ахъ жена, другъ обрученный! покайся; ну сколько ты сердилася на нищую братію? раскайся». Онъ свалилъ съ нея повойникъ, а косы и нѣтъ. «Ахъ, говоритъ, жена, другъ великій! ты въ адѣ кипишь и въ такой адѣ, что не можно глядѣть, спокайся, проси Бога прощенья, вотъ и твоя коса».

Жена стала Богу молиться, проситъ: «пріукроти мое сердце и дай мнѣ, Господи! до всякаго желанія». И стала она нищую братію любить и умолила царство небесное.

(Записано въ москов. губерніи.)

ИХЪ О КНИГѢ ГОЛУБИНОЙ [1]).

Во градѣ было во Іерусалимѣ,
При царѣ при Давыдѣ Іессеевичѣ,
При его сынѣ, при Соломонѣ,
При старцѣ было при Захаріи
Кабы съ той страны восточной,
Съ другой страны съ полуденной
Воздивьяло чудо дивное:
Восходила туча сильная грозная,
Изъ той тучи изъ сильной грозной
Выходила книга голубиная,
Божественная книга евангельская.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходились, собирался
Сорокъ царей все царевичей,
Сорокъ князей все князевичей,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу людей простыхъ,
Христіянъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто къ божіей не прикоснется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Іессеевичь,

1) ...иси графа А. С. Уварова № 636 (Царск. № 490), л. 90—95. Это ...ленный въ новѣйшее время по рукописямъ XVII и XVIII вѣка.
Ред.

До божіей до книгѣ (sic) онъ достунается;
Предъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Малодуморъ князь,
Малодуморъ князь Малодуморычь.
«О ты славный нашъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Іессеевичь!
Прочти, государь, книгу божію,
Объяви, государь, дѣла божіа,
Про наше житіе свѣтовольное:
Отчего у насъ свѣтъ начался?
Отчего у насъ солнце красное?
Отчего у насъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего у насъ звѣзды ясныя?
Отчего у насъ ночи темныя?
Отчего у насъ зари утреннія?
Отчего у насъ вѣтры буйные?
Отчего у насъ умъ — разумъ?
Отчего наши помыслы?
Отчего сей миръ и народъ?
Отчего кости кровныя?
Отчего тѣлеса наши?
Отчего кровь руда наша?»
Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Іессеевичь:
«Эта книга великая:
Долиной книга сороку саженъ,
Шириной книга тритцати саженъ.
Приподнять книгу — не поднять будетъ,
Прочитать книгу — не прочесть будетъ,
По строкамъ глядѣть — всю не выглядѣть:
Я по старой своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ,
По старому по писанному.
У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Солнце красное отъ лица божіяго,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей божіихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божіихъ,

Самаго Христа, царя небеснаго;
Ночи темныя отъ думъ господнихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Вѣтры буйные отъ Святаго Духа,
Самаго Бога Вышняго;
Зори утреннія отъ очей господнихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
У насъ умъ и разумъ
Самаго Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
У насъ міръ народъ отъ Адама,
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли,
Кровь наша отъ черна моря».
Какъ проговоритъ Володуморъ князь:
«Премудрый ты царь, Давыдъ Іессеевичь!
Скажи ты намъ, повѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Кая церковь всѣмъ церквамъ мать?
Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Кая гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Кая трава всѣмъ травамъ мати?
Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Которая птица всѣмъ птицамъ мати»?
Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Іессеевичь:
«Бѣлый царь надъ царями царь,
Что онъ принялъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную богомольную,
Стоитъ за вѣру христіянскую,
За домъ пресвятыя Богородицы;
Всѣ орды ему поклонилися,
Всѣ языцы ему покорилися:
Потому бѣлый царь надъ царями царь.
Который городъ всѣмъ городамъ отецъ?
Іерусалимъ градъ всѣмъ городамъ отецъ.
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ,

Что стоитъ онъ среди земли свѣту бѣлаго [*]).
Почему церковь всѣмъ церквамъ мати?
Потому церковь всѣмъ церквамъ мати,
Что въ той въ церкви соборной,
Въ соборной богомольной
Стоитъ гробница бѣла каменна:
Въ той гробницѣ бѣлокаменной
Почивало тѣло самаго Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго:
Потому церковь всѣмъ церквамъ мати.
Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился Христосъ отъ Іоанна Крестителя
При всѣхъ силахъ небесныхъ:
Потому Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати.
Которая гора всѣмъ горамъ мати?
Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати:
На той горѣ на фаворстѣй
Преобразился Господь,
Показалъ ученикамъ славу свою:
Потому Фаворъ всѣмъ горамъ мати.
Которое древо всѣмъ древамъ мати?
Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати;
Потому кипарисъ древамъ мати:
Жиды Христа роспяли
На томъ древѣ кипарисѣ
Съ Пилатомъ, съ книжницами и фарисеями:
Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати;
Потому она всѣмъ травамъ мати:
Когда шелъ Христосъ на распятіе,
Мать пресвятая Богородица,
На сырой земли стоючи,
Плакала рыдала,
Ронила слезы на сырую землю:
Отъ тѣхъ отъ слезъ пречистыхъ
Зарождалась плакунъ трава:
Потому плакунъ всѣмъ травамъ мати.

[*]) Здѣсь въ рукописи очевидный пропускъ, легко восполняемый текстомъ другого.

Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати;
Потому китъ всѣмъ рыбамъ мати,
Что основана земля вся на ней:
Когда она потронется, то земля всколеблется;
Потому китъ всѣмъ рыбамъ мати.
Окіянъ море всѣмъ морямъ мати;
Потому окіянъ всѣмъ морямъ мати:
Выходила церковь соборная
Святаго Климента, папы римскаго;
Въ той въ соборной церкви,
Въ соборной богомольной
Явилась книга самаго Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго:
Потому окіянъ всѣмъ морямъ мати.
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Потому индрикъ всѣмъ звѣрямъ отецъ:
Ходитъ онъ по подземелью,
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеные,
Живетъ онъ во святѣй горѣ
И дѣтей выводитъ во святѣй горѣ.
Которая птица всѣмъ птицамъ мати?
Истрофиль птица всѣмъ птицамъ мати:
Живетъ она на синемъ морѣ,
Топитъ она корабли гостинные
Съ товарами драгоцѣнными:
Потому и всѣмъ птицамъ мать.
Пьетъ она и ѣстъ изъ синя моря
И дѣтей выводитъ на синѣ морѣ».
Проговоритъ Володуморъ князь,
Володуморъ князь Володуморычь:
«Премудрый ты царь, Давыдъ Іессеевичь!
Мнѣ вечоръ много сна видѣлось:
Будто два звѣря сходилися,
И бѣлъ заяцъ, и сѣръ заяцъ;
Промежду себя они дралися».
Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Іессеевичь:
«Не два звѣря сходилися,
Не бѣлъ заяцъ и не сѣръ заяцъ:

Сходилася правда съ кривдою;
Правда кривду переспорила;
Кривда оставалась на сырой земли,
А правда пошла на небо
Къ самому Христу, царю небесному.
Кто будетъ кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Бога;
Та душа не наслѣдуетъ
Себѣ царства небеснаго;
А кто будетъ правдой жить,
Тотъ причастенъ ко Господу;
Та душа наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное».
Старымъ людямъ на послушаніе,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Іессеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

ПОВѢСТЬ О ѲЕДОРѢ ЖИДОВИНѢ. [1]

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ жилъ былъ Ѳедоръ жидовинъ. И поѣхалъ Ѳедоръ жидовинъ на трехъ кораблехъ во градъ Іерусалимъ? о царю хлѣба кушать. И какъ присталъ къ берегу: и на томъ берегу стоитъ иконописецъ, въ рукахъ держитъ три образа: первый образъ пресвятыя Богородицы, да образъ святаго Николая чудотворца, а образъ храбраго страдальца Георгія, побѣдоносца, христова мученика, на дскѣ написано. И рече Ѳеодоръ жидовинъ иконописцу: чему они горазди?» И рече иконописецъ Ѳеодору жидовину: ««го-

[1] По рукописи моей библіотеки, конца XVIII вѣка.

Ред.

разди они избавлять отъ огня и отъ пламя»». — «Что тебѣ за нихъ давать». — И рече иконописецъ: ««взять мнѣ за нихъ триста златыхъ»». Ѳеодоръ жидовинъ рече иконописцу: «внесемъ въ корабль, и возьми триста златыхъ». И пришелъ Ѳеодоръ жидовинъ и рече ко пресвятѣй Богородицѣ: «Жена ты есть моя премудрая и преукрашенная! далъ я за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». И пришелъ Ѳедоръ жидовинъ ко святому Николаю чудотворцу: «Гой еси ты Николай, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». И пришелъ Ѳедоръ жидовинъ ко святому Георгію: «Гой еси ты Егорій, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». А самъ пошелъ ко царю хлѣба кушать. И покушалъ хлѣба у царя и пришелъ въ корабль свой, и въ кораблѣ не обрѣте ничего: ни злата, ни товару дорогова. И пришелъ Ѳедоръ жидовинъ злымъ сердцемъ ко пресвятѣй Богородицѣ: «Жена ты моя премудрая и преукрашенная! Далъ есть за тебя триста златыхъ; зачѣмъ ты не стерегла моего корабля? Хощеши ли ты, да злой тя смерти предамъ?» И бысть гласъ отъ иконы пресвятыя Богородицы и рече Ѳедору жидовину: «Не страши злой смерти предать [1]): была еси на помощи въ вашемъ градѣ Іерусалимѣ, и вашъ градъ весь огнемъ сожженъ во отняти (?) была, домъ твой сохранила, жену и чадъ твоихъ сберегла отъ огня небеснаго». И рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Аще тако будетъ, то и я вѣрую и крещуся». И пришелъ Ѳеодоръ жидовинъ ко святому Николаю: «Гой еси ты Николай, премудрый и преукрашенный! для чего не стерегъ моего корабля? хощеши ли, ты злой смерти преданъ будеши?» И бысть гласъ отъ иконы Николая Ѳеодору жидовину: «Не страши злой смерти предать [2]): былъ на помощи на морѣ на пучинѣ: братъ поѣхалъ [3]) на море, да упалъ во море, началъ тонути, и я избавилъ его отъ потопа и поставилъ въ семъ градѣ Іерусалимѣ, и вашъ градъ огнемъ весь пожженъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Аще тако будетъ, то и я вѣрую и крещуся». И пришелъ Ѳеодоръ жидовинъ ко святому Георгію: «Гой еси ты Егорій, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: за чѣмъ ты моего корабля не стерегъ? хощеши ли ты злой смерти преданъ будешь?» И бысть гласъ отъ иконы Георгія святаго Ѳеодору жидовину: «Не страши злой смерти предать [4]): я былъ на помощи, и вашъ градъ весь огнемъ сожженъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ:

[1]) Въ рукописи: предана.
[2]) Въ рукописи: преданъ.
[3]) Въ рукописи: послалъ.
[4]) Въ рукописи это слово пропущено.

«Аще такъ будетъ, то и вѣрую и крещуся». И сѣлъ Ѳеодоръ жидовинъ въ корабль свой и поѣхалъ во градъ Іерусалимъ и пристa ко брегу и пріиде Ѳедоръ жидовинъ къ брату меньшему и рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Иди въ корабль». И братъ его взошелъ въ корабль, узрѣ образъ святаго Николая и палъ на колѣни и рече: «Вѣрую и крещуся». И пріиде къ Ѳедору жидовину сынъ меньшей и рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Сыне мой жидовине! Гдѣ еси былъ?» И рече сынъ меньшій: «Былъ еси азъ Солоку (?) въ большемъ градѣ въ темницѣ заключенъ, и помолился русскимъ богомъ, храброму страдальцу и мученику христову Георгію побѣдоносцу и какъ въ скорости пріѣхалъ младъ человѣкъ, и какъ поѣхалъ сѣрой конь, — сію темницу изломалъ, и узы съ меня снялъ и принесъ во градъ Іерусалимъ». И рече Ѳедоръ жидовинъ: «Иди въ корабль!» И сынъ его взошелъ въ корабль и узрѣлъ образъ храбраго христова побѣдоносца: «Вѣрую и крещуся». И рече ему жена его, Ѳедора жидовинова [1])... И рече Ѳедоръ жидовинъ женѣ своей: «Кто тебя избавилъ отъ огня небеснаго?» И рече ему жена его: «Не молися своимъ богомъ, но они не помилуютъ; и была у меня въ дому (жена?) христовой вѣры и велѣла мнѣ молитися русскимъ богомъ и пресвятѣй Богородицѣ прилежно, прилетала еси жена стокрылатая: ризы на ней багряныя, и стала надъ домомъ моимъ и сохранила домъ мой крыломъ: кто отъ огня, кто отъ плама, далече ходилъ». И рече ему жена его: «Хотя на дскѣ написана ея образъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ женѣ своей: «Иди въ корабль». И жена его въ корабль вниде и узрѣ образъ пречистыя Богородицы и такъ рече: «Вѣрую и крещуся во святомъ градѣ Іерусалимѣ, хощу вѣровати во Христа и вѣру христову принять». Ѳеодоръ же жидовинъ имѣнія взялъ, иде во градъ Іерусалимъ и крестися въ вѣру христіанску.

РАЗГОВОРЪ О АДАМОВЫХЪ ДѢТЯХЪ, КАКО ЖИЛИ.[1])

Братъ сынъ Феофилактовичь! благополучно здравствуй! Задалъ ты мнѣ на походѣ своемъ прошеніе нѣкое о написаніи къ тебѣ что-нибудь. Я то помню и думаю, что писать, и пришло мнѣ на мысль помянуть вкратцѣ прадѣда нашего Адама житіе, какъ онъ имѣлъ по изгнаніи изъ рая за свое преступленіе. Диковина не малая подумать, какъ онъ заводъ свой заводилъ — хоромное строеніе и хлѣбную пашню, рыбную ловлю, сѣнные покосы и протчее! Сталъ онъ прежде избу строить, гдѣ бревна смѣчены и не сѣчены. Сѣчь чѣмъ? топоромъ? а топоръ не кованъ, а тупорище не сдѣланъ. Ахъ бѣда! прежде избы надобно кузницу строить, а желѣзо изъ земли не выкопано, а и копать чѣмъ, не умѣетъ; уголья не жгѣны, и жечь не знаетъ. Еще лѣсъ стоитъ на корене: что тутъ въ началѣ завесть желѣзные заводы, аль сѣченіе лѣсовъ? пашню ли копать, аль сохи бороны дѣлать? плотники не рождены, кузнецы не зачаты, протчіе мастера вси еще на свѣтъ не поспѣли и хитрецы не вышли. Ахъ любезный нашъ праотецъ! коликія слезы ты испусти о своемъ несчастіи! колики плачевными гласы воздухъ наполнилъ въ такомъ горькомъ житіи! Чрево пищи проситъ, а пища не сѣена. Уже божіемъ повелѣніемъ быть то, что рожь растетъ; но еще не жата: рвать ли ея съ коренемъ, того бѣдный не знаетъ! Сорветъ колосъ, да другой: надобно молотить, а какъ молотить, и не слыхивалъ; обмолотивши, надобно молоть, а какъ молоть? и гдѣ жернова? и гдѣ огнь? и гдѣ квашня? и гдѣ мутовка? и печь не складена. Тутъ-то надобно жить, да не тужить. Дождь съ неба пошелъ: надобно укрыться; стужа стала — надобно одѣться: кафтанъ не шитъ, а шуба не кроена, а ножницы да игла гдѣ? того и не бывало. Безконечное слово о томъ, да пора окончить: видно намъ безъ власти божей ничего не сдѣлать; а Богъ въ семь дней все сотворилъ для насъ.

---

[1]) Рукопись, съ которой напечатанъ предлагаемый разговоръ, относится къ прошлому вѣку, писана крупнымъ уставомъ на большомъ развернутомъ листѣ и имѣетъ заглавіе: *Разговоръ ѡдамовыхъ (sic!) дѣтяхъ, како жили.*

Ра-

ПОСЛѢДНЕЕ МНѢНІЕ ШАФАРИКА О ГЛАГОЛИЦѢ.

(Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Von P. J. Safarik. Prag. 1858.)

I.

Изъ современныхъ вопросовъ въ области славянской древности едва ли не самый важный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самый затруднительный — вопросъ о такъ называемомъ глаголическомъ письмѣ, или Глаголицѣ, издавна бывшей въ употребленіи у западныхъ Славянъ римскаго исповѣданія, а теперь доживающей вѣкъ свой на берегахъ и нѣкоторыхъ островахъ адріатическаго моря. И прежде глаголическая письменность возбуждала любознательность ученыхъ и вызвала множество предположеній и догадокъ о своемъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ; но тогда все это было скорѣе слѣдствіемъ простаго любопытства, нежели дѣйствительной потребности въ области изслѣдованій о славянской письменности вообще, потому что розысканія о Глаголицѣ не были поставлены въ необходимой связи съ другими вопросами славянской старины и не были признаваемы важными для ихъ рѣшенія. Причина такого явленія скрывалась въ самомъ состояніи вопроса о происхожденіи разсматриваемаго письма: недостатокъ данныхъ препятствовалъ ученымъ прійдти въ этомъ отношеніи къ какому либо рѣши-

тельному заключенію, тѣмъ менѣе къ положительнымъ научнымъ выводамъ. Отъ того-то и всѣ мнѣнія о Глаголицѣ, высказанныя учеными до конца прошлаго столѣтія, не выходили изъ ряда такъ называемыхъ гипотезъ, которыя больше свидѣтельствовали объ остроуміи самихъ изслѣдователей, чѣмъ о важности для науки добытыхъ ими результатовъ. Совсѣмъ другое теперь: въ нынѣшнемъ столѣтіи въ области Глаголицы открыто нѣсколько древнихъ памятниковъ, которые неопровержимымъ образомъ доказали важность этой отрасли славянской литературы. Открылось, что Глаголица издревле имѣла вліяніе на письменность кирилловскую и представляетъ не мало данныхъ къ разъясненію многихъ темныхъ въ ней вопросовъ; а при такомъ положеніи дѣла и вопросъ о происхожденіи и судьбахъ загадочнаго письма уже не могъ быть обойденъ наукой. Вотъ почему въ послѣднія два десятилѣтія многіе изслѣдователи славянской старины съ новымъ рвеніемъ посвятили себя изученію глагольской письменности и послѣ нѣкотораго промежутка снова начался рядъ мнѣній, предположеній и догадокъ о ея происхожденіи и отношеніи къ письменности кирилловской. Правда, что мнѣнія эти въ сущности заключали въ себѣ очень не много новаго и были большею частію только повтореніемъ и возобновленіемъ прежнихъ гипотезъ, но теперь онѣ подтверждаемы были положительными фактами, извлеченными изъ вновь открытыхъ памятниковъ. Справедливо также, что ни одно изъ этихъ мнѣній доселѣ еще не успѣло утвердиться въ наукѣ и получить въ ней значеніе несомнѣннаго факта, но всѣ онѣ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о высокой важности самаго вопроса для исторіи славянскаго языка и древности, что теперь и признается всѣми ея изслѣдователями. Но этого мало: въ послѣднее время вопросъ о глаголическомъ письмѣ поставленъ въ такомъ видѣ, что выходитъ изъ ряда вопросовъ спеціальныхъ и получаетъ общій интересъ; теперь онъ не можетъ не затронуть любопытства каждаго образованнаго человѣка, вовсе не посвященнаго въ тайны славянской науки, наконецъ даже тѣхъ, кто вовсе не слыхалъ о существованіи Глаголицы, или имѣетъ о ней только смутное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши вѣрить какъ въ неопровержимую истину, что греко-славянское письмо изобрѣтено Кирилломъ философомъ въ IX-мъ

[illegible] Кириллицы [illegible] Кириллъ [illegible] Глаголицѣ [illegible] Кириллицѣ [illegible] X вѣка [illegible] Кириллу [illegible] Клименту [illegible] Шафарика [illegible] Глаголицу [illegible] Кириллицѣ [illegible] Шафарика на Глаголицу и на отношеніе ея къ Кириллицѣ, развитый имъ въ его сочиненіи, котораго заглавіе мы выше выписали.

Само собою разумѣется, что этотъ взглядъ знаменитаго славяниста образовался не вдругъ и что онъ находится въ неразрывной связи съ предшествующими розысканіями о Глаголицѣ, какъ его собственными, такъ и другихъ ученыхъ, а главное онъ тѣсно связанъ съ тѣми открытіями, которыя были сдѣланы въ глаголической письменности въ послѣднее время. Это заставляетъ насъ, приступая къ изложенію и разсмотрѣнію новаго мнѣнія Шафарика о разсматриваемомъ предметѣ, въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить прежде исторію, какъ упомянутыхъ открытій, такъ и составленныхъ на основаніи ихъ мнѣній. Естественно, что при этомъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тѣ мнѣнія, которыя имѣли вліяніе на исторію вопроса, или которыя по своему характеру близки къ мнѣнію Шафарика. И такъ, не восходя далеко, т. е. къ началу XVI столѣтія, когда начались споры о времени и мѣстѣ происхожденія Глаголицы, и не упоминая о преданіи, приписывающемъ ее св. Іерониму, замѣтимъ прежде всего, что первый, назвавшій Глаголицу настоящей Кириллицей былъ Добнеръ, оказав-

шій столько заслугъ для чешской и вообще славянской исторіи. Въ своемъ разсужденіи, изданномъ еще въ 1785 году, онъ доказывалъ, что изобрѣтенная св. Кирилломъ азбука, о которой говорится въ извѣстной буллѣ папы Іоанна VIII (880 г.), была именно Глаголица, а не Кириллица; послѣдняя же составлена въ послѣдствіи православнымъ духовенствомъ для большаго удобства въ письмѣ, и основой ея служила азбука греческая, которая была дополнена Глаголицей, изобрѣтенной Кирилломъ, отъ чего и носитъ его имя. Мнѣніе Добнера было принято и другими учеными, между прочимъ Лингартомъ и Антономъ и тогда же развито было ими далѣе. Первый утверждалъ, что Глаголица появилась гораздо ранѣе, именно въ V—VI вѣкѣ, въ IX же вѣкѣ св. Кириллъ на основѣ ея и по образцу греческаго алфавита составилъ азбуку новую, т. е. греко-славянскую, которая и вытѣснила собою Глаголицу. Въ доказательство древности ея онъ указываетъ на извѣстіе, что Хорваты въ VII вѣкѣ подписали договоръ свой съ папой, утверждая, что для этого употреблена была ими именно азбука глагольская. Второй относилъ появленіе Глаголицы къ эпохѣ еще до-іеронимовской и въ подтвержденіе такой древности ея, подобно Добнеру, ссылался на самую форму глагольскихъ начертаній, которыя безъискуственнѣй и грубѣе начертаній кирилловскихъ, а слѣд. и древнѣе ихъ. Въ то же время, т. е. еще до конца XVIII вѣка, были ученые, которые наоборотъ производили Глаголицу изъ Кириллицы, и согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, приписывая послѣднюю Кириллу, первую признавали позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ. Къ нимъ принадлежали Фришъ, Дурихъ, нашъ знаменитый критикъ Нестора и другіе.

Впрочемъ всѣ эти и многія другія мнѣнія какъ въ пользу, такъ и противъ древности Глаголицы передъ Кириллицей, защищаемы и опровергаемы были безъ особенныхъ доказательствъ, что происходило, какъ уже замѣчено было нами выше, отъ недостатка памятниковъ и историческихъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, собственно говоря, въ то время въ распоряженіи защитниковъ и противниковъ Глаголицы была только одна древняя глаголическая рукопись,—это именно такъ называемое Ассеманіево Евангеліе, привезенное въ 1736 г.

знаменитымъ ватиканскимъ библіотекаремъ изъ Іерусалима, и потомъ извѣстіе о глагольской псалтыри Николая Арбскаго, писанной въ 1222 г. Вотъ почему Добровскому, стоявшему во главѣ защитниковъ Кириллицы, такъ легко было опровергнуть мнѣнія своихъ противниковъ, что и сдѣлано было имъ въ 1808 г. въ извѣстномъ сочиненіи его Glagolitica. Подвергши строгому разбору мнѣнія Добнера, Лингарта, Альтера и другихъ защитниковъ старшинства Глаголицы, онъ побѣдоносно опровергнулъ ихъ доводы и отдалъ пальму старшинства Кириллицѣ, оставивъ ее за Кирилломъ. Вотъ главные результаты изслѣдованій Добровскаго: Глаголица появилась не ранѣе XIII вѣка, потому что къ началу этого столѣтія относится древнѣйшая глагольская рукопись (точнѣе извѣстіе о рукописи) съ означеніемъ года, это именно Псалтырь, писанная Николаемъ Арбскимъ въ 1222 г., и къ этому же времени относится первое историческое свидѣтельство о Глаголицѣ, употребленіе которой дозволено было западнымъ Славянамъ буллою папы Иннокентія въ 1248 г. Мѣстомъ изобрѣтенія Глаголицы была Далмація, гдѣ прежде совершалось богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ; но онѣ все болѣе и болѣе подвергались преслѣдованію со стороны западной церкви, въ слѣдствіе чего тамошнее славянское духовенство, въ видахъ сохраненія славянской литургіи, частію на основаніи алфавита кирилловскаго, частію латинскаго, составило новыя письмена, и освятивъ ихъ именемъ св. Іеронима, испросило на употребленіе ихъ дозволеніе римскаго престола [1]).

Мнѣніе Добровскаго было основано на положительныхъ данныхъ и строго-научныхъ розысканіяхъ, а потому оно и принято было почти всѣми изслѣдователями славянской старины и держалось до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но съ этого времени въ области Глаголицы послѣдовали важныя открытія. Первое изъ нихъ составлялъ отрывокъ глаголической рукописи графа Клоца, содержащій въ себѣ два слова І. Златоустаго, одно св. Аѳанасія и одно св. Епифанія. Этотъ замѣчательный памятникъ былъ изданъ Копитаромъ въ 1836 г. (Glagolita Clozianus. Вѣна) и въ самомъ основаніи поколебалъ

1) Dobrowskys Glagolitica. 2 Aufl. Prag. 1845.

выводы Добровскаго. Въ предпосланномъ къ этому изданію изслѣдованіи, основываясь на палеографическихъ и филологическихъ данныхъ, Копитаръ пришелъ къ тому заключенію, что Клоцеева рукопись нисколько не новѣе древнѣйшихъ рукописей кирилловскихъ, не новѣе XI в., а чрезъ это самымъ наглядным образомъ опровергнулъ Добровскаго, относившаго появленіе Глаголицы къ XIII вѣку. Теперь не могло удержаться мнѣніе послѣдняго и о мѣстѣ перваго появленія и употребленія глагольской азбуки. Копитаръ сопоставилъ нѣсколько данныхъ, доказывавшихъ современность употребленія Глаголицы какъ у западныхъ, такъ и у юго-восточныхъ Славянъ, именно у Болгаръ и притомъ у послѣднихъ въ древнѣйшей ея формѣ, откуда естественно слѣдовало, что родиной Глаголицы была не Далмація, а скорѣе Болгарія. Въ доказательство послѣдняго вывода, Копитаръ ссылался на древній латинскій кодексъ пражской библіотеки (XI в.), содержащій въ себѣ глаголическій алфавитъ съ надписью Abecenarium Bulgaricum, а въ подтвержденіе современности употребленія у Славянъ Глаголицы и Кириллицы и даже старшинства первой передъ послѣднею указывалъ на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются глаголическія буквы, изъ чего онъ выводилъ заключеніе, что эти рукописи списаны съ глаголическихъ, а слѣд. послѣднее письмо древнѣе кирилловскаго. Впрочемъ положительные выводы Копитара о времени происхожденія той и другой славянской азбуки довольно непредѣленны и нерѣшительны, и потому-то можетъ быть выражены имъ въ видѣ вопросовъ [1]). Въ иныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ приписываетъ Глаголицу Кириллу и даже Меѳодію, или обоимъ вмѣстѣ, а Кириллицу признаетъ позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ; въ другихъ обѣ азбуки приписываетъ славянскимъ апостоламъ, прибавляя, что изобрѣтенная ими глагольская азбука оказалась неудобною для письма и поэтому замѣнена ими же азбукой греко-славянской съ удержаніемъ нѣсколькихъ начертаній изъ Глаголицы: въ иныхъ наконецъ послѣднюю азбуку Копитаръ признаетъ исконнымъ славянскимъ письмомъ, существовавшимъ

[1]) Cl. Glag. Cloz. и Prolegomena къ Рейм. Ев. въ 1-мъ т. Slav. Bibl. Miklosich.

ще до IX вѣка и употреблявшимся въ дѣлахъ гражданскихъ, Кириллицу приписываетъ Кириллу, составившему названную его именемъ азбуку на основаніи греческой и древнеславянской или глаголической для употребленія въ богослуженіи. Наконецъ въ видѣ предположенія Копитаръ приписывалъ Глаголицу даже космографу Этаку, жившему въ V вѣкѣ и слѣд. отдавалъ ей цѣлыхъ 4 вѣка старшинства передъ Кириллицей. По такъ или иначе, Копитаръ остался вѣренъ основной своей мысли, что глагольское письмо древнѣе кирилловскаго и въ глагольскихъ памятникахъ искалъ первообраза древнѣйшаго глагольскаго языка, высказавъ свои, относящіеся сюда выводы въ самыхъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Это послѣднее обстоятельство, а равно и то, что въ вышеизложенныхъ положеніяхъ Копитара заключалось очень много произвольнаго, было причиною, что мнѣніе его, поколебавъ выводы Добровскаго, не нашло себѣ однакожь много приверженцевъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно было высказано. Такъ покойный профессоръ Прейсъ въ своемъ изслѣдованіи о глагольской письменности [1]) во многомъ склонился къ оставленному мнѣнію Добровскаго и очень удачно опровергнулъ большую часть доказательствъ Копитара. Представляемъ здѣсь главныя положенія, развитыя въ упомянутомъ, въ высшей степени замѣчательномъ изслѣдованіи по разсматриваемому предмету, не потерявшемъ своего значенія даже въ настоящее время. 1) Современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ глагольскаго и кирилловскаго, говоритъ Прейсъ, подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. 2) До запрещенія кирилло-славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ. Это могло оказаться нужнымъ около 925 г., когда кирилловское письмо было рѣшительно запрещено. 3) По всѣмъ примѣтамъ видно, что родина глагольской азбуки есть приморская Кроація и что по всей справедливости ей принадлежитъ названіе хорватскаго письма. 4) Греко-славянскій алфавитъ Кирилла служилъ образцемъ для составителя глагольскихъ письменъ. Всѣ эти положенія въ изслѣдованіи

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1843 г., № 3.

Прейса подтверждены положительными фактами и основаны на историческихъ, палеографическихъ и филологическихъ соображеніяхъ, и очень жаль, что многія изъ этихъ соображеній выпущены изъ виду какъ защитниками, такъ и противниками древности Глаголицы, выступившими послѣ Прейса.

Новую эпоху въ изученіи глаголическаго письма составляло путешествіе проф. Григоровича по славянскимъ землямъ въ 1844—1845 году [1]). Счастливому путешественнику удалось открыть нѣсколько очень важныхъ памятниковъ глагольской письменности, изъ которыхъ иные не уступали по своей древности рукописи графа Клоца, — это именно: 1) Евангеліе зографскаго монастыря на Аѳонѣ, XII вѣка; 2) Четвероевангеліе XI в., найденное почтеннымъ профессоромъ также въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и находящееся теперь у него самаго въ Казани; 3) Палимпсестъ XII или XIII в., писанный Кириллицей по выскобленной Глаголицѣ; 4) нѣсколько отрывковъ изъ глаголическихъ рукописей XI—XII в. Въ то же время другимъ нашимъ путешественникомъ архимандритомъ Порфиріемъ на Аѳонѣ открытъ очень важный греческій документъ съ глаголическою подписью попа Георгія 982 г. [2]). Эта подпись, къ сожалѣнію доселѣ неизвѣстная въ подлинномъ ея видѣ, заключалась въ нѣсколькихъ словахъ, но тѣмъ не менѣе она, казалось, неопровержимымъ образомъ свидѣтельствовала объ употребленіи Глаголицы еще въ X вѣкѣ. Тогда же проф. Григоровичемъ сдѣлано было открытіе, очень важное для розысканій о Глаголицѣ, въ другомъ родѣ: въ Охридѣ имъ найденъ былъ новый списокъ краткаго житія еп. Климента, въ которомъ упоминается, будто бы послѣдній составилъ другіе знаки славянскихъ письменъ, отличные отъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ. Заносимъ этотъ фактъ въ исторію открытій по части глаголической письменности потому, что приведенное свидѣтельство краткаго климентова житія играетъ важную роль какъ въ прежнихъ, такъ и въ послѣднемъ изслѣдованіи Шафарика и что, на основаніи его, тогда же нѣкоторыми учеными было сдѣлано предположеніе, объ изобрѣтеніи Климентомъ глаголической аз-

---

[1]) Очеркъ путеш. Григор. по евр. Турціи. Казань. 1848 г.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1847 г. № 7.

буки; къ такому заключенію подалъ, можетъ быть, поводъ самъ издатель разсматриваемаго памятника: въ своемъ замѣчаніи къ упомянутому свидѣтельству онъ утверждалъ за несомнѣнное, что оно относится именно къ другой славянской азбукѣ, хотя и не присоединилъ къ этому никакихъ дальнѣйшихъ объясненій [1]).

Изъ послѣдующихъ розысканій сдѣланныхъ учеными, имѣвшими уже въ виду новые глагольскіе памятники, открытые проф. Григоровичемъ и архимандритомъ Порфиріемъ, самымъ замѣчательнымъ было изслѣдованіе И. И. Срезневскаго подъ заглавіемъ: Древнія письмена славянскія [2]). Названное изслѣдованіе дѣлится на двѣ части: изъ нихъ въ первой помѣщенъ текстъ сказанія черноризца Храбра о славянскихъ письменахъ, изданный по нѣсколькимъ прежнимъ и новымъ спискамъ и вмѣстѣ съ этимъ критическій разборъ его. То и другое было тогда какъ нельзя больше ко времени; потому что какъ самый текстъ Храброва сказанія, такъ и объяснительныя примѣчанія къ нему какъ нельзя яснѣе доказывали, что свидѣтельство Храбра относится не къ какому либо другому, а именно къ такъ называемому кирилловскому, греко-славянскому алфавиту и, по видимому, устраняли всякую возможность дѣлать какія либо другія, въ этомъ отношеніи, заключенія.

Во 2-й части указаннаго изслѣдованія предлагаются розысканія объ азбукѣ глагольской. Эти розысканія и сдѣланные на основаніи ихъ выводы отличаются самою строгою умѣренностію, стоятъ совершенно въ уровень съ фактами и чужды тѣхъ крайностей, въ которыя впадали многіе какъ изъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ изслѣдователей. На основаніи сходства въ формѣ нѣкоторыхъ начертаній обѣихъ славянскихъ алфавитовъ, порядка буквъ, характера правописанія и проч., сообразивши всѣ данныя и мнѣнія о Глаголицѣ, почтенный профессоръ пришелъ къ тому заключенію, что эта азбука есть явленіе IX—X вѣка, послѣдовавшее за изобрѣтеніемъ Кириллицы, составлена по образцу ея и ею дополнена, или измѣнена согласно съ требованіями мѣстнаго

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1847 г. № 1.
[2]) Ж. М. Н. Пр. 1848 г. № 7.

нарѣчія. Еще важнѣе результаты, до которыхъ дошелъ ученый профессоръ, въ разсматриваемой статьѣ, о самомъ мѣстѣ появленія глаголическаго письма. Здѣсь имъ въ первый разъ, хотя въ видѣ догадки, была высказана мысль о болгарскомъ происхожденіи Глаголицы, мысль, которая была принята, хоть и въ измѣненномъ видѣ, всѣми почти послѣдующими изслѣдователями. По мнѣнію автора, Глаголица примѣнена была къ мѣстному нарѣчію первоначально не у Хорватовъ, а у Болгаръ, что доказывается признаками болгарскаго нарѣчія въ древнѣйшихъ глагольскихъ памятникахъ и мѣстомъ ихъ нахожденія.

Совершенно другаго рода были выводы, которые сдѣлалъ самъ виновникъ новыхъ открытій въ глагольской письменности, подвергши разсмотрѣнію найденные имъ и прежніе памятники. Еще въ 1848 г., взявши въ соображеніе извѣстное мѣсто въ паннонскомъ житіи Кирилла, гдѣ говорится о найденномъ будто бы послѣднимъ въ Херсонѣ евангеліи и псалтыри, писанныхъ *Роськи* [1]) письмены, которыхъ самъ онъ не могъ читать, — проф. Григоровичъ утверждалъ, что св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ именно Глаголицу и что слѣд. она древнѣе Кириллицы. Но съ большею подробностію онъ развилъ свое мнѣніе въ своей статьѣ: *О древней письменности Славянъ*, явившейся въ 1852 г. [2]). Здѣсь, вопреки мнѣнію Прейса и Срезневскаго, онъ принимаетъ за болѣе достовѣрное, что не Глаголица дополнена Кириллицей, а совершенно наоборотъ, и доказываетъ это названіемъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ буквъ (буквы *ъ*), заимствованныхъ по его мнѣнію изъ глаголическихъ начертаній. Сравнительную же древность и старшинство Глаголицы передъ Кириллицей почтенный профессоръ старается подтвердить сходствомъ въ формѣ глаголическихъ письменъ съ знаками на геммахъ, древностію языка глаголическихъ рукописей, широкимъ (?) распространеніемъ Глаголицы въ древній періодъ славянской пись-

[1]) По другимъ спискамъ: Рушьскыми. Приводимъ это мѣсто по изд. Шафарика: и обрѣтъ же ту евангеліе и псалтирь рушьскыми писмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемь. — вьскорѣ начѣть чисти и сказовати.

[2]) Статьи, кас. древне-слав. языка. Казань. 1852 г.

енности и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія (?) кирилловскія рукописи списаны съ глаголическихъ или написаны по ыскобленной Глаголицѣ (палимпсесты), но не наоборотъ». Предѣленіе же свое мнѣніе о времени и мѣстѣ происхожденія обоихъ славянскихъ азбукъ г. Григоровичъ выражаетъ ъ такой формулѣ: «Св. Кириллъ нашелъ (т. е. въ Херсонѣ) Глаголицу, а Меѳодій вмѣстѣ съ Кирилломъ послѣ обратилъ е и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку-кирилловскую». Первое онъ доказываетъ уже приведеннымъ нами выше свидѣтельствомъ изъ паннонскаго житія Кирилла, второе ссылкою на одно извѣстіе въ апостолѣ XII в. и на древнюю службу в. Меѳодію, гдѣ онъ называется *святымъ буквамъ премудрымъ обратникомъ*, и это, — по объясненію профессора — отъ обращенія греческаго алфавита въ славянскій примѣненіемъ греческихъ буквъ къ извѣстнымъ уже въ славянскомъ языкѣ».

Само собою разумѣется, что такое мнѣніе о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ не могло не поразить своею оригинальностію, поэтому оно и не встрѣтило ни въ комъ сочувствія и тогда же было опровергнуто сначала Шафарикомъ, а потомъ О. М. Бодянскимъ въ его сочиненіи *О времени происхожденія славянскихъ письменъ* (1856 г.). Въ этомъ же сочиненіи почтенный профессоръ представилъ обстоятельный разборъ и всѣхъ другихъ мнѣній о происхожденіи Глаголицы, признавъ современность ея появленія съ Кириллицей, но до открытія новыхъ данныхъ удержался отъ болѣе рѣшительныхъ и точныхъ опредѣленій. Взглядъ г. Бодянскаго на время происхожденія Глаголицы не измѣнился и послѣ открытія въ 1855 г. такъ называемыхъ Пражскихъ глагольскихъ отрывковъ. «Теперь, писалъ онъ въ своей статьѣ [1]), по поводу открытія этихъ отрывковъ, Глаголица, по самымъ уже памятникамъ, съ прямымъ показаніемъ времени написанія ихъ, помѣстилась въ одинъ вѣкъ съ Кириллицей, именно въ IX, въ который, какъ мы уже знаемъ заподлинно по тѣмъ даннымъ, кои извѣстны нынѣ, послѣдняя составлена; которая изъ сихъ двухъ соперницъ отселѣ перетянетъ другую, не-

[1]) Рус. Вѣстн. 1856 г., № 3.

извѣстно. Пока обѣ онѣ въ эту пору стоятъ передъ судомъ нашимъ съ равными правами, являются съ равными силами, и было бы слишкомъ неблагоразумно заключать о большей древности одной изъ нихъ передъ другой, т. е. заключать тамъ, гдѣ предѣлъ всякимъ заключеніямъ, предѣлъ, за которымъ начинаются мечтанія... слѣд. толки, а тѣмъ болѣе препиранія о старшинствѣ Кириллицы передъ Глаголицей и Глаголицы передъ Кириллицей совершенно неумѣстны, безвременны, пока самое время, лучшій въ такомъ случаѣ и рѣшитель человѣческихъ притязаній и недоумѣній, не представитъ намъ для того данныхъ, подобныхъ тѣмъ, по коимъ права обѣихъ соперницъ теперь совершенно уравновѣсились... Въ высшей степени было бы занимательно уяснить себѣ это явленіе, почему почти, или даже рѣшительно въ одну и ту же пору показываются у Славянъ двѣ азбуки, такъ мало похожія своею наружностію одна на другую. Но сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какія теперь у насъ подъ руками, рѣшеніе этого вопроса — чистая невозможность».

Обращаясь теперь къ изслѣдованіямъ о Глаголицѣ Шафарика, замѣтимъ прежде всего, что знаменитый славянистъ очень долго держалъ себя какъ бы въ сторонѣ отъ указанныхъ нами въ отношеніи къ ней споровъ: тѣмъ меньше можно было его причислить къ числу защитниковъ древности глаголическаго письма и старшинства его передъ кирилловскимъ. Такъ мнѣніе въ этомъ отношеніи Копитара не нашло въ немъ никакого сочувствія, хотя въ настоящее время въ выводахъ обоихъ ученыхъ нельзя не видѣть слишкомъ много общаго. Причины недостатка въ сочувствіи къ мнѣнію Копитара объясняетъ самъ Шафарикъ въ своемъ предисловіи къ послѣднему своему, разсматриваемому нами труду. «Копитаръ, замѣчаетъ онъ, можно сказать, скорѣе угадалъ истину посредствомъ своего изумительнаго остроумія, чѣмъ вывелъ ее правильнымъ логическимъ путемъ и доказалъ съ убѣдительною ясностію. Послѣднее, при неизвѣстности въ то время многихъ важныхъ памятниковъ и историческихъ данныхъ, было рѣшительно невозможно. Открытіе тѣхъ и другихъ послѣдовало въ ближайшее время послѣ обнародованія Копитарова труда. Притомъ же въ отношеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ

держусь такого мнѣнія, что самостоятельно выработанный взглядъ, хотя бы это путемъ ошибокъ и вслѣдствіе внѣшняго толчка, гораздо плодотворнѣе и достойнѣе свободно-мыслящаго изыскателя, чѣмъ чужое, рабски и безъ внутренняго убѣжденія принятое лишь на вѣру ученіе... По крайней мѣрѣ я вовсе не оставался равнодушнымъ къ открытію истины. Это доказываютъ тѣ тщательныя розысканія, которыя три раза въ 1852-мъ, 1853 и въ 1856-мъ году мною посвящены были почти забытому и оставленному безъ вниманія вопросу. Тоже самое доказываетъ и тотъ способъ и та постепенность, съ какою я мало по малу, въ теченіи указаннаго періода времени, достигалъ познанія истины»... «Теперь, говоритъ Шафарикъ въ другомъ мѣстѣ (р. 3), я рѣшаюсь возвратиться къ Глаголицѣ въ третій и, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Новыя открытія и новыя изслѣдованія о ней требуютъ повѣрки цѣлаго. Я предпринялъ это и представляю здѣсь добытые мною результаты. Настоящее свое сочиненіе я назначаю для тѣхъ, кого интересуетъ вопросъ, что̀ наконецъ я думаю о Глаголицѣ и Кириллицѣ и что̀ считаю въ этомъ отношеніи вѣрнымъ».

Нѣтъ нужды говорить, какъ справедливы и обязательны для насъ замѣчанія Шафарика, высказанныя имъ въ выписанныхъ нами строкахъ и въ какой мѣрѣ должно быть важно для науки окончательное мнѣніе его о столь спорномъ и запутанномъ вопросѣ, каковъ вопросъ о глаголическомъ письмѣ. Одно простое безотчетное вѣрованіе, предчувствіе, догадка такого опытнаго (и пользующагося столь заслуженнымъ авторитетомъ) знатока славянскаго міра, одна случайно высказанная мысль, мелькомъ сдѣланное замѣчаніе можетъ поколебать самыя твердыя убѣжденія, хотя бы пользовавшіяся столѣтнею давностію и авторитетомъ общепринятыхъ доказанныхъ научныхъ положеній. Чтобы указать ближайшій въ этомъ случаѣ примѣръ, припомнимъ одинъ фактъ, очень хорошо извѣстный всѣмъ, знакомымъ съ работами нашихъ ученыхъ по части исторіи древней славянской письменности. По поводу изданія Калайдовичемъ изслѣдованія объ Іоаннѣ Екзархѣ (1824 г.) нѣкоторыми учеными были высказаны сомнѣнія въ древности и подлинности твореній знаменитаго преемника трудовъ славянскихъ апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, а впослѣдствіи

однимъ изъ нашихъ знатоковъ древней слав. письменности сочиненія Екзарха, вопреки общепринятому мнѣнію, положительно отнесены къ памятникамъ XII вѣка [1]), хоть и не присоединено къ этому никакихъ доказательствъ, и хотя приговоръ ученаго библіографа выраженъ былъ категорически и въ нѣсколькихъ строкахъ. Что же? Эти строки доселѣ, если можно такъ выразиться, держатъ какъ бы въ осадѣ всѣхъ изслѣдователей по разсматриваемому вопросу. По этому въ каждомъ изслѣдованіи о немъ, даже въ замѣчаніяхъ, высказанныхъ стороною, непремѣнно имѣются въ виду эти сомнѣнія и этотъ приговоръ, непремѣнно пріискиваются новыя данныя и дѣлаются новыя соображенія въ пользу общепринятаго въ этомъ отношеніи мнѣнія, и при чтеніи этихъ изслѣдованій, непремѣнно чувствуется неотразимое вліяніе этихъ немногихъ строкъ, въ которыхъ высказанъ взглядъ совершенно противуположный, хотя бы онѣ и не были указаны. И все это происходитъ вслѣдствіе увѣренности, что приговоръ произнесенъ знатокомъ дѣла, который не любитъ тратить даромъ словъ и который имѣлъ и вѣроятно теперь имѣетъ доказательства въ пользу своей мысли. Возьмемъ другой примѣръ. Ученые составители описанія слав. рукописей Моск. Син. библіотеки въ своихъ разысканіяхъ о древнемъ славянскомъ переводѣ Свящ. Писанія, согласно съ исправителями и издателями первопечатной библіи въ прошломъ столѣтіи, пришли къ тому заключенію, что первоначальный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, совершенный трудами Кирилла и Меѳодія, теперь утраченъ; до настоящаго же времени изъ этого перевода какъ въ рукописяхъ, такъ и въ печатной библіи дошли только немногіе его остатки, а все прочее дошло до насъ въ переводѣ позднѣйшемъ, частію съ греческаго, частію съ еврейскаго и латинскаго [2]). Между тѣмъ, какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ держатся въ этомъ отношеніи мнѣнія совершенно противнаго. Такъ не далѣе, какъ въ прошломъ году въ одномъ изслѣдованіи по разсматриваемому вопросу, высказана была мысль, что славянскій переводъ би-

[1]) Хрон. указ. мат. от. ист. Ж. М. Н. Пр. 1834 г., ч. I.
[2]) Т. I. 1855 г. см. пред. III. и далѣе.

блейскихъ книгъ «по его происхожденію есть плодъ апостольской ревности святыхъ Кирилла и Меѳодія, что онъ получилъ начало въ девятомъ столѣтіи и что языкъ сего перевода въ продолженіи тысячи лѣтъ продолжаетъ быть живымъ въ православной церкви» [1]). Какъ видно изъ приведенной нами выписки, мнѣніе о сохраненіи, въ нашихъ рукописныхъ и въ печатныхъ библейскихъ книгахъ, кирилловскаго перевода Свящ. Писанія высказано здѣсь категорически, безъ всякихъ объясненій и безъ соображенія съ вышеуказаннымъ нами изслѣдованіемъ; но оно высказано съ полною и твердою увѣренностію въ его справедливости и притомъ знатокомъ дѣла. Вотъ почему и вопросъ о происхожденіи сл. перевода Священнаго Писанія, заключающагося въ нашей рукописной и печатной библіи, по нашему мнѣнію теперь не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. По крайней мѣрѣ послѣдующіе изслѣдователи этого перевода не имѣютъ права выпустить изъ виду приведенное нами мнѣніе о его происхожденіи. Возвращаясь къ Шафарику, замѣтимъ теперь, что тѣмъ больше должно имѣть значенія для науки мнѣніе его о происхожденіи Глаголицы, какъ мнѣніе такого ученаго, который въ полномъ совершенствѣ знаетъ славянскій міръ, который совершенно по праву пользуется титломъ главы славянскихъ археологовъ и филологовъ, и который по собственному его, вполнѣ справедливому признанію всю жизнь свою и всю свою авторскую дѣятельность посвятилъ на то, чтобы пролить свѣтъ въ темныя области славянскаго языковѣдѣнія и древностей, и притомъ мнѣніе, это обставлено такими критическими розысканіями и соображеніями, какихъ, повидимому, только можно желать. Очень можетъ быть, что новое мнѣніе Шафарика не будетъ принято въ наукѣ, но безъ всякаго сомнѣнія самою постановкою вопроса въ новомъ свѣтѣ, оно подвинетъ его къ окончательному рѣшенію. Очень можетъ быть, что самъ Шафарикъ снова перемѣнитъ свой взглядъ, но за то тѣмъ тверже тогда будутъ убѣжденія въ противномъ, какъ его собственныя, такъ и другихъ изслѣдователей.

---

[1]) О догм. дост. греч. 70-ти толк. и слав. пер. Свящ. Пис. Приб. къ 3-й кн. Твор. св. отц. за 1858 г.

Въ высшей степени также поучительна та постепенность, съ какою почтенный ветеранъ славянской археологіи приходилъ къ своему настоящему убѣжденію, и тѣ перемѣны, какія онъ дѣлалъ въ своемъ мнѣніи, занимаясь разсматриваемымъ предметомъ. Извѣстно, какъ тяжело отказываться отъ своего собственнаго, даже ошибочнаго убѣжденія въ чемъ бы то ни было, а главное сознаваться въ своихъ ошибкахъ открыто. Но это правило какъ будто вовсе не существуетъ для Шафарика. Такъ еще въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ» онъ открыто сознался въ ошибочности своего прежняго мнѣнія о происхожденіи Сарматовъ и спѣшилъ поправить допущенную имъ прежде въ этомъ отношеніи ошибку. Въ 1848 г., послѣ открытія, или точнѣе приведенія въ извѣстность, Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія, онъ не поколебался ни на мгновеніе оставить свое прежнее мнѣніе о годѣ (855) составленія славянскихъ письменъ, основанное на ошибочномъ показаніи сказанія черноризца Храбра и принять новое (862), согласное съ показаніемъ названныхъ памятниковъ. Не мало и другихъ случаевъ, когда Шафарикъ съ благородною откровенностію и съ полнымъ самоотверженіемъ рѣшался самъ, такъ сказать, поднимать на себя руку, сознаваясь въ своихъ ошибкахъ и, хотя бы то въ ущербъ прежнимъ своимъ выводамъ, спѣшилъ дѣлиться съ ученою публикою каждою своею новою мыслію, каждымъ своимъ соображеніемъ. Не мелкое самолюбіе, сознательно, или безсознательно заботящееся о томъ, чтобы во что-то ни стало отстоять свое мнѣніе, не щепетильная заботливость о послѣдовательности своихъ выводовъ и согласіи ихъ съ прежними взглядами, а чистая безкорыстная, доходящая до самоотверженія любовь къ истинѣ и желаніе такъ или иначе но хоть сколько-нибудь поднять завѣсу темнаго, таинственнаго прошедшаго,—вотъ что всегда служило и служитъ пружиною ученой дѣятельности знаменитаго славяниста. Una manus nobis vulnus opemque ferat (Ovid.) писалъ онъ 20 лѣтъ назадъ, исправляя свое прежнее ошибочное мнѣніе о Сарматахъ и желая этимъ, какъ самъ говоритъ, уничтожить вредъ, нанесенный такимъ промахомъ и вывести изъ заблужденія, какъ себя, такъ и другихъ. Теперь

почему мы не съ цѣлію выставить на видъ противорѣчія между прежними и теперешними выводами его о Глаголицѣ, а съ чувствомъ глубокаго уваженія къ изслѣдователю, любящему истину до самоотверженія, раскрываемъ прежнія сочиненія заслуженнаго славяниста, чтобы бросить взглядъ на его прежнія соображенія по разематриваемому вопросу.

Первыя изслѣдованія Шафарика по части глагольской письменности совпадаютъ съ новыми открытіями въ ней проф. Григоровича, о которыхъ мы говорили выше, и съ тѣмъ движеніемъ, какое возбуждено было этими открытіями въ области изученія первой эпохи славянской письменности. Оцѣнивши въ полной мѣрѣ важность вновь открытыхъ глагольскихъ памятниковъ, Шафарикъ не замедлилъ подвергнуть этотъ предметъ своему непосредственному разсмотрѣнію и результаты своихъ розысканій сообщилъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ: «Взглядъ на древность глагольской письменности», напечатанной въ Журналѣ Чешскаго Музея въ 1852 г. [1]). Въ это время въ своихъ выводахъ о происхожденіи и древности Глаголицы Шафарикъ былъ очень близокъ къ представленному нами выше мнѣнію проф. Срезневскаго. Глаголическіе памятники онъ дѣлилъ на два разряда: болгарскіе—древнѣйшіе отъ X до XII в., и поздѣйшіе—хорватскіе отъ XII в. и далѣе, и Глаголицѣ болгарской отдавалъ старшинство передъ хорватской, признавая такимъ образомъ мѣстомъ происхожденія глаголическаго письма, какъ и нашъ только что названный изслѣдователь, Болгарію. Согласно же съ нимъ рѣшалъ Шафарикъ вопросъ и объ отношеніи обѣихъ слав. азбукъ. «Сообразивши безпристрастно, писалъ онъ тогда, всѣ свидѣтельства — какъ преданія и исторіи, такъ и характеръ буквъ, правописанія, языка и слога, не можемъ отказаться отъ предположенія, что Глаголица, какъ находимъ ее въ древнѣйшихъ рукописяхъ, хотя и близко подходитъ къ древнѣйшему времени Кириллицы, но *ни въ какомъ случаѣ не древнѣе ея*... напротивъ она есть подражаніе ей... устроена

[1]) Въ русс. пер. см. 1-й т. Изв. II. отд. Ак. наукъ, 1852 г. Также Изслѣд. о древ. пам. старослав. лит. 1856 г.

по образцу ея. За новость Глаголицы говоритъ ея правильное развитіе изъ двухъ первоначальныхъ чертъ — кружка и прямой линіи,... хотя, быть можетъ, большое число буквъ не просто выдумано, а перенято изъ другой славянской, или не славянской азбуки, болѣе древней» О сравнительной древности рецензій текста священныхъ книгъ — кирилловской и глаголической, Шафарикъ тогда писалъ: «позволяю себѣ думать, что кирилловская рецензія древнѣе глаголической. Въ составѣ глаголической азбуки и въ правописаніи видно подражаніе рукописямъ кирилловскимъ».

Естественно, что при такомъ взглядѣ Шафарика на относительную древность обоихъ славянскихъ алфавитовъ, — мысль проф. Григоровича о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей — о существованіи 1-й еще прежде Кирилла и объ изобрѣтеніи послѣдней Меѳодіемъ не нашли въ немъ никакого сочувствія. Напротивъ, согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, Шафарикъ въ то время признавалъ за несомнѣнное, что Кириллица изобрѣтена Кирилломъ въ IX вѣкѣ, и въ этомъ случаѣ какъ на неопровержимое свидѣтельство ссылался на показанія Паннонскихъ житій и на сказаніе черноризца Храбра о письменахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шафарикъ въ указанной нами статьѣ сдѣлалъ соображенія и о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы. Въ этомъ случаѣ вниманіе его остановилось на вышеупомянутомъ нами свидѣтельствѣ краткаго, найденнаго Григоровичемъ житія епископа Климента, гдѣ говорится, что послѣдній изобрѣлъ будто бы «другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ». Это показаніе объяснялъ тогда Шафарикъ въ смыслѣ изобрѣтенія Климентомъ новыхъ письменъ, именно Глаголицы, и признавалъ его *правдоподнымъ извѣстіемъ*, хотя и не вполнѣ доказаннымъ фактомъ. «Свидѣтельство житія Климента, писалъ тогда Шафарикъ, позволяетъ догадываться, что изобрѣтателемъ Глаголицы былъ именно Климентъ... Очевидно, что здѣсь жизнеописатель думалъ о Глаголицѣ, такъ какъ третьей особенной азбуки славянской нѣтъ, и всѣ обстоятельства оправдываютъ основательность и правдивость этого преданія... Климентъ, продолжаетъ далѣе Шафарикъ (объясняя побужденія къ изобрѣтенію новой азбуки, тогда какъ славянская азбука уже существовала, т. е. изобрѣтен-

ная Кирилломъ), могъ считать не неумѣстнымъ, чтобы у Болгаръ рядомъ съ азбукой обиходной, свѣтской, была и священная, церковная, какъ это было у народовъ восточныхъ... При этомъ онъ (или другой кто изъ учениковъ Меѳодія — Наумъ, Ангеляръ и проч.) могъ воспользоваться и готовою уже азбукою, древнею, найденною имъ у Болгаръ».

Другое изслѣдованіе Шафарика о Глаголицѣ было напечатано имъ въ 1853 г., какъ введеніе въ изданное имъ тогда «Собраніе памятниковъ глаголической письменности» [1]). Говоря вообще, относительно времени происхожденія Глаголицы, здѣсь Шафарикъ повторилъ свои прежніе выводы, только подкрѣпивъ ихъ новыми филологическими и палеографическими соображеніями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ частныхъ опредѣленіяхъ мнѣніе его въ это время во многомъ приняло уже другой видъ. Такъ Глаголица хорватская въ преяхъ на древность сравнена съ болгарскою и даже первой въ этомъ отношеніи отдано преимущество, съ одной стороны по меньшему числу въ ней буквъ, съ другой по близости ея прямыхъ ствѣсныхъ начертаній къ древнимъ рѣзнымъ надписямъ на камняхъ. Что же касается до изобрѣтенія Глаголицы Климентомъ, то свидѣтельство объ этомъ краткаго его житія, Шафарикъ призналъ съ одной стороны несообразнымъ съ обстоятельствами, съ другой *не заслуживающимъ довѣрія* и причислилъ его къ разряду такихъ преданій, на какомъ основано мнѣніе объ изобрѣтеніи Глаголицы Іеронимомъ. Въ замѣнъ же прежняго предположенія о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы, Шафарикъ теперь предложилъ другое, именно, что болгарская Глаголица могла быть изобрѣтена кѣмъ либо изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, дѣйствовавшимъ въ духѣ другой школы, называя впрочемъ свою мысль догадкой — не болѣе. Да и вообще второе изслѣдованіе Шафарика о Глаголицѣ, полнѣйшее и основательнѣйшее изъ всѣхъ, писанныхъ какъ имъ, такъ и другими, отличается большею умѣренностію и строгостію въ выводахъ и меньшею рѣшительностію, нежели первое. Перебравъ нѣсколько предположеній о времени, мѣстѣ, и причинахъ происхожденія глагольской азбуки, онъ сознался невозможность рѣшить всѣ эти во-

[1]) Památky Hlaholskeho Písemnictví. V Praze. 1853.

просы до открытія новыхъ необходимыхъ данныхъ и назвалъ свои выводы только вѣроятными; при этомъ впрочемъ выразилъ увѣренность, что вопросъ о происхожденіи Глаголицы не останется навсегда тайной для науки.

Надежда на осуществленіе этой увѣренности, которую вмѣстѣ съ Шафарикомъ раздѣляли конечно всѣ друзья славянской науки, повидимому, блеснула было съ открытіемъ пражскихъ глагольскихъ отрывковъ. Такъ названы два пергаменныхъ листа, открытые докторомъ Гефлеромъ въ 1855 г. на внутренней сторонѣ переплетной доски одной латинской рукописи XI в. въ библіотекѣ пражской митрополитской капитулы, которые содержатъ въ себѣ нѣсколько церковныхъ пѣсней по греческому обряду (свѣтильны, антифоны и проч.), писанныхъ глагольскими буквами. Но розысканія Шафарика и другихъ ученыхъ, произведенныя на основаніи новаго открытія, не привели къ желанному успѣху. Первая мысль, которая должна была притти по поводу этихъ отрывковъ, судя по ветхости ихъ, была разумѣется та, что они древнѣе рукописи и слѣд. должны принадлежать къ X, а можетъ быть и къ IX вѣку. Такое заключеніе дѣйствительно и сдѣлалъ Шафарикъ, отнесши эти отрывки къ эпохѣ, близкой къ Кириллу и Меѳодію [1]). Но съ другой стороны при отсутствіи въ отрывкахъ года ихъ написанія и при неимѣніи для сравненія другихъ глагольскихъ памятниковъ, современныхъ этой эпохѣ, — трудно было на основаніи указаннаго открытія сдѣлать какія либо общія и рѣшительныя заключенія объ относительной древности той или другой славянской азбуки. Поэтому Шафарикъ, несмотря на признанную имъ отдаленную древность пражскихъ отрывковъ, въ первое время послѣ открытія ихъ, удержался отъ заключенія о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей и отдалъ полную справедливость мнѣнію проф. Бодянскаго, когда послѣдній въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи слав. письменъ призналъ, какъ мы выше видѣли, современность происхожденія обѣихъ слав. азбукъ. «Въ газетахъ, писалъ онъ къ нему отъ 28 дек. 1855 г., распространилась ложная молва о томъ, яко бы я

[1]) Кратк. изв. о праж. отр. in der Prager Zeitung. 19 Dec. 1855. Ср. Glag. Frag. p. 18.

считаю уже древнѣе Кириллицы. Въ сущности я
ложительнаго не знаю о началѣ Глаголицы, хотя и
рину ея. Въ Вашей книгѣ (О времени происхожде-
нскихъ письменъ) съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что
бѣимъ имъ равно справедливы, обѣ уважаете, обѣ
цѣните. Такъ надобно, такъ прилично нашъ дѣйство-
).

кимъ образомъ Шафарикъ въ первое время послѣ от-
пражскихъ отрывковъ въ своемъ мнѣніи о древности
ицы подвинулся впередъ только въ томъ отношеніи, что
ѣ съ г. Бодянскимъ призналъ равноправность обоихъ
алфавитовъ и, повидимому, слишкомъ далекъ былъ отъ
выводовъ, какіе развиты имъ въ этомъ отношеніи въ
ѣднемъ его сочиненіи. Взглядъ Шафарика на относитель-
древность обоихъ слав. алфавитовъ, по видимому, не из-
лся и въ слѣдующемъ 1857 г., когда онъ вмѣстѣ съ
леромъ издалъ ново-открытый глаголическій памятникъ съ
нообразными филологическими и палеографическими при-
чаніями [1]). Но, говорямъ, только по видимому, потому что
розысканіяхъ и выводахъ Шафарика теперь уже нельзя
ало не замѣтить какого-то колебанія, нерѣшительности и
етвердости въ прежнихъ его взглядахъ на Кириллицу. Здѣсь
онъ также избѣгаетъ общихъ заключеній о времени проис-
хожденія Глаголицы, по видимому равняетъ ее съ Кирилли-
цей, но съ другой стороны, упоминая о послѣдней, набрасы-
ваетъ тѣнь сомнѣнія на вѣковое преданіе объ изобрѣтеніи ея
Кирилломъ и придаетъ равносильное съ этимъ преданіемъ
значеніе исторически-достовѣрнаго извѣстія свидѣтельству
краткаго житія Климента о составленіи имъ другой славян-
ской азбуки, — свидѣтельству, которое прежде, какъ мы вы-
ше видѣли, самъ же признавалъ баснословнымъ. Кромѣ того
письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, Шафарикъ здѣсь называетъ
письмомъ *новымъ* — терминъ, который въ настоящемъ случаѣ
имѣетъ особенное, многознаменательное значеніе, но кото-

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1856 г. № 3. Ст. О. М. Бодянскаго — Новыя открытія

рый становится впрочемъ понятнымъ только по прочтеніи послѣдняго, разсматриваемаго нами его сочиненія. Но лучше выпишемъ изъ изслѣдованія Шафарика о пражскихъ отрывковъ относящееся сюда мѣсто, очень замѣчательное, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что въ немъ отлично характеризуется современное состояніе вопроса, о сравнительной древности обоихъ славянскихъ алфавитовъ, въ отношеніи къ возможности или невозможности его рѣшенія.

«Вопросъ объ отчизнѣ и древности пражскихъ отрывковъ, пишетъ Шафарикъ, въ высшей степени интересенъ, но въ то же время онъ составляетъ самую темную и трудную часть нашей задачи. Эта трудность уменьшилась бы значительно, еслибы изъ первыхъ двухъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ славянской литургіи у моравскихъ и панноискихъ Славянъ сохранилось бо́льшее число рукописей, въ особенности съ означеніемъ года написанія ихъ... Между тѣмъ даже въ палеографіи кирилловской у насъ нѣтъ критеріума (т. е. для опредѣленія времени происхожденія рукописей безъ означенія года) древнѣе 1056 года — года написанія Остромірова Евангелія. Гораздо въ худшемъ положеніи палеографія рукописей глаголическихъ: самыя древнія между ними не имѣютъ года написанія ихъ, точно также, какъ и рукописи кирилловскія, въ которыхъ встрѣчаются глаголическія буквы: глаголическая псалтырь 1222 г. — единственный памятникъ съ означеніемъ года — теперь не существуетъ. Извѣстная глагольская подпись на греческой грамотѣ 982 г. въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ къ сожалѣнію доселѣ не обнародована, какъ бы слѣдовало, въ вѣрномъ снимкѣ; притомъ же эту подпись до настоящаго времени видѣлъ только одинъ человѣкъ (архимандритъ Порфирій) въ 1843 г. — свидѣтель достовѣрный, но все-таки свидѣтель не болѣе. Историческія данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время, также не рѣшаютъ дѣла. Правда у насъ есть исторически-несомнѣнныя свидѣтельства, что Кириллъ изобрѣлъ для Славянъ *новое* письмо, но въ то же время мы имѣемъ другое также *достовѣрное извѣстіе*, по которому ученикъ и сотрудникъ Кирилла (Климентъ), бывши въ послѣдствіи въ санѣ болгарскаго епископа, составилъ для южныхъ Славянъ, новый яснѣйшій алфавитъ, и

при совершенномъ молчаніи (?) источниковъ о формѣ буквъ того и другаго алфавита, потомство очень легко могло перемѣшать ихъ и перенести названіе отъ одного къ другому тѣмъ больше, что первоначально и тотъ и другой алфавитъ назывался только славянскимъ. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, если славянскіе ученые доселѣ несогласны между собою въ мнѣніяхъ о сравнительной древности и взаимномъ отношеніи обоихъ славянскихъ алфавитовъ. Что до меня касается, я съ своей стороны вновь предпринялъ пересмотръ спорнаго вопроса, но доселѣ мнѣ не удалось прійдти ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ; по этому и обнародованіе своихъ новыхъ изслѣдованій я предоставляю будущему времени» [1]).

Въ послѣднихъ словахъ Шафарикъ очевидно разумѣетъ изслѣдованія о Глаголицѣ, заключающіяся въ послѣднемъ его сочиненіи, которое теперь лежитъ передъ нашими глазами; потому что по собственному его отзыву 1-я половина этого сочиненія была имъ написана именно въ теченіи 1856—1857 г., т. е. въ одно время съ изслѣдованіемъ о пражскихъ глагольскихъ отрывкахъ. Соображая это обстоятельство съ загадочнымъ названіемъ *новаго*, усвоеннымъ въ названномъ сейчасъ сочиненіи Шафарика изобрѣтенному св. Кирилломъ славянскому письму, невольно приходишь къ мысли, что еще въ то время въ мнѣніи знаменитаго славяниста о происхожденіи обѣихъ славянскихъ азбукъ произошелъ радикальный переворотъ: ясно, что, когда писалъ онъ приведенныя нами выше строки, колеблясь сомнѣніями о смѣшеніи потомствомъ названій Кириллицы и Глаголицы и о замѣнѣ ихъ одного другимъ, — факты первобытной эпохи славянской письменности уже представлялись ему совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это было прежде, т. е. до открытія и въ первое время послѣ открытія пражскихъ отрывковъ. На это обстоятельство мы считали нужнымъ обратить вниманіе для того, чтобы хоть приблизительно уловить тотъ моментъ, когда въ мысляхъ Шафарика образовалось новое теперешнее его мнѣніе о происхожденіи глагольскаго письма и черезъ это самое имѣть возможность судить о причинахъ, которыя произвели перемѣну въ его преж-

[1]) Glag. Fragm. Prag. 1857. p. 56—57.

немъ взглядѣ на этотъ предметъ. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ едва ли не главную роль играли пражскіе глагольскіе отрывки, которымъ Шафарикъ, поддавшись увлеченію, придалъ значеніе гораздо большее, нежели какое можетъ быть имъ приписано. Къ тому же безъ сомнѣнія не мало способствовали и тѣ тщательныя розысканія и работы надъ Глаголицей, которымъ въ послѣднее время онъ былъ преданъ съ свойственнымъ ему рвеніемъ, вновь перечитавши, какъ самъ говоритъ, всѣ источники, относящіеся къ его предмету. Взявши во вниманіе это обстоятельство, не трудно понять и то увлеченіе, которымъ проникнуто съ начала до конца послѣднее его сочиненіе. Переходимъ теперь къ изложенію его содержанія.

Разсматриваемое нами сочиненіе Шафарика, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Въ 1-мъ, какъ замѣчено было уже въ началѣ нашей статьи, онъ вопреки общепринятому мнѣнію доказываетъ, что Кириллъ, въ IX вѣкѣ изобрѣлъ не такъ называемую Кириллицу, а Глаголицу, которая сначала распространилась въ Паннонiи, а потомъ вмѣстѣ съ учениками славянскихъ апостоловъ перешла въ Болгарію, но по неясности своей, трудности для письма и нерасположенію къ ней Грековъ, въ началѣ X вѣка была оставлена и замѣнена письмомъ греко-славянскимъ, или Кириллицей и что эта послѣдняя есть собственность епископа Климента, извѣстнаго ученика Меѳодія. Во 2-мъ изслѣдованіи Шафарикъ путемъ филологическихъ соображеній, подобно Копитару и опять вопреки своему прежнему мнѣнію, приходитъ къ выводу, что текстъ священныхъ книгъ глагольскаго извода древнѣе и ближе къ первоначальному, чѣмъ текстъ тѣхъ же книгъ извода кирилловскаго, и что мѣстомъ появленія Глаголицы, а вмѣстѣ и родиной древне-славянскаго языка вообще была древняя Паннонія и Македонія, гдѣ преимущественно дѣйствовали св. братья. Второе изслѣдованіе Шафарика по своему содержанію и по собственному взгляду его автора составляетъ восполненіе 1-го и относится къ нему, какъ часть, къ цѣлому. Въ немъ только съ большею подробностію развиты тѣ положенія объ относительной древности и мѣстѣ происхожденія спеціально глаголическихъ словъ и формъ, которыя (положенія) въ общихъ чер-

тахъ уже изложены въ 1-мъ изслѣдованіи. Такъ какъ мы предположили для себя цѣлію изложить и разсмотрѣть мнѣніе Шафарика собственно о времени происхожденія глагольскаго письма — главную мысль его новаго труда; то это заставляетъ насъ въ нашихъ замѣчаніяхъ имѣть въ виду только 1-е его изслѣдованіе.

По внѣшней формѣ своей оно раздѣлено на нѣсколько отдѣльныхъ положеній, изъ коихъ каждое состоитъ изъ фактическихъ данныхъ, заключаетъ въ себѣ выводъ изъ фактовъ. Всѣхъ положеній 5ѣ. По характеру своему, соображенія Шафарика суть частію историческія, частію палеографическія и филологическія. Тонъ ихъ вездѣ положительный: Шафарикъ съ самаго начала своего изслѣдованія объявляетъ, что вдаваться въ полемику онъ не намѣренъ. Несмотря на это, однакожь въ концѣ онъ предлагаетъ рѣшеніе и нѣкоторыхъ возраженій, стараясь объяснить ихъ въ свою пользу.

Исходною точкою изслѣдованія Шафарика служитъ принятый имъ за несомнѣнный, историческій тезисъ, что «у Славянъ, согласно съ фактомъ существованія двухъ алфавитовъ кирилловскаго и глаголическаго, извѣстно и два изобрѣтателя письменъ, изъ коихъ одинъ Кириллъ, по мірскому имени Константинъ, другой Климентъ, епископъ великій въ Болгаріи († 916)». «Кириллъ, продолжаетъ далѣе Шафарикъ, какъ изобрѣтатель славянскаго письма, извѣстенъ въ исторіи уже давно въ теченіи цѣлаго тысящелѣтія. Что же до Климента, то *древнее* извѣстіе о немъ, какъ объ изобрѣтателѣ другаго славянскаго алфавита, обнародовано только около ста лѣтъ, а получило примѣненіе въ наукѣ назадъ тому не болѣе десяти лѣтъ. Что алфавитъ *теперь* такъ называемый кирилловскій изобрѣтенъ св. Кирилломъ, — это было въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій всегдашнимъ вѣрованіемъ ученыхъ: о глаголическомъ же мнѣнія ихъ были постоянно между собою несогласны и пререкательны»... «И такъ, чтобы выйдти изъ темнаго лабиринта разнообразныхъ, существующихъ по этому вопросу мнѣній на прямую дорогу и достигнуть цѣли, не блуждая по путямъ окольнымъ, всѣ новыя изслѣдованія нужно оставить въ сторонѣ и искать рѣшенія проблеммы въ свидѣтельствахъ первыхъ столѣтій. Изслѣдованія о

происхожденіи и древности глагольскаго письма, произведенныя учеными, каковы: Леваковичъ, Фришъ, Коль (и т. д. исчисляются имена главнѣйшихъ дѣятелей по вопросу о Глаголицѣ до Боданскаго включительно) во многихъ отношеніяхъ поучительны, но для разрѣшенія нашей задачи большой важности не имѣютъ. Напротивъ эти изслѣдованія скорѣе могутъ только помрачить свѣтлый взглядъ, запутать дѣло и сбить съ прямой дороги.—Единственный путь, которымъ можно достигнуть результатовъ вѣрныхъ и несомнѣнныхъ, — это изученіе самыхъ источниковъ и памятниковъ».

Такова точка зрѣнія Шафарика на взятый имъ для разсмотрѣнія вопросъ, а вмѣстѣ и на всѣ прежнія изслѣдованія, сдѣланныя по этому вопросу учеными. Нельзя не замѣтить, что отзывъ почтеннаго славяниста о безполезности всего до него писаннаго и при томъ не только о Глаголицѣ, но вмѣстѣ и о Кириллицѣ, не отличается большою умѣренностію, тѣмъ больше, что розысканія предшественниковъ Шафарика, какъ и его собственныя, основаны были также на источникахъ и памятникахъ. Въ особенности какъ-то странно бросается въ глаза взглядъ Шафарика на безплодность прежнихъ изслѣдованій о Кириллицѣ, которыя, даже въ послѣднихъ своихъ результатахъ, по его мнѣнію не привели будто бы ни къ чему рѣшительному. Если розысканія о Глаголицѣ, при малочисленности и неразработанности ея памятниковъ и при совершенномъ почти отсутствіи историческихъ данныхъ, дѣйствительно представляютъ въ себѣ очень много неопредѣленнаго, смутнаго, запутаннаго, а иногда даже фантастическаго; то этого отзыва ужь никакъ нельзя примѣнить къ изслѣдованіямъ о происхожденіи Кириллицы. Первоначальная эпоха ея какъ въ отношеніи къ богатству историческихъ и палеографическихъ данныхъ, такъ и въ отношеніи къ разработкѣ ихъ, особенно въ послѣднее время, представляетъ совершенно противоположную картину, которая никакимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе съ суммою данныхъ и исторически несомнѣнныхъ выводовъ о началѣ письменности глаголической. Справедливо замѣчаютъ, что ни одна письменность не имѣетъ для своей первой эпохи столь ясной и полной исторически несомнѣнными фактами и выводами исторіи, какъ именно пись-

менность кирилловская, и нужно слишкомъ много новыхъ данныхъ, новыхъ фактовъ, чтобы заподозрить всѣ сдѣланные прежде о началѣ ея изслѣдованія и выводы. Да и въ самыхъ розысканіяхъ о Глаголицѣ, несмотря на ихъ дѣйствительно изумительное разногласіе между собою, — нельзя же сказать, чтобы не было ничего вѣрнаго, принѣпимаго въ наукѣ, какъ это представляетъ Шафарикъ. Доказательство противнаго можно бы указать въ собственномъ его разсматриваемомъ нами сочиненіи, въ которомъ для подтвержденія древности Глаголицы приняты почти буквально очень многія соображенія, сдѣланныя по этому вопросу Добнеромъ, Альтеромъ, Коппитаромъ, Григоровичемъ, даже Венелинымъ. Но не въ томъ дѣло. Для насъ всего важнѣе общее основное положеніе Шафарика, принадлежащее собственно ему, о несомнѣнной извѣстности двухъ изобрѣтателей славянскихъ письменъ, которое выражено въ вышеприведенныхъ нами строкахъ. Это положеніе, или этотъ будто бы исторически несомнѣнный фактъ, который по мнѣнію Шафарика доселѣ ускользалъ отъ вниманія ученыхъ, служитъ фундаментомъ, на которомъ построено цѣлое зданіе новыхъ его выводовъ о времени и мѣстѣ происхожденія Глаголицы и о лицѣ ея изобрѣтателя.

Установивши такую точку зрѣнія на предметъ своего изслѣдованія, т. е. какъ будто бы доселѣ въ наукѣ не извѣстно ничего вѣрнаго и рѣшительнаго не только въ отношеніи къ Глаголицѣ, но и къ Кириллицѣ, и имѣя въ виду главное свое положеніе о двухъ изобрѣтателяхъ славянскаго письма, Шафарикъ спрашиваетъ: кому изъ нихъ мы должны приписать одинъ и кому другой алфавитъ? За тѣмъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выставляетъ слѣдующія три положенія, какъ неопровержимый результатъ изученія источниковъ объ изобрѣтеніи Кирилломъ слав. письма:

1) До Кирилла и Меѳодія у Славянъ, и въ особенности южныхъ, для книжнаго письма собственной грамоты не было.

2) Письмена, изобрѣтенныя Кирилломъ, были совершенно новыя (ganz neue Schrift), то есть они состояли изъ новыхъ знаковъ, которыя не были ни греческіе, ни еврейскіе, ни латинскіе.

3) Если Кириллъ изобрѣлъ алфавитъ, состоявшій изъ совершенно новыхъ знаковъ *и слѣд. теперь такъ называемый глаголическій*: то отсюда само собою слѣдуетъ, что изобрѣтателемъ другаго алфавита, извѣстнаго теперь подъ именемъ Кириллицы, — алфавита греко-славянскаго, въ которомъ преобладаютъ греческіе знаки, не могъ быть никто другой, какъ Климентъ, епископъ величскій.

Изъ этихъ положеній первыя два обставлены ссылками на источники, и такъ какъ въ послѣднее время по вопросу о началѣ славянскаго письма вообще и глаголическаго въ частности за исключеніемъ пражскихъ отрывковъ не открыто ничего новаго; то естественно, что доказательства Шафарика основаны на тѣхъ же данныхъ, которыя или имъ самимъ, или другими прежде приводимы были въ пользу выводовъ, совершенно противуположныхъ, но теперь, разумѣется, у Шафарика получили другое примѣненіе и объясненіе. Въ частности: Первое положеніе доказывается ссылкою на свидѣтельство имп. Михаила (въ Пан. жит.) о несуществованіи до Кирилла у Славянъ собственной азбуки и свидѣтельство о томъ же черноризца Храбра въ извѣстномъ его отрывкѣ о письменахъ. Въ пользу втораго положенія, т. е. что Кириллъ далъ Славянамъ не готовый уже и не чужой, только приспособленный къ ихъ языку, алфавитъ, какъ наприм. Ульфила, или Коптъ, а изобрѣлъ для нихъ нарочно и совершенно новое письмо, — Шафарикъ приводитъ извѣстныя свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилломъ слав. письма: — папы Іоанна VIII, неизвѣстнаго сочинителя (современнаго Кириллу) отрывка объ обращеніи Карнитійцевъ, а главное указываетъ на свидѣтельство славянскаго похвальнаго слова Кириллу и Меѳодію, гдѣ говорится, что они изобрѣли письмена *вновь (изнову), а не на постороннемъ (не на трудномъ) основаніи*. Третье положеніе Шафарика, за исключеніемъ свидѣтельства краткаго житія Климента, которое впрочемъ не приводится здѣсь, а только предполагается, какъ приведенное и объясненное прежде, оставлено безъ доказательствъ, и имѣетъ силу логическаго вывода изъ предыдущей посылки и изъ общей мысли о двухъ изобрѣтателяхъ славянскаго письма согласно съ фактомъ существованія двухъ слав. алфавитовъ. «Славян-

кихъ алфавитовъ, такъ оканчиваетъ Шафарикъ построенный имъ силлогизмъ, только два и согласно съ этимъ дѣло изобрѣтенія славянскаго письма исторія усвояетъ только двумъ лицамъ: Кириллу и Клименту. И такъ если Кириллъ, какъ доказано, изобрѣлъ алфавитъ новый, глаголическій, то ясно, что другой смѣшанный алфавитъ принадлежитъ Клименту».

Далѣе въ сочиненіи Шафарика слѣдуютъ доказательства и соображенія такъ называемыя посредствующія,—непрямыя. Изъ нихъ одни служатъ къ подтвержденію его новаго мнѣнія о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ съ точнымъ, или по крайней мѣрѣ приблизительнымъ означеніемъ времени изобрѣтенія ихъ или съ указаніемъ лица изобрѣтателя, т. е. что Глаголица изобрѣтена Кирилломъ въ IX вѣкѣ, а Кириллица — Климентомъ въ началѣ X вѣка; другія служатъ къ подтвержденію мысли о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей вообще безъ точнаго означенія времени происхожденія той и другой—мысли, которая естественно вытекаетъ изъ предыдущей какъ слѣдствіе. Главнѣйшія изъ соображеній перваго рода слѣдующія:

1) Римское духовенство порицало и преслѣдовало изобрѣтенныя Кирилломъ письмена именно за ихъ новость, называя ихъ варварскими, языческими; а такія порицанія не имѣли бы смысла, еслибы эти письмена взяты были изъ азбуки греческой или латинской, какъ уже освященной употребленіемъ въ богослуженіи. Съ другой стороны естественно было ожидать, что Кириллъ въ защиту отъ упрековъ станетъ ссылаться на то, что изобрѣтенное имъ письмо вовсе не новое, а взято съ греческаго. Но онъ этого не дѣлаетъ (§ 10 и 11).

2) О епископѣ Климентѣ говорится, что онъ изобрѣлъ другой алфавитъ и именно *для большей ясности* въ чтеніи и письмѣ. Это какъ нельзя болѣе примѣняется къ алфавиту кирилловскому, но отнюдь не къ глаголическому, очень трудному для чтенія и письма (§ 12).

3) Изобрѣтатель Глаголицы былъ искусный оріенталистъ: для своего алфавита онъ взялъ нѣсколько буквъ съ финикійскаго и еврейско-самаританскаго (а, е, і, ч, к, т и проч.), а такимъ оріенталистомъ именно и былъ Константинъ грамма-

тикъ, миссіонеръ къ Хозарамъ, истолкователь надписи на Соломоновой чашѣ и т. д. (§ 13).

4) Общій характеръ и пошибъ глаголическаго письма (круглота буквъ) въ рукописяхъ Глаголицы болгарской (по мнѣнію Шафарика, древнѣйшей) совершенно отвѣчаетъ пошибу греческаго курсива въ рукописяхъ IX—X в. и безъ сомнѣнія образовался подъ его вліяніемъ; а слѣд. и самая Глаголица не могла образоваться позже IX—X вѣка, точно такъ же какъ и образованіе Глаголицы хорватской, суда по угловатой формѣ ея буквъ, напоминающихъ характеръ латинской графики XII—XIII в., должно относиться къ этому времени (§ 17).

5) Новыя названія славянскихъ буквъ доказываютъ, что изобрѣтенная Кирилломъ азбука состояла изъ новыхъ знаковъ: для новыхъ знаковъ нужны были и новыя названія. Съ другой стороны изобрѣтатель письма греко-славянскаго для составленной имъ на основаніи греческаго и слѣд. семитическаго алфавита азбуки не было нужды брать изъ этихъ языковъ самыхъ названій буквъ (альф или алефъ и проч.); ему оставалось только воспользоваться названіями уже готовыми, существовавшими въ азбукѣ глаголической (§ 22).

6) Изобрѣтая новое письмо для Славянъ, не имѣвшихъ собственной азбуки, Кириллъ слѣдовалъ правилу христіанскихъ народовъ востока, чтобы каждый новообращенный народъ для христіанскаго образованія и богослуженія имѣлъ собственное письмо, соотвѣтственное свойству его языка. Такъ было у Грековъ, Коптовъ, Эѳіоповъ, Сирійцевъ, Готовъ, Армянъ, Грузинъ и т. д. Напротивъ Климентъ составлялъ свою азбуку (кирилловскую) для Славянъ, которые уже обращены были въ христіанство Греками, жили съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и были знакомы съ ихъ языкомъ. Вотъ почему онъ и взялъ греческія буквы. Эти послѣднія для Славянъ, которыхъ имѣлъ въ виду Климентъ, были знакомѣе, легче, яснѣе и удобнѣе для чтенія и письма, чѣмъ начертанія глаголическія (§ 23).

7) Побужденіемъ для Климента составить новое письмо могло быть и то, что Глаголица, принесенная учениками Меѳодія въ Болгарію, послѣ раздѣленія церквей могла послужить

поводомъ къ обвиненію ихъ въ латинствѣ, тѣмъ больше, что въ Константинополѣ послѣ 879 г. (послѣ новаго разрыва съ Римомъ) на дѣятельность славянскихъ апостоловъ смотрѣли съ подозрѣніемъ. Здѣсь Шафарикъ высказываетъ свое согласіе съ мнѣніемъ Коппитара, будто бы Кириллъ, предпринявши миссію въ Паннонію, отложился отъ греч. патріарха и перенесъ свою дѣятельность въ область западной церкви. Вотъ почему, замѣчаетъ онъ, о жизни Кирилла нѣтъ почти ничего въ византійскихъ источникахъ (§ 30).

8) Съ изобрѣтеннымъ св. Кирилломъ алфавитомъ (глаголическимъ) Болгары могли познакомиться еще прежде, но главнымъ образомъ это произошло послѣ смерти Меѳодія, когда ученики его Горазд, Наумъ, Климентъ и проч. были изгнаны изъ Моравіи и переселились въ Болгарію. Сюда они принесли съ собою глаголическія книги и здѣсь продолжали глаголическую письменность. Вотъ почему мы здѣсь находимъ теперь древнѣйшіе памятники и драгоцѣнные остатки глаголическаго письма (Лавра Руссико, Охрида и проч.). Но уже епископъ Климентъ оставилъ Глаголицу и ввелъ въ употребленіе Кириллицу (§ 28).

9) Впрочемъ развитіе Кириллицы въ первое время изобрѣтенія ея, по мнѣнію Шафарика, было незначительно. По крайней мѣрѣ не только седьмичисленниковъ-учениковъ Меѳодія, но и преемниковъ ихъ, каковы Іоаннъ Екзархъ, епископъ Константинъ, пресвитеръ Григорій, монахъ Храбръ, царь Симеонъ и проч. — вообще писателей конца IX и первой половины X вѣка, онъ причисляетъ къ писателямъ глаголическимъ. Постепенное отстраненіе Глаголицы и введеніе Кириллицы въ Болгаріи совершилось подъ вліяніемъ Грековъ послѣ покоренія ими болгарскаго царства въ 970 году и въ особенности въ періодъ совершеннаго его упадка въ 1019—1186 г., когда Греки завладѣли Болгаріей вполнѣ. Въ это время греко-славянское письмо одержало совершенную побѣду надъ глаголическимъ. Греческое господство и греческое письмо. Очень важно, что скоро послѣ преобразованія славянскаго алфавита Климентомъ послѣдовало обращеніе Руссовъ Греками. Очень естественно, что у нихъ сдѣлалось господствующимъ письмо новое греко-славянское, а не глаго-

личѣское, и чрезъ это развитію Кириллицы, слабому въ своемъ началѣ, данъ новый рѣшительный толчекъ. Въ русскомъ монастырѣ на Аѳонѣ для Россіи, а равно и въ Новгородѣ глаголическія рукописи переписывали Кириллицей. Введеніемъ греко-славянскаго письма въ Болгаріи, Сербіи и преимущественно въ Россіи Византія хотѣла поддержать свое вліяніе на эти земли. Вотъ почему развитіе Глаголицы было задержано, и она осталась только въ областяхъ, подвластныхъ римскому престолу (§ 31, 32 и 34).

10) У западныхъ Славянъ Глаголица введена была сначала самимъ ея изобрѣтателемъ въ Моравіи и Панноніи, потомъ распространилась въ Кроаціи, Далмаціи и т. д. Объ этомъ свидѣтельствуютъ исторія славянскихъ апостоловъ и факты распространенія слав. литургіи. Что письмо въ этихъ земляхъ употреблялось глаголическое, а не кирилловское, это доказываютъ находимые тамъ древнѣйшіе отрывки и остатки, писанные Глаголицей, а не Кириллицей. По свидѣтельству приписки къ глаголической псалтыри Николая Арбскаго (1222 г.), оригиналъ ея былъ писанъ при скалатскомъ архіепископѣ Ѳеодорѣ (880—890). (§ 29.)

11) Но почему азбука, составленная Климентомъ, получила названіе Кириллицы? На этотъ вопросъ Шафарикъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: Названіе ничего не доказываетъ: имена перемѣняются и переходятъ часто съ одного предмета на другой. Нынѣшнее употребленіе названій Кириллицы и Глаголицы не древнѣе XVI вѣка. Прежде же Глаголица называлась письмомъ славянскимъ, болгарскимъ, хорватскимъ и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ въ древности Глаголица называлась и Кириллицей; такъ названа она въ припискѣ къ списку пророковъ Упиря Лихого 1047 г. и именно въ противуположность письму греко-славянскому. А что въ этой припискѣ подъ именемъ Кириллицы разумѣется именно Глаголица, а не греко-славянское письмо, это видно изъ того, что 1) въ одномъ спискѣ пророковъ Упиря Лихого встрѣчаются глаголическія буквы — признакъ, что оригиналъ былъ писанъ Глаголицей, 2) въ текстѣ встрѣчаются глаголическія формы, 3) еслибы Упирь Лихой писалъ съ Кириллицы, то замѣтка

его объ этомъ въ припискѣ была бы излишня и не имѣла бы смысла (§ 35 и 18).

Въ доказательство старшинства Глаголицы передъ Кириллицей вообще, у Шафарика приводятся слѣдующія соображенія:

1) Древнѣйшій памятникъ славянскаго письма съ означеніемъ года—писанъ Глаголицей, а не Кириллицей; это именно подпись попа Георгія 982 г. Къ этой же эпохѣ должно отнести пражскіе глагольскіе отрывки, которые могли быть писаны даже во время Венцеслава († 935). Древнѣйшіе памятники кирилловскаго письма не восходятъ далѣе 1047 г. (Русскія монеты в. к. Ярослава, если только онѣ подлинныя, принадлежатъ къ періоду времени 1018—1059 г.) (§ 26.)

2) Есть палимпсесты, которые по изглаженному глагольскому письму покрыты Кириллицей, но на оборотъ нѣтъ такихъ палимпсестовъ, въ которыхъ бы письмо кирилловское было покрыто глагольскимъ (§ 14).

3) Есть кирилловскія рукописи, списанныя съ глагольскихъ оригиналовъ и притомъ въ древнѣйшую эпоху; но на оборотъ нѣтъ списковъ глагольскихъ, снятыхъ съ оригиналовъ кирилловскихъ, по крайней мѣрѣ въ древній періодъ. Дѣйствительность перваго явленія подтверждается признаками несомнѣнными, неопровержимыми; сюда относятся встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ рукописяхъ глаголическія буквы, слова и цѣлыя строки; о томъ же свидѣтельствуетъ употребленіе въ тѣхъ же рукописяхъ спеціально-глаголическихъ словъ и выраженій, словообразованій, флексій, и преимущественно употребленіе буквенныхъ численныхъ знаковъ по глагольскому счету. Правда, что и въ древнихъ глаголическихъ рукописяхъ встрѣчаются также слова и фразы, писанныя Кириллицей, но это суть глоссы, дополненія и приписки, сдѣланныя въ позднѣйшее время (§ 15—16).

4) Начертанія, общія Кириллицѣ и Глаголицѣ (наприм. ч), въ послѣдней имѣютъ болѣе древнюю форму, которая ближе къ первоначальной. И вообще азбука кирилловская совершеннѣе и полнѣе глаголической: она представляетъ въ себѣ уже шагъ впередъ, дальнѣйшее и позднѣйшее развитіе и

именно на основаніи послѣдней. Кириллъ умеръ слишкомъ рано, чтобы замѣтить и исправить недостатки составленной имъ азбуки (§ 17 и 24).

5) Подобно алфавиту орѳографія, грамматика и слогъ рукописей кирилловскихъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ рукописяхъ глаголическихъ. Въ Кириллицѣ и здѣсь виденъ шагъ впередъ, дальнѣйшее развитіе. Въ глаголическихъ рукописяхъ поражаетъ филолога крайняя темнота слога и множество ошибокъ въ переводѣ, которыя въ кирилловскихъ рукописяхъ гораздо рѣже, что и доказываетъ большую древность глаголическаго текста. О томъ же свидѣтельствуетъ сравнительно большее число, оставленныхъ въ глаголическихъ рукописяхъ, безъ перевода греческихъ словъ. Чтобы эти слова введены были глаголитами изъ рукописей кирилловскихъ, это не вѣроятно: глаголиты подчинены были римскому престолу. Напротивъ, если въ кирилловскихъ рукописяхъ грецизмовъ встрѣчается сравнительно менѣе, то это произошло изъ естественнаго стремленія къ исправленію и улучшенію текста (§ 25. Abhandl. II. § 5).

6) Въ рукописяхъ фамиліи глаголической встрѣчается гораздо больше древнихъ славянскихъ словъ и выраженій и древнихъ грамматическихъ формъ — вообще архаизмовъ, и остатковъ первоначальнаго слав. языка, чѣмъ въ рукописяхъ фамиліи кирилловской, не исключая древнѣйшихъ. Вообще памятники глаголическіе по языку представляютъ состояніе церковно-славянской литературы въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ первый періодъ, тогда какъ древнѣйшіе памятники кирилловскіе относятся уже ко 2-му ея періоду — къ періоду успѣха и высшаго развитія (§ 20 и 33. Abhandl. II. § 3 и 5).

Всѣ представленныя нами соображенія Шафарика, большею частію подтверждены фактами и указаніями на источники; въ особенности въ этомъ отношеніи замѣчательны его соображенія и выводы филологическіе, развитые и объясненные съ большею подробностію, какъ уже нами замѣчено было, во 2-мъ его разсужденіи. Въ подтвержденіе ихъ тамъ приведено множество филологическихъ данныхъ, которыя безъ сомнѣнія составятъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ области изученія первобытной эпохи не только Глаголицы, но и Кириллицы. Со

многими филологическими выводами Шафарика нельзя не согласиться, хотя собственно въ отношеніи къ вопросу о времени происхожденія и судьбахъ Глаголицы, они и могутъ вести совершенно къ другимъ заключеніямъ и получить совсѣмъ другое объясненіе, нежели какое даетъ имъ Шафарикъ.

Переходя къ разбору новаго мнѣнія Шафарика о происхожденіи Глаголицы, замѣтимъ прежде, что изложенныя нами его соображенія и выводы, въ особенности при первомъ чтеніи, дѣйствуютъ на читателя необыкновенно увлекательно, и мы нарочно передали ихъ въ связи, не прерывая собственными замѣчаніями, чтобы дать нашимъ читателямъ возможность хоть въ нѣкоторой степени испытать то впечатлѣніе, которое они производятъ. Это впечатлѣніе поразительно: вы переноситесь вдругъ въ совершенно новый, какой-то волшебный міръ; видите, что всѣ явленія какимъ-то чудомъ измѣняютъ свою форму и принимаютъ совершенно новый видъ: историческія лица и событія передъ вашими глазами переходятъ съ одного мѣста на другое, переставляются изъ одной эпохи въ другую, или получаютъ совсѣмъ другой колоритъ. Вы чувствуете, что, если захотите повѣрить всему тому, что представляется глазамъ вашимъ, вамъ нужно будетъ отказаться отъ убѣжденій, которыя вы прежде считали несомнѣнными и вполнѣ доказанными, и съ которыми вы сродились съ дѣтства, — и между тѣмъ все-таки вы невольно поддаетесь увлеченію и готовы перемѣнить прежній вашъ взглядъ, прежнія ваши вѣрованія. Чтобы объяснить такое явленіе, такое неотразимое дѣйствіе на читателя, производимое изслѣдованіемъ Шафарика, нужно взять во вниманіе во 1-хъ, то обстоятельство, что это изслѣдованіе писано не кѣмъ другимъ, а именно Шафарикомъ, и притомъ тономъ положительнымъ, съ полною увѣренностію автора въ правильности, даже въ несомнѣнности сдѣланныхъ имъ выводовъ,—увѣренностію, которая невольно передается и читателю. Далѣе, Шафарикъ начертанной имъ картинѣ придалъ самое выгодное освѣщеніе, удаливъ отъ нея все, что могло бы повредить цѣльности впечатлѣнія и ослабить силу очарованія. Въ послѣднемъ случаѣ мы разумѣемъ тѣ многочисленныя возраженія, которыя соединяются съ вопросомъ о Гла-

голицѣ и тѣ разнообразныя мнѣнія, которыя существуютъ въ наукѣ о ея происхожденіи: изъ тѣхъ и другихъ, какъ уже выше замѣчено было, Шафарикъ беретъ въ разсмотрѣніе только немногія, оставивъ другія всѣ безъ объясненія. При всемъ томъ однакожь предметъ свой онъ разсматриваетъ всесторонне, старается объяснить въ свою пользу всѣ главнѣйшіе факты первой эпохи славянской письменности,—всѣ относящіеся сюда свидѣтельства и памятники и проводитъ мысль свою послѣдовательно, разсматривая ее въ самыхъ отдаленныхъ результатахъ (наприм. относительно распространенія Кириллицы и Глаголицы на Руси) и все это съ свойственнымъ ему искуствомъ и остроуміемъ. Нѣтъ нужды также говорить о томъ, что убѣжденія Шафарика въ высшей степени искренни и безпристрастны и разумѣется истекаютъ вовсе не изъ того источника, изъ какого происходятъ наприм. убѣжденія и соображенія о томъ же доктора Гинцеля, котораго, къ сожалѣнію, мы должны назвать предшественникомъ Шафарика въ его нынѣшнемъ мнѣніи о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ [1]). Почтенный ветеранъ славянской древности говоритъ, что онъ искалъ одной истины и вѣрнаго убѣжденія для самаго себя и для тѣхъ, кто интересуется знать его мнѣніе,—и мы не имѣемъ никакихъ причинъ не вѣрить его признанію. Вообще съ какой бы стороны мы ни стали разсматривать послѣдній трудъ Шафарика, воздвигнутое имъ зданіе представляется до того краснымъ и изящнымъ, отличается такою гармоніей и соразмѣрностію частей и такъ искусно освѣщено, что намъ кажется даже преступленіемъ, по долгу критика, испытывать его прочность и смотрѣть на него съ темной, неосвѣщенной его стороны: невольно чувствуется какая-то боязнь, чтобы, прикоснувшись къ какой-либо части этого зданія, неосторожно не потрясти его и тѣмъ не нарушить столь привлекательной гармоніи цѣлаго. Но, — по извѣстной латинской пословицѣ,— amicus Plato, amicus Socrates,

[1]) Гинцель за годъ прежде выхода въ свѣтъ соч. Шаф. доказывалъ въ общихъ чертахъ то же положеніе, какое защищаетъ и Шафарикъ, т. е. что Кириллъ изобрѣлъ Глаголицу, а Кириллица составлена Климентомъ. См. Gesch. der Slawenapostel Cyr. und Meth. von Dr. S. A. Ginzel. Leitmeritz. 1857. p. 121 и далѣе.

ed magis amica veritas. Слѣдуя этому мудрому правилу, мы рѣшаемся подойдти прямо къ фундаменту съ такимъ художественнымъ совершенствомъ построеннаго зданія, чтобы разсмотрѣть, проченъ ли и на сколько проченъ этотъ фундаментъ?

Въ основаніе новыхъ выводовъ Шафарика о происхожденіи Глаголицы и Кириллицы, какъ мы выше видѣли, положенъ принятый имъ за несомнѣнный историческій тезисъ, что у Славянъ, соотвѣтственно съ фактомъ существованія двухъ алфавитовъ, было и два изобрѣтателя ихъ, изъ коихъ одинъ Кириллъ, а другой Климентъ. Съ этимъ однакожь никакъ нельзя согласиться. Разумѣется, мы ничего не имѣемъ возразить противъ извѣстности, какъ изобрѣтателя славянскаго письма, перваго изъ двухъ названныхъ лицъ, т. е. Кирилла. Историческія данныя, служащія къ подтвержденію этого факта, до того многочисленны, ясны, точны, тверды, опредѣленны и съ такой полнотою обслѣдованы критикой, что всякія сомнѣнія не только въ дѣйствительности самаго факта, но и всѣ другія объясненія его, нежели какія даны ему наукой, можно считать рѣшительно невозможными: намъ по крайней мѣрѣ казалось, что извѣстное сочиненіе проф. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ (кирилловскихъ) письменъ» положитъ предѣлъ всѣмъ возможнымъ спорамъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ существеннымъ сторонамъ вопроса. Но совсѣмъ другаго характера мысль объ извѣстности въ исторіи другаго изобрѣтателя славянскаго письма, т. е. Климента. Шафарикъ въ началѣ своего, нами разсматриваемаго изслѣдованія говоритъ, что свидѣтельство объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ только въ недавнее время; мы же съ своей стороны прибавимъ, что это свидѣтельство, кромѣ того, что оно единственное и ничего не имѣетъ для своего подтвержденія, слишкомъ неопредѣленно, не точно, двусмысленнаго характера и притомъ находится въ такомъ памятникѣ, который не удовлетворяетъ требованіямъ исторической критики. Говоря это, мы разумѣемъ вышеупомянутое нами, извѣстное свидѣтельство о Климентѣ, находящееся въ краткомъ житіи его, которое безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду и Шафарикъ. Этому свидѣтельству онъ придаетъ однакожь огромную историческую цѣнность, называетъ его извѣстіемъ древнимъ, ста-

витъ его въ параллель съ извѣстіями о другомъ изобрѣтателѣ слав. письма Кириллѣ и содержащіяся въ немъ показанія признаетъ до того рѣшительными, что какъ будто даже не считаетъ нужнымъ по этому поводу входить въ какія бы то ни было критическія объясненія. И такъ мы должны здѣсь войдти въ нѣкоторыя подробности и разсмотрѣть во 1-хъ историческую цѣнность памятника, въ которомъ находится это свидѣтельство, во 2-хъ подлинный смыслъ самаго свидѣтельства.

Житій Климента сохранилось два: одно пространное, составленное первоначально ученикомъ Климента и слѣд. въ X вѣкѣ, но потомъ передѣланное болгарскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ († 1107) и поэтому дошедшее до насъ подъ его именемъ: другое краткое. т. е. то самое, въ которомъ находится разсматриваемое свидѣтельство о Климентѣ, какъ составителѣ втораго слав. алфавита. Первое житіе уже прошло сквозь всѣ испытанія исторической критики и признается памятникомъ—исторически-достовѣрнымъ, хотя и доселѣ не очищено отъ наростовъ, привзошедшихъ въ него при его передѣлкѣ, а можетъ быть и въ послѣдствіи; второе доселѣ еще не подвергнуто никакому критическому анализу и по отсутствію въ немъ очевидныхъ и рѣшительныхъ признаковъ древности и достовѣрности, ученые смотрятъ на него съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ; какъ мы выше видѣли, прежде такъ понималъ этотъ памятникъ и самъ Шафарикъ; по крайней мѣрѣ, сообщаемое имъ извѣстіе о составленіи Климентомъ слав. азбуки онъ признавалъ свидѣтельствомъ недостовѣрнымъ, а самое житіе Климента по отношенію къ другому пространному его житію называлъ житіемъ новѣйшимъ [1]). Но теперь при исчисленіи источниковъ для первой эпохи исторіи славянской письменности, неизвѣстно по какимъ причинамъ, разсматриваемый памятникъ онъ причислилъ къ памятникамъ X вѣка, и даже поставилъ его впереди житія Климента — пространнаго. отдавши ему такимъ образомъ какъ будто преимущество во времени появленія предъ послѣднимъ. Не стѣсняясь однакожь этимъ мнѣніемъ Шафарика, мы постараемся

[1]) Расцв. сл. письм. 8.

навести доступныя для насъ критическія справки объ этомъ памятникѣ.

Краткое житіе Климента въ первый разъ было издано, неизвѣстно, по какому списку, въ Москополѣ въ 1746 г. при службѣ св. седьмочисленникамъ, но, по неизвѣстности этого изданія, вовсе не входило въ научныя изслѣдованія. Наконецъ, какъ мы выше видѣли, оно извлечено было изъ забвенія проф. Григоровичемъ, издавшимъ его въ 1847 г. въ Ж. М. Н. Пр. (№ 1.) въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ и съ любопытными примѣчаніями, которыя впрочемъ не касаются ни времени происхожденія памятника, ни историческаго достоинства сообщаемыхъ имъ данныхъ. Изданіе это было сдѣлано по греческой рукописи, найденной въ Охридѣ и содержащей въ себѣ греч. синаксарь, или прологъ [1]), въ которомъ разсматриваемое житіе помѣщено подъ 27 іюня. Самая рукопись принадлежитъ, по мнѣнію г. Григоровича, къ XIII в., а по мнѣнію Миклошича, къ XIII или къ началу XIV. За тѣмъ житіе Климента было вновь перепечатано Шафарикомъ въ его «Памятникахъ глаголической письменности» (1853), но также безъ критическихъ розысканій. И такъ для опредѣленія времени происхожденія и исторической цѣнности разсматриваемаго памятника, намъ остается руководствоваться его общимъ характеромъ и содержаніемъ; но ни то, ни другое не говоритъ въ его пользу. По своему характеру житіе Климента проложное, что доказывается съ одной стороны мѣстомъ его нахожденія въ рукописи, содержащей въ себѣ прологъ, съ другой его краткостію, составомъ, манерой и пріемами изложенія и проч. Названію — *проложное* мы придаемъ особенное значеніе, особый вѣсъ, потому что всѣ почти проложныя житія (говоримъ о греческихъ прологахъ) составлены на основаніи полныхъ четьи-минейныхъ житій, представляютъ ихъ сокращеніе, а слѣд. во 1-хъ онѣ относятся къ источникамъ второстепеннымъ, во 2-хъ, такъ какъ греческія Четьи-Минеи въ полномъ ихъ составѣ, соотвѣтствующемъ прологамъ, получили происхожденіе въ X в.

---

[1]) Синаксарь и прологъ суть названія одного и того же сочиненія. Изъ нихъ 1-е принято въ греч. церк. литературѣ, 2-е въ славянской. Славянское названіе пролога (предисловія) произошло отъ 1-го слова, которымъ начинается *это сочиненіе* въ подлинникѣ.

(Метафрастъ), то и извлеченія изъ нихъ, т. е. житія проложныя, и самые пролога не могли явиться ранѣе XI—XII в. [1]). Впрочемъ между греческими прологами не встрѣчается даже и такихъ, которые бы принадлежали къ этой эпохѣ: древнѣйшіе рукописные греч. пролога не восходятъ далѣе XIII в. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла, проложныя житія, какъ сочиненія позднѣйшія, въ историческомъ отношеніи представляютъ источникъ самый смутный, которымъ можно пользоваться только съ большою осторожностію. Для доказательства возьмемъ примѣръ ближе и припомнимъ здѣсь показанія нашихъ славянскихъ проложныхъ житій Кирилла и Меѳодія, которыя имѣли совершенно одинаковое происхожденіе съ проложными житіями греческими, т. е. основаны на пространныхъ (пан.) житіяхъ Кир. и Меѳ. Въ житіи Кирилла говорится напр., что онъ, будучи въ Моравіи, молитвою умертвилъ какого-то еретика Замврія, что послѣ этого онъ поставленъ епископомъ въ какой-то Канаонъ градъ, составилъ для жителей его слав. азбуку и тамъ скончался и погребенъ. О Каонѣ или Канаонѣ градѣ и Замврѣ (Амврій изъ пан. жит. Кир.) говорится также и въ проложномъ житіи Меѳодія, который также будто бы посланъ былъ сюда епископомъ. Такими же историческими несообразностями наполнены большею частію и многія проложныя житія греческія, а поэтому и причисляются обыкновенно къ историческимъ источникамъ во 1-хъ позднѣйшимъ, во 2-хъ болѣе нежели сомнительнымъ. То же самое невольно приходитъ на мысль и при вопросѣ объ историческомъ достоинствѣ проложнаго житія Климента; разсмотрѣніе же его содержанія окончательно приводитъ къ этому выводу.

Проложное житіе Климента, какъ и большая часть другихъ греческихъ проложныхъ житій, составлено именно послѣ и на основаніи его житія пространнаго, о которомъ мы говорили выше. На это указываетъ самъ авторъ его, когда говоритъ: «съ

---

[1]) Мы разумѣемъ тотъ разрядъ греч. синаксарей или прологовъ, къ которому принадлежитъ рукопись, гдѣ найдено житіе Климента и который извѣстенъ у насъ на слав.; синаксари краткіе, святцы или менологіи явились гораздо ранѣе, напр. менол. Василія Македонянина.

самими же отцами и наставниками онъ (Климентъ) выдержалъ гоненія во время насильнаго преобладанія еретиковъ, о чемъ пространная ихъ исторія разсказываетъ». Ясно, что въ послѣднихъ словахъ разумѣется именно пространное житіе Климента, гдѣ съ особенною подробностію разсказывается о гоненіяхъ, которымъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Моравіи подвергался Меѳодій, а потомъ послѣ его смерти ученики его; подъ еретиками же разумѣется Вихингъ съ его сообщниками, изгнавшими учениковъ Меѳодія послѣ его кончины изъ его наствы, о чемъ также съ подробностію передается въ пространномъ житіи Климента. Далѣе, по многимъ причинамъ, въ разсмотрѣніе которыхъ входить здѣсь не мѣсто, должно думать, что авторъ краткаго житія Климента пользовался пространнымъ его житіемъ не въ первоначальномъ его видѣ, а въ томъ, въ какомъ оно дошло до насъ, т. е. въ греческой передѣлкѣ Ѳеофилакта [1]). Отсюда естественно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: во 1-хъ проложное, т. е. краткое житіе Климента, по характеру своего происхожденія должно быть отнесено къ источникамъ славянской исторіи второстепеннымъ, а не первостепеннымъ, къ какимъ относитъ его Шафарикъ, потому что авторъ этого житія, сообщаемыя имъ свѣдѣнія бралъ изъ вторыхъ или точнѣе изъ третьихъ рукъ; 2) эпоху происхожденія его должно отодвинуть изъ X в. въ XII, т. е. ко времени послѣ кончины Ѳеофилакта, или по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ годамъ его жизни. Прибавимъ къ этому, что на позднѣйшее происхожденіе разсматриваемаго памятника указываетъ очень многое въ его содержаніи; напр. о трудахъ и сочиненіяхъ Климента, сохранившихся до времени жизни автора житія, онъ говоритъ какъ о памятникахъ давно минувшаго, замѣчая, что въ мнѣніи народа они считались наравнѣ съ твореніями Мои-

[1]) По очень основательнымъ соображеніямъ проф. Бодянскаго (въ кн. О происх. сл. пис. 10) пространное житіе Климента первоначально написано на славянскомъ, а потомъ уже переведено на греческій. Мы съ своей стороны думаемъ, что оно не просто переведено, но вмѣстѣ передѣлано и распространено, и что то и другое сдѣлано Ѳеофилактомъ, почему этотъ памятникъ и приписывается ему въ заглавіи. Теперь очень естественно, что неизвѣстный Грекъ составитель проложнаго греч. житія пользовался не славянскимъ оригиналомъ пространнаго житія, а греч. переводомъ его, или точнѣе его передѣлкою.

сея [1]). А такой взглядъ народа на творенія Климента, само собою разумѣется, могъ образоваться уже спустя долго, можетъ быть, спустя два или болѣе столѣтія послѣ его кончины.

Но гораздо больше не въ пользу историческаго достоинства разсматриваемаго памятника говоритъ вовсе неисторическій характеръ заключающихся въ немъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ нельзя больше, напоминаетъ вышеупомянутыя нами проложныя житія Кирилла и Меѳодія. Сочинитель краткаго житія Климента, какъ видно, имѣлъ въ виду такихъ читателей, у которыхъ было подъ руками житіе пространное, и, не желая повторять общеизвѣстнаго, очень не многое внесъ въ свое сочиненіе изъ послѣдняго памятника, стараясь напротивъ даже дополнить его собственными соображеніями и объясненіями. Но за то какія это дополненія? Съ самого начала онъ говоритъ о происхожденіи Климента отъ древнихъ Мисовъ и поэтому поводу разсуждаетъ объ исторіи ихъ, начиная съ Александра Македонскаго, за тѣмъ тономъ похвальныхъ словъ, т. е. общими мѣстами, говоритъ о благочестивомъ воспитаніи Климента, о его добродѣтеляхъ, апостольскихъ подвигахъ и трудахъ въ обращеніи Болгаръ, о его служеніи епископомъ и т. д. И во всемъ этомъ сколько анахронизмовъ и историческихъ несообразностей? Въ доказательство укажемъ нѣсколько примѣровъ: Въ разсматриваемомъ житіи говорится напримѣръ: 1) что при возведеніи Меѳодія папою Адріаномъ въ санъ архіепископа Моравіи и *Болгаріи*, Климентъ также *возведенъ былъ на епископскій престолъ* и именно *всего Иллирика и болгарскаго народа*, что въ отношеніи къ Меѳодію *онъ былъ епископомъ-суффраганомъ* и *проводилъ жизнь въ Лихнидонѣ, городѣ Иллирова* (§ 6—8); 2) Клименту приписывается *крещеніе болгарскаго царя Бориса и сына (?) его Михаила* (§ 12); 3) Климентъ же признается главнымъ дѣятелемъ въ обращеніи болгарскаго народа вообще (§ 17); 4) переводъ Свящ. Писанія приписывается одному Кириллу (§ 2) и притомъ говорится опредѣленно, будто оно переведено на мѣстное болгарское нарѣчіе и т. д. Подобнаго рода показанія, которыя противорѣчатъ всѣмъ лучшимъ источникамъ и которыхъ можно бы

[1]) По изд. Григ. § 9 и 10.

было привести гораздо больше. Впрочемъ, достаточно доказываютъ, въ какомъ смутномъ видѣ представлялась эпоха автору житія и на сколько этотъ памятникъ заслуживаетъ довѣрія историка. Разумѣется, мы вовсе этимъ не хотимъ сказать, чтобы разсматриваемый памятникъ былъ совершенно безполезенъ для славянской исторіи въ первую ея эпоху, напротивъ, тамъ, гдѣ авторъ его сообщаетъ свѣдѣнія, заимствованныя имъ изъ живаго преданія, напр. о воздвигнутыхъ Климентомъ монастыряхъ и церквахъ, о его сочиненіяхъ, писанныхъ имъ собственноручно и сохранившихся до времени написанія житія, о гробѣ св. угодника и т. д., показанія его безъ сомнѣнія заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. Но собственно историческая часть памятника, касающаяся обстоятельствъ жизни, трудовъ и единомышленныхъ съ нимъ лицъ, именно такого характера, что обезображены и извращены въ ней факты, давно уже принятые въ наукѣ и подтвержденные несомнѣнными свидѣтельствами древности. Разумѣется, все это подтверждаетъ вмѣстѣ прежде высказанную нами мысль о позднѣйшемъ происхожденіи памятника, когда напр. имена Бориса [illegible] какъ извѣстно одному и тому же [illegible] преданія, которымъ пользовался авторъ, [illegible] въ двѣ отдѣльныя личности.

[illegible] мы теперь подобнаго рода памят- [illegible] и единственно на его ос- [illegible] Климентъ [illegible] Кирилловымъ пись- [illegible] славянскихъ документовъ, — какого [illegible]? Намъ ка- [illegible] на это права даже въ томъ [illegible] памятникъ говорилось [illegible] Климентъ, [illegible] учениковъ его. [illegible] за изобрѣ- [illegible] Нѣтъ другой [illegible] Климентъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] Климента не находимъ. Приводимъ здѣсь въ подлинныхъ [illegible] замѣчательное свидѣтельство, на которомъ основы-

вается Шафарикъ, въ переводѣ Григоровича: «Онъ (Климентъ) изобрѣлъ также знаки другіе письменъ для большей ясности, отличные отъ тѣхъ, которые изобрѣлъ мудрый Кириллъ» (§ 16), или какъ переводятъ другіе: «Климентъ остроумно придумалъ, или составилъ другіе знаки письменъ яснѣе тѣхъ, или кромѣ тѣхъ, которые...» и т. д. Но по нашему мнѣнію, какъ бы мы ни стали переводить приведенное свидѣтельство и какого бы ни давали ему объясненія, признавъ его подлиннымъ и несомнѣннымъ показаніемъ очевидца, — все-таки, не поддавшись особому увлеченію и желанію во что бы то ни стало дать епископу Клименту титло изобрѣтателя одной изъ двухъ славянскихъ азбукъ,—нѣтъ никакой возможности согласиться, что здѣсь идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи новой цѣльной славянской азбуки. Потому-то и попытки нѣкоторыхъ ученыхъ, явившіяся, какъ мы выше видѣли, тотчасъ же по обнародованіи краткаго житія Климента — приписать ему, на основаніи этого житія составленіе одного изъ славянскихъ алфавитовъ, именно Глаголицы, встрѣтило въ наукѣ сильный отпоръ, и тогда же противъ этой мысли сдѣланы были очень основательныя соображенія, которыя сохраняютъ полное свое значеніе и въ настоящее время въ отношеніи къ разсматриваемому сочиненію Шафарика, именно: 1) тогда указывали на пространное житіе Климента, въ которомъ, несмотря на подробное изложеніе его жизни, ни слова не говорится объ изобрѣтеніи имъ какого бы то ни было алфавита, нѣтъ даже на что-либо подобное никакого намека. 2) Ссылались на сказаніе о письменахъ черноризца Храбра, который говоритъ только объ одномъ славянскомъ алфавитѣ и объ одномъ его изобрѣтателѣ, именно о св. Кириллѣ, и ничего — о Климентѣ, несмотря на то, что послѣдній былъ его современникомъ. 3) Указывали на отсутствіе для Климента побужденій къ этому дѣлу и на то обстоятельство, что Климентъ, ученикъ Кирилла и чтитель его заслугъ, безъ сомнѣнія не захотѣлъ бы помрачать славу своего учителя и оскорблять память его отстраненіемъ составленнаго имъ алфавита и введеніемъ новаго. 4) Выставляли на видъ, что для подтвержденія мысли о Климентѣ, какъ объ изобрѣтателѣ слав. письменъ, нѣтъ ничего въ источникахъ, какъ современныхъ, такъ и позднѣйшихъ. 5) Въ частности противъ мнѣнія о Климентѣ, какъ изобрѣтателѣ глаголическаго

письма, указывали на отсутствіе всякихъ слѣдовъ Глаголицы въ собственныхъ его сочиненіяхъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ разсматриваемому свидѣтельству дано было учеными и надлежащее объясненіе, именно на основаніи его за Климентомъ признана была часть исправленій и дополненій, сдѣланныхъ имъ во внѣшнемъ составѣ греко-славянскаго кирилловскаго алфавита и въ славянскомъ правописаніи, что подтверждено сравненіемъ этого свидѣтельства съ соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ Храбра. Это объясненіе (если только оно нужно), по нашему мнѣнію, и должно остаться за вышеприведеннымъ показаніемъ Климентова біографа, тѣмъ больше, что оно находится въ полной гармоніи съ постепеннымъ образованіемъ греко-славянскаго кирилловскаго алфавита и съ свидѣтельствомъ объ этомъ памятниковъ. Но объ этомъ мы должны сказать подробнѣе.

Въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи Шафарикъ говоритъ, что Кириллъ скончался слишкомъ рано, чтобы замѣтить и исправить недостатки изобрѣтеннаго имъ алфавита, и поэтому послѣ его кончины открылась нужда въ новой славянской азбукѣ. Оставляя въ сторонѣ самый выводъ, мы во всей силѣ принимаемъ положеніе, которое служитъ для него основою. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что процессъ образованія славянской кирилловской азбуки слѣдовалъ тому же закону постепенности, какъ и процессъ образованія алфавитовъ другихъ народовъ, напр. алфавита греческаго и латинскаго и что эта азбука не вдругъ достигла той полноты въ своемъ составѣ и того совершенства, въ какомъ мы видимъ ее по сохранившимся памятникамъ. Извѣстно, что въ Остромировомъ евангеліи насчитывается до 46 знаковъ; между тѣмъ по ясному свидѣтельству Храбра св. Кириллъ къ 24-мъ буквамъ греческаго алфавита новыхъ, собственно славянскихъ начертаній прибавилъ только 14-ть и такимъ образомъ всѣхъ начертаній, введенныхъ Кирилломъ было 38. Но и этой цифры принимать въ точномъ смыслѣ мы не имѣемъ права [2]). Новыхъ начертаній при первомъ

[1]) См. Срезнев. Древн. письмена славянскія; О времени происхожденія слав. письменъ — Бодянскаго; Пред. къ собранію глаг. пам. — Шафарика; также Пилаузова, Вѣкъ болг. ц. Симеона и проч.

[2]) Сказаніе Храбра дошло до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ (не старѣе XIV в.), въ которыхъ, какъ общія цифры принятыхъ Кирилломъ начертаній,

появленіи кирилловской азбуки могло быть и больше и меньше 14-ти; а равно и вообще цифра изобрѣтенныхъ Кирилломъ знаковъ могла быть и больше и меньше той, которая указана Храбромъ. Мы хотимъ сказать, что вопреки мнѣнію Шафарика (§ 8) [1]) даже самъ Кириллъ образовалъ свою, оставленную имъ потомству азбуку, не вдругъ, а постепенно измѣнялъ и дополнялъ ее сообразно съ обстоятельствами. Такъ, прежде всего, составляя свою азбуку въ Константинополѣ, и не бывши знакомымъ съ западными славянскими нарѣчіями, гдѣ предстояла ему апостольская дѣятельность, онъ безъ сомнѣнія долженъ былъ примѣнить ее (азбуку) къ звукамъ того нарѣчія, на которомъ говорилъ самъ. За тѣмъ съ переходомъ своимъ въ Моравію и потомъ въ Панноніо, естественно долженъ былъ въ прежде составленной имъ азбукѣ сдѣлать измѣненія, дополненія, а можетъ быть и сокращенія примѣнительно къ требованіямъ мѣстнаго народнаго говора. Съ другой стороны естественно предполагать, что съ приливомъ, по мѣрѣ распространенія христіанства и развитія письменности, новыхъ идей и новыхъ словъ, въ особенности взятыхъ съ чужихъ языковъ, фонетическій составъ славянскаго языка быстро измѣнялся и разширялся, предъявляя такимъ образомъ первымъ славянскимъ писателямъ но-

---

такъ и наименованіе ихъ, исчисленіе, порядокъ, распредѣленіе на два разряда и проч. не одинаковы (Срав. Сказ. черн. Хр. по изд. Новикова, Калайд., Бодянскаго, Срезневскаго, Палаузова и проч.). Это даетъ намъ право предполагать, что каждый переписчикъ Храброва сказанія при исчисленіи знаковъ кирилловской азбуки имѣлъ въ виду только то славянское нарѣчіе, на которыхъ писалъ и вообще наличный, современный ему составъ слав. алфавита. Другихъ же данныхъ для рѣшенія вопроса, сколько именно буквъ было въ первоначальномъ кирилловскомъ алфавитѣ мы не имѣемъ, потому что рукописей, современныхъ Кириллу, которыя здѣсь могли бы рѣшить все дѣло, у насъ нѣтъ. И такъ остается руководствоваться рукописями позднѣйшими: но всякій согласится, что алфавитъ, составленный напр. на основаніи Остромірова Евангелія, Святославова Сборника, или супр. рукописи представляетъ внѣшній составъ славянской азбуки не первоначальный, а приспособленной уже къ извѣстному славянскому нарѣчію и притомъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта азбука была въ XI вѣкѣ.

[1]) Въ Паннонскомъ житіи Кирилла говорится, что онъ составилъ славянскую азбуку вдругъ (абіе), по божественному вдохновенію — на что ссылается Шафарикъ. Но очевидно этого показанія принимать нельзя. На постепенность образованія св. Кирилломъ слав. азбуки повидимому указываетъ и Іоаннъ екзархъ, когда говоритъ, что Конст. философъ много труды прія, строя письмена словенскихъ книгъ. См. прологъ къ перев. богосл. Іоан. Дам.

ыя требованія, уже независимо отъ условій мѣстности; а отюда опять потребность перемѣнъ и дополненій въ первоначальномъ составѣ и самой азбуки. Но гораздо въ большей степени открылась эта потребность, когда литературная дѣятельность первыхъ славянскихъ писателей перенесена была на новую почву — съ запада на востокъ. Мы разумѣемъ извѣстный актъ переселенія учениковъ Кирилла и Меѳодія изъ Моравіи въ Болгарію и письменные труды ихъ подъ покровительствомъ болгарскаго царя Симеона. При томъ различіи, какое тогда уже существовало между славянскими нарѣчіями западной и восточной семьи, даже безъ всякихъ историческихъ указаній мы должны принять, что славянская азбука, какъ образовавшаяся и развивавшаяся прежде подъ вліяніемъ западно-славянскаго нарѣчія, теперь должна была претерпѣть въ своемъ составѣ новыя перемѣны. Но къ счастію тутъ нѣтъ болѣе мѣста предположеніямъ: мы имѣемъ объ этомъ прямое и ясное свидѣтельство черноризца Храбра, одного изъ ближайшихъ преемниковъ трудовъ славянскихъ апостоловъ. Онъ говоритъ, что въ его время явились люди, которые, стали *вновь построять и повторять*, т. е. исправлять и дополнять алфавитъ, устроенный св. Кирилломъ, и что это даже возбудило неудовольствіе въ современникахъ Храбра, отъ которыхъ онъ и защищаетъ этихъ нововводителей. Въ чемъ именно состояли эти нововведенія въ кирилловской азбукѣ, о которыхъ говоритъ Храбръ, по недостатку данныхъ, рѣшить нѣтъ никакой возможности; замѣтимъ однакожь, что упомянутыя исправленія безъ сомнѣнія относились не къ одному только правописанію [1]), а вмѣстѣ и къ измѣненію самаго

[1]) Нѣкоторые думаютъ, что Храбръ въ разсматриваемомъ мѣстѣ говоритъ не объ исправленіи слав. азбуки, а объ исправленіи преемниками Кирилла славянскаго перевода свящ. книгъ. Противъ такого толкованія замѣтимъ: 1) Храбръ говоритъ объ исправленіяхъ, сдѣланныхъ *въ дни* Кирилла, а переводъ свящ писанія былъ совершенъ св. Меѳодіемъ, Кирилломъ же онъ былъ только начатъ; слѣд. при упомянутомъ толкованіи ни ропотъ современниковъ Храбра, отстаивавшихъ достоинство Кириллова *устроенія* противъ нововводителей, ни защита послѣднихъ Храбромъ не имѣли бы смысла. 2) Нововводителей, т. е. исправителей Храбръ защищаетъ такимъ же тономъ, какимъ предъ этимъ защищалъ самаго Кирилла отъ упреки, почему онъ къ 27-мъ буквамъ слав. алфавита прибавилъ 14, а не больше и не меньше; ясно видно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь Храбръ говоритъ объ устроеніи и исправленіи азбуки, а не о чемъ-либо дру-

состава азбуки и къ введенію въ нее знаковъ новыхъ дополнительныхъ, которыхъ прежде не было, напр. нѣкоторыхъ носовыхъ знаковъ, буквы щ (вм. шт.), которой, какъ извѣстно, нѣтъ въ супрасльской рукописи, принадлежащей къ памятникамъ древне-западной редакціи, можетъ быть новыхъ знаковъ численныхъ и т. под. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство Храбра о сдѣланныхъ послѣ Кирилла въ его азбукѣ исправленіяхъ чрезвычайно важно, но для насъ въ настоящемъ случаѣ оно въ особенности важно по тому близкому отношенію, въ какомъ находится къ разсматриваемому свидѣтельству климентова біографа. Въ самомъ дѣлѣ, въ сказаніи Храбра говорится объ исправленіяхъ и дополненіяхъ сдѣланныхъ въ его время въ азбукѣ, изобрѣтенной Кирилломъ и виновниковъ этихъ исправленій онъ защищаетъ отъ несправедливыхъ упрековъ со стороны современниковъ: а о Климентѣ біографъ его именно говоритъ, что онъ къ кирилловскому алфавиту прибавилъ какіе-то новые знаки, отличные или кромѣ тѣхъ, которые изобрѣтены Кирилломъ. Какъ же тутъ не придти къ мысли, что Храбръ въ разсматриваемомъ мѣстѣ своего сказанія беретъ подъ свою защиту именно Климента и подобныхъ ему нововводителей и бывши, по общепринятому мнѣнію его современниковъ, а можетъ быть и на дѣлѣ близкимъ къ нему человѣкомъ по этому собственно и не называетъ его по имени?

Но дѣйствительно ли вѣрно принятое нами объясненіе разсматриваемаго свидѣтельства климентова біографа и не вѣрнѣе ли объясненіе этого свидѣтельства, представленное Шафарикомъ, который думаетъ видѣть въ немъ извѣстіе объ изобрѣтеніи Климентомъ цѣльной славянской азбука, а не о дополненіи только ея отдѣльными знаками? Если недостаточно всего вышесказаннаго въ пользу этого объясненія, мы попытаемся сдѣлать новыя дополнительныя въ этомъ отношеніи замѣчанія. Вся сила вопроса здѣсь заключается конечно въ правильномъ истолкованіи греческихъ словъ: ἐτοφίσατο и χαραχθῆναι

гомъ. 3) Такому толкованію противорѣчитъ отношеніе разсматриваемаго мѣста къ предыдущему и послѣдующему и цѣлая идея сочиненія. Но за чѣмъ тутъ Храбръ упоминаетъ объ Акилѣ и Симмахѣ? По нашему мнѣнію это неточность въ приведеніи примѣра — не больше.

τέρους γραμμάτων [1]). Первому слову Шафарикъ даетъ значеніе: зобрѣлъ, составилъ, послѣднимъ тремъ — другой (въ смыслѣ торой, zweites) алфавитъ, и всей фразѣ даетъ слѣдующій мыслъ: «Климентъ для большей ясности въ чтеніи и письмѣ строумно составилъ для Славянъ второй алфавитъ, содержавій другіе знаки буквъ (или собственно звуковъ), отличные тъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ [2]). Такъ будто бы говорится въ раткомъ житіи Климента. Но съ перваго же взгляда видно, то подобное толкованіе слишкомъ произвольно; потому что о 1-хъ, слово ἐσοφίσατο, понимаемое въ точномъ смыслѣ, значитъ *вымыслилъ*, *придумалъ*, *умудрился*, а отнюдь не изобрѣлъ: для обозначенія акта изобрѣтенія буквъ и тѣмъ болѣе — збуки въ полномъ видѣ — цѣльной на греческомъ языкѣ употребляется слово—ἐξεῦρεν, какъ и дѣйствительно употреблено это выраженіе о Кириллѣ въ послѣдней половинѣ разсматриваемаго свидѣтельства, а равно и въ пространномъ житіи Климента. Во 2-хъ въ разсматриваемомъ показаніи краткаго Климентова житія идетъ рѣчь не о цѣломъ алфавитѣ, а только о *другихъ знакахъ*, фигурахъ буквъ; подъ словомъ же *другіе* (ἑτέρους) можно разумѣть здѣсь 2, 3, 4, положимъ 10, вообще нѣсколько знаковъ, а отнюдь не всѣ знаки; потому что прилагательное ἕτερος означаетъ не только *одинъ изъ двухъ*, или *иной*, *отличный отъ прежняго*, какъ принято понимать это слово въ отношеніи къ разсматриваемой фразѣ, но въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ оно часто употреблялось въ значеніи: *одинъ изъ нѣсколькихъ*, *одинъ изъ многихъ*, *нѣкоторый*. Въ послѣднемъ значеніи прилагательное ἕτερος перешло и въ нашъ древне-славянскій языкъ. Мы разумѣемъ извѣстное ославянившееся слово: *етеръ*, *етера*, *етери* и т. д., вм. *нѣкій*, *нѣкая*, *нѣкоторый*, *нѣкоторая*, напр. въ Сбор. Свят. *етеръ человѣкъ*, *етера жена*, вм. *нѣкоторый* человѣкъ, *нѣкая* жена [3]). Далѣе, какъ Шафарикъ, такъ и его предшественники прилагательное ἑτέρους обыкновен-

[1]) Для ясности приводимъ разсматриваемое извѣстіе въ полномъ видѣ: ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἑτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον, ἢ οὓς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος.

[2]) Abhandl. 1. § 12. слич. прим. Также Glag. Fragm. p. 57.

[3]) Слов. сл. яз. А. Х. Востокова. 1859 г. Спб.

но относили къ слову χαρακτῆρας. Въ Охридскомъ спискѣ житія Климента, изданномъ Григоровичемъ и потомъ Шафарикомъ, дѣйствительно это такъ, т. е. прилагательное ἕτερος согласовано съ словомъ χαρακτῆρας; но въ спискѣ, по которому изданъ этотъ памятникъ въ Москополѣ въ 1746 г., прилагательное ἕτερος согласовано не съ предыдущимъ словомъ χαρακτῆρας, а съ послѣдующимъ γραμμάτων (χαρακτῆρας ἑτέρων γραμμάτων) [1]) и намъ кажется, что послѣднее чтеніе правильнѣе. Иначе, зачѣмъ же спросимъ мы, вопреки греческому синтаксису опредѣлительное ἕτερος поставлено не впереди, а позади опредѣляемаго — χαρακτῆρας? Во всякомъ случаѣ чтеніе москопольскаго изданія заслуживаетъ полнаго вниманія комментаторовъ разсматриваемаго свидѣтельства, по крайней мѣрѣ настолько же, какъ и чтеніе охридскаго списка, изданнаго Григоровичемъ. Наконецъ, слово χαρακτῆρας γραμμάτων, принято переводить словомъ знаки, фигуры письменъ; но намъ кажется, что понимая слово χαρακτήρ въ болѣе точномъ смыслѣ, съ такимъ же, или даже гораздо съ большимъ правомъ можно давать ему значеніе—*формы, внѣшній видъ письменъ,—въ смыслѣ почерка, пошиба*. За вѣрность такого толкованія слова χαρακτῆρας говоритъ то обстоятельство, что если принимать его въ общепринятомъ значеніи — *знаки, фигуры*, то оно оказывается совершенно лишнимъ, ненужнымъ, т. е. еслибы авторъ житія говорилъ здѣсь объ изобрѣтеніи собственно знаковъ письменъ или буквъ, нѣсколькихъ ли то, или всѣхъ, тогда для него довольно было бы употребить одно слово — γράμματα, какъ это и дѣйствительно мы видимъ у другихъ писателей, когда говорятъ они собственно объ изобрѣтеніи знаковъ алфавита. Излишество слова χαρακτῆρας въ смыслѣ *знаки* при существительномъ γραμμάτων — письменъ, буквъ признаетъ самъ Шафарикъ, объясняя это послѣднее слово — словомъ звуки [2]), что разумѣется совершенно произвольно.

Взявши во вниманіе вышеизложенныя соображенія, намъ кажется, знаменитое извѣстіе краткаго житія Климента можно перевести и объяснить такимъ образомъ: 1) Климентъ приду-

[1]) Этотъ замѣчательный варіантъ москопольскаго изданія приведенъ у Григоровича.

[2]) Сл. прим. къ § 12.

малъ (пожалуй—изобрѣлъ) также знаки нѣкоторыхъ письменъ (или, слѣдуя охридскому списку: нѣкоторые знаки—нѣсколько знаковъ письменъ) иснѣе тѣхъ (знаковъ), — или кромѣ тѣхъ, отличныя отъ тѣхъ, которыя изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ. 2) Принимая слово χαρακτήρ въ болѣе точномъ смыслѣ:—Климентъ, для большаго удобства въ письмѣ (πρὸς τὸ σαφέστερον.— собственно для ясности), придумалъ также, или ввелъ въ употребленіе другой видъ письменъ, — другія формы, фигуры (въ смыслѣ почерка, пошиба), отличныя отъ тѣхъ, или кромѣ тѣхъ, которыя изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ, — т. е. Климентъ ввелъ въ употребленіе, — первый началъ писать другимъ почеркомъ, пошибомъ, отличнымъ отъ того, который изобрѣтенъ—введенъ въ употребленіе Кирилломъ[1]). И вотъ все, что, по нашему мнѣнію, можно извлечь для исторіи славянской палеографіи изъ извѣстія о Климентѣ, передаваемаго въ его краткомъ житіи, если только это извѣстіе не принадлежитъ

---

[1]) Принимая послѣднее объясненіе, подъ введеннымъ въ употребленіе новымъ почеркомъ можно разумѣть не только полууставъ, о чемъ пожалуй біографу не стоило бы и упоминать, тѣмъ больше, что полууставъ не многимъ чѣмъ отличается отъ устава; но даже скоропись, которая въ отношеніи къ первымъ двумъ почеркамъ представляетъ уже отличія рѣзкія, долженствовавшія обратить вниманіе современниковъ. Но вѣроятно ли, чтобы славянская скоропись могла быть введена въ такую древнюю эпоху? По нашему мнѣнію невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ. У насъ въ Россіи собственно книжная скоропись образовалась въ концѣ XV вѣка, хотя въ актахъ и грамотахъ мы видимъ ее еще въ XII и XIII вѣкѣ. Что же до южныхъ Славянъ, то у нихъ скоропись въ книгахъ, является гораздо ранѣе, а скоропись въ оффиціальныхъ и дипломатическихъ актахъ восходитъ до самой глубокой древности и притомъ уже въ совершенно развитой и правильной формѣ. Такъ между снимками съ аѳонскихъ славянскихъ актовъ, сдѣланными г. Севастьяновымъ, мы видѣли одинъ хрисовулъ 1113 года, писанный такою скорописью, какую въ нашихъ русскихъ актахъ видимъ уже въ половинѣ XVI вѣка, и скоропись другаго хрисовула 1182 г. походитъ на ту скоропись, какая у насъ въ Россіи употреблялась въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ. Что же до актовъ XIV вѣка, находящихся въ томъ же собраніи г. Севастьянова, то почеркъ ихъ совершенно одинаковъ съ нашимъ почеркомъ конца XVII вѣка, или даже съ почеркомъ такъ называемымъ петровскимъ. При такомъ положеніи дѣла естественно предполагать, что скоропись у южныхъ Славянъ въ первоначальномъ своемъ видѣ могла образоваться еще въ началѣ X вѣка, т. е. въ эпоху Климента. Это предположеніе можетъ быть подтверждено еще тѣмъ соображеніемъ, что въ эту именно эпоху скоропись введена въ общее употребленіе (въ небогослужебныхъ книгахъ) и у Грековъ. Примѣръ ихъ могъ легко подѣйствовать и на Славянъ.

къ разряду тѣхъ, по которымъ Климентъ будто-бы былъ епископомъ еще при жизни Меѳодія и *крестилъ Михаила, сына Бориса*, — т. е. къ разряду извѣстій положительно ложныхъ. Какое изъ двухъ представленныхъ нами объясненій этого извѣстія ближе къ истинѣ, предоставляемъ рѣшить другимъ, хотя намъ и кажется, что первое объясненіе, т. е., что здѣсь говорится о перемѣнахъ, произведенныхъ Климентомъ собственно въ наличномъ составѣ кирилловскаго алфавита и въ формѣ нѣкоторыхъ буквъ, болѣе вѣроятно. Впрочемъ что до насъ касается, для насъ важно собственно то обстоятельство, что въ разсмотрѣнномъ извѣстіи нѣтъ ничего ни о цѣломъ новомъ алфавитѣ, изобрѣтенномъ будто-бы Климентомъ, ни о немъ самомъ, какъ объ изобрѣтателѣ алфавита, Кириллицы ли-то, или Глаголицы все равно. Дѣятельность Климента могла имѣть нѣкоторое отношеніе къ кирилловской азбукѣ,—къ внѣшнему ли составу ея, (т. е. къ нѣкоторымъ начертаніямъ, или къ общему виду ея, палеографическому характеру, почерку) но на основаніи разсмотрѣннаго свидѣтельства (а другихъ нѣтъ), онъ отнюдь не можетъ быть признанъ ея изобрѣтателемъ, а равно и изобрѣтателемъ славянскаго алфавита вообще — какого бы то ни было.

И такъ вопреки разсмотрѣнному историческому тезису, выставленному Шафарикомъ, будто-бы исторія, соотвѣтственно съ фактомъ существованія у Славянъ двухъ алфавитовъ передаетъ намъ извѣстіе и о двухъ изобрѣтателяхъ ихъ, — мы, надѣемся, въ правѣ теперь сказать, что исторія ничего подобнаго намъ не говоритъ. Голосъ ея, если угодно, и слышится нѣсколько въ пользу этой мысли, но при ближайшемъ вниманіи къ нему, онъ принимаетъ совершенно другой тонъ. Что же однако дѣйствительно говоритъ исторія въ отвѣтъ на заданный Шафарикомъ вопросъ, т. е. о числѣ употреблявшихся у Славянъ алфавитовъ и ихъ изобрѣтателяхъ? По нашему крайнему разумѣнію, сообразно съ современными существующими историческими и палеографическими данными и основанными на нихъ результатами современныхъ изслѣдованій, на этотъ вопросъ исторія должна отвѣчать такимъ образомъ: у Славянъ во времена язычества вмѣсто буквъ употреблялись черты и рѣзы (Храбръ, Дитмаръ и проч.), можетъ

быть имѣвшія много общаго съ сѣверными рунами; но о формѣ этихъ письменъ, а равно о числѣ, значеніи ихъ и проч., неизвѣстно ничего вѣрнаго. Потомъ, по мѣрѣ обращенія въ христіянство, Славяне стали писать буквами, заимствованными изъ другихъ языковъ (Храбръ), а именно: Славяне восточные, обращенные въ христіянство Греками,—буквами греческими, а западные, обращенные въ христіянство миссіонерами западной церкви—буквами латинскими[1]). Памятниковъ перваго письма до насъ не дошло; памятникомъ же втораго письма служатъ такъ называемые Фрейзингеиские отрывки X—XI вѣка, изданныя Кёппеномъ, доказывающіе въ тоже время, что у западныхъ Славянъ, латинская абецеда была въ употребленіи даже долго спустя и послѣ изобрѣтенія Кириллицы. Наконецъ въ IX вѣкѣ, именно съ 862 г. (Бодян.) у Славянъ является собственная азбука, такъ называемая Кириллица, изобрѣтенная ближайшимъ образомъ для моравскихъ Славянъ (Пан. жит.). Она была основана на азбукѣ греческой, дополненной новыми знаками примѣнительно къ звукамъ, не существующимъ на греческомъ языкѣ (Храбръ). Эта новая азбука быстро распространилась между Славянами, какъ западными, такъ и восточными, но само собою разумѣется, что она получила свое окончательное образованіе, какъ мы видимъ ее по сохранившимся древнимъ памятникамъ, не вдругъ, а развивалась и совершенствовалась постепенно. Мѣстныя условія, развитіе славянскаго языка, и другія причины требовали перемѣнъ въ алфавитѣ, начертанномъ первымъ его изобрѣтателемъ. Отсюда исправленія, дополненія, сокращенія, вообще измѣненія во внѣшнемъ составѣ его, а можетъ быть и въ самой формѣ славянскихъ буквъ, въ ихъ характерѣ, пошибѣ, почеркѣ письма (Храбръ и кратк. жит. Климента). Очень можетъ быть, что къ числу исправителей и дополнителей, вообще преобразователей кирилловскаго алфавита принадлежалъ и епископъ Климентъ, ученикъ Меѳодія. По крайней мѣрѣ на это есть указаніе въ одномъ позднѣйшемъ памятникѣ (кракт. жит. Клим.). Между тѣмъ еще въ древнѣйшую эпоху славянской письмен-

[1]) Сл. свидѣтельство, привед. у Кеппена въ Собр. слов. пам. вид Россіи, 1827 г. стр. 57.

ности, на ряду съ новоизобрѣтеннымъ греко-славянскимъ письмомъ у Славянъ, мы видимъ другую азбуку глаголическую, съ XIII вѣка введенную оффиціально въ употребленіе въ богослужебной практикѣ западныхъ Славянъ, и на ряду съ письменностію кирилловскою письменность глаголическую. Но при огромномъ и быстромъ развитіи письменности кирилловской еще въ первый ея періодъ, письменность глаголическая до XIII вѣка (да и послѣ этого времени), имѣла развитіе самое ограниченное. По крайней мѣрѣ изъ указаннаго періода мы не имѣемъ ни одного писаннаго глаголицей славянскаго оригинальнаго сочиненія, не имѣемъ даже на что либо подобное никакихъ историческихъ указаній. Изъ переводныхъ же сочиненій въ глаголической палеографіи до XIII в. существуетъ почти одно Евангеліе (въ нѣсколькихъ спискахъ) и потомъ нѣсколько отрывковъ изъ твореній отеческихъ (Глаголита Клоца) и изъ церковныхъ пѣсней (Пражскіе глаг. листы). Впрочемъ по сохранившимся памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ видимъ, что въ древнѣйшую разсматриваемую эпоху обѣ эти письменности находились во взаимномъ другъ къ другу соприкосновеніи и отношеніи—въ отношеніи взаимодѣйствія и имѣли одна на другую вліяніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ встрѣчающіяся въ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ отдѣльныя буквы и слова и даже цѣлыя строки, писанныя Глаголицей и наоборотъ, писанныя Кириллицей отдѣльныя слова и приписки, встрѣчающіяся въ рукописяхъ глаголическихъ. Когда и гдѣ въ первый разъ явилась Глаголица, на эти вопросы, — по рѣшительному отсутствію всякихъ историческихъ указаній,—исторія отвѣчать не можетъ, и всѣ попытки ученыхъ опредѣлить хоть приблизительно время происхожденія загадочнаго письма доселѣ оказывались безуспѣшными. По судя по филологическимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ глаголическихъ памятниковъ (изслѣд. Копит., Шаф., Микл.) происхожденіе ея должно быть современно или по крайней мѣрѣ близко ко времени происхожденія Кириллицы; а мѣста перваго появленія и дальнѣйшаго развитія Глаголицы тѣже филологическія данныя и нѣкоторыя историческія соображенія (Добров., Прейсъ) заставляютъ искать у западныхъ Славянъ.

На вопросъ объ изобрѣтателяхъ славянскихъ алфавитовъ исторія отвѣчаетъ такимъ образомъ. Кирилловскій, т. е. греко-славянскій алфавитъ по яснымъ и несомнѣннымъ свидѣтельствамъ древности принадлежитъ Кириллу (Добров., Шафар., Бодян. и проч.), хоть нѣкоторые и приписывали его и другимъ, напр. Меѳодію (Копит., Григоров.), Клименту (Шафар. въ настоящее время), вообще Грекамъ послѣ кончины Меѳодія (Добнеръ) и проч. Что же до Глаголицы, то изобрѣтатель ея, равно какъ и первый, начавшій писать славянскія книги греческими буквами и латинской абецедой, доселѣ неизвѣстенъ. Преданіе очень долго, еще начиная съ XIII вѣка, приписывало изобрѣтеніе Глаголицы Іерониму, но не выдержало критики. За тѣмъ нѣкоторые ученые старались приписать эту азбуку св. Кириллу (Добнеръ, Копитаръ, Григоровичъ и въ настоящее время Шафарикъ), епископу Клименту (Шафарикъ и другіе), космографу Этику (Копитаръ и докторъ Перцъ—младшій) и проч. Другіе ученые, не касаясь вопроса о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы, приписывали ее западному славянскому духовенству (Добров. и Прейсъ), болгарскимъ сектантамъ—Богомиламъ (Срез.), иные наконецъ производили Глаголицу отъ письменъ этрусскихъ (Венелинъ) отъ сѣверныхъ, или оботриттскихъ рунъ (Я. Гриммъ и Ганушъ) и т. п. Но всѣ эти попытки такъ или иначе открыть виновника загадочнаго письма оказались неудачными и имѣютъ значеніе предположеній, догадокъ, а отнюдь не несомнѣнныхъ фактовъ науки. И такъ если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія строго исторической, то должно признать, что изобрѣтатель славянскаго письма, и именно алфавита греко-славянскаго, извѣстенъ въ исторіи только одинъ—Кириллъ философъ. Если же мы дѣйствительные, несомнѣнные факты, добытые путемъ строго-научныхъ изслѣдованій, станемъ перемѣшивать и ставить наравнѣ съ предположеніями и догадками ученыхъ, высказанными по тому или другому поводу и основанными на сомнительныхъ показаніяхъ позднѣйшихъ источниковъ, то должны будемъ дать титло изобрѣтателя, кромѣ Кирилла не одному только Клименту, какъ это дѣлаетъ Шафарикъ, но и еще тремъ лицамъ, именно Іерониму, Этику и Меѳодію, потому что, судя по исторической цѣнности извѣстій, на основаніи

которыхъ нѣкоторые приписывали этимъ лицамъ изобрѣтеніе той или другой славянской азбуки, всѣ они имѣютъ право на имя изобрѣтателей славянскаго письма не только одинаковыя съ Климентомъ, но иные изъ нихъ, напр. Меѳодій, имѣютъ на это права гораздо большія, нежели Климентъ. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ у насъ будетъ не два только изобрѣтателя славянскихъ писемъ, а пять, положимъ соотвѣтственно съ пятью извѣстными намъ изъ исторіи способами выраженія славянскихъ звуковъ,—и потомъ еще, если угодно, нѣсколько изобрѣтателей неизвѣстныхъ по имени, т. е. неизвѣстный Добнеровскій Грекъ, составившій послѣ кончины славянскихъ апостоловъ Кириллицу, неизвѣстный западнославянскій священникъ Добровскаго, составившій Глаголицу и т. д. Можно теперь судить, на сколько прочны и тверды и на сколько логически вѣрны историческія основы первой посылки построеннаго Шафарикомъ силлогизма для подтвержденія его новаго мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ.

Всѣ изложенные нами факты появленія и происхожденія славянскихъ алфавитовъ, а равно и цифру ихъ изобрѣтателей, Шафарикъ понимаетъ совершенно иначе, и поэтому вслѣдъ за первымъ разсмотрѣннымъ нами тезисомъ, выставляетъ и, какъ мы видѣли, другой,—именно, что изъ двухъ названныхъ имъ изобрѣтателей славянскихъ алфавитовъ — глаголитскій алфавитъ долженъ быть приписанъ Кириллу,—чтобы сказать послѣ въ заключеніи силлогизма, что слѣд. кирилловскій алфавитъ изобрѣтенъ не кѣмъ либо другимъ, какъ Климентомъ, потому что другихъ изобрѣтателей славянскаго письма не было. Но этотъ второй тезисъ, вмѣстѣ съ представленными въ пользу его доказательствами и соображеніями, мы должны выписать буквально въ собственныхъ выраженіяхъ Шафарика.

«Письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, говоритъ онъ, было совершенно новое, т. е. оно состояло изъ новыхъ знаковъ, которые не были ни греческіе, ни еврейскіе, ни латинскіе, а слѣд. это письмо было глаголическое» (§ 6). «Справедливость этого положенія, т. е. что Кириллъ далъ Славянамъ не готовый уже, чужой алфавитъ, только приспособивши его къ славянскому языку, какъ это сдѣлали Ульфила, или Коптъ для

воихъ языковъ, но что онъ составилъ, т. е. изобрѣлъ для Славянъ алфавитъ совершенно новый, т. е. состоявшій изъ новыхъ знаковъ и притомъ нарочно и, какъ выражается его біографъ, по вдохновенію отъ Бога — подобно первымъ изобрѣтателямъ алфавита, — это положеніе (продолжаетъ Шафарикъ) въ сущности хоть и не ясно доказывается всѣми древними, относящимися сюда свидѣтельствами; но нѣтъ недостатка и въ такихъ свидѣтельствахъ, которыми подтверждается это ясно, опредѣленно. Между ними важнѣйшее находится въ похвальномъ словѣ Константину и Меѳодію (у Бодянскаго стр. 48). Тамъ о Кириллѣ и Меѳодіи сказано: *не на поужемъ основании свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена въображьша и съвьршиста въ языкъ новъ....* т. е. устрояя свое дѣло не на чужомъ—постороннемъ основаніи, но вымышляя письмена вновь, они совершили ихъ въ новомъ языкѣ. Яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣй этого свидѣтельства ничего не можетъ быть. Близко къ нему подходитъ свидѣтельство неизвѣстнаго Каринтійца: noviter inventis slavinis literis, потомъ свидѣтельство Папы Іоанна VIII: literas sclaviniscas a Constantino philosopho repertas.... jure lavdamus. И это говорятъ не отдаленные позднѣйшіе писатели, а близкіе, хорошо знавшіе дѣло современники, отчасти очевидцы» (§ 8).

Приступая къ разбору втораго основнаго положенія Шафарика, нельзя не замѣтить, что не только мысль объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы, но даже и приведенныя Шафарикомъ въ пользу ея соображенія, хоть онѣ и обставлены новыми данными, въ сущности своей ни больше ни меньше, какъ тѣ же добнеровскіе. Добнеръ и его послѣдователи говорили: буквы глаголическія не сходны ни съ какими другими; кирилловскія же, за исключеніемъ 7-ми буквъ, взятыхъ изъ Глаголицы, суть не что иное, какъ греческія. Поэтому, еслибы кирилловская азбука была составлена Кирилломъ въ IX в., то изобрѣтеніемъ *новымъ* прослыть не могла бы, а равно и самъ Кириллъ не получилъ бы имени изобрѣтателя *новаго* алфавита. Слѣд. Кириллъ изобрѣлъ азбуку глагольскую. Такое сходство выводовъ Шафарика въ развитіи его мнѣнія объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ съ выводами Добнера, разумѣется, нисколько неудивительно: одинаковое мнѣніе, одина-

ковый взглядъ на чтобы то ни было, естественно влечетъ за собою и одинаковыя посылки и доказательства. Но за то, надѣемся, не будетъ также странно, если и мы въ свою очередь, чтобы ослабить силу и твердость разсматриваемаго положенія Шафарика, рѣшаемся прежде всего противопоставить ему и развить тѣ возраженія, которыя были выставлены противъ добнеровскаго мнѣнія Добровскимъ и его послѣдователями и которыя, прибавимъ, привели было въ совершенное забвеніе оригинальный взглядъ Добнера на происхожденіе какъ Кириллицы, такъ и Глаголицы. И такъ на 2-й тезисъ Шафарика мы отвѣчаемъ: изобрѣтенный Кирилломъ грекославянскій алфавитъ могъ получить отъ современниковъ и потомковъ—(т. е. въ относящихся сюда свидѣтельствахъ) названіе новаго, а равно и самъ Кириллъ титло изобрѣтателя — совершенно по праву, потому что: 1) прежде Кирилла у Славянъ своей грамоты не было, что, какъ мы видѣли, признаетъ и Шафарикъ. 2) Кириллъ далъ имъ собственный алфавитъ, далъ имъ способъ выражать на бумагѣ звуки своего языка, примѣнивши къ нему греческую азбуку, чего и естественно было ожидать отъ Грека. Ужели вслѣдствіе этого одного Кириллъ не могъ получить отъ потомства прозванія изобрѣтателя, составителя, творца славянской азбуки, и ужели эта азбука не могла прослыть у современниковъ новою, прежде не существовавшею? Какъ извѣстно Кириллъ для составленной имъ славянской азбуки употребилъ не одни греческія буквы, а прибавилъ къ нимъ, по свидѣтельству Храбра, 14 начертаній новыхъ, примѣнительно къ свойствамъ славянскаго языка. Ужели и это не давало права изобрѣтенной имъ азбукѣ на названіе *новой*, а самому ему на титло изобрѣтателя? Ульфила образовалъ свою азбуку изъ германскихъ рунъ и греческихъ буквъ, и однакожь готская азбука считается его изобрѣтеніемъ и конечно для современниковъ Ульфилы была новостію? Коптъ примѣнилъ къ своему алфавиту почти одни только греческія буквы, и однакожь онъ считается его изобрѣтателемъ? Почему, же по мнѣнію Шафарика, Кириллъ, чтобы заслужить отъ современниковъ названіе изобрѣтателя новой азбуки, долженъ былъ дѣйствовать не какъ Ульфила или Коптъ, и всѣ буквы славянской азбуки изобрѣтать вновь? Кириллъ въ от-

ношеніи къ славянской азбукѣ и безъ этого сдѣлалъ гораздо больше, нежели послѣдніе два изобрѣтателя. 3) Храбръ говоритъ, что прежде Кирилла употребляли Славяне буквы греческія и латинскія, которыми выражали звуки своего языка съ большимъ трудомъ (нуждахуся). Не имѣли ли права современники Кирилла по этому одному, т. е. по отношенію къ употреблявшимся до него у Славянъ алфавитамъ, составленную и вновь введенную имъ въ употребленіе азбуку называть новою, тѣмъ болѣе, что она совершенно приспособлена была къ свойствамъ славянскаго языка и заключала въ себѣ 14 новыхъ знаковъ? 4) Въ дѣлѣ, совершенномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, для Славянъ и вообще для современниковъ важно было не столько изобрѣтеніе азбуки, сколько сдѣланное изъ нея употребленіе. Вмѣстѣ съ азбукой братья дали Славянамъ на собственномъ ихъ языкѣ Священное писаніе, богослужебныя книги, творенія отеческія, можетъ быть, собственныя произведенія, образовали множество учениковъ и сотрудниковъ, продолжавшихъ ихъ дѣло, — однимъ словомъ солунскіе братья были основателями, творцами, образователями не только азбуки Славянъ, но и литературы ихъ, были просвѣтителями. Вотъ почему, и потомъ по особенной продолжительности своей дѣятельности, изобрѣтателемъ славянской грамоты у Славянъ и не Славянъ какъ современниковъ, такъ и потомковъ, считался не только Кириллъ, но и Меѳодій[1]). А при такомъ положеніи дѣла, какое право имѣетъ историкъ отнимать это титло у Кирилла и давать ему его, а равно и азбукѣ его названіе новой, только на томъ условіи, если онъ изобрѣлъ письмо совершенно новое, не похожее ни на какое другое?

Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Шафарикъ говоритъ, что о новости изобрѣтеннаго Кирилломъ алфавита есть хоть и не ясныя указанія *во всѣхъ* древнихъ относящихся сюда свидѣтельствахъ. Но въ этомъ никакъ нельзя съ нимъ согласиться: если взять въ разсмотрѣніе латинскіе источники, составляющіе, какъ извѣстно, главный капиталъ матеріяловъ для

[1]) См. Похв. слово Кир. и Меѳ.; Слав. службу обоимъ слав. апос., Апост. XII в. у Григ., и проч. изъ лат. пис.; неизв. Зальцб. 873 г., актъ Сплет. соб. 925 г. Берн. Кремснст. и т. д.

исторіи Кирилла и Меѳодія; то изъ писателей, современныхъ Кириллу, изобрѣтенное имъ письмо называется *новымъ*, или собственно *вновь изобрѣтеннымъ*, (literis noviter inventis) только у одного, именно у неизвѣстнаго Зальбуржца, или Каринтійца, на котораго Шафарикъ и ссылается, и потомъ изъ позднѣйшихъ источниковъ—въ легендѣ о св. Людмиллѣ. Во всѣхъ же другихъ свидѣтельствахъ (а всѣхъ ихъ изъ одной древнѣйшей эпохи—отъ IX до XII в.—проф. Бодянскій насчитываетъ до 22) какъ латинскихъ, такъ равно и греческихъ и славянскихъ, изобрѣтенное Кирилломъ письмо называется, или, — какъ это въ большей части относящихся сюда случаевъ, — письмомъ *славянскимъ*, или просто письмомъ безъ всякихъ эпитетовъ, иногда письмомъ *болгарскимъ*, *хорватскимъ*, *русскимъ*, даже *готскимъ* и т. д., и разумѣется нигдѣ—глаголическимъ. Можно теперь судить, на сколько вѣрно положеніе Шафарика, будто-бы, по свидѣтельству всѣхъ источниковъ, это письмо было совершенно новое. Но станемъ на его точку зрѣнія и согласимся, что не въ одномъ и не въ двухъ, а во всѣхъ древнихъ свидѣтельствахъ кириллова азбука называется *новою*. Ужели подобное названіе мы должны бы были принимать буквально въ полномъ его объемѣ, и ужели оно давало бы намъ право заключать, что изобрѣтенныя Кирилломъ начертанія не имѣли ничего общаго, не были похожи ни на какія другія и кириллова азбука не была основана ни на какой другой, какъ напр. коптская и готская? Если это такъ, вѣдь въ такомъ случаѣ названіе *новаго*, т. е. новаго въ полномъ смыслѣ этого слова, нельзя дать ни одному изъ существующихъ алфавитовъ, какъ индоевропейской, такъ и семитической семьи. Каждый изъ нихъ на чемъ-нибудь да основанъ и въ каждомъ изъ нихъ, достигшемъ хоть какого-нибудь совершенства, непремѣнно содержится вкладъ изъ алфавитовъ, ему предшествовавшихъ — изъ одного, или нѣсколькихъ. Не приводимъ примѣровъ, потому что ихъ слишкомъ много, и въ такомъ случаѣ мы должны бы были повторить исторію образованія всѣхъ до одного алфавитовъ.

Но этого мало: названіе *новаго*, понимаемое въ смыслѣ Шафарика, неприложимо и къ самому алфавиту глаголиче-

ому, а поэтому и способъ заключенія, употребляемый Ша-
рикомъ, будто-бы изъ названія *новый*, непремѣнно слѣ-
ует — алфавитъ *глаголическій* не можетъ быть признанъ
ѣрнымъ. Положимъ, что въ цѣломъ своемъ составѣ этотъ
лфавитъ не похожъ ни на греческій, ни на латинскій, ни
а еврейскій; но въ частности въ немъ есть буквы и латин-
кія, и греческія, и восточныхъ алфавитовъ. Самъ Шафарикъ
ъ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи иныя глагольскія на-
ертанія производитъ изъ азбуки финикійской и еврейско-
амаританской, другія изъ греческой и латинской, иныя изъ
ревне-галльской, эѳіопской и т. п. Если же взять во вни-
аніе прежнія его изслѣдованія[1]), а тѣмъ болѣе розысканія
ю тому же предмету другихъ ученыхъ; то откроется, что въ
ущности мы не имѣемъ права назвать новымъ почти ни од-
ого глагольскаго начертанія, потому что, судя по упомяну-
ымъ изслѣдованіямъ, каждое изъ нихъ взято изъ алфави-
овъ или восточныхъ, или европейскихъ, или изъ сѣверныхъ
унъ. Въ особенности, при вопросѣ о степени новости и
амобытности глагольскихъ начертаній нельзя не вспомнить
о многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ глаголит-
ская азбука производится именно изъ послѣдняго источника—
мнѣніе,—котораго держится, какъ извѣстно, и знаменитый
германскій филологъ Я. Гриммъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдо-
ваній по этому предмету не можемъ не указать на сближе-
нія глаголическихъ начертаній съ руническими знаками, сдѣ-
ланныя Докторомъ Ганушомъ[2]). Читая подобныя изслѣдованія,

[1]) См. Собр. Глаг. Пам.

[2]) Zur slavischen Runen-Frage mit besonderer Rücksicht auf die obotritischen Runen-Alterthümer sowie auf die Glagolica und Cyrilica. См. Archiv für Oesterreich. Geschichts-Quell. Band XVIII. I. 1857. Всѣ глагольскія и нѣкоторыя изъ кирилловскихъ начертаній Ганушъ объясняетъ изъ оботриттскихъ и отчасти пальмирскихъ рунъ, съ примѣненіемъ ихъ къ алфавиту семитическому. Многія изъ этихъ объясненій очень удачны, другія нѣтъ, въ особенности, гдѣ авторъ старается объяснить глаголическія начертанія въ связи съ кирилловскими буквами, заимствованными съ дипломатическою точностію изъ греческаго алфавита. Намъ кажется, что сравнивать послѣднія (т. е. кирилловскія, взятыя съ греческаго) начертанія съ семитическими или древне-греческими, а тѣмъ болѣе съ рунами—трудъ совершенно напрасный: источникъ этихъ начертаній очевиденъ—т. е. современная Кириллу греческая азбука. Ганушъ думалъ, что какъ Глаголица, такъ и Кириллица дошла до насъ не въ первоначальной формѣ, а въ позд-

невольно приходишь къ мысли, что въ глаголическихъ начертаніяхъ, а равно и въ названіяхъ ихъ (на что такъ же сильно настаиваетъ Шафарикъ) очень не много новаго, по крайней мѣрѣ не многимъ чѣмъ больше, какъ и въ азбукѣ кирилловской. Положимъ въ изслѣдованіи Гануша, какъ и въ трудахъ его предшественниковъ много объясненій произвольныхъ, натяжекъ, невѣрностей; но нельзя же сказать, чтобы въ нихъ было все положительно—ложно и нисколько не приложимо къ объясненію глагольской азбуки. Если же ученымъ доселѣ не удалось придти въ этомъ отношеніи къ положительно-вѣрнымъ и удовлетворительнымъ результатамъ, и Глаголица доселѣ пользуется репутаціей и названіемъ *загадочнаго письма не похожаго ни на одинъ изъ существующихъ алфавитовъ*; то это показываетъ только несовершенство сдѣланныхъ объ этомъ розысканій, а отнюдь не то, чтобы она была дѣйствительно азбукою въ полномъ смыслѣ новою, самобытною, неимѣющею ничего общаго съ другими. Согласиться съ подобною мыслію, значило бы войдти въ про-

---

нѣйшей. Но въ отношеніи къ Кириллицѣ этого нельзя ничѣмъ доказать. Напротивъ, судя по тому рѣшительному сходству, какое имѣютъ кирилловскія буквы (въ древн. рук.) съ греческими буквами VIII—IX в. мы имѣемъ право заключать, что древне-кирилловскія рукописи представляютъ намъ Кириллицу въ томъ самомъ видѣ, какой она имѣла при самомъ ея изобрѣтеніи. Вотъ почему сближеніе Глаголицы съ какимъ бы то ни было алфавитомъ должно происходить отдѣльно отъ Кириллицы, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ случаевъ, гдѣ въ обѣихъ азбукахъ начертанія одни и тѣже. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ общаго источника для той и другой азбуки искать было бы странно. Гораздо интереснѣе въ изслѣдованіи Гануша сравненіе названій славянскихъ буквъ съ названіями рунъ и древнихъ готскихъ и англо-саксонскихъ буквъ—вопросъ, который доселѣ не былъ подвергнутъ почти никакому изслѣдованію. Тѣхъ слав. названій, въ которыхъ Гануш находитъ сходство съ названіемъ буквъ упомянутыхъ трехъ алфавитовъ—14. Общій результатъ, къ какому онъ въ этомъ отношеніи приходитъ, слѣдующій: «Имена слав. буквъ — большею частію одного происхожденія съ именами сѣверныхъ и другихъ рунъ и съ именами готскихъ буквъ, такъ что Глаголицу и Кириллицу въ этомъ отношеніи можно разсматривать какъ моментъ обще-европейскаго процесса въ происхожденіи алфавитовъ въ первую эпоху христіанства Европы». На Кирилла Гануш смотритъ не какъ на изобрѣтателя, а какъ на одного изъ образователей и распространителей слав. алфавита, который былъ результатомъ развитія, можетъ быть, цѣлыхъ столѣтій. Въ извѣстномъ отношеніи это разумѣется вѣрно, т. е. когда возьмемъ во вниманіе, что Славяне писали греч. буквами еще прежде Кирилла, и что послѣ него его алфавитъ подвергался исправленіямъ.

ворѣчіе съ исторіей образованія всѣхъ существующихъ лфавитовъ, потому что всѣ они, какъ уже замѣчено было ыше, какъ по начертаніямъ, такъ и по именамъ ихъ, наодятся другъ съ другомъ во взаимномъ сродствѣ. «Начертанія и имена ихъ, говоритъ Я. Гриммъ, въ алфавитахъ евейскомъ, греческомъ, руническомъ, славянскомъ, ирійскомъ частію заимствованы ими другъ у друга, частію измѣнены олько въ своей формѣ». Естественно ли думать послѣ этого, тобы одинъ алфавитъ глаголическій составлялъ собою исключеніе изъ общаго правила? Прибавимъ къ сказанному о происхожденіи глаголическихъ начертаній, что признающіе старшинство Кириллицы передъ Глаголицей, имѣютъ полное право нѣсколько знаковъ послѣдней общихъ у нея съ первою, — считать заимствованными изъ алфавита кирилловскаго. Что же послѣ всего этого остается у Глаголицы новаго, собственнаго, не заимствованнаго ни откуда, а принадлежащаго уму и воображенію перваго или первыхъ ея составителей? Нѣсколько отдѣльныхъ начертаній?... Но этого нельзя отнять и у Кириллицы, а слѣд. и нельзя не признать (съ точки зрѣнія современниковъ) ни за нею самою названія новой азбуки, ни за составителемъ ея титла изобрѣтателя.

И такъ, послѣ всего сказаннаго и при множествѣ историческихъ и палеографическихъ данныхъ въ пользу общепринятаго мнѣнія объ изобрѣтеніи Кирилломъ Кириллицы, равно какъ и при отсутствіи въ источникахъ даже намека на изобрѣтеніе имъ Глаголицы, — не въ правѣ ли мы названіе *новый*, какое дѣйствительно въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ придается изобрѣтенному Кирилломъ алфавиту, понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ доселѣ принимаемо было это слово и въ какомъ оно употребляется въ большей части случаевъ? Вѣдь сочиненіе мы называемъ *новымъ*, даже если оно въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, а представляетъ компиляцію изъ другихъ? Мнѣніе мы называемъ новымъ, даже если оно имѣетъ самую длинную родословную? Такъ по нашему мнѣнію должно понимать и приведенное Шафарикомъ выраженіе Зальбуржца: noviter inventis literis. Фраза—вновь изобрѣтенныя письмена—здѣсь значитъ: письмена вновь примѣненныя, приспособленныя къ славянскому языку, или еще

вѣрнѣе—съ точки зрѣнія Зальбуржца— письмена вновь, недавно введенныя въ употребленіе, распространенныя, примѣненныя къ богослуженію вмѣсто прежде употреблявшихся Славянами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, латинскихъ буквъ. Тоже самое означаетъ фраза — *новыя письмена*, употребленная, относительно кирилловской азбуки, сочинителемъ латинской легенды о Людмилѣ, и перешедшая отселѣ буквально въ нѣкоторые другіе позднѣйшіе источники. Въ отношеніи къ свидѣтельству Зальбуржца—единственному изъ современныхъ, гдѣ какъ-будто есть указаніе на *новость* кирилловой азбуки, замѣтимъ въ добавокъ, что оно принадлежитъ къ числу свидѣтельствъ самыхъ неточныхъ, неопредѣленныхъ: Зальбуржецъ, не смотря на то, что былъ современникомъ Кирилла и Меѳодія, даже не зналъ, кто именно изъ братьевъ составилъ явившуюся въ Панноніи славянскую азбуку, и изобрѣтателемъ ее считали не Кирилла, а брата его Меѳодія. Ясно отсюда, какъ обстоятельно зналъ дѣло этотъ свидѣтель и можно ли придавать значеніе въ его свидѣтельствѣ каждому отдѣльному слову. Соображая мѣстопребываніе Зальбуржца, цѣль его сочиненія и свѣдѣнія его о лицѣ изобрѣтателя славянскаго алфавита, можно думать, что онъ не видалъ даже ни одной буквы его. Да ему и не нужно было это. Для него важно было не изобрѣтеніе слав. письменъ, а примѣненіе ихъ къ введенному въ Панноніи славянскому богослуженію вмѣсто латинскаго, а главное то, что вслѣдствіе этого обстоятельства паннонская архіепископія отошла отъ зальбуржской митрополіи въ непосредственное вѣдѣніе папскаго престола, противъ чего онъ и протестовалъ въ своемъ сочиненіи, имѣвшемъ кажется значеніе оффиціальнаго протеста къ папѣ или къ баварскому королю.

Не будемъ разбирать другихъ выраженій приводимыхъ Шафарикомъ изъ источниковъ въ пользу его мысли о новости и самобытномъ происхожденіи кирилловскихъ начертаній. Это было бы слишкомъ непріятно даже, потому что подобныя напр. фразы приводимыя Шафарикомъ изъ Паннонскихъ житій—*вьскорѣ же е ему Богь яви, его же* (письменъ) *небѣ испрьва было*[1]), или выраженіе *изобрѣлъ* (собств. нашолъ)

[1]) См. прим. къ § 8.

ъ буллѣ папы Іоанна VIII, не доказываютъ ровно ничего. Но мы е имѣемъ права пройдти молчаніемъ свидѣтельство, которое Шафарикъ беретъ изъ славянскаго похвальнаго слова Кирилу и Меѳодію, т. е. *не на тужемь основании свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена въображьша*... Нельзя не согласиться, что это свидѣтельство какъ-будто дѣйствительно говоритъ въ пользу мысли Шафарика объ отсутствіи въ изобрѣенной Кирилломъ азбукѣ всякихъ постороннихъ элементовъ, ему видимъ совершенно противное въ греко-славянскомъ алфавитѣ съ перваго же взгляда. Авторъ похв. слова какъ будто даже намѣренно употребилъ приведенную фразу, имѣя въ виду отстранить всякое недоразумѣніе, могущее явиться у потомства относительно характера изобрѣтеннаго Кирилломъ письма, и поэтому замѣтилъ, что это письмо образовано не на постороннемъ основаніи, т. е. не на греческомъ, латинскомъ, или еврейскомъ алфавитѣ, а изобрѣтено, начертано вновь—*изнову*. Далѣе, приведенное свидѣтельство, по древности и происхожденію памятника, изъ котораго заимствовано, повидимому, должно имѣть огромный вѣсъ, потому что упомянутое похвальное слово, въ которомъ оно находится, по общепринятому мнѣнію [1]), признается произведеніемъ Климента, епископа Величскаго; а Климентъ, какъ современникъ славянскихъ апостоловъ и ученикъ ихъ, не могъ же не знать, или ошибиться въ обозначеніи характера составленной Кирилломъ славянской азбуки. Понятно теперь, почему Шафарикъ, доказывая свою мысль о новости и самобытности кирилловскихъ буквъ, преимущественно основывается на свидѣтельствѣ похвальнаго слова, замѣчая при этомъ, что «яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе этого свидѣтельства ничего не можетъ быть.» Все это налагаетъ на насъ обязанность приводимый Шафарикомъ доводъ разобрать подробно и разсмотрѣть какъ самое свидѣтельство—въ его связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, такъ и памятникъ, въ которомъ оно заключается, тѣмъ больше, что онъ доселѣ не только не изданъ, но и достаточно не изслѣдованъ.

---

[1]) Г. Ундольскаго, Шаф., Бод., преосв. Филар., Палаузова и проч.

Похвальное слово Кириллу и Меѳодію сдѣлалось извѣстнымъ недавно, именно въ 1848 г. Оно открыто извѣстнымъ знатокомъ нашей древней славянской письменности В. М. Undольскимъ, и въ напечатанномъ имъ тогда спискѣ открытыхъ имъ же словъ и житій Климента, неизвѣстно по какимъ причинамъ, причислено къ его твореніямъ [1]). Тоже самое было сдѣлано и Шафарикомъ въ его статьѣ: «Разцвѣтъ слав. письменности»[2]). Въ послѣдствіи другими изслѣдователями славянской старины въ пользу принадлежности этого слова Клименту представлены были нѣкоторыя, хоть и не вполнѣ рѣшительныя основанія и соображенія, и оно окончательно было признано въ наукѣ сочиненіемъ Климента, а слѣд. памятникомъ, современнымъ эпохѣ славянскихъ апостоловъ. Вотъ почему Шафарикъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, при исчисленіи источниковъ исторіи Кирилла и Меѳодія, не только «похвалу Кириллу учителю словенску», но и похвальное слово обоимъ славянскимъ апостоламъ причисляетъ къ памятникамъ IX вѣка. (§ 5). Съ такимъ взглядомъ на происхожденіе разсматриваемаго памятника и вообще съ общепринятымъ о немъ мнѣніемъ согласиться однакожь очень трудно. Такъ прежде всего принадлежность Клименту похвальнаго слова обоимъ славянскимъ апостоламъ очень сомнительна, потому что во 1-хъ, тогда какъ похвала одному Кириллу приписывается Клименту въ самомъ заглавіи, похвальное слово обоимъ братьямъ по заглавію не приписывается ему ни въ одномъ спискѣ, начиная съ древнѣйшаго XIII вѣка, (Усп. соб.). Далѣе, исходя изъ той мысли, что Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія принадлежатъ Клименту, естественно придти къ заключенію, что похвальное слово одному и тому же автору съ этими житіями приписано быть не можетъ; такъ какъ между Паннонскими житіями и похвальнымъ словомъ есть противорѣчія, напр. сочинитель Паннонскихъ житій, по общепринятому мнѣнію, былъ Паннонецъ, и жилъ и писалъ въ Паннонiи, а сочинитель похвальнаго слова жилъ въ странѣ

---

[1]) См. пред. къ Славяно-русс. соч. въ перг. сб. Царскаго. Чт. общ. ист. 1848 г. № 7.

[2]) Чт. общ. ibidem.

Славянъ восточныхъ,—въ Болгаріи, а можетъ быть даже въ Россіи, потому что о Паннонiи и Моравiи говоритъ какъ о такихъ странахъ, которыя лежатъ отъ его мѣстопребыванія на западъ [1]). Еще: годъ смерти Меѳодія въ Паннонскомъ его житіи выставленъ—6393 (885), а въ разсматриваемомъ похвальномъ словѣ—во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ (въ 4-хъ) кончина Меѳодія означена 6394 (886)-мъ годомъ. Съ другой стороны сходство въ выраженіяхъ, оборотахъ и цѣлыхъ фразахъ, дѣйствительно замѣчаемое между житіями и похвальнымъ словомъ, по нашему мнѣнію, должно вести не къ мысли о принадлежности этихъ памятниковъ одному и тому же автору и въ частности къ заключенію о принадлежности похвальнаго слова Клименту, а къ результату совершенно противному; потому что это сходство простирается до такой степени, что уже не можетъ быть объясняемо одною лишь привычкою автора употреблять свои любимые слова и обороты. Напротивъ, встрѣчая въ похвальномъ словѣ не только отдѣльныя слова и выраженія, но и цѣлыя строки, перешедшія въ него изъ Паннонскихъ житій, мы имѣемъ право заключить, что авторъ похвальнаго слова, при написаніи его, пользовался житіями какъ матеріаломъ; и даже болѣе, во время написанія слова держалъ ихъ у себя передъ глазами—выписывалъ изъ нихъ. А такой способъ сочиненія можно ли приписать одному и тому же автору, а тѣмъ болѣе Клименту, который былъ ученикомъ, постояннымъ сопутникомъ и сотрудникомъ славянскихъ апостоловъ и слѣд. зналъ жизнь ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Можно ли предполагать, чтобы онъ для восхваленія своихъ учителей въ похвальномъ словѣ сталъ пользоваться и притомъ въ такой степени посторонними, а тѣмъ болѣе своими собственными сочиненіями, и выписывать изъ нихъ цѣлыя фразы?

Послѣднее обстоятельство, т. е. отношеніе похвальнаго слова къ Паннонскимъ житіямъ, какъ позднѣйшаго сочиненія къ матеріалу, приводитъ вмѣстѣ къ заключенію, что похваль-

[1]) «Ти чисто церкви и свѣтообразьно жито прѣдаста въ западьнихъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравьскихъ странахъ яко солнци въсиявъша и т. д.» (по соб. списку XIII в.).

ное слово источникомъ исторіи Кирилла и Меѳодія самостоятельнымъ, первостепеннымъ, содержащимъ свѣдѣнія, взятыя изъ первыхъ рукъ, источникомъ, современнымъ эпохѣ, признано быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сличая это слово съ Паннонскими житіями, нельзя не убѣдиться, что оно сначала до конца основано на этихъ житіяхъ. Заключающіяся въ немъ историческія свѣдѣнія частію, какъ замѣчено было уже, заимствованы оттуда и переданы буквально, частію въ видѣ перифраза, а всего чаще составляютъ реторическую амплификацію того, что тамъ изложено кратко. Очень можетъ быть, что авторъ слова пользовался также славянскою службою Кириллу, но эта служба въ исторической своей части также основана на Паннонскихъ житіяхъ, а поэтому въ сравненіи съ ними, къ общей суммѣ свѣдѣній о славянскихъ апостолахъ, за исключеніемъ вышеуказанной разности въ показаніи года кончины Меѳодія, похвальное ихъ слово не прибавляетъ ровно ничего. Читая слово, ясно видишь, что авторъ самъ ни по собственнымъ наблюденіямъ, ни по живымъ преданіямъ ничего не зналъ о солунскихъ братьяхъ и знакомъ былъ съ ихъ жизнію только по ихъ житіямъ. А при такомъ положеніи дѣла, можно ли его признавать за современника эпохѣ, а тѣмъ болѣе приписывать разсматриваемое слово Клименту? Напротивъ скорѣе можно придти къ заключенію, что авторъ слова жилъ уже спустя долго послѣ Климента и, можетъ быть, отдѣленъ былъ отъ него цѣлымъ столѣтіемъ,— а можетъ быть и болѣе, вообще жилъ тогда, когда даже для изображенія общеизвѣстныхъ современникамъ подвиговъ слав. апостоловъ нужно было прибѣгать къ письменнымъ источникамъ и когда преданія о нихъ приняли уже смутный видъ. Отъ того въ похвальномъ словѣ много историческихъ промаховъ, неточностей, напр. самое изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, авторъ приписываетъ не одному Кириллу, но обоимъ братьямъ вмѣстѣ, а равно и вообще многіе подвиги, принадлежащіе славянскимъ апостоламъ отдѣльно, приписываетъ обоимъ имъ вмѣстѣ, или представляетъ въ преувеличенномъ видѣ.

Чтобы отказаться отъ пріятной увѣренности въ принадлежности разсматриваемаго похвальнаго слова совре-

менникy слав. апостоловъ, а тѣмъ болѣе человѣку, близко знавшему ихъ, каковъ былъ Климентъ, стоитъ только сравнить этотъ памятникъ съ какимъ либо однородным съ нимъ памятникомъ, который дѣйствительно писанъ современникомъ, напр. хоть съ славянскимъ же похвальнымъ словомъ московскому митрополиту Кипріану, писаннымъ Григоріемъ Цамблакомъ. Какая огромная разница! Въ послѣднемъ мы слышимъ голосъ современника, который лично зналъ восхваляемаго имъ героя и говорилъ лично же знавшимъ его слушателямъ; въ первомъ напротивъ скорѣе слышенъ голосъ отдаленнаго потомка, который съ восхваляемыми имъ лицами былъ знакомъ по письменнымъ памятникамъ, а слушатели его не имѣли свѣдѣній даже о славнѣйшихъ подвигахъ солунскихъ братьевъ. Отъ этого, въ похвальномъ словѣ Кипріану вмѣсто общаго обозрѣнія его жизни, которая и безъ того была извѣстна слушателямъ слова, находимъ его характеристику и потомъ драгоцѣнныя частныя біографическія замѣтки; напротивъ въ похвальномъ словѣ Кириллу и Меѳодію вмѣсто частныхъ историческихъ указаній находимъ обозрѣніе главнѣйшихъ фактовъ ихъ жизни, вмѣсто живой характеристики общія мѣста, вмѣсто подробнаго развитія самыхъ фактовъ — одинѣ численныя указанія, цифры [1]), или изложеніе подвиговъ славянскихъ апостоловъ въ преувеличенномъ видѣ— гиперболическія сравненія, уподобленія!.. Напр. съ самаго начала, говоря о лингвистическихъ свѣдѣніяхъ Кирилла, проповѣдникъ приписываетъ ему апостольскій даръ языковъ, а говоря о Меѳодіѣ въ санѣ вельможи, сравниваетъ его съ Соломономъ, Самсономъ, Гедеономъ и т. д.; говоря объ апостольскихъ подвигахъ обоихъ солунскихъ братьевъ, сравниваетъ ихъ съ Моисеемъ и Ааpономъ и потомъ съ Авраамомъ, ставя впрочемъ ихъ выше послѣдняго, потому что Авраамъ прино-

[1]) Замѣчательно, что въ похвальное слово перешли всѣ почти численныя указанія, находящіяся въ Панн. житіяхъ и притомъ, съ исключеніемъ года кончины Меѳодія, точно въ томъ же видѣ. Къ чему эти численныя указанія въ словѣ, если бы оно было писано дѣйствительно современникомъ? За чѣмъ напр. указаніе года кончины Меѳодія, если проповѣдникъ говорилъ слово такимъ слушателямъ (по мнѣнію Шаф. въ IX в.), которые знали его лично и у которыхъ годъ его кончины сохранялся въ живой памяти?

вѣдывалъ вѣру своему племени, а Кириллъ и Меѳодій просвѣтили вѣрою народъ чужой (сл. слав. службу Кир. и обоимъ слав. ап.), и притомъ народъ, стоявшій такъ низко, что онъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой. Вмѣстѣ съ этимъ постоянно повторяется, что Кириллъ и Меѳодій съ своею проповѣдію, подобно апостоламъ, обошли весь міръ, всю вселенную, были и на востокѣ, и на западѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, боролись со всѣми еретиками, перевели на славянскій языкъ весь церковный законъ и проч. и проч. Вообще, ultra—риторическій характеръ слова ясенъ съ перваго же взгляда: сейчасъ видно, что ораторъ, не зная дѣйствительныхъ фактовъ, или зная ихъ только въ общемъ очеркѣ, хотѣлъ восхваляемымъ имъ подвижникамъ, дѣйствительно совершившимъ великое дѣло, приписать всѣ возможныя добродѣтели, всѣ возможныя совершенства. И вотъ изъ какого памятника взялъ Шафарикъ приводимое имъ свидѣтельство, которое признаетъ не только яснымъ, но даже точнымъ и рѣшительнымъ!

Все, сказанное нами о похвальномъ словѣ а равно и объ отношеніи его къ Паннонскимъ житіямъ Кирилла и Меѳодія, разумѣется, не трудно было бы подтвердить выписками изъ самыхъ памятниковъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы войдти въ мелочныя критическія розысканія. Итакъ избавляя отъ нихъ читателей, которые, если угодно, могутъ провѣрить наши выводы по самымъ памятникамъ,—имѣющимъ скоро выйдти въ свѣтъ, благодаря неутомимымъ трудамъ, по изданію остатковъ древней славянской письменности, проф. Бодянскаго,—поспѣшимъ установить на разсматриваемое свидѣтельство собственную, по нашему мнѣнію болѣе вѣрную, точку зрѣнія. Если это свидѣтельство находится въ памятникѣ позднѣйшемъ, а не современномъ эпохѣ, если авторъ этого памятника самъ не имѣлъ свѣдѣній о сообщаемыхъ имъ фактахъ, а основывался на письменныхъ источникахъ, и притомъ преувеличивалъ ихъ показанія, наконецъ если въ словѣ много историческихъ неточностей, промаховъ, выраженій гиперболическихъ, то понимать находящіяся въ приведенномъ Шафарикомъ свидѣтельствѣ показанія съ буквальною точностію, придавать вѣсъ каждому взятому изъ него слову, каждому выраженію, вообще давать ему значеніе

ізвѣстія, принадлежащаго *современнику, очевидцу, близко знакомому съ дѣломъ*, — изслѣдователь не имѣетъ никакого права. Какъ мы видѣли, ни тотъ ни другой, ни третій аттрибутъ свидѣтельства не выдерживаютъ критики. Далѣе, если похвальное слово въ своихъ историческихъ показаніяхъ сначала до конца основано на Паннонскихъ житіяхъ, то разъясненія и настоящаго смысла разныхъ встрѣчающихся въ немъ неточныхъ и преувеличенныхъ показаній, а слѣд. и показанія о характерѣ устроенной Кирилломъ азбуки, мы должны искать въ источникѣ изъ котораго заимствованы эти показанія, т. е. въ Паннонскихъ житіяхъ. Въ послѣднихъ же, какъ извѣстно, объ отношеніи изобрѣтенныхъ Кирилломъ начертаній къ какимъ бы то ни было другимъ, не говорится ничего. Съ другой стороны извѣстіе похвальнаго слова о новости кирилловскихъ письменъ, какъ мы видѣли, не находитъ подтвержденія въ другихъ относящихся сюда свидѣтельствахъ. Вотъ почему мы имѣемъ право заключить, что приводимая Шафарикомъ фраза — *не на тужде основании*... имѣетъ свой источникъ не въ дѣйствительности, а въ фантазіи оратора и должна быть объясняема не чѣмъ либо другимъ, какъ общимъ характеромъ слова, изукрашеннаго, какъ мы видѣли, всѣми возможными аттрибутами восточнаго витійства, а слѣд. при рѣшеніи вопроса о характерѣ изобрѣтеннаго Кирилломъ письма быть принята во вниманіе не можетъ.

Послѣднее заключеніе оказывается вѣрнымъ, если мы взглянемъ на дѣло съ другой стороны, именно со стороны дѣйствительнаго отношенія первой половины приведеннаго Шафарикомъ свидѣтельства къ разсматриваемому вопросу. Мы хотимъ сказать, что самая мысль, будто бы фраза — *не на тужемъ основании свое дѣло полагающа*—относится именно къ способу изобрѣтенія Кирилломъ письменъ, а не къ чему-либо другому, очень сомнительна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прочтемъ разсматриваемое свидѣтельство въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а не въ отрывочномъ видѣ, какъ оно приведено у Шафарика. Продолжая восхвалять подвиги Кирилла и Меѳодія въ обращеніи Славянъ, проповѣдникъ говоритъ: «...Бесквьрьнѣи и мирьнѣи Христовьнѣи слоужьбѣ слоузѣ и проповѣдателя явистася, апостоломъ соупроужьника, на то же дѣло избьрана

крьстъ съмысльно на рамоу своею въсприимъша, въсю вьселеноую обидоста, исъплняюща оученнемь та мѣста, въ нихъ они не постояша (т. е. въ которыхъ они — апостолы не были) ли оудълженнемь поути, ли за оумножение инѣхъ странъ ближьнихъ, въ нихъ же рашьдъшеся, яко лоуча солнечьныя свѣтъмь богоразоумьныимь просвѣтиша вьсь миръ. По тѣмъ же стопамъ и си ходяща (т. е. по стопамъ апостоловъ) и того же духа напоена отъ бога, томоуже словеси быста проповѣдьника и новая апостола, *не на тоужемь основаніи свое дѣло полагающа, нъ изнова письмена въображьша и съвьршиста въ языкъ новъ;* послѣ же въсиявъша яко оутрьняя звѣзда отъ слнца свѣтъ приемлющи свѣтьлѣйши вьсѣхъ являеться и якоже наяти и дѣлателе въ виноградъ понесъше и тяготу дне и варъ съ пришедшиими 11 часъ равьнѣмь (т. е. съ апостолами) съподоблени быша мьздѣ божии благодати, тако извольши въ послѣдьнии вѣкъ томоу же дѣлоу явити сия новая проповѣдьника и свѣтильника вьсеи вьселенѣи, яже подвигъмь добрыимь и вѣрою крѣпъко препоясавъша чрѣсла своя, проидоста, яко солнце тьмьная мѣста стопами своими, просвѣщающа вьсякоу мьглоу поганьскоую, духовьныимь огньмъ попаляюща и еретичьскоую, непощадяща душа своея ни пощадяща телесе своего, нъ въсьгда готови суща за правоую вѣроу сластьно испити Христовоу чашу...» [1]) и т. д.

Теперь, чтобы правильно понять и объяснить значеніе словъ— *не на тужемь основании...*, по нашему мнѣнію, нужно рѣшить вопросъ, что разумѣетъ проповѣдникъ подъ словами *свое дѣло*, т. е. какое дѣло, какой именно подвигъ въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Шафарикъ и всѣ, раздѣляющіе его мнѣніе, безъ сомнѣнія скажутъ, что здѣсь — подъ словомъ *дѣло* нужно разумѣть дѣло изобрѣтенія письменъ. Такъ это дѣйствительно и представляется, если разсматриваемую фразу читать въ томъ видѣ, какъ она приведена у Шафарика, — т. е. внѣ связи съ предыдущимъ. Но не думаемъ, чтобы можно было такъ понимать эту фразу, если разсматривать ее въ связи съ предыдущимъ, и вообще если чи-

---

[1]) Выписанное нами мѣсто изъ похв. слова приведено по древнѣйшему его списку (XIII в.) принадлежащему Моск. Усп. собору. Приносимъ нашу благодарность В. М. Ундольскому за доставленіе намъ копіи съ этого списка.

тать разсматриваемое свидѣтельство въ томъ видѣ, какъ оно приведено нами. Напротивъ, соображая предыдущее и послѣдующее, естественно придешь къ заключенію, что проповѣдникъ здѣсь разумѣетъ не *дѣло* изобрѣтенія письменъ, а вообще дѣло проповѣди, дѣло обращенія Славянъ въ христіанство, дѣло апостольскаго служенія Кирилла и Меѳодія; потому что всякій согласится, что въ цѣломъ приведенномъ нами отрывкѣ говорится именно объ этомъ, а не о другомъ о чемъ, о составленіи же слав. апостолами азбуки сказано лишь случайно, мимоходомъ.—Съ другой стороны въ пользу нами сдѣланнаго объясненія говоритъ и то, что это *дѣло* въ приведенной Шафарикомъ фразѣ приписывается обоимъ братьямъ, а составленіе слав. азбуки, принадлежало, какъ извѣстно, одному Кириллу. Положимъ, что въ такомъ случаѣ въ словахъ проповѣдника — не на тужемъ основаніи—будетъ новая историческая неточность, такъ какъ христіанство было у Славянъ и прежде Кирилла и Меѳодія; но мы должны помнить, что читаемъ похвальное слово, а не историческое изслѣдованіе и притомъ слово, въ которомъ сильно преобладаетъ элементъ риторическій, а отъ такого памятника исторической точности ожидать нельзя. Притомъ же отрицая въ дѣлѣ обращенія Славянъ участіе другихъ проповѣдниковъ, сочинитель слова, кажется, имѣлъ въ виду то выше объясненное имъ обстоятельство, что въ странахъ, гдѣ проповѣдывали Кириллъ и Меѳодій, ни однимъ изъ 12-ти апостоловъ евангеліе проповѣдано не было и слѣд. ими не положено было здѣсь даже основанія того дѣла, которое совершили солунскіе братья, вполнѣ заслужившіе названіе новыхъ апостоловъ.

Итакъ что же остается въ пользу мысли Шафарика въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ, если фразу — не на *тужемъ основаніи* мы отнесемъ, не къ послѣдующему, гдѣ говорится о составленіи славянской азбуки, а къ предыдущему, гдѣ говорится объ обращеніи Славянъ въ христіанство и вообще станемъ понимать эту фразу сообразно съ смысломъ и главнымъ содержаніемъ цѣлаго отрывка? Одно выраженіе: *изнова*?... Но объ настоящемъ значеніи этого выраженія въ памятникахъ нами уже было очень много говорено выше. Поэтому, не считая нужнымъ повторять вышесказаннаго, замѣ-

тимъ только, что выраженіе — *изнова*, находящееся въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ, сообразно съ общимъ характеромъ памятника, нужно понимать какъ одно изъ чисто-риторическихъ упражненій, которыхъ такъ много разсѣяно въ словѣ.

Сообразивши все сказанное нами по поводу разсмотрѣннаго свидѣтельства, а равно и памятника, въ которомъ оно находится, естественно придти къ заключенію, что Шафарикъ, думая основать мысль свою о новости и самобытности происхожденія изобрѣтенныхъ Кирилломъ начертаній главнымъ образомъ на этомъ свидѣтельствѣ, кажется, не имѣлъ подъ руками похвальнаго слова въ полномъ видѣ[1]), а читалъ только отрывки изъ него, помѣщенные въ сочиненіи г. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», которое и цитуетъ въ своемъ изслѣдованіи. Иначе трудно понять, какимъ образомъ знаменитый славянистъ, съ его всегда вѣрнымъ критическимъ тактомъ, могъ рѣшиться придать этому свидѣтельству такой огромный вѣсъ и объяснить его въ свою пользу.

Намъ однакожъ могутъ возразить: положимъ названіе *новаго*, которое въ нѣкоторыхъ памятникахъ дѣйствительно усвояется изобрѣтенному св. Кирилломъ алфавиту, не даетъ изслѣдователю права разумѣть подъ этимъ алфавитомъ алфавитъ глаголическій: но съ другой стороны въ этихъ свидѣтельствахъ такъ же не говорится прямо и ясно, чтобы этотъ алфавитъ былъ алфавитъ греко-славянскій, т. е. тотъ, который мы обыкновенно называемъ кирилловскимъ, а слѣд. и вопросъ: какая именно азбука изобрѣтена Кирилломъ,—долженъ быть рѣшенъ на другихъ основаніяхъ. Все это какъ нельзя больше справедливо: дѣйствительно всѣ почти свидѣтельства, въ которыхъ говорится объ изобрѣтеніи Кирилломъ славянской азбуки большею частію неопредѣленны и неточны, и это по очень простой причинѣ: люди, которымъ принадлежатъ эти свидѣтельства, и въ особенности современники, писали о дѣлѣ общеизвѣстномъ, и потому распространяться объ отличитель-

[1]) Списки похв. слова главнымъ образомъ находятся въ нашихъ библіоте-

ныхъ признакахъ изобрѣтенной Кирилломъ азбуки, считали излишнимъ. Отъ того-то, если основываться на этихъ свидѣтельствахъ, и въ частности на названіяхъ, которыя усвояются въ нихъ составленной Кирилломъ азбукѣ, особенно гдѣ она называется просто письмомъ, безъ всякихъ эпитетовъ; то изобрѣтателю Кириллицы можно приписать какую угодно азбуку, напр. хоть армянскую, грузинскую, или еще лучше готскую, потому что Силетскій соборъ (925 г.) изобрѣтенныя Кирилломъ письмена называетъ именно готскими. Справедливо также и то, что рѣшенія разсматриваемаго вопроса должно искать не въ современныхъ свидѣтельствахъ напр. хоть папы Іоанна VIII, гдѣ говорится объ этомъ прямо, а въ историческихъ указаніяхъ непрямыхъ, въ соображеніяхъ посредствующихъ. Но въ томъ то и дѣло, что эти посредствующія соображенія рѣшаютъ дѣло въ пользу Кириллицы, а не въ пользы Глаголицы. Приводить и развивать ихъ здѣсь было бы не у мѣста, хоть взглянуть на вопросъ съ указанной точки зрѣнія было бы и любопытно въ высшей степени. Притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ соображеній мы надѣемся разсмотрѣть далѣе, при разборѣ частныхъ соображеній Шафарика объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы. Теперь же замѣтимъ, что изслѣдователю, который защищаетъ общепринятое мнѣніе объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ, въ историческихъ данныхъ и соображеніяхъ посредствующихъ—непрямыхъ даже нѣтъ никакой нужды: для этой цѣли у насъ есть прямое и ясное свидѣтельство, которое какъ-будто нарочно оставлено намъ древностію, чтобы не дать слишкомъ развиться спорному вопросу; читатели угадали конечно, что мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ извѣстное сказаніе о письменахъ, принадлежащее черноризцу Храбру. Приводимъ его, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, совершенно неожиданно вновь сдѣлавшійся спорнымъ. ..«Человѣколюбецъ Богъ, строяй вься и не оставляяй чловѣча рода безъ разоума, но вься къ разоумоу приводяи и къ спасению помиловавь родъ словѣньскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа правьдьна и истиньна. И сьи сътвори имъ 30 письменъ и 8, *два оубо по чиноу грьчьскыхъ письменъ, два же по словѣньстѣй рѣчи.* (Отъ пръваго же наченъ по гръчьскоу: они оубо алфа, а съй

азь, отъ аза начятъ обое. И якоже они подобьшеся жидовьскимь писменемь сътвориша, тако и съй гръчьскимъ....)

Се же суть словѣньская письмена, яже подобьна суть гръчьскымъ письменемъ: а, в, г, д, (исчисляются начертанія (24), взятыя Кирилломъ изъ греческой азбуки), *а четырипадесять по словѣньску языку сия суть*: б, ж, и т. д. (исчисляются буквы, изобрѣтенныя самимъ Кирилломъ для звуковъ, несуществующихъ въ греческомъ)....

Сказавши далѣе о прибавленіи Греками къ 24-мъ буквамъ своей азбуки двоегласныхъ и численныхъ знаковъ, вслѣдствіе чего полное число греческихъ начертаній достигло цифры 38, Храбръ замѣчаетъ: *тѣмъ же томоу подобьно и въ тѣмже образѣ сътвори* святый Кириллъ 3 и 8 писменъ, т. е. и Кириллъ подобно Грекамъ помѣстилъ въ своей азбукѣ нѣкоторыя буквы собственно для численнаго употребленія[1]), отъ чего и вышло всѣхъ 38 буквъ.

Послѣднее замѣчаніе Храбра направлено противъ упрековъ Кириллу со стороны современниковъ, почему онъ изобрѣлъ 38 буквъ, а не менѣе, какъ это было у Грековъ, у которыхъ собственно 24 буквы. За тѣмъ Храбръ защищаетъ Кирилла противъ мнѣнія *треязычниковъ*, будто бы христіанское богослуженіе должно быть совершаемо только на трехъ языкахъ и по этому поводу говоритъ объ образованіи языковъ вообще и въ частности о постепенномъ образованіи греческой азбуки, на основаніи финикійской. Здѣсь Храбръ подробно распространяется о томъ, что греческая азбука составлена нѣсколькими лицами и въ теченіе многихъ лѣтъ, а священное писаніе переведено на греческій языкъ 70 переводчиками, и этимъ обстоятельствомъ пользуется, чтобы выставить на видъ заслуги и преимущества Кирилла. «Словѣномъ, говоритъ онъ, единъ святый Константинъ, нарицаемый Кириллъ, и письмена

[1]) Кириллъ взялъ изъ греч. азбуки численные знаки, не имѣющіе тамъ никакого другаго значенія и употребленія, для цифръ: 6, 90 и 900. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ Храбръ называетъ именно эти знаки, изъ которыхъ два послѣдніе на слав. въ послѣдствіи замѣнены буквами ѕ и ч. Но кромѣ этихъ численныхъ знаковъ, Кириллъ взялъ для той же цѣли изъ греч. азбуки нѣсколько начертаній (именно для цифръ: 8, 9, 6, 400, 700, 800), имѣющихъ тамъ, кромѣ численнаго употребленія, также значеніе звуковое. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ, Храбръ очевидно разумѣетъ какъ тѣ, такъ и другіе знаки.

нынѣ сътвори и книгы прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ; они же Еллини многи многыми лѣты—7 ихъ (изобрѣтателей греч. алфавита) письмена оустроиша, а 70 прѣложение (т. е. перевело свящ. писаніе). Тѣмь же словѣньская письмена святѣйша суть и чьстьнѣйша, святъ бо мужъ сътворилъ я есть, а грьчьска Еллини погани». Далѣе у Храбра идетъ рѣчь объ измѣненіяхъ въ славянскомъ алфавитѣ, сдѣланныхъ послѣ Кирилла, именно тутъ слѣдуетъ то мѣсто, о которомъ мы говорили выше.

Что можетъ быть,—скажемъ теперь въ свою очередь и мы подобно Шафарику, — яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе этого свидѣтельства въ пользу общепринятаго мнѣнія объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ? Храбръ былъ современникомъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. потому что, по собственнымъ словамъ его, въ его время были еще живы тѣ. которые видѣли славянскихъ апостоловъ, и слѣд. онъ могъ хорошо знать тотъ способъ и тѣ средства, которыми пользовался Кириллъ при устроеніи слав. азбуки, что, разумѣется, даетъ его свидѣтельству огромный вѣсъ. Съ другой стороны разсказъ Храбра совершенно ясенъ, точенъ, чуждъ всякихъ двусмысленностей, преувеличеній и проч., и ошибиться въ настоящемъ значеніи показаній Храбра, равно какъ и дать имъ какое-либо другое объясненіе, казалось, бы невозможно. Ясно, что Храбръ говоритъ о происхожденіи и устроеніи славянскихъ буквъ, т. е. начертаній, а не чего либо другаго; ясно, что по словамъ Храбра большая часть изъ этихъ начертаній заимствована изъ греческой азбуки, а не то, чтобы всѣ славянскія начертанія были придуманы, составлены вновь; ясно что, Храбръ, превознося Кирилла на счетъ его предшественниковъ, именно изобрѣтателей греческаго алфавита, хвалитъ его не за изобрѣтеніе новой азбуки, а за то, что онъ одинъ и азбуку устроилъ. Далѣе, чтобы повѣрить показанія Храбра, мы дѣлаемъ справку, вѣрно ли онъ исчисляетъ письмена, взятыя Кирилломъ съ греческаго, а равно и начертанія, придуманныя имъ вновь, или взятыя изъ другихъ источниковъ, — и оказывается, что исчисленіе Храбра вѣрно. Наконецъ, чтобы убѣдиться окончательно въ истинѣ храброва показанія о томъ, что большая часть знаковъ кирилловой аз-

буки, заимствована ея изобрѣтателемъ изъ греческой азбуки— устроена *по чину и подобію греческихъ письменъ*, — мы раскрываемъ греческія рукописи половины IX вѣка и чтоже? Употреблявшіяся въ это время въ греческой графикѣ начертанія оказываются до такой степени сходными съ соотвѣтствующими имъ славянскими, какъ мы видимъ ихъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, или наоборотъ славянскія буквы до того оказываются сходными съ греческими своими оригиналами, что, не вникая въ смыслъ и содержаніе написаннаго, греческую рукопись (IX в.) можно легко принять за славянскую, и наоборотъ. Ужели и послѣ всего этого, спросимъ мы опять, есть какая-нибудь возможность приписать Кириллу не Кириллицу, а другую, какую бы то ни было азбуку, хоть напр. Глаголицу? И однакожь разсматриваемое сочиненіе Шафарика служитъ доказательствомъ совершенно противнаго. Само собою разумѣется, что приведенное нами извѣстіе Храбра, какъ прямо идущее противъ мысли Шафарика, должно было въ его изслѣдованіи получить объясненіе. Это объясненіе мы дѣйствительно и находимъ.

«Возраженіе, представляемое сказаніемъ Храбра, говоритъ Шафарикъ, очень важно. Храбръ свидѣтель древній, временъ Симеона (прежде 828 г.) когда были еще живы люди, лично знавшіе Кирилла и Меѳодія, слѣд. очевидцы. Но слова Храбра нужно понимать совсѣмъ иначе. *Важно* (?) уже и то, что Троицко-лаврскій списокъ Храброва сказанія, въ которомъ (спискѣ) читается прибавка объ очевидцахъ, есть копія съ глаголическаго оригинала, вѣроятно уже очень давно зашедшаго въ Россію (см. указаніе А. В. Горскаго у Срезневскаго въ Ж. мин. просв. 1848 г.). Притомъ же Храбръ, если мы будемъ понимать его слова правильно, утверждаетъ ясно, что 1) Константинъ при устроеніи своего *новаго* алфавита держался порядка (чинъ—ordo) греческой азбуки. 2) По словамъ Храбра, Константинъ изобрѣлъ буквы какъ для тѣхъ звуковъ, которые встрѣчаются въ греческомъ языкѣ, такъ равно и для звуковъ, составляющихъ принадлежность собственно языка славянскаго, и послѣдніе размѣстилъ по приличнымъ мѣстамъ. Выраженіе—*подобіе* нужно понимать здѣсь въ переносномъ смыслѣ и относить не къ греческимъ начертаніямъ, а къ гре-

ческимъ звукамъ. У Грековъ слово γράμμα, у Нѣмцевъ der Buchstabe употребляется вмѣсто звука, напр. буква мягкая, твердая и т. п. Такъ и на всѣхъ языкахъ. И такъ, Храбръ говоритъ здѣсь о подобіи греческихъ звуковъ. 3) Храбръ замѣчаетъ, что греческія буквы изобрѣтены язычниками, а славянскія святымъ мужемъ Кирилломъ. Это замѣчаніе очень важно, потому что оно можетъ быть отнесено единственно только къ глаголической азбукѣ, какъ состоящей изъ совершенно *новыхъ* (?) знаковъ. 4) Храбръ говоритъ, что греческій алфавитъ, состоящій всего только изъ 24-хъ буквъ (съ тремя численными знаками изъ 27), образованъ былъ въ теченіе долгаго времени, съ большимъ трудомъ и не однимъ, а нѣсколькими лицами; славянскій же алфавитъ, состоящій изъ 38 знаковъ, изобрѣтенъ въ короткое время и притомъ однимъ Кирилломъ. Еслибы послѣдній взялъ уже готовыя греческія буквы, то сравненіе было бы нелѣпостью, а похвала безсмыслемъ» (§ 36).

Такъ объясняетъ Шафарикъ главное возраженіе противъ своего мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, возраженіе, которое на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ всѣ его доводы. Нельзя не согласиться, что это объясненіе въ высшей степени остроумно, но за то больше о немъ сказать рѣшительно нечего. Крайняя произвольность его бросается въ глаза съ перваго же взгляда, такъ что какъ то странно даже это и доказывать. Такъ прежде всего, объясненіе Шафарика противорѣчитъ идеѣ, мысли и цѣли цѣлаго сочиненія Храбра. Послѣдній въ своемъ сказаніи вообще, равно какъ и въ разсматриваемомъ мѣстѣ въ частности, разсуждаетъ не о звукахъ греческаго и славянскаго языковъ, а о греческихъ и славянскихъ начертаніяхъ, и слѣд. словомъ *подобіе* обозначаетъ не взаимное отношеніе греческихъ звуковъ къ славянскимъ, а отношеніе другъ къ другу славянскихъ и греческихъ письменъ—начертаній, которыми выражаются эти звуки. Предположить, будто бы Храбръ имѣетъ въ виду греческіе и славянскіе звуки, а не начертанія, значило бы навязать ему слишкомъ отвлеченный, вовсе не свойственный эпохѣ взглядъ на предметъ: нужно представить Храбра филологомъ, по крайней мѣрѣ грамматистомъ. Да такое предположеніе и невозможно:

Храбръ какъ въ отношеніи къ греческимъ, такъ и въ отношеніи къ славянскимъ письменамъ говоритъ не просто о происхожденіи, а объ образованіи, объ устроеніи ихъ. «*Кириллъ устроилъ, створилъ слав. письмена;*» «Епихарій 3 письмена обрѣте;» «Симонидъ приложи двѣ письмена.» Такъ говоритъ Храбръ. Теперь замѣните въ приведенныхъ нами и подобныхъ выраженіяхъ Храбра слово: «письмена» словомъ: «звуки», и выйдетъ несообразность. Тогда придется согласиться, что Кириллъ устроивалъ, сотворилъ, изобрѣталъ не письмена славянскія, а звуки, что, разумѣется, отъ него нисколько не зависѣло. Точно также и Кадмъ, Епихармъ, Симонидъ и проч. устроивали не греческія письмена, а звуки. Вообще при замѣнѣ въ сказаніи Храбра слова «письмена», словомъ звуки,— это сказаніе представитъ образецъ безсмыслицы всѣхъ временъ.

Но Шафарикъ конечно имѣетъ въ виду, что Храбръ подъ словомъ письмена разумѣетъ *звуки*, собственно тамъ, гдѣ говоритъ о подобіи нѣкоторыхъ славянскихъ письменъ греческимъ, т. е. въ фразѣ: се же суть словѣньская письмена подобьна суть грьческымъ письменемъ... и т. д. Согласимся на это, хоть такое исключеніе въ употребленіи Храбромъ слово *письмена*, а равно и въ пониманіи его собственно только въ этомъ мѣстѣ противорѣчитъ и предыдущему, и послѣдующему, и цѣлой идеѣ храброва сказанія. Въ такомъ случаѣ приведенную фразу мы должны перевести такъ: «вотъ славянскіе звуки, которые подобны звукамъ греческимъ: *а*, *в*, и т. д. или такъ: вотъ славянскія письмена, которыя подобны греческимъ звукамъ.» Послѣднее толкованіе очевидно идетъ въ пользу Шафарика: но за то если принять его, будетъ ли хоть какое нибудь соотвѣтствіе между 1-ю и 2-ю половиною приведенной фразы? И что за мысль сравнивать, уподоблять письмена одного языка звукамъ другаго, т. е. сравнивать предметы совершенно разнородные? И къ чему послужило бы такое сравненіе? Вотъ почему, если ужь въ разсматриваемой фразѣ нужно разумѣть подъ словомъ письмена не начертанія, а звуки, то такое толкованіе нужно принять въ обоихъ случаяхъ, т. е. и въ послѣдней и въ первой половинѣ фразы. Но тогда выйдетъ новая несообразность: Храбръ

въ слѣдъ за приведенной фразой исчисляетъ самыя письмена, которыя подобны греческимъ письменамъ, и между ними называется около 5-ти такихъ, которыя какъ въ кирилловской азбукѣ, такъ и въ глагольской, имѣютъ только значеніе цифръ, вовсе не имѣя значенія звуковаго. И слѣд. усвоивши слову письмена значеніе *звука*, въ обоихъ случаяхъ мы должны будемъ понять Храбра такъ, будто бы Кириллъ для соотвѣтствія 24-мъ звукамъ греческой азбуки устроилъ или изобрѣлъ въ слав. азбукѣ нѣсколько такихъ звуковъ, которые въ немъ никогда не существовали. Прибавимъ ко всему этому, что находящееся у Храбра въ разсматриваемомъ мѣстѣ исчисленіе славянскихъ письменъ сильно не благопріятствуетъ мнѣнію Шафарика и съ другой стороны: между 38-ю славянскими начертаніями Храбръ называетъ нѣсколько такихъ (*ѳ*, *кси*, *пси*, *юсы*, и проч.), которыя составляютъ лишь принадлежность Кириллицы и никогда не существовали въ Глаголицѣ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій ея періодъ. Это обстоятельство у Шафарика совершенно выпущено изъ виду, между тѣмъ какъ, взявши его во вниманіе, утверждать, что Храбръ въ своемъ сказаніи разумѣетъ письмена глаголическія, а не кирилловскія, рѣшительно невозможно. Можно конечно противъ этого возразить, что упомянутое перечисленіе дошло до насъ не въ подлинномъ видѣ, и уже въ послѣдствіи примѣнено къ Кириллицѣ; но это еще нужно доказать. Справедливо, что исчисленіе славянскихъ буквъ въ разныхъ спискахъ Храброва сказанія представляетъ значительныя разности, что и служитъ доказательствомъ позднѣйшихъ измѣненій и дополненій, внесенныхъ въ текстъ первоначальной его редакціи переписчиками; но замѣчательно, что вышеисчисленныя нами буквы, составляющія исключительную принадлежность Кириллицы, всѣ, или большая часть ихъ, поименованы во всѣхъ спискахъ, начиная съ древнѣйшаго (1348 г.), и даже, что особенно важно, въ спискѣ Троицкомъ, снятомъ съ глагольскаго оригинала.

Теперь мы должны сказать о томъ объясненіи, какое Шафарикъ дастъ слову *чинъ*. По его мнѣнію Храбръ въ приведенной выше фразѣ: «сотворилъ имъ 30 письменъ и 8, ова оубо по чиноу грьчьскыхъ письменъ, оваже словѣньстѣи

рѣчи»— и далѣе въ слѣдующемъ за тѣмъ исчисленіи буквъ, говоритъ будто бы о порядкѣ, въ какомъ размѣстилъ Кириллъ буквы своей азбуки. Но соображая смыслъ всей этой фразы съ слѣдующею за тѣмъ: «се же суть словѣньская письмена, яже подобьна суть грьчьскымъ письменемъ: *а*, *в*, *г*,» и т. д., сейчасъ видишь, что здѣсь рѣчь идетъ не о порядкѣ въ какомъ размѣщены были начертанія кирилловой азбуки, о чемъ бы и не стоило говорить Храбру, а объ ихъ формѣ, внѣшнемъ видѣ, устройствѣ и отношеніи формы большей части изъ нихъ къ письменамъ греческимъ. Значеніе слова *по чину* должно опредѣляться изъ фразы: *яже подобна суть*... и изъ сказуемаго— *сотвориль*, которое при толкованіи, данномъ этому слову Шафарикомъ, рѣшительно не будетъ имѣть смысла. Между тѣмъ примите слово *по чину* въ значеніи— *по формѣ, по образу, по устройству*, — и смыслъ всей фразы будетъ совершенно ясенъ. Съ другой стороны объясненіе Шафарика не выдерживаетъ критики и въ другомъ отношеніи: слова Храбра тогда будутъ рѣшительно непримѣнимы ни къ глагольской азбукѣ, ни къ кирилловской; потому что, какъ извѣстно, ни та, ни другая азбука въ порядкѣ и размѣщеніи буквъ греческому алфавиту вполнѣ не слѣдуетъ.

По мнѣнію Шафарика, Храбръ будто бы даетъ разумѣть, что Кириллъ изобрѣлъ Глаголицу, а не Кириллицу,—въ томъ мѣстѣ своего сказанія, гдѣ онъ превозноситъ Кирилла на счетъ его предшественниковъ — изобрѣтателей алфавита греческаго. Но, какъ мы выше видѣли, слова Храбра въ указанномъ мѣстѣ имѣютъ полный логическій смыслъ и въ томъ случаѣ, если видѣть въ нихъ Кириллицу, а не Глаголицу, и чтобы открыть этотъ смыслъ, заставлять Храбра подразумѣвать въ этомъ мѣстѣ Глаголицу, а не Кириллицу,— рѣшительно нѣтъ никакой нужды. Храбръ говоритъ, что греческія письмена изобрѣтены въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и притомъ нѣсколькими лицами, изъ коихъ однимъ введено 16-ть буквъ, взятыхъ съ финикійскаго, другимъ 3, третьимъ 2, четвертымъ еще 2 и т. д. Переводъ свящ. писанія на греч. языкъ, продолжаетъ Храбръ, такъ же сдѣланъ былъ не однимъ лицомъ, а 70-ю переводчиками. Между тѣмъ Кириллъ одинъ— и перевелъ священное писаніе на славянскій языкъ, и азбуку

устроилъ и при томъ все это въ «малѣхъ лѣтѣхъ». Ужели въ этой параллели, проводимой Храбромъ между Кирилломъ и его предшественниками, трудившимися на одинаковомъ съ нимъ поприщѣ, не будетъ смысла, если мы подъ изобрѣтенною Кирилломъ азбукою будемъ разумѣть Кириллицу? Скорости въ устроеніи цѣлой азбуки и въ дѣлѣ перевода священнаго писанія развѣ недостаточно, чтобы оставить за Храбромъ право восхвалять Кирилла на счетъ образователей греческаго алфавита и переводчиковъ греческой библіи? Кириллъ же къ тому, по словамъ самого Храбра, изобрѣлъ 14-ть знаковъ, собственно по славянской рѣчи! Ужели и этого мало, чтобы съ точки зрѣнія Храбра отдать изобрѣтателю славянскаго алфавита пальму первенства напр. передъ Кадмомъ, Симонидомъ, Епихармомъ, которые только продолжали дѣло своихъ предшественниковъ, оставивъ его неоконченнымъ? Согласимся, что похвала, воздаваемая Храбромъ Кириллу будетъ имѣть еще больше смысла, если мы предположимъ, что Храбръ подъ изобрѣтенною Кирилломъ азбукою разумѣлъ алфавитъ совершенно новый, состоявшій изъ начертаній, ни откуда не заимствованныхъ, но, какъ выше было объяснено, думать такъ препятствуютъ намъ другія показанія самого же Храбра. Притомъ же, какъ мы выше видѣли, требованіямъ азбуки *совершенно новой* неудовлетворяетъ самая Глаголица, и слѣд. съ точки зрѣнія Шафарика даже и въ такомъ случаѣ смыслъ храбровой похвалы Кириллу увеличится очень не многимъ.

Не знаемъ, говоритъ ли о другихъ пунктахъ объясненія, какое даетъ Шафарикъ сказанію Храбра. Они такъ же произвольны, какъ и нами разсмотрѣнные. Мы напр. рѣшительно не понимаемъ, почему Шафарикъ видитъ намекъ на Глаголицу въ томъ обстоятельствѣ, что изобрѣтатели греческаго алфавита называются Еллинами, а изобрѣтатель слав. азбуки святымъ мужемъ, тѣмъ больше, что въ большей части списковъ храброва сказанія, названія *Еллины*, даже вовсе нѣтъ, и слѣд. это названіе дано изобрѣтателямъ греч. алфавита не самимъ Храбромъ, а переписчиками его сказанія. Да если даже оно и существовало въ первоначальной редакціи сказанія, то по смыслу всего разсматриваемаго мѣста ясно, что сочинитель его этому названію не придавалъ ровно никакого

значенія. Столько же мало въ пользу Шафарика говоритъ и то обстоятельство, что Троицкій списокъ храброва сказанія снятъ съ глаголитскаго оригинала. Произвести чрезъ это Храбра изъ Кириллитовъ въ Глаголиты, какъ этого хочетъ Шафарикъ, изслѣдователь не имѣетъ никакого права: Троицкій списокъ къ счастію не единственный. Кромѣ него у насъ извѣстно до 5-ти другихъ списковъ, изъ которыхъ многіе древнѣе Троицкаго и одинъ относится къ 1-й половинѣ XIV вѣка. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ списковъ слѣдовъ Глаголицы не видно. И такъ, при несравненно большемъ числѣ списковъ храброва сказанія — чисто кирилловскихъ, Троицкій списокъ доказываетъ вовсе не то, будто бы самое сказаніе храброво имѣло глагольское происхожденіе и самъ Храбръ писалъ Глаголицей, (а слѣд. о Глаголицѣ), а только то, что неизвѣстно когда и гдѣ храброво сказаніе было переписано съ Кириллицы Глаголицей, потомъ этотъ списокъ попалъ въ Россію и вновь переписанъ Кириллицей. — Слѣд. все дѣло здѣсь объясняется просто случайностію.

Разсмотрѣвши основные историческіе тезисы Шафарика въ пользу его новаго мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, а равно и тѣ свидѣтельства, которыя служатъ для нихъ основою, мы, надѣемся, имѣемъ теперь право этимъ тезисамъ противопоставить свои собственные, совершенно имъ противоположные; именно: 1) Изъ исторіи мы знаемъ только одного, а не двухъ или нѣсколькихъ изобрѣтателей славянскаго письма. 2) Еп. Климентъ изобрѣтателемъ славянскаго алфавита какого бы то ни было, Кириллицы, или Глаголицы, не былъ, хоть его дѣятельность къ послѣдующему образованію одного изъ славянскихъ алфавитовъ, именно греко-славянскаго и имѣла какое-то отношеніе. 3) Св. Кириллъ долженъ быть признанъ изобрѣтателемъ Кириллицы т. е. письма греко-славянскаго, и попытка Шафарика приписать ему Глаголицу не выдерживаетъ критики. 4) Храбръ въ своемъ сказаніи «о письменахъ» пишетъ о происхожденіи письма греко-славянскаго, — кирилловскаго, а не глаголитскаго.

А. Викторовъ.

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.[1]

Повесть зѣло пречюдна и удивленію достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ гоненіе Россійского государства на христіаны отъ безбожнаго еретика Гришки Розстриги Отрепьева, і еже содѣяся во градѣ Казани нѣкоего купца Ѳомы Грудцына о сынѣ его Саввѣ.

Въ лѣто отъ сотворенія мира 7114 бысть во градѣ великѣмъ Устюзѣ нѣкто мужъ славенъ и богатъ зѣло именемъ и прослытіемъ Ѳома Грудцынъ Усовъ. Видѣвъ бо гоненіе и мятежь великіи на христіаны въ россійскомъ государстве и во многихъ градѣхъ, абіе оставляетъ великіи градъ Устюгъ и преселяется въ понизовныя, въ славныи градъ Казань, зане въ понизовныхъ градѣхъ не бысть Литвы злочестивыя. И живяше той Ѳома зъ женою своею во градѣ Казани даже до лѣтъ благочестиваго царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Россіи, имѣяжъ у себя той Ѳома сына единородна, именемъ Савву, двунадесятилѣта возрастомъ. Обычай же имѣя той Ѳома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда къ Соли Камскія, овогда въ Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ Шахову область отъѣзжая, куплю творяше; томуже и сына своего Савву поучаше и нелѣностно таковому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти ево наслѣдникъ былъ имѣнію его. По нѣкоемъже времени восхотѣ той Ѳома отплыти на куплю въ

[1] По рукописи первой половины XVIII вѣка, принадлежащей Е. Д. Филимонову, въ 4 д. л.

Pod

Шахову область и обычные струги съ товаромъ къ плаванію устроившу, сыну же своему устроилъ суды со обычными товары, повелѣваетъ плыти къ Соли Камской и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И абіе обычное цѣлованіе подаде женѣ и сыну своему, пути касается; малыи же дни помѣдливъ, и сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнію отца своего къ Соли Камской плаваніе творити начинаетъ. Достигшу же ему Усолского града Орла, и абіе приставаетъ ко брегу и по повелѣнію отца своего у нѣкоего нарочита человѣка въ гостинницѣ обитати приставаетъ. Гостинникъ же той і жена его, помня любовь и милость отца его, не мало прилежаніе и всяко благодѣяніе творяху ему, і яко о сынѣ своемъ всякое попеченіе и милость імяху о немъ; онъже пребысть въ гостинницѣ оной не мало время. Въ томъ градѣ Орлѣ бысть нѣкто мещанинъ града того іменемъ і прослытіемъ Баженъ вторыи и уже бо престарѣвся въ лѣтѣхъ і знаемь бяше во многихъ градѣхъ благонравного ради житія его, понеже бѣ і богат зѣло: і по премногу знаемъ и друженъ бѣ саввину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увидѣвъже Баженъ вторыи, яко исъ Казани Ѳомы Грудцына сынъ его во градѣ іхъ обрѣтается и помысливъ себѣ, яко отецъ его со мною многую любовь и дружбу імяше; азъже нынѣ презрѣхъ его, въ домъ мой да обитаетъ со мною отъ трапезы моея. И сіе помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву, путемъ грядуща, и призвавъ его начатъ глаголати: «Друже Савво! или не вѣси, яко отецъ твой со мною многую любовь імать; тыжъ почто презрѣлъ еси мене и не приталъ еси въ дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: пріиди, обитай въ дому моемъ, да питаемся отъ общей трапезы моея; азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, пріемлю тя». Савва же, слышавъ таковые отъ мужа глаголы, вельми радость (sic!), яко отъ таковаго славнаго мужа пріятъ хощетъ быти и ниско поклоненіе творитъ предъ нимъ, немедленно отъ гостинника онаго отходитъ въ домъ мужа того Бажена втораго и живяше во всякомъ благодействіи, радуяся. Тойже Баженъ вторый, старъ сый, імѣя у себя жену третьимъ бракомъ новоприведену, дѣвою поняту сущу. Ненавидя же добра, роду человѣческому суностатъ діаволъ, видя мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ

го, и абіе уязвляетъ жену его на юношу оного къ скверному
мѣшенію блуда и непрестанно уловляше юного лесьтными
ловесы къ паденію блудному: вѣсть бо женское естество улов-
яти младыхъ къ любодѣянію, и тако той Савва лестію жены
ея, паче же рещи, отъ діавола занятъ бысть, падеся въ сеть
юбодѣянія, зъ женою оною ненасытно творяше блудъ и без-
ременно въ ономъ сквернома дѣлѣ пребывая съ нею, ниже
оскресныи день, ниже празники помняше; но забываше страхъ
ожіи и часъ смертныи: всегда бо въ калѣ блуда, яко свиніа,
аляющеся и въ таковомъ ненасытномъ блуженіи многое время
ко скотъ пребывая.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику вознесенія Господа на-
шего Іисуса Христа, въ навечери же празника Баженъ вторыи
ошмъ съ собою юношу оного Савву, поидоша до святыя церкви
ъ вечернему пѣнію и по отпущеніи вечерни паки пріидоша въ
омъ свой и по обычной вечери возлегоша каждый на ложи
воя, благодаряще Бога. Внегдаже благолюбивый онъ мужъ
Баженъ вторыи заспавъ крѣпко, жена же его, діаволомъ под-
трѣкаема, вставъ тайно съ ложа своего і пришедъ къ постели
оноши онаго и разбудивъ его, понуждаше къ скверному блуд-
ному смѣшенію. Онъже, аще і младъ сый, но яко нѣкоею
трѣлою страха божія уязвленъ бысть, убояся суда божія,
помышляше въ себѣ: како въ таковыи въ господьственныи день
таковое скверное дѣло сотворити імамъ? И сіе помысливъ,
начатъ съ клятвою отрицатися отъ нея, глаголя, яко не хощу
всекончно погубити душу свою и въ таковыи превеликіи праз-
никъ осквернити тѣло мое. Она же ненасытно распалашеся
похотію блуда, неослабно нудяше его ово ласканіемъ, ово і
прещеніемъ нѣкимъ. угрожая ему, дабы исполнилъ желаніе
ея. И много труждьшися, увѣщевая его; но никакоже возмо-
же приклонити его къ воли своей: божественная нѣкая сила
помогаше ему. Видѣвъ же лукавая та жена, яко не возможе
привлещи юношу къ воли своей, абіе зѣлною яростію на юно-
шу распалився, яко лютая змія востенавъ, отыде отъ ложа его,
помышляше волшебными зеліи опоити его и неотложно злое
свое намѣреніе совершати хотя, и елико замысливъ, сіе і со-
твори. Внегдаже начаша клепати ко утрешнему пѣнію и благо-

любивыи же онъ мужъ Баженъ вторыи скоро воста отъ ложа своего, возбудивже юношу оного Савву, и поидоша на славословіе божіе ко утрени. И отслушавши со вниманіемъ и страхомъ божіимъ и пріидоша въ домъ свой; и егдаже приспѣ время божественной литоргіи, поідоша паки съ радостію до святые церкви на славословіе божіе. Проклятажъ оная жена тшателно устроивши на юношу волшебное зѣліе, и яко змія хотяше ядъ свой ізблевати на него. По отпущеніи же божественныя литургіи Баженъ вторыи и Савва изыдоша ісъ церкви, хотяше ітьти въ домъ свой; воевода же града того, пригласивъ оного мужа Бажена втораго, да обѣдаетъ съ нимъ, вопросилъ же о юношѣ ономъ: чей есть сынъ и откуду? Онъ же повѣдаетъ, яко исъ Казани, Ѳомы Грудцына сынъ. Воевода же приглашаетъ і юношу оного въ домъ свой, зане добрѣ знающи его отца. Они же, бывше въ дому его и по обычаю обшія трапезы причастившеся, съ радостію возвратившеся въ домъ свой. Баженъже вторыи повелѣ принести отъ вина мало, да испіютъ въ домѣ своемъ, чести ради господьственнаго оного празника, ничтоже бо свѣды лукаваго умышленія жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу въ сердыцы своемъ и подпадаетъ лестію ко юноши оному. Принесенуже бывшу вину, наливаетъ абіе чашу и подноситъ мужу своему; онъже, іспивъ, благодаря Бога, и потомъ наливаетъ, сама іспивъ, и абіе наливаетъ оного отравнаго уготованнаго зелія и подноситъ юноши оному Савве. Онъ же испивъ, ни мало помысливъ, ниже убоявся лукавства жены оныя, чаяше, яко никоего же зла мыслитъ на него и безъ всякого размышленія выпиваетъ оное зѣліе. И се начатъ яко нѣкіи огнь горѣти въ сердцы его; онъ же помышляя, глаголя въ сердцы въ себѣ, яко много различныхъ питей въ дому отца моего и никогда же таковаго питія не испихъ, якоже нынѣ. И егдаже испивъ питія оного, начатъ сердыцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной; она же, яко лютая лвица, яростно поглядаше на него и ни мало привѣтство являше къ нему, і начатъ мужу своему на юношу оного клеветати и нелѣпая словеса глаголати и повелѣваше изгнати изъ дому своего. Богобоязливый же онъ мужъ, аще і желѣя въ сердцы своемъ по юноши, обаче уловленъ бысть женскою лестію, повелѣваетъ юноши изыти изъ дому своего, сказуя ему вины нѣкія.

Юноша же той съ великою жалостію и тугою сердца отходитъ ізъ дому его, тужа и сѣтуя о лукавой женѣ оной. И пріиде паки въ домъ гостинника онаго, идѣже первѣе обиташе. Онъже вопрошаетъ его, каковы ради вины изыде изъ дому Баженова. Онъ же сказуя имъ, яко самъ не восхотѣ жити у нихъ, зане гладно ми есть, сердцемъ же скорбя и неутѣшно сѣтуя по женѣ оной; и начатъ отъ великія туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися. Видѣвше гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, недоумѣвашеся, что бо ему бысть. Бысть же во градѣ томъ нѣкто волхвъ, чарованіемъ своимъ сказуя, кому какова скорбь приключитца, онъ же узнавая или ожити, или умрети. Гостинникъ же и жена его, благоразумни суще, не мало попеченія о юношѣ имяху и призываютъ тайно волхва оного, какова скорбь приключися юноши. Волхвъ же оный, посмотривъ въ волшебные свои книги, сказуетъ істинну, яко никоторые скорби не имать юноша въ себѣ, токмо тужитъ по женѣ Бажена втораго, яко въ блудное смѣшеніе падеся съ нею; нынѣ же остуженъ бысть отъ нея и, по ней тужая, сокрушаетца. Гостинникъ же и жена его, таковая слышавше отъ волхва, и не яше вѣры, зане Баженъ благочестивъ бяше и бояся Бога, и ни во чтоже дѣло сіе вмѣнища. Савва же, непрестанно тужа и скорбя о проклятой женѣ оной, и день отъ дне отъ тоя туги истончи плоть свою, яко бы нѣкто великою скорбію болѣ. И нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися, и идяше единъ по полю и никого же за собою или предъ собою видяше, и ничтоже ино помышляше, но токмо сѣтуя и скорбя о разлученіи своемъ отъ жены оныя. И помысливъ во умѣ своемъ такову злую мысль, глаголя: «егда бы кто отъ человѣкъ или самъ діаволъ сотворилъ мнѣ сіе, еже бы паки совокупитися мнѣ съ женою оною, азъ бы послужилъ діаволу». И такову мысль помысливъ, аки бы ума изступилъ, идяше единъ и мало пошедъ, слышевъ за собою гласъ, зовущъ его именемъ; онъ же, обращся, зритъ за собою юношу, борзо текуща, въ нарочитѣ одѣяніи: помахающе рукою ему, пождати себя повелѣваше; онъ же ожидая юношу онаго къ себѣ. Пришедъ же къ Саввѣ юноша той, паче же рещи супостатъ діаволъ, иже непрестанно рыщетъ, ища по-

гибели человѣческія, пришедше же къ Саввѣ и по обычаю поклонишеся между собою. Рече же пришедый отрокъ къ Саввѣ, глаголя: «Брате Савво! что убо, яко чуждь, бѣгаеши отъ мене? азъ бо давно ожидахъ тя къ себѣ, да какобы пришелъ ко мнѣ и родственную любовь имѣлъ со мною. Азъ убо вѣмъ давно, яко отъ рода Грудцыныхъ Усовыхъ изъ града Казани; о мнѣ аще хощеши увѣдати, и азъ тогожъ рода, отъ града великаго Устюга; здѣ давно пребываю, ради конской покупки, и убо по плотскому рожденію братья мы съ тобою: и нынѣ убо, братъ и другъ, и не отлучайся отъ мене: азъ бо всякое вспоможеніе радъ во всемъ чинить тебѣ». Савва же, слышавъ отъ мнимаго брата своего, паче же рещи отъ бѣса, таковые глаголы, вельми возрадовася, яко въ таковой дальной и незнаемой странѣ, сродника себѣ обрѣте и любезно цѣловастася, поидоша оба вкупѣ по пустыни оной. Пошедъ же Савва съ нимъ, рече бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савва! какую скорбь имаши въ себѣ, яко вельми исчезе юношеская красота твоя?» Онъ же, всяко лукавуя, сказываше ему, нѣкую быти великую скорбь въ себѣ. Бѣсъ же, осклабився, рече ему: «Что убо скрываеши отъ мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даси, азъ помогу скорби твоей?» Савважъ рече: «Аще убо вѣдаеши истинную скорбь, якоже имамъ въ себѣ, то пойму вѣру тебѣ, яко можеши помощи». Бѣсъ же рече ему: «Ты бо, скорби, сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ Бажена втораго, зане отлученъ еси отъ любви ея; но что ми даси? азъ помогу скорби твоей и учиню тя съ нею по прежнему въ любви ея». Савва же рече: «Азъ убо, елико имамъ здѣ товаровъ и богатства отца моего и съ прибытками все отдаю тебѣ, токмо сотвори по прежнему любовь имѣти съ женою оною». Бѣсъ же ту усумнѣвся, рече ему: «Что убо искушаеши мя? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатства имать, ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатея отца твоего и что ми будетъ въ товарехъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописаніе мало нѣкое и азъ исполню желаніе твое». Юноша же радъ бысть, помышляя въ себѣ, яко богатство отца моего цѣло будетъ, азъ же дамъ ему писаніе, что ми велитъ написать,—а не вѣдый, въ какову пагубу хощетъ впасти, ещежъ и писати совершенно ниже что умѣя. Оле безумія оного юно-

ши! како уловленъ бысть женскою лестію и того ради въ какову погибель снисходитъ! Егда же изрече бѣсъ къ юношѣ словеса сія, онъ же съ радостію обѣщася дати писаніе. Мнимый же братъ, паче же рещи бѣсъ, скоро вземъ изъ очпага чернила и хартію, даетъ юноши и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва еще несовершенно умѣяше писати и, елико бѣсъ сказываше ему, тожъ и писаше, не слагая, и таковымъ писаніемъ отрекся Христа, істиннаго Бога, и предадеся въ служеніе діаволу. Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдаетъ діаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша во градъ Орелъ. Вопросивъ же Савва бѣса, глаголя: «Повѣждь ми, брате! гдѣ обитаеши, да увѣмъ домъ твой». Бѣсъ же, возсмѣявся, рече ему: «Азъ убо особого дому не имѣю; но, гдѣ прилучитца, тамо и ночую: аще ли же хощеши видѣтися со мною часто, то ищи мя на конской площади: азъ бо, якоже рѣхъ ти, здѣ живу ради конскихъ покупокъ; но азъ и самъ не облѣнюся посѣтити тебя, нынѣ же иди къ лавки Бажена втораго; вѣмъ бо, яко съ радостію призоветъ тя въ домъ свой жити». Савва же по глаголу брата своего діавола радостно тече къ лавкѣ Бажена втораго. Егда же Баженъ, видѣвъ Савву, усердно пріемша его къ себѣ: «Господине Савво! кую злобу сотворихъ азъ тебѣ, и почто изшелъ еси изъ дому моего? Протчее убо молю тя, пріиди паки обитати въ домъ мой; азъ убо за любовъ отца твоего, яко присному своему сыну, радъ бѣхъ тебѣ всеусердно». Савва же, егда услышавъ отъ Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостію возрадовася и скоро потече въ домъ Бажена втораго. И егда приведъ юноша, жена же его видѣ: діаволомъ подстрѣкаема, радостно встрѣтаетъ его и всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше ему, и лобызаше его. Юноша же уловленъ бысть женскою лестію, паче діаволомъ, паки зашпается въ сѣти блуда съ проклятою оною женою, ниже праздниковъ, ниже страха божія помняше, поне ненасытно безпрестани съ нею въ калѣ блуда валяяся.

По мнозѣ же времени абие входитъ въ пресловущій градъ Казань матери Саввиной, яко сынъ ея живетъ неисправное и непорядочное житіе и, елико было съ нимъ отеческихъ товаровъ, все изнурилъ въ блудѣ и піянствѣ. Мати же его, та-

ковая о сынѣ своемъ слыша, зѣло огорчися и пишетъ къ нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани въ домъ отца своего. Егдаже пріиде къ нему писаніе, онъ же, прочитавъ, посмѣялся, ни во чтоже вмѣнивъ. Она же паки посылаетъ къ нему второе писаніе: ово моленіемъ молитъ, овожъ клятвами заклинаетъ его, дабы немедленно ѣхалъ оттуду въ городъ Казань. Савва же ни мало внятъ матерьню молению и клятву ни во чтоже вмѣняше, токмо въ страсти блуда упражняшеся. По нѣкоемъ же времени поемлетъ бѣсъ Савву и поидоша оба за градъ Орелъ на поле; изшедшимъ же имъ изъ града, глаголетъ бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савво! вѣси ли, кто есмь азъ? ты убо мниши мя, совершенно быти отъ рода Грудцыныхъ, но несть тако. Нынѣ убо за любовь твою повѣмъ ти всю истинну; ты же не бойся, ниже устыдися звати ся братомъ тебѣ: азъ убо совершенно улюбивъ тя въ братство себѣ; но аще хощеши о мнѣ вѣдати: азъ убо сынъ царевъ; пойдемъ же протчее, да покажу ти славу и могутство отца моего». И сіе глаголя, приведе его въ пусто мѣсто на нѣкій холмъ и показа ему въ нѣкоемъ раздолiи градъ вельми славенъ: стѣны, и покровы, и помосты отъ злата чиста блистаяся. И рече ему: «Сей есть градъ и твореніе отца моего; но идемъ убо и поклонимся купно отцу моему и великою честію почтенъ будеши отъ него». И сія изглагола бѣсъ, отдаетъ Саввѣ богоотметное оно письмо. Оле безумія отрока! вѣдый бо, яко никоторое царство прилежитъ близости къ московскому государству; но все обладаемо бѣ царемъ московскимъ: аще бы тогда вообразилъ на себя образъ честнаго креста, вся бо сія мечты діавольскія яко сень погибли. Но на предлежащее возвратимся. Егда же пріидоша оба къ привиденному [1]) оному граду, и приближився имъ ко вратамъ града, стретаютъ ихъ юноши темнообразніи, ризами и поясы украшенныи златыми, и, со тщаніемъ покланяющеся, честь воздаютъ сыну цареву, паче же рещи, бѣсу, такожде и Савве покланяющеся. Вшедшимъ же имъ во дворъ царевъ, паки встретаютъ ниіи юноши, ризами блистающеся паче первыхъ, такожде и покланяющеся имъ. Егдаже внидоша въ полаты ца-

[1]) Въ рукописи: *приведенному*.

ревы, абіе другіи юноши стретаютъ ихъ, другъ друга честію и одѣяніемъ превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедъ же бѣсъ въ полату, глаголя: «Брате Савво! пожди мя здѣ мало: азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему и введу тя къ нему; егда же будеши предъ нимъ, ничтоже размышляяй или бояйся, подаждь ему писаніе свое». И сіе рекъ, пойде во внутренніе полаты, оставль Савву единаго и, помѣдливъ тамо мало, приходитъ къ Саввѣ и, посмъ, вводитъ его предъ лице князя тмы. Той же сѣдяше на престолѣ высоцѣ, каменіемъ драгимъ и златомъ преукрашенъ, но самъ же той славою великою и одѣяніемъ блистаяся; окрестъ же престола его зритъ Савво множество юношей крылатыхъ стоящихъ, лица же ихъ овыхъ синіи, иныежъ яко смола черные. Пришедъ же Савва предъ царя оного, падъ на землю, поклонися ему; вопроситъ его царь, глаголя: «Откуду пришелъ еси сѣмо? и что есть дѣло твое?» Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоотметное свое писаніе, глаголя, яко пріидохъ, великій царю, послужити тебѣ. Древній же змій сатана, пріемъ писаніе и, прочетъ его, къ темнообразнымъ своимъ воиномъ рече: «Аще ли пріиму отрока сего? Но не вѣмъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ или нѣтъ?» И призвавъ же сына своего, а саввина мнимаго брата, и глаголя ему: «Иди протчее, обѣдуй съ братомъ своимъ». И тако оба поклонишася царю и изыдоша въ преднюю полату, начеше обѣдати: неизреченные и благовонные яди приношаху има такожде и питіе, яко дивитися Саввѣ, глаголя: яко никогда же въ дому отца моего такихъ ядей вкушахъ или питія неихъ. По ядѣніижъ поемлетъ бѣсъ Савву и поидоша съ двора царева изъ города. Вопрошаетъ же Савва брата своего бѣса, глаголя: «Что убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего окрестъ престола его много юношъ крылатыхъ стоящихъ?» Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: «Или не вѣси, яко многи языцы служатъ отцу моему: Индіи, Перси и иніи многи? Ты же не дивися сему и не сумнѣвайся братомъ звати мя себѣ: азъ да буду тебѣ меншій братъ, токмо, елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же радъ всякого добродѣйства чинить тебѣ». Савва же во всемъ обѣщася послушенъ быти ему и тако увѣришася, пріидоша паки во градъ Орелъ:

и оставль бѣсъ Савву, отходитъ; Савва же паки пріиде въ домъ Баженовъ и пребываше въ прежнемъ своемъ скаредномъ дѣлѣ.

И въ тожъ время пріиде въ Казань изъ Персиды со многими прибытками отецъ Саввинъ Ѳома Грудцынъ и, якоже лѣпо, обычное цѣлованіе подаде женѣ своей, вопрошаетъ ю о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдуетъ ему, яко отъ многихъ слышу о немъ, но отшествіи твоемъ въ Персиду, онъ же отъиде къ Соликамской и оттуду во градъ Орелъ, тамо и донынѣ живетъ житіе неудобное: все богатство наше, яко же глаголютъ, изнури въ піянствѣ и блудѣ; азъ же много писахъ къ нему о семъ, дабы оттуду возвратился въ домъ нашъ; онъ же ни единаго отвѣта подаде ми; но и донынѣ тамо пребываетъ: живъ ли или нѣтъ, о томъ не вѣмъ. Ѳома же, таковая глаголы слышавъ отъ жены своей, зѣло смутися умомъ своимъ и скоро сѣдъ, написавъ епистолію къ Саввѣ съ моленіемъ, дабы безъ всякаго замедленія оттуду ѣхалъ, во градъ Казань (да вижу, чадо, красоту лица твоего) [1]. Савва же, таковое писаніе пріемъ и прочетъ е, ни во что же вмѣнивъ, ниже помысливъ ѣхати ко отцу своему; но токмо упражняяся въ ненасытномъ блуженіи. Видѣвъ же Ѳома, яко ничтоже успѣваетъ писаніе сво, и абіе повелѣваетъ готовити подобные струги съ товаромъ и пути касается ко граду Орлу по [2] Камѣ. «Самъ пойму сына своего въ домъ мой». Бѣсъ же, егда увѣде, яко отецъ саввинъ путешествіе творитъ ко граду Орлу, хотя поити Савву въ Казань, и абіе глаголетъ Саввѣ: «Брате Савво! доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будетъ? идемъ убо во иные грады и погуляемъ и паки сюда возвратимся». Савва же ни мало отрекся, но глаголя ему: «Добрѣ, брате! глаголеши: идемъ; но пожди убо мало, азъ бо возму отъ богатства моего нѣколико пенезей на путь». Бѣсъ же, возбраняя ему о семъ, глаголя: «Не видѣлъ ли еси славы отца моего и не вѣси, яко вездѣ села его есть? да идѣже придемъ, тамо и денегъ у насъ будетъ и елико потребно». И тако поидоша отъ града

---

[1] Эта фраза заключена въ скобки въ самой рукописи.

[2] Въ рукописи: до.

Орла, никимъ вѣдомы, ниже той самъ Баженъ вторый, ни жена его увѣдавъ о отшествіи саввиномъ. Бѣсъ же и Савва обь едину нощь отъ града Орла объявишася на рекѣ Волгѣ, во градѣ, нарицаемомъ Козьмодемьянскомъ, разстояніемъ имѣюща 804 версты. И глаголетъ бѣсъ Саввѣ: «Аще кто тя увидитъ здѣ и вопроситъ, откуду пришелъ еси, ты же рцы: «отъ града Орла въ третію недѣлю пріидохомъ до здѣ». Савва же, елико заповѣда ему бѣсъ, тако и сказываше. И пребываше въ Козмодемьянску нѣколико дней, и абіе бѣсъ паки посмлетъ Савву и объ едину нощь изъ Козмодемьянску пріидоша на рѣку Оку, въ село, нарицаемое Павловъ перевозъ. И бывшимъ имъ тамо въ день четвертка, въ тойже день въ селѣ ономъ торгъ бываетъ. Ходящимъ имъ по торгу, узрѣвъ Савва нѣкоего престарѣла нища мужа стояща, рубищами гнусными одѣяна, и зря на Савву прилежно и вельми плачюща. Савва же мало отлучися отъ бѣса и притече ко старцу, хотя увѣдати вины плача его. Пришедшу же ему ко старцу и рече: «Кая ти, отче, печаль есть, яко неутѣшно тако плачеши?» Нищій же онъ, святый старецъ, глаголетъ ему: «Плачу, чадо, о погибели души твоей; не вѣси бо, яко погубилъ душу твою, волею предался еси діаволу. Вѣси ли, чадо, съ кѣмъ нынѣ ходиши и его же братомъ себѣ нарицаеши? Но сей не человѣкъ, но діаволъ есть: ходитъ съ тобою и доводитъ тя до пропасти адскія». Егда же изрече старецъ ко юноши глаголы сія, обозрѣвся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи, на бѣса; онъ же, издалеча стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе нань. Юноша же, скоро оставль святаго онаго старца, пріиде къ бѣсу паки. Діаволъ же вельми начатъ поносити его и глаголати: «Чесо ради съ таковымъ душегубцемъ сообшился еси? и не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляетъ? на тебѣ же видѣвъ одѣяніе нарочито, и глаголы лестныя припустивъ къ тебѣ, хотя отлучити тя отъ людей и удавомъ удавити тя, и обрати съ тебѣ одѣяніе твое. Нынѣ убо, аще оставлю тя одного, то вскорѣ погибнеши безъ мене». И сія изрекъ, со гнѣвомъ посмлетъ Савву оттуду и приходитъ съ нимъ во градъ, нарицаемый Шуйскъ, и тамо пребывая не мало время.

Ѳома же Грудцынъ Усовъ, пришедъ во градъ Орелъ, вопрошаетъ о сынѣ своемъ и никтоже можаше повѣдати ему о немъ: вси бо видяху его, яко предь его пріѣздомъ сынъ его во градѣ хождаше, всѣми видимъ; а идѣже внезапу скрыся никтоже вѣсть. Овіи глаголаху, яко убояся пришествія твоего, зане здѣ изнурилъ богатство твое, и сего ради скрыся, Паче же всѣхъ Баженъ вторый и жена его дивящеся, глаголаху: яко юноша спаше съ ними, заутраже пошедъ нѣкуды, мы же ожидахомъ его обѣдати; онъ же отъ того часу никако нигдѣ же явися во градѣ нашемъ; а идѣже скрыся, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣмы. Ѳома же, многими слезами обливаяся, живя, ожидая сына своего и, не мало пождавъ тщею надеждою, возвратися въ домъ свой и возвѣщаетъ нерадостный случай женѣ своей и оба вкупѣ сѣтуя и скорбяща о лишеніи сына своего. И въ таковомъ сѣтованіи Ѳома несколко время поживе, ко Господу отъиде; жена его вдовою оставши сущи.

Бѣсъ же и Савва живяше во градѣ Шуйскѣ. Во время же то благочестивый и великій государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичь всея Россіи возжела послать воинство свое противъ короля полскаго во градъ Смоленскъ и по его царскому указу по всей Россіи набираху новобраныхъ солдатъ. Во градъ же Шую ради солдацкаго набору присланъ съ Москвы столникъ Тимоѳей Воронцовъ и новобраныхъ солдатъ по вся дни воинскому артикулу учаше. Бѣсъ же и Савва приходяше, смотряху ученія ихъ. Рече же бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савво! хощеши ли послужити царю, да напишемся и мы съ тобою въ солдаты?» Савва же рече: «Добрѣ, брате, глаголеши; послужимъ». И тако написашася въ солдаты и начеше купно на ученіе ходити. Бѣсъ же въ воинскомъ ученіи такову премудрость дарова ему, яко и старыхъ воиновъ и начальниковъ въ наученіи превосходитъ. Самъ же бѣсъ, яко слуга Саввѣ, хождаше за нимъ и оружіе ношаше. Егда же изъ Шуи новобраныхъ солдатъ приведоша къ Москвѣ и отдаша ихъ въ наученіе нѣкоему нѣмецкому полковнику, той же полковникъ, егда пріиде видѣти новобраныхъ солдатъ на ученіи, и се видитъ юношу млада, во ученіи же воинскомъ зѣло благочинна и урядно поступаюша, и ни малого порока

ю всемъ артикулѣ имѣюща и многихъ старыхъ воиновъ и
ачалниковъ во ученіи превосходяща, и вельми удивися остро-
мію его. Призвавъ же его къ себѣ, вопрошаетъ рода его;
онъ же сказуетъ ему всю истинну. Полковникъ же возлюби
Савву велми и, назвавъ его сыномъ себѣ, дадежъ ему съ
главы своея шляпу, съ драгоцѣннымъ каменіемъ устроенну
сущу, и абіе вручаетъ ему три роты новобраныхъ солдатъ,
да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва. Бѣсъ же тайно
припаде къ Саввѣ и рече ему: «Брате Савво! егда ти недо-
статокъ будетъ, чимъ работныхъ людей жаловать, повѣжды
ми: азъ бо принесу ти, елико потребно денегъ будетъ, дабы
въ командѣ твоей роптанія и жалобы не было на тебя». И
тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покоѣ
пребываху, въ протчихъ же ротахъ молва и мятежъ непре-
станно, яко отъ глада и наготы, непожалованы, помираху; у
Саввы же во всякой тишинѣ и благоденствіи солдаты пребы-
ваху и вси дивляхуся остроумію его. По нѣкоемъже случаю
явственно учинися о семъ и самому царю и въ тоже время
на Москвѣ не малу власть имѣя шуринъ царевъ, боляринъ
Семенъ Лукьяновичь Стрѣшневъ [1]). Увѣдавъ про оного юношу
Савву, повелѣваетъ онаго привести предъ себя и рече ему:
«Хощеши ли, юноша, да пріиму тя въ домъ мой и чести не
малыя сподоблю тя?» Онъ же, поклонився ему, и рече: «Есть
бо, владыко, мой братъ у мене, вопрошу убо его: ащели по-
велитъ ми, то съ радостію послужити готовъ». Боляринъ же,
ни мало возбранивъ ему о семъ и отпустивъ его: «да
вопроситъ, рече, брата своего.» Савва же, пришедъ, по-
вѣда мнимому своему брату бѣсу. Бѣсъ же съ радостію рече
ему: «Почто убо хощеши презрѣти царскую милость, и
служити хощеши холопу его? ты убо нынѣ и самъ въ томъ
же порядкѣ устроенъ и уже бо и самому царю знаемъ
учинился еси. Но убо не буди тако; но да послужимъ царю:
егда бо царь увѣсть вѣрную твою службу, тогда и чиномъ
возвышенъ будеши отъ него». По повелѣнію жъ цареву вси
новобраные солдаты розданы по стрелецкимъ полкамъ вдо-
полику. Тойже Савва поставленъ на Устретенкѣ въ Земля-

[1]) Въ рукописи: *Стрежневъ*.

номъ городѣ, въ Зиминѣ приказѣ въ дому стрелецкаго сотника именемъ Іякова Талова. Сотникъ же и жена благочестивіи и благонравніи суще, видаще бо саввино остроуміе, зѣло почитаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности къ пошествію бяху. Во единъ же отъ дней пріиде бѣсъ къ Саввѣ и рече ему: «Брате Савво! пойдемъ прежде полковъ въ Смоленскъ и видимъ, что творятъ Поляки и како градъ укрѣпляютъ». И обь едину нощь съ Москвы въ Смоленску ставше и пребываше въ немъ три дни, никимъ же видимы. Они же, всѣ видѣвше и созирающе, како Поляки градъ укрѣпляху: на приступныхъ мѣстехъ всякіе громаты поставляху. Въ четвертый же день бѣсъ объяви себя и Савву въ Смоленску Полякомъ. Егда же Поляки узрѣвше ихъ, вельми возмятошася, начаша гнати по нихъ, хотяше уловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро избѣгоша изъ града и прибѣгоша къ рѣкѣ Днѣпру, и абіе разступися имъ вода и прейдоша рѣку оную, яко посуху. Поляки же, много стрѣляюще по нихъ, и никакоже вредиша ихъ. Поляки же удивляхуся, глаголюще: яко бѣсове суть, во образѣ человѣческомъ пріидоша и бывше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ паки пріидоша къ Москвѣ и ставше паки у тогожъ сотника Іякова Талова. И егда же по указу царскому поидоша съ Москвы полки подъ Смоленскъ, тогда и той Савва въ полкахъ съ братомъ своимъ поидоша. Надъ всѣми же полками боляринъ бысть Ѳедоръ Іоанновичь Шеинъ. На пути же бѣсъ къ Саввѣ рече: «Брате Савво! егда убо будемъ подъ Смоленскомъ, тогда отъ полковъ Поляковъ выѣдетъ единъ исполинъ на поединокъ и станетъ звати противника себѣ; тыже не убойся ничесоже, изъеди противу его: азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его. На другій же день паки отъ Поляковъ выѣдетъ другій исполинъ на поединокъ, ты же изъеди паки и противу сего: вѣмъ бо, яко и того поразиши. Въ третій же день выѣдетъ изъ Смоленска третій поединникъ; тыже, ничтоже бояйся, и противу того выѣдь; но и того поразиши, самъ же уязвленъ будеши отъ него: азъ же язву твою скоро уврачую». И тако увѣщавъ его, пріидоша подъ градъ Смоленскъ и ставше въ подобномъ мѣстѣ. По глаголу же бѣсовскому выслань бысть изъ града нѣкій воинъ, страшенъ зѣло: на конѣ ска-

каше изъ смоленскихъ полковъ, искавше себѣ изъ московскихъ полковъ противника, ждаше и никтоже бо смѣяше изыти противу его. Савва же, объявляя въ полкахъ, глаголя: «Аще бы мнѣ былъ воинскій конь, и азъ бы изшелъ на брань противо сего непріятеля царского.» Друзіи же его, слышавше сія скоро о немъ боляринѹ возвѣстиша. Боляринъ же повелѣ Савву привести предъ себя и повелѣ ему коня нарочита дати и оружіе, мнѣвъ, яко скоро погибнути имать юноша отъ таковаго страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя и бояся, выѣзжаетъ противо полковъ оного богатыря и, скоро сразивше его, приводитъ его и съ конемъ въ полки московскіе и отъ всѣхъ похваляемъ бѣ. Бѣсъ же, ѣзда по немъ, служа ему и оружіе за нимъ нося. Во вторый же день паки изъ Смоленска выѣзжаетъ и противу его тойже Савва и того вскорѣ поражаетъ; вси же удивляхуся храбрости его; боляринъ же разгнѣвався на Савву, но скрываше злобу въ сердцы своемъ. Въ третій же день еще выѣзжаетъ изъ града Смоленска нѣкій славный воинъ паче первыхъ, такожъ ища и позывая противника себѣ. Савва же, аще и убоявся ѣхати противо такова страшнова воина, обаче по словеси бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ и противо того. Но абіе Полякъ той, яростно наступивъ, уязви Савву коніемъ въ лѣвое стегно. Савва же исправися, нападаетъ на оного Поляка и убиваетъ его, и съ конемъ въ полки свои приведе, не малъ же зазоръ Смольянамъ наведе, все же россійское воинство во удивленіе приведе. Потомъ же нача изъ града выласки выходити и войско съ войскомъ сошедшеся, свалнымъ боемъ битися. Идѣже Савва съ братомъ своимъ съ котораго крыла воеваху, тамо Поляки отъ нихъ невозбранно бѣжаху, тылъ показующе. Бесчисленно бо много Поляковъ побиваху, сами же ни отъ кого вредимы бяху. Слышавъ же боляринъ о храбрости юноши оного, и уже не могъ скрыти тайнаго гнѣва въ сердцы своемъ, абіе призываетъ Савву къ шатру и глаголетъ ему: «Повѣждь ми, юноша: какова еси роду и чій еси сынъ». Онъ же повѣда ему истинну: яко изъ Казани, Ѳомы Грудцына Усова сынъ. Боляринъ же начатъ всякими нелѣпыми словесы поносити его и глаголати: «Кая ти нужда въ таковый смертный случай приходить? Азъ

убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имутъ; тыже отъ какова гоненія или скудости, оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? Обаче глаголю ти: ни мало здѣ медли; но иди въ домъ къ родителемъ своимъ и тамо во благодѣньствіи съ родители твоими пребывай; аще ли преслушаеши мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывати, безъ всякого милосердія здѣ имаши погибнути, главу бо твою велю скоро отъяти отъ тебе.» Сія же боляринъ къ юноши изрекъ и съ яростію отъиде отъ него; юноша же со многою печалію отходитъ отъ него. Отшедшимъ же имъ отъ шатра, рече бѣсъ къ Саввѣ: «Что убо тако печалуешися о семъ? Аще неугодна служба наша явися здѣ, то идемъ паки къ Москвѣ, тамо да пребываемъ». И тако вскорѣ отъидоша изъ Смоленска къ Москвѣ и приставше обитати въ домѣ того же сотника. Бѣсъ же днемъ пребываше съ Саввою, къ нощи же отхождаше во своя адскія жилища, идѣже искони обычай окаяннымъ пребывати. Не малуже времени минувшу, абіе разболѣвся Савва и бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близь смерти. Жена же сотника оного, благоразумна сущи, боящся Бога, всяко попеченіе и прилѣжаніе о Саввѣ имущи, и глаголаше ему многажды, дабы повелѣ призвати іерея и исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ тайнъ: «да не како, рече, въ таковой тяжкой скорби внезапу безъ покаянія умрети». Савва же о семъ отрицаяся, яко аще рече, и тяжко болю, но нѣсть ми сія болѣзнь къ смерти. И день отъ дня болѣзнь его тяжчае бяше. Жена же оная не отступно притужаше Саввѣ, да исповѣдается: и убо оттого рече, не имаши умрети. И едва принужденъ бѣ Савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати къ себѣ іерея. Жена же оная вскорѣ посылаетъ ко храму святаго Николая, что въ Грачахъ, и повелѣваетъ призвати тоя церкви іерея. Іерей же, ни мало замедливъ, притече къ болящему: бѣ бо іерей той лѣты совершенъ сый, мужъ искусенъ и богобоязливъ. Пришедъ же, нача молитвы покаянные глаголати, яко же обычай. И егда же всѣмъ людемъ изъ храма изшедшимъ, іерей же начатъ болнаго исповѣдывати, и се внезапу зритъ больный во храмъ той вшедшихъ толпу велію бѣсовъ. Мнимый же его братъ, нача же рещи, бѣсъ пріиде съ нимъ

же и уже не въ человѣческомъ образѣ, но въ существенномъ своемъ звѣровидномъ, и, ставъ созади бѣсовскія толпы, вельми на Савву ярася и зубы скрежетая, показуя ему богоотметное оное писаніе, яже даде ему Савва у града Орла. И глаголя бѣсъ къ болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче: что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или мниши, яко покаяніемъ симъ избудеши отъ насъ? ни убо; не мни того: азъ убо со всею силою моею подвигнуся на тя.» Сія убо и иная неподобная бѣсомъ глаголющимъ, больный же, зря очевидно ихъ, и ово ужасеся, ово же надѣяся яко на силу божію и до конца все подробно исповѣда іерею оному. Іерей же той, аще мужъ и святъ, обаче убояся страха оного, зане людей никого же во храмѣ кромѣ болнаго видѣ, толпу же велику слыша отъ бѣсовскія оныя силы и съ нуждою великою исповѣда больнаго отъиде въ домъ свой, никому же сія повѣдавъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ нечистый и начатъ немилостивно мучити Савву: ово о стѣну бія, ово о мостъ съ одра пометая его, ово храпленіемъ и пѣною давляше и всякими различными томленіи мучаше его. Боголюбивый же той мужъ вышепомянутой сотникъ и съ благонравною своею женою, видящи на юношѣ таковое незапное томленіе отъ діавола и несносное мученіе, вельми жалѣюще, и стѣняхуся сердцы своими по юношѣ; но никако ему помощи могуще. Бѣсъ же, день отъ дне на больнаго лютѣ нападая, мучаше его, и всѣмъ предстоящимъ ту отъ мученія его не малъ ужасъ находящъ. Господинъ же дому, яко видѣ на юношѣ таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той вѣдомъ и самому царю храбрости ради своея, и помышляше съ женою своею, да како бы возвѣстити о семъ царю. Бѣ же и сродница пѣкая у нихъ въ домѣ царстемъ. И сія помысливши, посылаетъ немедленно жену свою ко оной сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробну о семъ возвѣстити цареви: «да не како, рече, юноша оный въ таковомъ зломъ случаѣ умретъ, а они истязани будутъ отъ царя за неизвѣщеніе». Жена же его, ни мало помедливъ, абіе тече къ сродницѣ и вся повелѣнная *ей отъ мужа* [1])

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ другаго списка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рукопись г. Филимонова испорчена.

по ряду сказа. Сродница же оная, слыша таковые глаголы, умилися душею *ово* по юношѣ, паче же скорбяше *о сродницахъ* своихъ, да не како и въ правду *отъ таковаго* случая бѣду пріимутъ. И ни мало помедливъ, скоро тече отъ дому своего до палатъ *царевыхъ*. И возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сигклитомъ царскимъ, и не въ долзѣ часѣ внушается и самому царю. Царь же, слыша о юношѣ, таковое свое милосердіе изливаетъ нань, глаголя предстоящимъ предъ нимъ сигклитомъ: да, егда бываетъ измѣненіе повседневное карауломъ, повелѣваетъ посылати въ домъ сотника оного, идѣ же больной онъ юноша лежитъ, по два караульщика: «да надзираютъ, рече, опасно юношу онаго, да, отъ бѣсовскаго мученія обезумѣвъ, во огнь или въ воду ввержетца». Самъ же благочестивый царь посылаше къ болящему юноши повседневную пищу, и елико здравъ больный явитца, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. И сему тако бывшу, *больный же* не мало время въ таковомъ бѣсовскомъ *мученіи* пребысть. Бысть же Іюля мѣсяца въ первый день юноша оный необычно отъ бѣса *умученъ* и абіе, заспавъ мало, яко бы на явѣ, нача глаголати, изливая слезы изъ очей *своихъ*, сице рече: «О всемилостивая госпоже, царица *Богородице!* помилуй, Владычице! помилуй! не солгу бо, всецарице, не солгу; но исполню, елико обѣщаюся ти. Домашніе же и снабдѣвающіи воини, таковыя глаголы отъ больнаго слышаще, удивишася, глаголюще, яко нѣкое видѣніе видитъ. Егда же больный отъ сна возбнувъ, приступи къ нему сотникъ и рече: «Повѣждь ми, господине Савво: что таковые глаголы со слезами и къ кому реклъ еси?» Онъ же паки начатъ омывати лице свое слезами, глаголя: Видѣхъ, рече, ко одру моемупришедшу жену свѣтолѣпну и неизреченною свѣтлостію сіяющу, носящу же ризу багряну, съ нею же и два мужа нѣкія, сѣдинами украшены: единъ убо во одеждѣ архіерейстѣй, другій же апостольское одѣяніе имущь: и не мню инѣхъ токмо жену быти пресвятую Богородицу, мужей же единаго наперстника господня, апостола Іоанна Богослова, втораго неусыпнаго стража града нашего, Москвы преславного во іерарсѣхъ архіерея Божія, Петра Митрополита, ихъ же подобія образъ знаю. И рече ми святолѣпная оная жена: Что ти есть Савво? и чесо ради тако скорбиши? Азъ же рѣхъ ей: «Скорблю, владычице, яко

прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего и тебя, заступницу рода человѣческаго, и за сіе бѣсъ лютѣ мучитъ мя.» Она же, осклабився, рече ми: «Что убо мниши: како ти избыти отъ скорби сія и како ти выручити рукописаніе твое изъ ада?» Азъ же рекъ ей: «Не могу, Владычице! не могу, аще не помощію Сына твоего и твоею всесильною милостію.» Она же рече ми: «Азъ убо умолю Сына своего и Бога моего; токмо единъ мой глаголъ исполни; аще избавлю тя отъ бѣды сея, хощеши ли монахъ быти?» Азъ же тыя молебныя глаголы со слезами глаголахъ ей во снѣ, яже и вы слышасте; она же паки рече ми: «Слыши, Савво: егда убо приспѣетъ праздникъ явленія моего образа, иже въ Казани, ты же пріиди во храмъ мой, яже на площади у встошнаго ряду, и азъ предъ всѣмъ народомъ чудо явлю на тебѣ.» И сія рече, невидима бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставльшія воини отъ Саввы изглаголанная, вельми почудишася. И нача сотникъ и жена его помышляти, како бы о семъ видѣніи возвѣстити самому царю, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвѣстила о семъ въ царевы палаты и возвѣщаетъ ближнимъ сигклитомъ. Они же немедленно внушаютъ царю о бывшемъ видѣніи саввиномъ. Егда же слышавъ царь, вельми почудися. И начаша ожидати праздника оного и егда же приспѣ время Іюля 8 числа, бысть праздникъ пресвятыя Богородицы Казанскія: повелѣвастъ же царь болящего онаго Савву до церкви привести. Бысть же въ день той хожденіе крестное изъ соборныя церкви Успенія пресвятыя Богородицы; въ томъ же ходу былъ и самъ царь. И егда же начаша божественную литоргію пѣти, принесену же бывшу и болящему ономy Саввѣ и положенъ внѣ церкви на коврѣ. Егда бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапу бысть гласъ съ небеси, яко громъ велій возгремѣ: «Савво! возстани; что бо медлиши? и пріиди въ церковь мою и здравъ буди и къ тому не согрѣшай!» И абіе спаде отъ верху церкви богоотметное оно писаніе саввино, все заглажено, яко никогда же писано предъ всѣмъ народомъ. Царь же, видѣвъ сіе чудо, вельми подивися; больный же той Савва, вскочивъ съ ковра, яко же никогда же болѣвъ, и притече скоро во церковь, паде предъ образомъ пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати: «О

преблагословенная Мати господня, заступнице и молебнице о душахъ нашихъ къ сыну своему и Богу! избави мя адскія пропасти! азъ же вскорѣ исполню обѣщаніе свое.» Сія же слышавъ великій государь, царь и великій князь Михаилъ Федоровичь всеа Россіи повелѣ призвати къ себѣ оного Савву и вопросивъ его о бывшемъ видѣніи; онъ же повѣда вся по ряду и показавъ ему писаніе свое. Царь же подивися тому зѣло, божію милосердію и несказанному чюдеси. Егда же отпѣша божественную литургію, пойде Савва въ домъ сотника Іякова Талова, яко никогда же болѣвъ. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ надъ нимъ милосердіе божіе, благодаривъ Бога и пречистую его Богоматерь.

Потомъ же Савва, раздавъ все имѣніе свое, елико имѣяше, убогимъ; самъ же иде въ монастырь Чуда архистратига Михаила, идѣ же лежатъ мощи святителя божія Алексѣя митрополита, иже зовется Чудовъ, и воспріявъ иноческій чинъ, и нача ту жить въ постѣ и молитвахъ, непрестанно моляся Господеви о согрѣшеніи своемъ. Въ монастырѣ же ономъ поживе лѣта довольна, ко Господу отъиде въ вѣчный покой, идѣ же святіи пребываютъ. Буди же Вседержителя Бога слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРѢНІЕ ЛИТОВСКАГО ПРОТОПОПА ЛАВРЕНТІЯ ЗИЗАНІЯ СЪ ИГУМЕНОМЪ ИЛІЕЮ И СПРАВЩИКОМЪ ГРИГОРІЕМЪ ПО ПОВОДУ ИСПРАВЛЕНІЯ СОСТАВЛЕННАГО ЛАВРЕНТІЕМЪ КАТИХИЗИСА [1]).

В лѣто 7135 Февраля въ 18 ден по указу государя святѣйшего кир Филарета, патриарха московског і всеа Руси, Богоявленскому игумену, что на Москвѣ, из ветошного ряду

[1]) По рукописи второй половины XVII вѣка, писанной скорописью. *Ред.*

Ильѣ да Гришке от книжные справки велено говорит с коретцким протопопом из Литвы с Лавреньтеем Зизани о исправленых статьях из книги Оглашения, которою он из Литвы привез своего слогу, и билъ челомъ государю святѣйшему патриарху, чтобъ еѣ изправити; а именована книга Оглашение. И государь святѣйшій кир Филарет, патриархъ московскиі і всеа Руси, преименова Бесѣдословие, понеж Оглашение есть книга Кирила, архиепископа Иерусалимского, новокрещающимся во Иерусалиме: ино единем именем многим книгам быти нелѣпо. Исправя, государь святѣйшиі патриархъ велѣл еѣ протопопу Лавреньтию отдат, а о тѣх статьях, которые в ней несходны с рускими и греческими переводы о божествѣ і воплощениі, и о страсти господни и о всяком дѣйствѣ християнског закона, а велено поговорити любовным обычаем и смирением права; а говорити нам велено с ним на государеве казенном дворѣ в нижней полате перед государевым болярином князем Іваном Борисовичем Черкаским, да перед дьяком думным Федоромъ Лихачевымъ.

Первая справка. Написано у Лаврентея протопопа воспрос: Отецъ убо болиі Сына и Духа Святаго есть, понеже от него оба имут божество; а во отвѣте глаголет: Отецъ Сына Духа Святаго равных себѣ собра. И о том отвѣте игумен Илья Лаврентию рече: велѣл де тебя допрошат государь святѣйшиі патриархъ Филарет московскиі і всеа Русиі. Писано у тебя в отвѣте: Отецъ Сына и Духа святаго равных себѣ собра, от которог богословия взято? Понеже аще Отецъ Сына и Духа Святаго собра: то откуду собра? мы собрания святыя Троица не глаголем: вѣруем бо, яко единакупна есть святая Троица, тако и ісповѣдаем.

Лаврентей тоѣ рѣчи отпирался и рѣклъ: Покажите ми писмо мое, а я тово не писывал. И как писмо ево показали ему, и он сказалъ: То де перевотчик погрешил, а не я; я де писал: Отецъ Сына і Духа Святаго изведе, а не собра. И князь Іван Борисович спросил Лавреньтея: По литовскому де языку как вы говорите: собра? И Лаврентиі сказал тож и по литовскому языку собра. И потом спросил: А изведе как? И Лаврентей сказал: по нашему и изведе. И мы ему: А хотя и изведе, ино и то о Святей единосущней Троицѣ не богословно, по-

неже купно Святая Троица, а ни един единог не последи, ни преже ни изведе, ни собра.

Мыж паки рѣхом ему: У тебяж в книге, Лаврентие, воспрос: Чимъ убо разньствует един от другаго божия составъ, сиі рѣч лица? Твой ответъ написан: Отецъ разделен есть от Сына и Духа Святаго изволением. А вси богословцы исповѣдают во Святѣй Троицѣ едину волю и мы тако вѣруем вси православнiі християне. И Лаврентей рече: И я так вѣрую едину во Троицѣ волю, а то все от перевотчика, а я де таковы рѣчи не писал: укрой Боже всякого православнаг так писати. Да у Лаврентеяж протопопа в книге его писано было о страсти христове. Сказывает: Сама плот умре и погребена бѣ, по соединению же лица, еже есть состава, Богъ умре и погребен бѣ, понеже образ слова во плоти бысть, еже умре; по истинному рождению божества слово сниде с небеси, не плот; по рожении же человѣчества плот умре, не слово; а по соединении лица, еже есть состава, и слово умре и погребено бѣ.

И мы ему про то рекли: Ино так ты, Лаврентие, и божеству с плотию страдати глаголеши? Онъ же рече: Тако глаголю, понеже по соединению состава страдала плот, страдало и божество. Мы же к нему рекли: А не глаголи, Лаврентие, сего, еже с плотію страдати божеству; сие убо Арiі и прочiі еретицы глаголют, насже, православных християн, да сохранит Господь Богъ от таковаг злаго начинания. Лаврентей рече: А то вѣм: сего вы не разумѣете, что есть по составу соединение и тѣм соединением страдати глаголю божеству и человѣчеству. Мы же по ревности вѣры съ яростию глаголахом: Сего ли мы не разумѣемъ по составу соединения Превѣчное Слово божие на послѣдок времен воплотися от пресвятыя Дѣвы Марiі и тѣма стекшемася двема естествома и родися един состав Христов и то есть по составу соединение Бога и человѣка, сиі рѣчь, во едином составѣ совершен Богъ и совершен человѣкъ. Такли глаголем? толи по составу соединение? Лаврентiі рече: Тако есть; сего ради и пострада Богъ с плотию, понѣже во едином бѣ составе. Мы же паки глаголахом ему: Не пострада Богъ с плотию, но пострада Богъ плотию. Лаврентiі рече: Не пишет ли тако, что Богъ родися, Богъ на земли явися, Богъ со человѣки поживе, Богъ пострада,

Богъ погребен бысть, Богъ воскресе? Мы же рекохом ему: Пишет не тако, якож ты глаголеші; не просто пишет: родися, родибося первие от Отца, иже прежде всѣх вѣк, яко же от солнца свѣт; тонж паки в лѣта от чистыя Дѣвы родися плотию, и со человѣки поживе плотію, и пострада плотию, и погребеся плотию, а воскресе божеством. Аще Богь пострада и погребеся, кто же во ад сниде и оттуду праведных душа от руки диявола свободитъ? и кто смерть разруши и диявола связа? Ты бо глаголеши: Богъ пострада. Аще Богъ пострада, то все божество пострада: пострадали (sic!) Сынъ, пострада Отецъ и Духъ Святый: неразлучно бо есть божество Святыя Троица. Вѣдай, яко невозможно есть с плотию страдати Богу, но плотию, обоженя бо плотию страдати Богъ насъ и нашего ради спасения изволил есть.

Лаврентиі рече: Да что же? или разлучилося, вы мните, тогда божество от соединения по составу, егда Христосъ страсть претерпѣ? Бога ради не смущайтеся і вѣдайте истинну, еже неотлучно было божество от плоти, егда Христосъ пострада.

Мы же паки вещахом ему: Мы утвержени есмы на основаниі божественных словес апостолского учения і богоносных отецъ, а смущатися намъ не откуды: всегда церков божия внушает нам и учит, что плотию Богъ пострада, а божеством безстрастен пребысть и неотступен, непрелогаем бо воплотися от чистыя Дѣвы Мариі неизреченно, и есть неописан по церковному гласу: глаголетъ бо ся: во гробе плотцкиі во аде же со душею яко Богъ, в раи же с разбойником и на престолѣ сыі Христе со Отцемъ и Духом, вся исполняя неописанныі.

Лаврентиі рече: Да аще неотступно было божество, то уже и пострадало по составу плоти. Мы же паки рехомъ ему: Не пострада божество и страдати невмѣстно есть божеству. Видишили, яко неописано есть божество и Троица неразлучна Богъ нашъ? Рцы ми: аще желѣзо будет во огни разженно, и егда бывает, аки огнь; ты что о нем глаголеши: два ли естества тогда бывает во едином составе или едино?

Лаврентиі рече: Всѣ вѣмы, что два естества тогда быти могут: едино огненное, другоеж желѣзное. Мы же паки рѣ-

хом ему: Егда биет ковач желѣзо, стражет ли огнь от ковачева биения? Мы же рѣхом: А от ково страдати Богу? Лавреньтиі рече: Богъ страдал по составу соединения плоти. Мы же паки рѣхом: Како убо Богъ страдал по составу соединения плоти, а огнь не стражет по составу соединения желѣза? или крѣпчайши есть Творца твар? Богъ убо всѣхъ творецъ есть, огнь же твар, яко и прочая здания.

Лаврентей к тому ничтоже рече, а как он в книге ту статью прочитал, как Богъ плотию пострадал и он еѣ похвалил и потомъ о той статьѣ противных речей никаких не было.

Да тутже у Лаврентея в книгѣ вопросъ: Всѣ ли убо во аде во едином мѣсте пребывают крещениі и некрещеніи? И глаголет отвѣт Лаврентиев: Православных християн души, которые с покоянием умерши в первом аде суть, а под ними в другомъ мѣсте суть некрещеных душа. И мы тот отвѣтъ переменили, для того что православнымъ християном то и надежда вся, что послѣднимъ покаяниемъ от ада і всѣхъ вѣчных мукъ свободу получают. И написали от святых и божественных писаниі, как нам государь святѣйшиі кир Ѳиларет, патриархъ московскиі і всеа Русиі, велѣл, что православных християн покаявшихся души во аде не бывают сведени.

И ігумен Илия спросил: Чье іно предание, Лаврентие, проповѣдуешь? Лаврентей рече: Что я ино проповѣдую? Мыж паки рѣхом к нему о отшедших душах, иже во всякомъ небреженіі препроводиша житие свое. Мыж рѣхом ему: Мы глаголем о отшедших душах: с чистым и истинным покоянием не сходят во ад, а во аде сошедшимъ душам бес покаяния нѣсть исповѣдания по пророческому речению: во аде же кто исповѣсть ти ся, Господи?

Лаврентей рече: Прямо у нас в Литвѣ про вас говорит князь: увидиш де, Лаврентие, какъ московские люди о душах своих мудрствуют, а и не вѣдают, что о них истинна. И князь Іван Борисович спросил протопопа Лаврентия: Кой князь то говорит? И Лаврентиі имя сказал, только мы в то время того имяни не вняли, потому нѣсть об нем слова нам ни едино. Мы же рѣхом ему: Что нам разумѣти умыслы своими? Писали о том до нас Іван Златоустыи и Афонасиі Александриіскиі и Домаскин Іванъ и прочиі святиі отцы вси, что с чистымъ по-

коянием преставшихся душа православных христиан отходят в мѣста свѣтла, в руцѣ божиі, идеж Богъ вѣсть. Лаврентиі рече: Да како внидет душа в мѣста свѣтла, которая жив во скверне всякой и страстнѣй нечистотѣ и пред концем покаявся, а опитемиі не исправит? Таковых душа во ад сводятся и об них после церковъ молит и потом от ада свободятся. О том пишет і в треоди цветной в молитвахъ на пятдесятный ден о еже во аде держимых свободил еси пріимати великих подовая имъ надежу ослобление держимым.

Мы же рѣхомъ: Се ослобление держимым во аде, а не изведение из ада глаголет молитва, да найдеш и то слово в сей же молитве, что в ней писано есть в сей всесовершенный и спасителный праздник, сиі рѣчь сошествия ради Святаго Духа, утешения и ослабления бывает во аде душам грѣшным, но непокаявшимся, а покаявшихся душа всегда суть в веселиі и радости неизреченнѣй пребываютъ. А что глаголеши: церков молит, ино всѣ мы о том вѣдаем, что церков молит о всѣхъ сущих на земли и о отшедших душах во ад, аще и без покаянія, да по ней малу получат отраду на время оно, в неже приносетца о них приношение Богу; и о тѣх церков молит, которые і во свете сут, иже с покаянием отъидоша житиа сего; и о святых всѣх церков молит, да не точию о святых всѣх, но и о самой пречистей Богородице ты самъ, престолу божию предстоя, глаголеши по прочих всѣхъ чинѣх апостол и пророк: Изрядно претѣй, преблагословенней Владычицѣ нашеі Богородице и приснo Дѣвѣ Марііі.

Лаврентиі рече: Почесть церков святым приносит, а не умоляет. Мыж рѣхом: Чемъ почесть приносит? не молением ли и поминанием праведных душа, но о том потом речем; скажи нам нынѣ то едино: гдѣ есть писано, что православных христианъ, покаявшихся, душа во ад сводят? Лаврентиі рече: В треоди цветноі. И мы рѣхом: А то писано в треоди о малем утѣшении во аде душам непокаявшимся, а покаявшіися душа всегда во утѣшении суть. А тебя спрашиваем не о том, что утѣшение и ослабление мало душам во адѣ бывает, но о том дай отвѣт: гдѣ писано, что покаявшихся православных душа во ад сводят?

Лаврентиі рече: Вам что о том мнитца, гдѣ душа покаяв-

шихся, которая во многих грѣсѣхъ жившая? Мыж паки рѣхом ему: Не мнимъ, но право вѣруем і во истинну исповѣдуемъ, яко Богъ есть кающихся: самъ Господь о Іюде предателѣ своем рече: добро было Іюде, аще бы ся покаялся. Видиши ли? Аще бы ся Іюда покаялся, не бы во аде был и аще бы ся покаявшихся грѣшных душа во ад бы сходили, не бы Господь Іюде рѣклъ: добро было Іюде; во адѣ коему быти добру? И паки Господь пророком глагола: помянутца Богу вся согрешенія его, вонъже день аще обратится ко мнѣ. Лаврентіі рече: Никако нелзя человѣку, не исполня епитемии, внити в рай. Мыж рѣхомъ ему: Страданіе Господня исполненіе епитемії кающимся душам грѣшным, понеже покаанія омовеніе есть греха, еже по крещеніі кающимсядушам во исходех своих, еже от телеси; имже совершеное очищенія тѣло и кров христова; да что много и многословити нам о том? Скажи нам о разбойницѣ, иже при страсти господни распятому: праведным или грѣшным его нарицаеши, егда быеть в жизни своей? Лаврентіі рече: Яве есть, яко злодѣй той был. Мыж ему рѣхом: Да гдѣ душа взята его по исповѣданіі, во аде или в раю? Лаврентіі, о том не мало помыслив, рече: А то нынѣ дошол ты меня, а потом и я тебя дойду. Мыж к нему рѣхомъ: Доходи, а мы от тебя не бежим, гонити хотим; а которое слово правдою само себя изяснит, тому паче і вѣровати подобает.

В книгеж, у Лаврентия написан вопрос: Како сне разумѣти имамъ о существѣ божіи? І в ответе написано: Оба существа свое имут: Сынъ рожденіем, а Духъ Святый исхожденіем.

И ігумен Илия спросил у Лаврентия: Для чево ты, Лаврентіе, во своем ответе нарицаеши: оба существа свое имутъ, Сынъ и Духъ Святый? И так по твоему будет во святей Троицѣ три существа?—И Лаврентіі тое рѣчи отпирался, а говорил: То де переводчик написал, а у меня де было написано: оба существо свои имут, а не существа.

И мы о том рекли: Может так быти, что во она мѣсто аз поставит переводчик. И князю Івану Борисовичю молвили мы, что единым словцом азбучным ерес о божествѣ вводится, буде у Лаврентия написано: оба существо свое имут—ино добро такъ; а будет написано: оба существа, ино противно

Божеству, потому что существо едино, а существа не едино знаменует многа, толко мы языка полского не разумѣем и для того мы остерегамся, чтобы нам прямо с перевотчикова писма поставит, а перевотчик остерегайся, чтобы он прямо съ языка на язык перевел. И государевъ болярин князь Іван Борисовичь да думной дьяк Федор Лихачев тетратку Лаврентьева переводу взяв, посмотрили і видели, что написано: оба существа, а не существо. И Лаврентий о том клятвами клялся, что он не писывал: оба существа, но существо писал.

Да мыж молвили Лаврентию, что надобно въ божественыхъ титлах писания тонкостию ума разсматривати, чтобы вмѣсто лица не написат образа і вмѣсто образа лица, потому что лица в Троицѣ три, а образ един и сего ради имя лице свойство во Троицѣ являет, а образ существо едино в Троицѣ.

И Лаврентиі молвил: Есть разнь между лица и существа. И потомъ Лаврентиі от грамотики почел говорити олфограѳиею: Есть де иная разнь в писменах между образа и образов, іиде де надобно оник маленкоі, а инде де болшой. И мы ему отказали: Та, Лаврентие, дѣцкая рѣчь учащихся буквам, что писменами разумѣти единство и множество, а мы ныне не о таковом дѣле упраздняемся. И Лаврентиі к тому ничтож отвѣщал.

В Лаврентьевѣж книге написано: Мочно де человѣка крестити і не во освещеней водѣ.

Игуменъ Илия сказал ему: У нас де про таковое дѣло в божественных правилех не обрѣтается, что не во освященней водѣ крестит человѣка и по милости божиі вездѣ в рустей землѣ крещают освященною водою; о том нечво для и бесѣды простирати и новый обычей вводити: мы не приемлемъ.

Лаврентиі рече: У вас де грѣческих правил нѣт. Мыж рѣхом ему: Всѣхъ греческих старых переводов добрых правила у нас есть, а новых переводов греческаго языка і всяких книгъ не приемлем, потому что Греки ныне живут в теснотах великихъ между невѣрными и по своих волях печатати имъ книгъ своих не умѣт, и для тово вводят иныя вѣры в переводы греческаг языка, что хотят; и нам таких новых переводов греческаг языка не надобны, хотя что и есть в них от новаго обычея напечатано и мы тот новой ввод

не приемлемъ. И Лаврентіі рече: То де и мы нозых переводов книгъ греческаго языка не приемлем же: искажены де по стронам.

Да у Лаврентеяж в книге, как убогая жена в сокровищное хранилище ввергла двѣ лѣптѣ: ино у нево вмѣсто двухъ лѣптей написано два хлѣба. Да у негож в книгѣ, как Господь Богъ явися Моисею в купинѣ, и у него написано во пиѣ, гдѣ рещи: в купинѣ.

И как игумен Илья спросил у Лаврентия про тѣ имена: для чего он их переменил, а написал за лѣпти хлѣбы, а за купину пень? И Лаврентіі, розсмеявся, молвил: Я де купину купиною пишу, а не пнем, а лепти лѣптями, а не хлѣбами; вы де вѣдаете, что купина.

И мы ему рекли: Вѣдаем сербским языком купина, а по рускі кустъ. И потом учал говорити, чтобы де я толко вѣдал, и я бы де свою книгу подал всю на словенском языке государю святейшему патриарху, а то де много переводчик не так поставил.

И потом игумен Илья, востав с книгою, и рекль ему: Да уж то де ты, Лаврентие, и не кручинся: для того тѣ статьи тебѣ и объявлены, которые были в твоеи книге не прямо написаны, и тѣ всѣ статьі государь святейшіі кир Филарет, патриархъ московскіі і всеа Русіі, самъ исправил и, изправя, нам велѣл напечатати и, напечатов, тебѣ отдати. И говоря ту рѣчь, книгу ему отдал. И Лаврентий книгу взял чесно и целовал любезно и говорилъ: Спаси Богъ государя святейшего Филарета, патриарха московского і всеа Русіі, что он, великіі государь, наше прошение исполнил.

И потом, обычными поклонении совершив бесѣду, разыдошеся.

На завтреж Февраля въ 19 ден велѣл государь святеишіі кир Филарет, патриархъ московскіі і всеа Русіі, игумену Илие да Гришке от книжные справы быти у протопопа Лаврентия на подворье и говорити с нимъ о тойж книге Бесѣдословіі.

Как мы к нему пріѣхали и первие спросил нас: Как вы называете и что именуете вѣру свою? І мы ему отвѣщали: Вѣру нарицаем христову, преданную намъ святыми апостолы его и утвержениую святыми отцы, иже на седми святых все-

ленских соборех сошедшихся. Протопоп рече: Ино то стала вѣра христова; как же ты ее назовеш от своего лица? егда кто тя спросит: что твоя вѣра? и ты ему как ея наречешь? Мыж отвѣщахом ему сице: Отвѣщаем: вѣра есть о Бозѣ несумнѣнное вѣдание и іcповѣдание о нем безстрастное. Протопоп, подумав много, рѣклъ: Что есть безстрастное исповѣдание, невѣдою: страсти имснуемы есть похоти. Мыж отвѣщахом ему: Не о похотѣх туто слово, но о безстрастиі, сиірѣч без страха исповѣдати Бога, не боятие судей страшных, ни мучителей лютости, ни мук всякихъ прещения, но всяко со дерзновением многим исповѣдати того, яко вси мученицы святиі. Протопоп рече: Прямо так добро.

Потом спросили мы у протопопа: Лаврентие! такли ты исповѣдаеши, что Отецъ начало всему божеству, сиі рѣчь Сыну и Духу Святому? Лаврентиі рече: Такъ я исповѣдаю: Отецъ есть начало всему божеству. Мыж рѣхом ему: Отецъ ни от когож? Лаврентиі тож рече: Отецъ ни от кого же. Мы паки рѣхом: Ни самъ от себе? Лаврентиі тож по нас рече: Ни сам от себе. Мы паки рѣхом к нему: Тож і во Івановe книзе Домаскина глаголет во всѣм ево словѣ: Отецъ ни от когож начало имат, ни сам от себе; а в твоей книзѣ в отвѣте твоем писано есть: Отецъ самъ от себе и бытие свое и божество от себе же имат. Аще сам от себе Отецъ, ино будет начало себѣ; да тойж Отецъ паки будетъ другое начало Сыну и Духу Святому; и так будет два начала в божествѣ: первое начало Отецъ самъ от себе, другое Сыну и Духу Святому. И протопоп рече: Тут де я виноват есть, проступился: прямо де Отецъ ни от когож начало имат.

У протопопаж Лаврентия написан воспрос: Первие ли Отецъ бысть и паки Сынъ и Духъ Святый? І во отвѣте писано: Единым часом прежде вѣкъ бысть три лица. И мы ему рекли: Аще единем часом прежде вѣкъ три лица, то во временех начало Святѣй Троицѣ глаголеши быти, понеж прежде вѣкъ чесы являеши. Внемли себе право о семъ, яко Троице есть безначалное естество и существо, а еже преж вѣкъ божественная писания нам не являет никаких времен, ни лѣт, ни дней, ни нощей, ни часов: тыже в какомъ во единемъ часѣ прежде вѣкъ три лица быти глаголеш? Протопоп Лаврентиі

рече: Вижу, честнѣйшіе отче, что мнѣ спроставалося, і вы Бога ради простите. Да у Лаврентияж в книге о божествѣ написано так: Отецъ Сына роди, какъ рожает орел орла и сокол сокола. И мы ему о том говорили, что тот приклад худ и к божеству зело нелѣпотен. И Лаврентіі рече: Худа нѣт: не дѣло к дѣлу приложено, но естество къ естеству. И мы ему рекли: А то то и худо, что естество къ естеству прилагаеши, а не по подобію его. Протопоп рече: Да како и каково по подобію? Мыж паки рѣхомъ ему: Подобія убо божію естеству нѣсть в человѣце, а вмещенія ради разумнаго нам есть прилагаема во святых писаниих от солнца, луна, отъ огня светъ и прочая таковых, а птицы орла и сокола для того нелѣпо есть прилогати тут къ рожденію Сына, еже от Отца, понеж сокол и орел супружство имут и птица лѣпое похотѣніе имут, яица рожденные имут, на нихже многое время самка сѣдит и болит, и потом яицо плод выколупит или болтуном изчезнет, и сего ради к божественному естеству от сих ничтож прилогаемо: неизреченно бо есть.

У Лаврентияж протопопа в книге ево написан воспрос: Како едино лице от другаго раздѣлимо бывает? В ответѣ написано, что Отецъ Сыну и Духу Святому даде или приобщи им все то, елико в себѣ имать. И мы ему учали говорити: Сие слово пристоит, идеж бывает бесѣда о смотреніі вочеловѣчения слово божия, еже даде или приобщи человѣческому естеству, а не естеству божества Святыя единосущныя Троица. Лаврентіі рече: Да вѣдаете, яко Отецъ есть начало всему божеству и что имат Отец, тож и Сыну і Духу Святому дает имѣти и приобщает их во всем, что имат Отецъ.

И потом учали мы ему говорити: Зело, Лаврентіе, смѣло дерзаеши многоглаголати о божествѣ Святыя Троица; или мнишися паче богословцов древних достигнути глубину крайнего богословия? Лаврентіі рече: Да кая вина, что имат Отецъ, то все дает Сыну і Духу Святому и приобщает их во всемъ, еже имать самъ? Мыж паки ему рѣхом: Слыши Лаврентіе: сказоваешися христианин и мы христіане есмы и по сему нарицанію нашему и твоему о божествѣ Святыя Троица и о вочеловѣченіі Присносущнаго Слова прѣнію быти нелѣпо есть; ащели ж прению быти в нас, то уж нѣкая разнь

в нас и требует исправления. Лаврентиі рече: Ей
і есть (sic!) вѣры греческия, якож і вы, а не иные ни-
, что глаголю Отецъ Сыну і Духу Святому даде или
ім все то, елико имат, и мнѣ видится то не вина,
го имат Отецъ сему приобщает и Сына и Духа Свя-
ж рѣхом: Не приобщает, ни дает, но все купно имат
езначалныя и живоначалныя Троица: едино бо цар-
ласть и господьство, едино хотѣние, и сила, і влады-
Лаврентиі рече: Да как тог дѣйства не описати, чѣм
тся едино божество в три лица и которыи состав от
то имат и како имат? Мы рѣхом: Много о том пра-
ні богословцы не писали и нам паче искати не подо-
Протопопъ рече: Да как не объявит ипостасні Святыя
а? Мы паки рѣхом: Являем то, что правовѣрнии бого-
ы нам явиша, еже от Отца Сынъ и Духъ Святый яко
сточника двѣ реки исходяща, или яко от корене богора-
я цвѣты. Лаврентий рече: Так то и я помню; толко то
ожено умнаго ради выразумения, а не троичнаго существа
ние. Мыж рѣхом: І все приложения, а не существа явле-
, обаче приложение приложения ближайши к разумѣ-
нашему бывает и яснѣйши на вмещение подовает, яко
ание являет три составы, три лица, три имена. Протопопъ
че: Да како имате ипостасная свойства? Мыж паки рѣхом:
зумѣти имамъ ипостасная свойства: нерожение, рожение и
хожение: Отцу убо нерождение; а Сыну рождение, Духуж
Святому исхождение. Протопоп рече: Чтож имат Отецъ и что
Сынъ и что Духъ Святый? Мыж паки рѣхом: А то имат Отецъ
нерождение, а Сынъ рождение, Духъ Святый исхожение.
Протопопъ рече: Да како иного ничегож имут? Мы паки рѣ-
хом: А ино что имут, то все обще имут: волю, и хотение,
и силу, и славу, и престол, и седение, и честь, и поклонение,
і всякое хваление: все суть обще Святая Троица. Протопоп
Лаврентиі, накивнов главою, и ничтож къ тому вѣща.

У Лаврентеяж в книге вопрос: Судъ божиі кол краты
бысть? во ответе написано: Четверократен есть божии судъ.

Мы убо рѣхом ему: Какие четыре суды божия возвещае-
ши? Святаяж писания вѣщают намъ два пришествия христо-
ва на землю, а един судъ страшный, егда во второе и страш-

ное пришествие свое воздастъ комуждо по дѣлом его. Протопоп рече: А то Содому и Гомору судил есть Богъ. Мыж рѣхом: Не судил, но судити имат, понеж рече Господь к Моисею, яко вопль содомскии и гоморскіі умножися ко мнѣ и греси их велицы зело, сошед убо, да вижу. А не рече: да сужу, рекша, смирю. Протопоп рече: А егда душа от тѣла разлучится, не суд ли ей отъ Бога изыдет, гдѣ еі быти повелит? Мыж рѣхом: Прямо ты глаголеши, гдѣ ей быти повелит, и сие есть повеление, а не суд: суд бо един всѣм общъ будет, о немже вещает Матфеи: егда пріидет Сынъ человѣческий во славе своей і вси святіі и ангели с ним, тогда сядет на престоле славы своея и прочея. И Лаврентіі о том реклъ: Мнѣ де так спростовалося, і вы де Бога ради простите.

И потом Лаврентіі рече: Како де вы разумѣете о младенцах, которые родятся от вѣрных человѣкъ: что они нарекутся? вѣрнии сут или невѣрии?

Мыж рехом ему: От вѣрных родителей вѣрии сут младенцы, а не отъ вѣрных родителей не сут вѣрии. Лаврентіі рече: Да како вы нарицаете вѣрна быти младенца некрещенова? не смущаитеся: понеж не крестится, не имат вѣрен быти. Мы паки рѣхом: Прямо глаголем, а не смущаемся: по естеству бо младенец и до крещения вѣренъ есть, от вѣрных родителей родившіися, а от невѣрных родителей невѣрен есть. Лаврентіі, повертев головою, рече: Никако не возможно быти вѣрну младенцу некрещену, аще и от вѣрных родителей родившемуся. Мыж къ нему паки рѣхом: Вѣмы, яко реченно есть: аще не родится кто водою и духом не внидет во царство небесное; сего ради крещение человѣку именуемо есть второе рождение; аще и родится, а не крестится, неуродивыся родися, понеж аще не крещен и родивыся ничтож сый: роди бо ся в небытия, а не в бытия. Некрещеныи бо, аще і верен, но не сый в лице святых; егдаж крестится, тогда в лику святых присочетовается; сего ради богословъ Григорііі три рожения нам реклъ: первое, еж от плоти, плотцкое рожение; и паки второе купелию духовною, и паки обоим, еж есть духу и плоти неразтлеваемое совокупление, общее всѣмъ воскресение. Лаврентіі рече: Ино богослов первое рождение от плоти рек, а вѣрна младенца до крещения не нарицает. Мы

ѣхом: Нарицал бы богослов, аще бы слово о том настояло: прися много і не буди сопротивен дѣлом своим. Лаврен-ні рече: Коим дѣломъ своим противлюся аз? Мы рѣхом: имъ дѣлом своимъ противишися. Егда родится младенецъ и рвие пришед переи, і вход его молитвою освятит; ты сие ствуеши: ты еси переи. И паки именование его от свя-ых избранных божиих дастся и знамением живоносного креста радится: невѣрных ж младенец от всего сего удаляют ро-тели их. Лавреньтиі рече: Да сынъ божиі не наречется, аще е крестится: како можетъ вѣреи быти младенец не креще-ый, аще и от вѣрных родителей будетъ? Мыж паки рѣхом му: Вѣмъ, яко всыновление божие купелию рожается всяк еловѣкъ, а сынъ вѣрный и до купели нарещися может: мнози о вѣрниі родители постятся и молятся чадородия своего ради вѣрою прошение свое получиті сподобляются, и сего ради ынъ вѣры может нарещися вѣрныхъ ради родителеи своих, ли по прозрѣнию божию, яко же къ Еремию рече Господь: режде, неже изыдеши от матере своея, освятих тя и про-ока во языки дах тя. Видишили: Прежде изшествия от ма-ере своея младенца не точию вѣрна, но и свята сотвори Богъ. Предтеча убо Иоанъ, и той, во утробе матерни взыграв, оклонися Христу; таж и мног во святых обретаем, иже во тробах матерних освящени сут. Лавреньтиі рече: Да то вы святых глаголете: ихже суть святи родители, свята и чада их. Мы паки рѣхомъ ему. О святых и о вѣрных глаголем и невѣрных. Помни и ты свое слово, еже реклъ еси: ихже ут святи родители, свята и чада их; тож и о вѣрных рцы: ѣрни суть родители, вѣрна и чада их. Да чтоже і много-ловити нам о том? Егда убо два родятся младенца во едино время от вѣрна родителя суща и от невѣрна другое: како о них судиши: равнили оба или един другаго лучьши нѣчим есть? Лаврентиі рече: Вѣдомо то і всѣм, что вѣрныі младенец лучши, а от невѣрново чево ждати? Мы паки рѣхом: Се и ты вѣрново младенца вѣрным нарицаеші, а невѣрного невѣр-ным: почто с нами пришися? Лаврентиі потом ни что глагола нам о томъ.

Потомъ рѣхом ему: Что, Лаврентие, в твоей книге о бо-жествѣ и о существѣ его писано вопросы и отвѣты дерзосно

зело и смѣло? А егда о человѣце вопрос: Что есть человѣкъ? Тогда глаголеши во отвѣте: Непостижна сия вѣщь. Ино тако будет уничижено божество пред человѣчеством. Лаврентіі рече: И что мнѣ спроставалос; простите, Бога ради. Мы паки рѣхом: Иную ты притчю о человѣце рекл, душу и плот, как орел со свиньею связаны. Ино в наших обычаех греческих книгъ таковыя бесѣды о человѣце не ведутся; а мнится нам: тѣ простые прилоги иманы из книги Езопа, франского мудреца, баснослагателя. Лаврентіі рече: Знаю я езопову книгу и читал, толко то не из езоповы книги. Мы рѣхом: Ино изыной коей, тоиж подобной.

И потом того дни разыдохомся. На утріиж двадесятого дни паки к нему приидохомъ. Рече Лаврентіе: Много понудихся и книгу едва не всю продохъ: зело добра и мудра, а иное, мнит ми ся, кабы не всѣ с моего переводу писано, кабы иное переступлено. Мыж рѣхом ему: Переступили, что нам велѣл государь святейшіі кир Филарет, патриархъ московскіі і всеа Русіі, что было у тебя в книге написано о крузех небесных и о планитах, и о зодиях, и о затмѣніи солнца, о громе и о молніи, и о тресновеніи, и о шибеніі, и о перунѣ, о комитах и о прочих звездах, потому что тѣ статьи из книги острологіі, а та книга острология взята от волхвов еллинских и от идолослужителей, ино туто в книгѣ к нашему правовѣрію несходна. Лаврентіі рече: Чесо ради несходна? Я звѣздъ не писал, ни кола, ни счастия, ни рожения человѣческаго, ни по звездам правления житію нашему: толко яз написал вѣдомости ради, чтобы человѣкъ вѣдал, яко то есть твар божия, а то и мы о том не мудръствуемъ, чтобы звездам правитися житію нашему. Мыж ему рѣхом: Да чесож ради ты, вѣдомости ради, писал, а из книги острологіі ложныя речи, имена звездам выбирал, а иные речи от своего умышления прилогал и не прямо объявлял? Лаврентіі рече: Что яз не прямо объявлял и ложные рѣчи, имена звездам выбирал? Мыж рѣхом: А коя правда сказываеш: облака, надувшися сходятся и ударяются и от того бывает, яко от камени і желѣза, гром и огнь? и звѣзды называеш животными звермі, яж на тверди небесней? Лаврентіі рече: Да как по вашему писат о звездах? Мы паки рѣхом: Мы пишем і вѣруем, како Моисей написа: и сотвори Богъ двѣ свѣтиле ве-

кия и звезды и постави их Богъ на тверди небеснеи, яко етити по земли і владеті днем и нощию, и розлучити между ѣтом и между нощию, а животными и зверями не рек ѡисей. Лаврентиі рече: Да как светила шествия творят? Мыж ѣхом: По повелению божию ангели служат, твар водяще. исано бо есть во втором закониі: оних, рече Моисей, поави предѣлы языком по числу ангелъ божиіх; тако и о ари тѣмиж ангелы служити повелѣ: ангели, рече, гром, гели молниею, ангели дождей, ангели снѣгом, ангели мрам, ангели вѣтром и прочая. Лаврентиі рече: Волен Богъ государь святейшиі Филаретъ, патриархъ московскиі і всеа уси; яз ему, государю, о томъ и бити челом приѣхал, чтобы ѣ недоумение мое изправил, а то я и самъ вѣдою, что в иге моей и не дѣла много писано.

Да переменили мы в твоей книге реч: Отче наш, иже еси небесех! да освятится имя твое. И так у тебя есть і во многих мѣстех книги твоея, а имя божия не освящается, но свящает.

Лаврентиі рече: Будущего времени являет реч, как и прочая молитве сей, прошения: да освятится, да придет, да будетъ. Мыж рѣхом: Рѣч толко желателнаг образа может и настоящего времени не отступити; аще бы не желателнаго образа ыла рѣч сия, то бы не прилагался к ней слог: добро да аз; ыло бы: освятится, приидет, будет, а коли уж с предлогом ѣчь: *да* освятится, *да* приидет, *да* будет; то являет желание моление к дающему лицу, а простую рѣчь изъявителную. Лаврентиі рече: По греческому языку так говорится, что святится имя твое. Кто у вас умѣет по греческиі? Мыж ѣхом ему: Умѣем по греческиі столко, что не дадим ни у аковы рѣчи никакова слога ни убавити, ни приложити. Да сть у государя нашего царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі перевотчики греческого языка и грамоте умѣютъ и псалмы в церкви говорят, і они говорят: да вятится, а не освятится, аги асѳито, а не: ина аги асѳито. Да что нам о том и многословити? Долго, уже тому осмое стоѣт идет, как на рускои языкъ греческая грамота переложена часто на Руси бывают греческого языка ѳилосоѳы, а не лыхано ни от ково, чтобы кто говорил: да освятится; да и

у вас во всей Полшѣ и Литвѣ которые словенскимъ языком говорятъ, да святится имя твое: говорятъ, а не: освятится. Да у вас же много печатных книгъ выходит і ни в которой друкарне не бывало: да освятится; вездѣ: да святится имя твое. Лаврентіі рече: Мнѣ то повиделося, что то одна рѣч: освятится, или: да святится; і в том я виноват.

Паки к нему рѣхом: В твоейж книге было написано, в тоиж молитве: Отче наш, сказываеш, что Господь Богъ рожденіем своим царь есть; но не до всѣми иніже во всѣхъ благодатію своею царства есть. Лаврентіі рече: Так глаголю, понеж злыми Богъ не царствует, но благими. Мыж к нему рѣхом: Ктож злыми царствует? Лаврентіі рече: Злобы началник злыми царствует. Мы паки рѣхом: Злобе ли началника творца твари нарицаеші? Лаврентіі рече: Не творца злоначалника глаголю быти, но царя, над злыми царствовавша. Мы паки рѣхом: Аще не творец, то ни царь есть, понеже и не царствует ничем; но точию злобе началникъ, злобою точию царствует, а не тварью: зло бо не суть кое естество, ниж сотворено бѣ, но произволеніе токмо; а человѣцы сотворени сут от Бога кромѣ злобы і всякия нечистоты, произволеніем же своим быша злы. Но царствует ими един Богъ, тоиж и творец, иже и благими царствует. Глаголет бо еуглистъ Матѳей во сто шестом на десят зачале еуглія своего: дастъ ми ся всяка власть на небеси и на земли; то уж всѣм и надо всѣми един есть царь Господь наш Іисусъ Христосъ. Аще не Господь злыми царствует, да кто их привлачит от нечестия во благочестия, яко волхвы звездою, или яко Павла апостола от хулника во благовѣсника христова еуглія и прочая? Лаврентіі рече: Самовластием человѣкъ обращается к добродѣтелем, якоже и злобамъ, имже почтен бысть исперва Адамъ от Бога. Мыж паки рѣхом ему: Прямо разумей, да и прочии о тебѣ укрепляются, а не падаютъ же. Лаврентіі рече: Да какож? Или не тако есть? Мыж рѣхомъ: Прямо не такъ; но се такъ: падает человѣкъ самовластием, востаетъ ж властию и исправленіем божиим. Зри о семъ, како Адам самовластиемъ падаи, Господь же убо прииде взыскати и обрѣт, якож овча на рамо взя, ко Отцу принесе и ко своему хотѣнію. Се взыска Господь, се изправи; таж и о всей вселенеи Давидъ гла-

лет: Господь воцарися, ибо исправи вселенную, яже не под-
ижится. Отчего изправи Господь вселенную всю? Не во идол-
во ли самовластием падшуюся? Отселе да навыкнеши, яко
рствует всѣми Господь един: Ельлины, і Июдѣими, и бѣсами,
противными по словеси присвоения, рекше, іcправления.
аврентиі рече: Добро такъ. Яз рад покарятися, для тог сюды
приѣхал, да лутчье навыкну отъ вашег преподобия.

Паки рѣхом ему: Да мыже у тебя в книге переменили указ,
о ты написал. Сказываеш: Мошно есть крестити во обсто-
ніі бываемым: і диякону, и клирику, и иноку, и мирянину,
це гдѣ попа не будет. Лаврентиі рече: Писал яз таковыя
ѣчи, понеж, аще гдѣ не прилучится священника, может кре-
ити человѣка диякон, и клирик, и инок, и мирскиі человѣкъ.
ы же к нему паки рѣхом: Тогда ли во обстояниі глаголе-
и, егда прилучится коему граду во осаде быти? Он же
ече: То откуду тогдаимут священницы быти? входу і вы-
оду не бывает тогда. Мыж паки рѣхом: Да кои град бывает
і таков, ідеж были дияконии клирики, а попа не было бы?
авреньтиі рече: Много тогобывает на земли. Мыж паки рѣ-
ом: А егда гдѣ попа нѣтъ, а диякону и клирику како тут
ыти? И крещению какому тут быти? Понеж, аще попа не
удет, ниже вѣрниі тут могут быти; а гдѣ вѣрных нѣтъ, ни
рещения тут бывает во обстояниі и не во обстояниі: вѣрным
о без попа не точию креститися, но ни родитися, ниж умрети
ѣпо есть; сего ради не смущайся, ни смущай. Размысли себѣ,
ако мошно мирянину крестити іли иноку? миро святое и елей
дѣ возмет и како помажет і откуду тѣломъ христовым и че-
тною ег кровию причастити крещающегося имат? Аще бо гдѣ
опа нѣсть, то ни литоргия божественная будет: вся бо сия
рещению послѣдуетъ. Лаврентиі рече: Яз то написал не
обою; до меня написано есть в правилех Августина епископа
а Никифора, патриарха Царяграда. Мыж ему паки рѣхом:
Никиѳора, патриарха Царяграда, правила знаем, яже сут
зложены о церковных счинениях двадесят и три иже с ним
вятых отецъ, а тово правила в них нѣтъ, о коем ты нам
казываеш; да быти не лзѣ. А егда бы то было в никифоро-
ых правилех, было бы то і во иных святых отецъ правилех.
еньтиі рече: А яз сказываю, что и в августиновых пра-

вшех есть. Мы паки рѣхомъ: Августина мы знаем, а правил его и прочих списаней в греческих переводехъ нѣтъ, потому что писание его искажено от латынских мудрецов на свои еретическиі обычаи. Лаврентіі рече: Да Августин православен был епископъ иппонского града и много писание его положено есть. Мы же рѣхом: Вѣмы Августина, что он православен был и потом христовы вѣры отверглъся и едва Амвросием, медиаланским епископом, паки направлен бысть, потомже и до смерти своея Августин в покаяніи житие свое скончал, а уже писание и заповедей, и ученей и посланей никаких не писал, потому что таковым учити отцы не повелевают. Лаврентіі рече: Прямо было так, что отступал Августин христианские вѣры и паки направлен быть Амвросием, епископом медиаланским; толко есть сво словеса і в мелетиеве книге, архиепископа Константина града. Паки мы ему рѣхом: Аще і в книзе мелетиевѐ есть словеса августинова, ино для тово есть, что Мелетиі ту книгу писал Латином о исхожденіі Духа Святаг и опресноцех и о прочих латынских обычеях, и тѣм Августином обличал их, потом что его нарицаютъ себѣ учителя. И Мелетиі, не прославляя учения августинова, писал; но латинскую ересь тѣм обличал; а у нас его учения нѣсть, а хоть гдѣ и обрящется и мы не приемлем̀ для того, что латинского обычея учения его; есть у них и другой толковник, Еронім зовом; такоже его писания не приемлемъж, потому что многия книги греческия по латинскому обычею исказили. Лаврентіі рече: Вѣдаем Иеронима, а писание его и мы не приемлем же.

Мыж рѣхом: Ты, Лаврентие, сказаваешися вѣры греческия, и глаголать греческиі разумѣеши, и книги греческия почитаеши: чесо ради правилом греческия вѣры не послѣдуеши? Лаврентіі рече: В каковом греческия вѣры правилѣ аз не послѣдую? Мы паки рехом: Прилагаеши новой ввод в никифоровы правила, чево в нихъ не бывало; а, мы мним, тот ввод у тебя быти от латынсково обычея. Сказываешь, что простому человѣку или иному мошно есть младенца или какова человѣка крестити. Глаголет бо ся шестаго собора правило 59: Хотящим сподобитися божественнаго просвещения к соборнам церквам приходити повелеваем і в них таковый дар

пріимати; а еж в церквицах, в домѣх сущих, детей или кого крестити—сие правило отрицает. И паки тридесят девятое правило святых апостолъ глаголет: Нес достоіно презвитеру или диякону без повеления епископа своего ни людей связовати, еже есть отлучати, или умножити, или умалити епетимию, сиі реч запрещение, или ино что таковое творити, аще не будет дано им от епископа о том писание. Колми паче не подобает и крестити имъ, а о простом иноке или о мирскомъ человѣцѣ что много и глаголати? Отнюд не имат сего быти, что мирянину или простому иноку крестити. Лаврентиі рече: Да есть в никифоровых правилех. Мыж рѣхом: У нас в греческих переводех нѣт в никифоровых правилех, не что будет у вас есть ново введено? и мы тѣх новых вводов не приемлемъ. Лаврентиі рече: У вас греческих правил нѣт. Мыж рѣхом: Да откуду у нас правила есть? Лаврентиі рече: Да гдѣ у вас взялися греческия правила? Мыж паки рѣхом: Киприян, митрополит киевскиі і всеа Русиі, егда приіде ис Констянтина града на рускую митрополию, и тогда с собою привез правилные книги християнского закона греческого языка правила и перевел на словенскиі язык и божиею милостию пребывают и доныне без всяких смутов и прикладов новых вводов; да многия книги греческаго языка есть у нас старых переводов, а ныне к нам которые книги входят печатные греческагож языка и будет сойдутца с старыми переводы и мы их приемлем и любим; а будет что в них приложено ново и мы тѣх не приемлемъ, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что Греки живут ныне в великихъ теснотах в неверных странах и печатати им по своему обычею невозможно. Лаврентиі рече: И мы новых переводов греческаго языка книгъ не приемлем же; а то я почаялъ правда, что в никиѳоровых правилех написано; а ныне слышу, что у вас того нѣт, ино и яз того не приемлю: простите меня, Бога ради. А яз для того сюды и приѣхал, чтобы мнѣ от вас здеся лутчая наука прияти, а вѣдою и сам, что в моей книге много было и не дѣла писано; того ради яз и бил челомъ православному государю и святейшему кир Ѳиларету, патриарху московскому і всеа Русиі. Потом паки рѣхом ему: Скажи нам, Лаврентие, что тебѣ еще с нами о сей книге договорити? есть ли рѣчь тебѣ к нам или нѣтъ?

Лаврентиі рече: Всегда рад яз с вами бесѣдовати и лутчье избирати, а книгу яз государского жалованья всю проходил и прилѣжно потрудихся при вас и без вас, и много просвещения души моей обрѣте и дивлюся великой премудрости православнаго государя святейшего кир Филарета, патриарха московского і всеа Руси: каков разум, каков смыслъ, какову великую Богом дарованную премудрость имат в себѣ! как онъ, государь, тол великую книгу в невеликое время учинил! Во истинну Богъ дѣйствует в немъ. І взяв книгу к персем своим прикладывалъ я, руками обнимал и любезно всюду ея целовал.

И потом прощение друг другу со игуменом Илиею давше, и разыдошася с миромъ.

СКАЗКА ОБЪ УРУСЛАНѢ ЗАЛАЗАРЕВИЧѢ.[1]

Сказание о некоемъ славном богатыре Уруслане Залазоревиче.

Бысть некиі царь Киркоус Киркоданович да у него бысть дядя княз Залазар Залазоревичъ, а у князя Залазаря бысть сынъ Урусланъ Залазоревич. И какъ будет Урусланъ десети лѣтъ, выдетъ на улицу: і ково возметъ за руку, и у тово руку

[1]) Рукопись, по которой напечатана предлагаемая сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ, сообщена намъ извѣстнымъ знатокомъ нашей древней письменности и собирателемъ ея памятниковъ В. М. Ундольскимъ. Она значится въ его библіотекѣ подъ № 930 и составляла прежде часть большаго сборника повѣстей, изъ котораго въ библіотекѣ г. Ундольскаго находятся двѣ *повѣсти о царѣ Михаилѣ. Троянская исторія* и др. Весь сборникъ принадлежалъ нѣкогда Каріону Истомину, какъ видно изъ слѣдующей приписки на оборотѣ послѣдняго листа *Сказанія объ Урусланѣ: Сия книга, глаголемая собрание істориовъ вознесенского дѣвича монастыря монахини Любви Степановой, которую подарилъ Чюдова монастыря монах іерей Каріонъ Істоминъ.* Немногія рукописи XVII вѣка сохранили намъ въ такой свѣжести полноту эпическаго разсказа и чистоту народнаго языка, какъ тексты Истоминскаго сборника.

Ред.

вырвет; а ково возметъ за ногу, тому ногу выломит. И пришли ко царю Киркоусу на двор князи, и бояре, и гости силные бити челомъ на князя Залазаря и сына ег Уруслана. И пришел дядя князь Залазар Залазоревичъ перед царя Киркоуса и царь Киркоусъ промолвилъ дяде своему, князю Залазарю: О дядя, князь Залазар! почто на твоег сына князи, и бояре, и гости силные мнѣ бьют челомъ и говорят такъ: Любо де в царстве нас держи или Уруслана держи, а намъ и дѣтемъ нашимъ от урусланови обиды прожит не мочно. Роспустит мнѣ князей, и бояр, і гостей: ино царство пусто будет; а выслат Уруслана вон из царства, ино царю жал Уруслана и отца ево, князя Залазаря, а своего дядю, прогневит. А велѣлъ царь князю Залазарю скоро к себѣ быт, и князь Залазар тот часъ ко царю Киркоусу пришол и ударил ему челомъ низко. И царь Киркоус Киркодановичъ учал говорит дяде своему, князю Залазарю: Приходят ко мнѣ князи, и бояре, и гости силные всего моего царства и бьют мнѣ челомъ на сына твоег на Уруслана: играет де непораздо съ их детми; ково де ухватитъ за руку, у тог руку вырветъ, а ково ухватит за ногу, тому ногу выломит; и тѣ мнѣ князи, и бояре, и гости силные говорят такъ: Любо де в царстве нас держи или Уруслана держи, а намъ и дѣтемъ нашимъ от урусланови обиды прожит немочно у тебя в царстве. Ино, дядюшка князь Залазар, не пригоже для одново человека роспустит царство; и ты, дядюшка князь Залазар, помысли о своей да и о моей голове, какъ бы прожити в царстве своемъ было мочно. И князь Залазар закручинился и домой пришол добре невесел. І вышел встречати противъ ег сынъ ево Урусланъ и говорит так: Батюшка, государь князь Залазар! доселева ты, государь, от царя приживал весел и радостенъ, а ныне домой пришол еси не вѣселъ; нечто не по тебѣ, государь, у царя честь была? али не по тебѣ царь слово молвил? али, государь, ідет рат на велнког царя Киркоуса? И будет толко, государь, не по тебѣ у царя честь была, или будет царь не по тебѣ слово молвил: и ты, государь, повеселися со мною и своими дворяны; а будет, государь, на царя Киркоуса и на тебя, отца моег, рат идет: и ты, государь, о томъ не кручинся: тѣмъ могу яз царю и тобѣ, отцу своему, послужити. И князь Залазар молвил сыну

своему: Веселитися мнѣ о томъ не о чемъ; людемъ Богъ дает дѣти при животѣ потеха, а после живота помишокъ, а ты, сынъ, мнѣ при животѣ не потѣха, лише еси мнѣ великая кручина, а после живота своег мнѣ от тебя и по готову помника не будет. Били на тебя челомъ царю Киркоусу князи, и бояре, и гости силные, і все царство ег: играешъ де сь их детми, не гораздо шутишъ: ково за руку ухватишъ, и ты руку вырвешъ; а ково де за ногу ухватишъ, и ты ногу выломишъ; и за то тебя царь велѣл вон выслати из царства. И Уруслан молвил такъ: О томъ, государь батюшка, ни о чем не тужи; об одномъ я тужу, что у меня по моей мысли коня нѣтъ. А как Урусланъ будет двунатцети лѣтъ, нио никаковъ кон подняти ег не может. И молвил Урусланъ Залазоревич отцу своему, князю Залазарю: О том, государь батюшка, ни о чемъ не тужи; кол государь меня царь из царства велит вонъ выбити, а к себѣ меня в службу не примет, и ты, государь батюшка, князь Залазар, вели поставити полату каменную близко моря на высокомъ мѣсте да вели мнѣ внести в полату седло да узду тесмяную да саблю булатную, и яз, государь, в полате одинъ учну жит, а выное, государь, время яз царю Киркоусу пригожуся: учнет меня царь и самъ в службу приімати, и тогда яз не похочю. Нио князь Залазар учинился тому слову рад добре, что сынъ ево Уруслан из царства киркоусова хочетъ вон выѣхат и тот час князь Залазар послал мастеров каменщиковъ и велѣлъ тот час поставити каменную полату. И мастеры часа тог словомъ да дѣломъ великою силою Уруслану Залазоревичю поставили каменную полату. И тот часъ князь Залазар отпущает сына своего Уруслана і велѣлъ сво проводит х каменной полате. И какъ Уруслана проводили, и Урусланъ всѣхъ тѣх отпустилъ, которые ег провожали х каменной полате, а у себя Урусланъ не оставил ни единого человѣка, остался одинъ в каменной полате, а с собою оставил единог человѣка и велѣлъ себѣ в полату внести седло да узду да саблю. И учал Урусланъ не полаты гуляти по лукоморю и по тихим по заводамъ учал стреляти в гуси и в лебеди, тем ся учал кормитца. И учнет Уруслан тянути лукъ, как орда закочаетца, а стрелит, нио какъ не тучи силной громъ грянетъ, а по чему стрелитъ, того не грешит. И нас-

хал Уруслан на поле дорогу добре пробита, и учал Уруслань стеречи, какая то дорога добре пробита, какие люди тою дорогою ездили. Ажно ис поля к Уруслану едет человѣкъ: кон под нимъ сив, тегиляй зелен и какъ не доѣхав до Уруслана и до ег каменной полаты, и с коня сшол долой, а самъ, пришотчи, Уруслану ударил челомъ ниско, а промолвил так: Дай де Богъ здравие государю нашему, Уруслану Залазоревичю! И Уруслан молвит: Почему ты меня, брате, знаеш, что зовешъ меня, брате, имянем? какой еси человѣкъ? А яз тебя не знаю. И человѣкъ молвит такъ: Какъ де мнѣ тебя, государя своег, не знати? Яз де, господине, отца твоего, князя Залазаря, сторож, старой конюх, сивой кон, алые тебенки, сыдавной саадак, крепкой лукъ, гораздой стрелец, в полку богатыр; а стерегу де, господине, отца твоег стада тритцет лѣтъ; а на всякой год приѣзжаю к отцу твоему, по однова на год, челомъ ударити. И Уруслань промолвилъ: Какъ де тебя, брате, имянемъ зовут? Зовут де, государь, меня Ивашкомъ. И Уруслань молвит такъ: Брате Ивашко! много де на меня бѣд бывало, а такова де на меня беда не бывала: царь меня Киркоус избесчестил, в службу меня к себѣ не принял, а отецъ меня, князь Залазар, по государеву слову вон выслалъ из царства. И я о томъ ни о чем не тужу, а об одномъ тужу, что нѣтъ у меня по моей мысли коня и не могу нигде такова коня добыт, которой бы кон меня поднял. А отецъ мой, князь Залазар, розсылал по многимъ городамъ и по розным далным землямъ, а нигде не мог добыт такова коня. Ивашко, старой конюх, молвил: Господине Уруслань Залазоревич! есть, господине, в отцове стаде жеребец третьимъ лѣтомъ, а тот жеребецъ еще молод, а ни у какова еще человѣка в руках он не бывал, а тебѣ он, чаю, по мысли будет. И Уруслань молвил: Брате Ивашко, старой конюх! будет у тебя в стаде есть такой жеребецъ, и ты его мнѣ достави, а яз покамѣста живъ, и я тебѣ другъ буду. А Ивашко, старой конюх, молвил: Господине Уруслань Залазоревич! яз отца твоего, князя Залазаря, добра к себѣ не забыл; а отецъ твой меня пожаловал, и яз ныне и тобѣ послужу: доставлю яз тобѣ того жеребца. Наутрияж, Богъ дастъ, и я тебе все стадо пригоню: и будет тот жеребецъ возможешъ самъ поймати и ты ег поймай, а бу-

дет он по твоей мысли; а будет, господине, тог жеребца поймати не возможешъ самъ, но тебѣ тог жеребца не видат, поймат его нѣкому: ещо он ни у какова человѣка в руках не бывал. И Руслановъ молвилъ: Брате Ивашко, старой конюх! велит ли Богъ на конѣ ездит: и которог ты мнѣ жеребца сказываеш, и у меня тот жеребецъ будет; а будет мое согрешение пред Богомъ будет велико, а тог жеребца яз достати не могу и в том божия воля, уж мнѣ Богъ не велѣлъ на конѣ ездить. И Ивашко, старой конюх, молвит: Сидиж, государь Руслановъ, во своей каменной полате, да смотри в поле в великой лугъ: какъ к воде стадо погоню и какъ за передстрел перед стадом побежитъ наперед к воде жеребецъ кар, и ты стани на дороге близко воды да тово стереги, какъ жеребецъ, пив воду, да воротитца от воды назад и тобеб сво тут ухватит; а не ухватишъ тут, какъ жеребец от воды назад пойдет, и тебѣ ево не видат. И Руслановъ слову тому добре рад учинился, что ему старой конюх Ивашко хочет жеребца пригнат. И учал Руслановъ в своей каменной полате сидет, и учал смотрит на болшой лугъ на поле: и сонъ его неймет, и стреляти не пошел. И как будет о туж пору на завтрея, ажно в поле учинился великой стукъ необычной и копат встала великая; и посмотрит Руслан на великой лух: ажно не поля старой конюхъ стадо гонит, а наперед перед стадомъ бежитъ жеребецъ великъ добре. И Руслановъ взял узду тесмяную, окована златомъ, удила булатные и пошел не полаты да стал на берегу, куда жеребецъ пробежал и как жеребецъ, пивъ вод, да воротился назад, и Руслановъ ухватил жеребца за шею да ударил по бедрамъ, и жеребец пал на окарачки. И Руслан молвит: Дурная де ты кляча, кому на тебѣ ездити, аж не намъ богатыремъ? И положил Руслановъ на жеребца узду тесмяную и повел ево х каменной своей полате, а жеребецъ величеством мало не с полатаю равен. И удачи Руслановъ жеребцу не вѣдает, и дал Руслановъ жеребцу имя доброй конь, вещей Арашъ; и емлет Руслан седло черкаское и положил на своег доброг коня, вещего Араша, и подпруги подтянул по своему обычею, поехалъ Руслановъ на своемъ вещемъ Араше потешатися в чистое поле. І наехал Руслановъ в поле рат велику добре и учал Руслановъ отвѣдывать своег доброго коня надежнаго, вѣ-

цего Араша, и хочет отведат плеча своег богатырского и самъ учалъ рад быть. И учал себѣ Уруславъ думати, что рат добре велика, и самъ не вѣдаст, какие люди в рати той і напустив Уруслан на великую рат, немного думавъ никотоыми думы. И какъ приезжаст к рати близко, ажно из рати к нему богатыр с копъем скачет, а не чаючи, что к Уруслану скачют. И Уруслан опознал, что та рат великог царя Киркоуса Киркодановича, а которой богатыр прискакал к нему с копъемъ, и то Уруслану отецъ его Залазар. И Уруславъ отца своег опознал и с коня своег Уруслан сшол долой и пришотчи, ударил челомъ отцу, князю Залазарю. И как князь Залазар сына своег увидел и опознал ег, также с коня долой сшол. И Уруслан учал говорити князю Залазарю: Что, господине батюшка, в сей рати делаешъ? И князь Залазар молвит сыну своему: Та рат Киркоуса царя, а мы вышли на бой против Данила князя Бѣлово, а тот князь Данило Бѣлой пришол с ратью, похвалася, на царя Киркоуса да на нас, богатырей его, а говорит такъ: Царя де Киркоуса в полонъ возму и 12 богатырей ег, а царство ег попленю, а злато и сребро на въюки посмлю, а кони де борзые стада погоню. И Уруслан молвил: О том, государь батюшка, не кручинся: тѣмъ могу царю Киркоусу и тебѣ отцу послужити, рат князь данилову побью, а самово князь Данила живово ко царю приведу. И князь Залазар молвил: Сынъ еси Уруслан! ещо еси молодец молод, ратного дѣла тебѣ не в обычеи. И Уруслан молвит: Батюшка государь! не учи ты гоголя по воде плавати, такъ не учи ты нас богатырей ездити на ратные дѣла, скол скоро поеду яз служити царю Киркоусу, и тобѣ, отцу своему; а того болши хочетца мнѣ попытати плеча своег и отвѣдати своег доброго коня, вещего Араша. А не имею, государь батюшко, у себя копья; дай мнѣ свое булатное копье. И князь Залазар благословляет сына своего Уруслана и отпущаст ег на рат великую и дает ему свое булатное копье. И Уруслан ударил челом отцу своему и благословился у нег ѣхати на ратное дѣло да поехал Уруслан на рат князь Данила Бѣлово. Ажно в поле Уруславъ наехал великую рат князь Данила Бѣлово: ни на которую сторону не мошно ея объѣхати и окомъ обозрити. И напустил Уруслан на своем добромъ

копѣ, на вещемъ Араше, не мног думал, никоторыми думами, и свиснул богатырскимъ голосомъ и, сколко рати побил, здвое тово от голоса коней, попадаючи, померло. И увидел княз Данило Бѣлой свою погибел, что похвалѣ его Богъ не пособил, и Руслан рат всю побил немилостиво; и княз Данило Бѣлой побежал: кон под ним сив, кутас на нем червчат. И Руслан то увидел, что княз Данило побежал, и Руслан напустил за князем Данилом вещим своим Арашемъ, и княз Данила сугнал и хочет его из лука застрелити. И не похотел, взмолился Руслану: Господине Руслан Залазоревич! не предай мнѣ смерти, дай живот, отпусти меня живово, а яз тебѣ и до смерти друг буду: а пришол яз на царя Киркоуса и на отца твоег, не вѣдаючи тебя; мнѣ не (де?) сказали, что тебя давно в животѣ нет, а от сѣх, господине, мѣстъ, покамѣста я жив буду, и яз на царя Киркоуса и на отца твоег, на князя Залазаря, зла никоторог не учиу думати. И Руслан князю Данилу повѣрил, а молвил так княз Данилу: Впред пойдешъ на Киркоуса царя и на отца моег, князя Залазаря, а яз буду жив, и ты не чай себѣ живота, не чай отпуску: пощады тебѣ от меня не будет. И какъ Русланъ рат княз данилову побил, а самово княз Данила к души привел, да отпустил, и самъ Руслан приехал к царю Киркоусу челомъ ударити і к отцу своему, князю Залазарю. И царь Киркоус добре возрадовался о приезде руслановe, чаючи того царь, что Руслан приѣхал служити ему. И учал царь Руслана дарити многими царскими дары, и учал царь Киркоус Руслану говорити: Брате Русланъ! сколко есми рад тому, что еси моего лиха не попаметовал: рат еси княз данилову побил, а княз Данила Бѣлово к души привел да отпустил. А здвое рат есми приезду твоему, занеже есми перед тобою виноват, что есми тебя обесчестил, из царства выслал; а нынеча, брате, послужи мнѣ, а яз рад тебя жаловат до исходу души своей и дам тебѣ до половины царства своег в державу. И Русланъ молвил: Государь царь Киркоус Киркоданович! которой доброй человѣкъ лихому не метитца? а то, государь, мнѣ не от тебя: по грехомъ моим твоя царская опала пришла ко мнѣ. А которой, государь, богатыр в своем отчестве не честен? а гдѣ ни буди, тут я государю своему слуга буду. Царь же Киркоус добре

закручинился об отъезде урусланове и учел на отъезде Урусlана дарити многими дары. И Урусланже у царя даровъ ничево не возмет, а говоритъ Урусланъ: Государь царь! одно взяти: любо корыстоватися или богатырем слыти. И Урусланъ ударил челомъ царю Киркоусу и отцу своему князю Залазарю и садитца на свой доброй конь, вещей Арашъ, и поехал из царства киркоусова в чистое поле в далную землю.

И едет Уруслан много дней, а никакова признаку не может доѣхати і възьезжает Урусланъ на высокое шаломя, ажно лежит рат велика побита. И Урусланъ выѣхал середи побоища и кликнул богатырскимъ голосомъ двожды; а какъ в третие кликнул, што ему на побоище человѣкъ промолвилъ: Дай де Богъ здравие государю моему, Урусlану Залазоревичю и чево ты, господине Урусланъ, кличешъ? И Уруслан молвил: Кличю, брате, о том, какой то богатыр сию рат побил и какая та рат? коей вѣры? І человек промолвил на побоище: То де, господине, рат Ѳеодула змея, а бил ту рат князь Иван, храброй руской богатыр; а уже князь Иван Ѳеодула змея тѣх ратей много побивает, а хочет де у него князь Иван понати доч ево, красную царевну. И Уруслан молвил: Скажи мнѣ, брате: гдѣ русково богатыря князь Ивана наехати. И человѣкъ молвил на побоище: Руской богатыр на девятом шаломяни. И поехал Уруслан искати князя Ивана, русково богатыря, и изъеде шаломя и другое и изъезжает на третее шаломя, ажно лежит другая рат побита тоей сильнее. И Урусланъ възьезжает среди побоища да кликнул богатырским голосом двожды. И какъ Уруслан на побоище кликнул втретие и с побоища ему человѣкъ промолвил: Что, господине Уруслан, кличеш? И Уруслан молвил: Скажи мнѣ, брате: хто сию рат бил и которая та рат вѣры? И человѣкъ на побоище молвит: То, господине, рат Ѳеодула змея, бил ту рат князь Иванъ, руской богатыр. И Уруслан молвит: Да гдѣ мне русково богатыря наехат? И человѣкъ молвил: Отселе, господине, князь Иван, руской богатыр, на третьемъ шаломяни. И Урусланъ поехал великою ступью съезжати русково богатыря, а хочетца Урусlану попытатися с первымъ рускимъ богатырем, отвѣдати плеча своего богатырсково и доброго своег коня, вещег Араша. И възьезжает Урусланъ на третее шаломя: тут шатер стоит в чистомъ поле,

а на шатре маковица красног золота аравитцкого, а у шетра ходит конь встреножен. И Уруслан приехал блиско шатра, а у шатра никого нѣтъ. А Уруслан сшел с коня долой, а кон свой вещей Араш поставил у шатра со киязь ивановымъ конемъ вмѣсте; и посмотрил Урусланъ в шатер: и в шатре богатыр спитъ, а успул добре крепко. И Уруслан своег коня встреножил, а самъ вшел в шатер, а богатыря не побудилъ, да лег себѣ в шатре опочиват и успул добре крепко да учал спати долго. И пробудился киязь Иван, руской богатыр, і посмотрил на Уруслана, а самъ ужаснулся и вышел из шатра вон: ажно кон ходит встреножен великъ добре, а киязь иванова коня прочъ отбил. И емлет киязь Иван свой вострой меч и хочетъ Уруслану головы отсѣчъ, а се во умѣ своемъ помыслил: убити мнѣ сонново человѣка не честь мнѣ, богатырю, будет. Да и то себе розмышляетъ: Тот человѣкъ приѣхал в шатер, а яз спал, и токоб он меня хотел убити, воля ему была, и он бы меня убил сонново, и он меня сонново не убил, дал мнѣ живот. А се учал Уруслана будити: Пробудися, брате! Какой еси человѣкъ: царь ли, или царевич, или киязь, или богатыр силной? Спишъ добре крѣпко. И Уруслан пробудился и, вставъ, молвил киязю Ивану: Поди, принеси мнѣ воды умытися. И киязь Иван молвит: Не пригоже мнѣ тебѣ вода носит: яз княжой сынъ. И Уруслан молвилъ: И ты дай мнѣ чару золоту: в своем шатре дома, а яз у тебя гость. И киязь Иван Уруслану дал чару золоту и Уруслан молвилъ: Коли ты мнѣ дал чару золоту, то ты мнѣ дал воды умытися. И Уруслан, умывся, сел на кон свой, на вѣщево Араша, а киязь Иван селъ на свой доброй конь да поехал против Уруслана. И Уруслан съѣзжаючися молвил: Боже милостив! всемъ еси меня потешил, потеж меня темъ, чтоб ни к одному человѣку железомъ копья не оборотилися. И какъ съехался Уруслан со киязь Иваном в чистомъ поле, и ударил Урусланъ киязя Ивана копьемъ противъ сердца тупымъ концом и свалил ег с коня на землю, а доброй кон урусланов, вещей Арашъ у киязь Ивана наступил на панцырское ожерелье копытомъ. И Уруслану киязя Ивана жал убити и молвил Уруслан: Брате киязь Іван! животал хошъ или смерти? занеже, брате, что промеж нами недружбы никакие не бывало, а захотелисмы с тобою потешитися и мы потешилися и плеча своего

спытали и добрых коней отведали. И князь Иван молвит: Господине Урусланъ! недай мнѣ смерти, дай мнѣ живот: не хощу мерети. И Урусланъ скочи со князь Ивана да ударил ему писко сломъ, а самъ ему молвит: Буди, господине, мне князь Иванъ олшей братъ. И князь Иван молвит: Не пригоже мнѣ, господине Урусланъ, быти над тобою болшим братомъ; буди ты мнѣ болшой братъ. И Урусланъ Залазоревичъ тут ныне побратовся и поцеловалися, и учалъ Урусланъ роспрашивати князя Ивана, рускаго богатыря: Скажи ты мнѣ, брате: какие ты рати билъ? И князь Иван молвил: Брате, господине Урусланъ Залазоревичъ! уже и третей год рати побиваю, а та рать Ѳеодула змея: добиваюся у Ѳеодула змея дочери ея, красные царевны, а много из у него рати побил. И Урусланъ молвил: Да какъ ты не можеш самово Ѳеодула змея достати? И князь Иван молвит: Конь под нимъ бур, Кутас зеленъ, и утекает у меня на озеро, поверхъ воды как сокол летит. И Урусланъ молвил: Ино, брате, у меня Ѳеодулу змею утеч немочно, а яз еще коня своего вещего Араша не вѣдаю удачи его. И спросил Урусланъ у князь Ивана: В которое время с ратью Ѳеодул змей выходит? И князь Иван молвит: Господине Урусланъ! с ратью Ѳеодул змей выходит, какъ солнце взойдет на утренной зорѣ. И какъ на утре будет на солнечном всходу вышел Ѳеодул змей с ратью, и Урусланъ сѣлъ на свой доброй конь и вооружился в ратное оружие и приказывает брату своему князю Ивану: Сколко де, брате, часи рати бит, а тот болши смотри, чтоб не ушел Ѳеодул змей; как он побежит, такъ мнѣ скажи: яз еще ево не знаю; и толко он нынеча убежит, Ѳеодул змей, и нам ево не добыт, а тебѣ красной царевны не видати. И какъ пособил Богъ Урусланѣ, побили с половину рати и Ѳеодул змей побежал, и Урусланъ издалече усмотрил и по указу опознал его конь ѳеодулов, Кутас зелен: и Урусланъ погонился за Ѳеодуломъ змеемъ на своемъ вещем Араше, а молвил Урусланъ: Брате де мой, доброй конь, вещей Арашъ! служи ты мнѣ ту службу первую: не упусти ты мнѣ недруга брата моег князь Ивана, занеж есми с нимъ впервые познался. И вещей Арашъ молвит: Господине де Урусланъ! тобя, государя своег, блюдус, а тот конь, что под Ѳеодуломъ змеем, мнѣ болшой брат, а оба есми кони от водяных коней прирожение наше,

а нынеча тебѣ, государю своему, послужу, только не уполошейся: скачи на озеро, не бояся. Уруслан же добре учинился тому слову весел и напустил своег доброго коня за Ѳеодулом змеем. И какъ прискакал блиско, и Ѳеодул змей на озеро побежал, кон под нимъ какъ сокол полетел. И Уруслан пустил своег вещег Араша на озеро, и доброй кон, вещей Араш по озеру, поверхъ воды, какъ сокол полетел, что по мосту скачетъ. И какъ угонил Уруслан Ѳеодула змея и бурой кон молвит, которой под Ѳеодулом змеем, своему брату урусланову коню, вещему Арашу: Брате мой Араш! вѣдаеш и самъ, что я тебѣ болшой брат, а ты хош чти урусланову, что за мною гонишься; а яз чти хочю великому царю, Ѳеодулу змею. Арашъ де вещей молвит: Брате мой, бурой кон! ты хошъ чти Ѳеодулу змею не надолго, до тѣх местъ, покаместъ Ѳеодула змея достанет урусланова рука, и яз своим государемъ векъ коротати хочю. И как де Ѳеодул змей утек в каменные ворота городовые, и по божию веленью Урусланъ Ѳеодула достал по шелому и розсѣкъ ево на двое до седла и бурово коня пересѣкъ на двоежъ. И поѣхал Уруслан на царев двор и услышела царица, ѳеодулова жена, и ег доч, красная царевна, что Ѳеодула змея в животе не стало, и вышли вон из высокой полаты и с своею дочерью против Уруслана и учели бити челом: Господине Урусланъ Залазоревичъ! какова мы тебя слухом слышели, такова и в очи тебя видимъ; о том тебѣ, государь, челом бьем, чтобы мы поляпками не слыли, а царство все божие да твое, и без тово красная царевна перед тобою. И пошол Уруслан с царевною в полату в каменную, а по брата своег по княз Ивана, русково богатыря, послал скорые гонцы. И какъ пріѣхал брат ево княз Иван, руской богатыр, и Урусланъ часа того словом да делом велѣлъ свадбу играти и дал Уруслан красную царевну, ѳеодулову доч, за княз Ивана, русково богатыря, за муж за брата своего. И какъ пришол княз Иван от венчанья и легли спат на первой ночи и Уруслан пришол к полате и учал слушати, что имут про него говорити. И брат ег княз Іванъ, руской богатыр, лежачи, молвит: Душечка моя, свет красная царевна! доставал есми тебя миог лихомъ и добром и не умел тебя достати; и Богъ мнѣ дал брата Уруслана Залазо-

евича: тот тебя мнѣ доставил и дал тебя за меня за муж;
скажи ты мнѣ правду: естьли тебя гдѣ краше, а брата мо-
го удалѣе. II царевна молвит: Государь князь Иван, руской
огатыр! чемъ я красна и хороша? Есть, господине, в поле
ачюют две царевны, а нетъ у них ни отца, ни матери, один
них дятка стар человѣкъ и у тех царевенъ краше меня
евки, которые на руки воду подают; а брата твоего есть
далѣе Уруслана—Ивашком зовут белая поляница, индейского
аря сторож: стережет он на индейскомъ рубеже семъ лѣт
крайны, а никаков человѣкъ мимо сво не проедет. II Уру-
лану то добре досадно, что невеска его, князь иванова жена,
охвалила Ивашка, белую полянцу. II учал Урусланъ дума-
и на своемъ великом разуме один: царевенъ искати поехат,
или досзжати Ивашка, белую полянцу, поехати, или поехати
отцу да к матери челомъ ударити? Поѣхати мнѣ царевенъ
искати или Ивашка, белую полянцу, искати—и мнѣ з баткомъ
да с маткою долго не видатца; а отецъ мой и мати моя при
старости были, какъ я от них поехал. II здумал Урусланъ,
поехал к отцу да к матери челом ударити, а царевны де у
меня и Ивашко, белая полянца, и впред не уйдут. II какъ
Урусланъ приехал в царство киркоусово, ажно царство кир-
коусово пусто, одва одново человѣка нашол. II учал того че-
ловѣка Уруслан роспрашивать: Гдѣ, брате, царь Киркоус Кир-
кодановичъ делся и отецъ мой князь Залазар и ево двападесят бо-
гатырей? II человѣкъ Уруслану сказал: Уж тому третей год
идетъ, какъ князь Данило Бѣлой приходил, царя киркоусово
все царство вывоевал, а самово царя Киркоуса и дядю князя
Залазаря и 12 богатырей к себѣ в полон взял, а людей в
царстве высекъ, а злато и сребро на вьюках повез, а кони
борзые стада погонил. II Урусланъ тут заплакал а се молвил
себе: Не дай де Богъ деяти добро никакову иноземцу и веры
нять; то де мнѣ учинилос от своего ума, что яз неверному
вѣры понял, а того князь Данила жива отпустил. И поехал
Урусланъ на своем добромъ конѣ, вещемъ Араше, во князь
данилово княжение Бѣлово и приезжает к городу, ажно про-
тивъ сво идет человѣкъ стар и учал Урусланъ тог человѣка
роспрашивати: Скажи мнѣ, брато: дома ли князь Данило Бѣлой
і не в отъезде ли где? Дома, господине, нынеча; князь Данило

не бывал нигдѣ от тех мѣстъ, какъ воевал царство киркоусово, а самово царя Киркоуса и дядю ево князя Залазаря и 12 богатырей привел к себѣ, да посадил их в темницу, да взимал у всех у них очи. И услышел тот Уруслан и прослезился и пустил своег доброго коня в чистое поле, а самъ Урусланъ молвил доброму коню: Как ты мнѣ, доброй кон, будешъ надобет, и яз тебя кликну богатырскимъ голосомъ и ты ко мнѣ буди часа того. И пришел Уруслан в город, ихто ег не позна за простово человѣка мѣсто, и пришол к темнице и учал говорити Уруслан тюремным сторожемъ: Господине сторожи! пустите вы меня в темницу царю Киркоусу челомъ ударити. И сторожи ево к царю Киркоусу пустили за простова человѣка мѣсто, а не чаючи ево, что Уруслан. И пришедчи Уруслан в темницу и ударил челом царю Киркоусу и молвит Урусланъ: Дай Богъ здравие государю моему, царю Киркоусу и дяде его князю Залазарю и 12 богатыремъ ег. И царю Киркоусу, сидя в темнице, учинилос то слово добре в досаду, а молвил царь Киркоус: Брате Уруслан! не смейся ты царю Киркоусу и дяде ег князю Залазарю и 12 богатыремъ моим: коли яз царь Киркоус был на своемъ царстве и яз пошлой царь был, а дядя мой князь Залазар пошлой князь был и 12 богатырей моих пошлые были богатыри и многие люди розных царствъ служили мнѣ; а нынеча, брате, то нам дал Богъ за грех, потоле де Богъ нам велел жит. И Урусланъ молвит: Яз тебѣ, государю своему, не насмехаюся и твоему дяде, князю Залазарю и 12 богатыремъ твоимъ; а яз, государь, старой твой слуга, дяди твоего князя Залазаря сынъ, а имя мое Урусланецъ, а приехал есми тебѣ, государю царю, челом ударити и богатыремъ твоим. И царь Киркоус молвит: Брате де Уруслан! пред тобою виноват в том, что еси тебя за твою проступку из царства своег вонъ выслал, а ты, брате, виноват мнѣ в том: коли князь Данило Бѣлой у тебя был в руках и ты ево отпустил жива, а ему неверному веры понял, а смерти ему не дал и за то, брате, нынеча мы у нег беду терпимъ; а се еси передо мною в том виноват, что еси позабыл свою вѣру, а старог еси государя покинул: а нынеча, брате, время уже миновалос: приближаемся блиско смерти, не пособити никому. И Уруслан молвит: Государь царь

Киркоус того ты моего лпха не помни, а нынеча яз тебѣ, государю, рад служити головою своею: в которомъ мѣсте мой супостат? II отецъ урусланов княз Залазар молвит сыну своему Урусланy: Господине ты мой сынъ Урусланъ Залазоревич! толко захошъ послужити великому царю Киркоусу Киркодановичю и мнѣ, отцу своему, и царевым богатырем, поди ты: есть на море Зеленой Царь, огненной щит, пламенное копье. А тог царя не может никакой богатыр достати; а ты силою силен, можно тебѣ того царя достати. И ты привези намъ того царя свежую печень и горячюю кровь; и мы тою печенью и кровъю помажем очи великому царю Киркоусу и намъ, богатыремъ ево, и мы все прозрим; а впред ты начнеш силнымъ богатыремъ слыти. II Уруслан о томъ закручинился для того, что он ещо молодец молод и многих ордъ ещо мало знает; а та ему служба наказана великая, что ему с тое службы живому не съѣхати. II учал Уруслан молитися всемилостивому Спасу, а самъ пошел от темницы, молча, проч к своему доброму коню, вещему Арашу. II послышели сторожи тюремные то слово и хотѣли Уруслана поимати: и Урусланъ ударил одново по уху да у двунатцети сторожей голов позбил. II княз Данило Бѣлой не полаты самъ усмотрил и хотел за Урусланом погнатися, і Уруслан молвил: Не гонися за ветромъ; и поѣхал Уруслан из княз данилова княженя Бѣлово, а самъ, едучи, роздумывает на великом своемъ разуме, гдѣ достат Зеленог Царя: ни в которой земли слухом не слыхано. И поехал Уруслан в далные земли и сам не вѣдает, куды ѣхат. II наѣхал Уруслан, в поле стоит дуб краковистъ велик добре, стоит середи поля: со всѣ стороны ни откуду лѣсу нѣтъ, а около тог дуба миог дорог пробито, а сжено перед нимъ недавно. II Урусланъ учал мыслити на своемъ умѣ: откуды тѣ дороги пробиты и которой земли и какие тою дорогою люди ездили. II учал Уруслан тѣ дороги розъезжати, и учал дивитися, что стоит дуб велик не пустошн, а дороги около дуба все лежат. II стал Урусланъ под дубом, притуляс и учал стеречи, кто тѣ дороги пробил. II какъ будет тогож дни въ полдни, ажно летит великое стадо птиц хохотуней, да учали около дуба садитися кругом; посидев немного, да сошли з дуба на землю да учали изметоватися красными девицы. И

Уруслан, стоячи, ужаснулся, а се молвил себе: По ся мѣстъ де я никакова человѣка не уполошевался; а самъ напустил на них вещег своего Араша, доброго коня. И девки все взлетели птицами на дуб, и Уруслан ухватил девку, и девка учала изметоватися всякими зверми, и всякою птицою, и всякою гадиною. И Уруслан держитъ сѣ крепко и, как девка всем переметалас и не могла ничем перекинутися, и девка молвит Урусланy: Чего, государь, хочеш у меня, что держишъ меня крепко? И Уруслан молвит: Девка! у вас крыле, вы летаете по многимъ землям и по многим царствам; скажите мнѣ: слыхали ли есте на море Зеленог Царя, вогненног щита, пламенного копъя, а ездит он на осмероногомъ конѣ? И девка молвит: Господине Уруслан! есть Зеленой Царь, да никаков человѣкъ не может живъ его видети. И Уруслан молвит: Девка! того ты мнѣ не сказывай: не поставиш ты меня в царстве Зеленог Царя часа тог, тобѣ живой не быти и отпуску себѣ не чай от меня. И девка молвит: Господине Уруслан! до Зеленого Царя далеко: одному ехати от сѣхъ мѣстъ 12 мѣсяцовъ, и яз того часу поставлю у Зеленог Царя, толко меня не издержи ты, отпусти. И Урусланъ молвит: Девка! как ты меня поставишъ у Зеленог Царя, тот часъ тебя отпущу, не издержу. И девка молвит: Господине Урусланъ! коли ты так говоришъ, і ты зажмурся, а яз тебя посъставлю у Зеленог Царя в царстве. И Урусланъ зажмурился да ступил трижды на своемъ добромъ конѣ, вещемъ Араше, и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. Ажно Уруслан стал на чистом поле под царством Зеленого Царя, и Урусланy ни на ум не взойдет, что девка отпустит—ино назад не быти, дороги не познати. И Урусланъ молвил: Девка! убьет меня Зеленой Царь, ино готова тебѣ простыня; а буду жив, и ты поставъ меня во князь данилово княжение Бѣлово. И приковал Уруслан девку у стремени у доброго своего коня, а самъ Урусланъ пошел к царству Зеленого Царя и наехал побоище добре велико, а давно бито: а середи побоища лежит голова человѣческая добре велика, а добре давно бита. И приехал Урусланъ, стал над головою, а говорит: Голова де была доброго человѣка. И голова промолвит: Брате де Уруслан Залазоревич! твоей голове також лежат. И Уруслан молвит: На то, господине, яз приехал:

любо голова сложит, любо Зеленого Царя сложит, горячей крови и свежей печени. До тово де, господине, не долго, что тебе голова своя положит, толко яз тебя не научю. И учал Урусланъ перед головою бити челом, чтоб ево научил. И голова молвит: Есть де подо мною мечъ таков, что оприч того меча никаково железо не имет и огон того Зеленого Царя не имет же; а тот мечъ одинъ ево имет. И яз с тѣм мечом поехал против Зеленого Царя, а чаел есми убити тем мечем Зеленог Царя; и тот Зеленой Царь выехал противъ меня на осмероногом конѣ с вогненным щитомъ и с пламенным копъем, да, не допускаючи меня к собѣ, зжег и яз, летячи с коня, тот меч подкинул под себя на землю и тот меч лежитъ и ныне подо мною. А тот Зеленой Царь приезжает ко мнѣ всемъ своимъ царством, а не может он испод меня тог меча достати; а тобѣ яз дал тот мячъ (sic!) и тебѣ ево не убитиж, потому что он выезжает на осмероногомъ конѣ с вогненным щитомъ, с пламенным копъем, и он тебя, к собѣ не допуская, созжет: ино убити того Зеленог Царя хитростью. И голова молвит: Господине Урусланѣ! поедеж ты к городу и какъ тебя из полаты увидит Зеленой Царь, такъ он не утерпит, выедит он против тебя, потому что он знает богатырей по поездке, а своих людей знает он по поездкеж. А выедет он против тебя на осмероногом конѣ с вогненным щитомъ, с пламеннымъ копъемъ: таков у нево обычей держит, а без того он не ездит ни на один часъ; и ты, брате Урусланъ, издалече усмотри его да с коня долой слез, да удар ему челомъ ниско до земли. И Урусланъ говаривал, на дѣло едучи: чтоб ни к одному человѣку желѣзомъ копья не оборотилися; а нынеча Урусланъ с коня велят слесть да челомъ ударити велят до земли. И голова молвит: Брате Урусланъ! хто на коне живет, тот и под конем: что тебѣ лутчи умерети или живу быти лутче? Толды бы ты смерти себѣ чаел, колиб тебѣ вести не было: как я приехал безвѣстной и яз погиб; а меня сильнее и удалѣе не было. А нынеча ты о чемъ о том тужиш, как бы, брате, недруга не излѣсти? Господине голова человѣка доброго! ударив мнѣ царю челомъ, что мнѣ молвит? И голова молвит: Господине Урусланъ! ударивъ челомъ Зеленому Царю так молвь: Господине великій царь! человѣкъ есми русин, приехал из далные земли, из киркоусова царства

послужити тебѣ, Зеленому великому Царю: что, господине, слава твоя велика по всемъ землям; а нигде есми такова государя не наехал. И царь твоему слову учинитца рад и подастъ тебѣ руку и приімет тебя в службу, и ты учнеш ему служити. И ты, служачи ему, да спроси ег в розговоркъ про меня; молвь царю: что в поле белеютца многие кости человѣческие, а промеж ими кажетца голова добре велика, а бутто ты меня и не видал; и о том о всемъ скажет он тебѣ про меня Царь Зеленой и про меч мой, и ты тогда похвалися меч мой привесть и, какъ приедеш ко мне, и яз тебя тогда научю. И Руслан сел на свой доброй кон да поехал к городу. И Зеленой Царь усмотрил Руслана и сел на свой на осмероногой кон да взял свое пламенное копъе и вогненной щит, да напустил на Руслана. И Руслан по наказу опознал его по огненному щиту, по пламенному копью и по осмероногому коню и спял Руслан с коня долой да ударил челом Зеленому Царю ниско до земли, а молвил: Дай Богъ здравие великому Зеленому Царю! И Зеленой Царь спросил Руслана: Какой еси, брате, человѣкъ и которой земли? Какъ тобя зовут имянем? А кон у себя имѣешъ доброй. И Русланъ молвил: Господине великиі царь! человѣкъ есми русин, а езжу из далные земли, из киркоусова царства, а зовут меня Русланомъ Залазоревичемъ; а поехал есми, слышечи твою великую славу: что ты, государь, славен по всей земли, и по многимъ царствам слава твоя; а се многие царства поимал еси своею удачею: и яз, государь, приехал послужити тебѣ. И Зеленой Царь добре учинился рад приезду русланову и подал ему руку и принел Руслана к себѣ в службу. И учел Царь Зеленой говорит: Брате Русланъ! много в моем царстве богатырей и удалых людей и мнѣ то ничто не дорого, а дорого мнѣ, что еси далные земли приехал на мое имя послужит мнѣ. И поехал царь с Русланом в чистое поле тешитися и велѣлъ царь Руслану перед собою стреляти гуси и лебеди и утята. И Руслан лукъ потянул: ино какъ силная орда закачастца; а стрелит, аки силной громъ грянет; а, по чему стрелит, того не грешит. Царь добре рад, что Руслан удал, стрелят гораздъ и силою силен: нет такова человѣка и во всем его царстве. И приехал Царь Зеленой с Русланомъ в город,

чал Уруслана дарити многими царскими дары, и Уруслан не
млет, что взят даров у царя. И учал Уруславъ у Царя Зе-
еного дары имати, блюдяся, чтоб Зеленой Царь не догадал-
я, что Уруславъ приехал к нему служит лестью. И учал
Зеленой Царь Уруслана любит и жаловат лутчи всех челo-
вѣкъ; и учал царь с Урусланом всякую розговорку говорит.
И вшол царь в каменную полату, и учал Уруславъ смотрит
из полаты на чистое поле, гдѣ побоище лежит и голова бо-
гатырская, и молвит Уруслан: Господине великиі царь! много
с тобою яз по полю езжу и из полаты смотрю на великой
луг: а не смѣю тобя, государя своег, спросит, какие на том
поле лежат человѣческие кости, а промеж ими лежит голова
добре велика. И Зеленой Царь молвит: Господине Уруслан!
го яз бивал многие рати и многие богатыри дотолева, коли
я не славен был; а нынеча тому уже 30 лѣтъ минулос, какъ
на меня не смеют никаков богатыр похвалитца, какъ я тог
богатыря убил, чъю ты голову сказываеш середи побоища
лежит. У того богатыря был меч таковъ, что было достати
ему меня и моево живота темъ мечемъ: и яз ево до себя не
допустил да зжегъ ег огненным щитом, пламезным копъем
и с коня ево сшиб долой; и тот богатыр слетел на землю и
тот свой меч подкинул под себя в землю; и тот моч и по ся
мест подъ темъ богатыремъ лежит, и яз тово меча достоваю
много лет, а не могу всемъ царством своимъ достати. А
нынеча, брате, толко хто мнѣ тот меч достанетъ, и яз за тог
доч свою, царевну красную, дамъ да половину своег царства
и всег своего имения. И Уруслан молвит: Господине великиі
цар! какой то богатыр был стол силной? Людно царство
твое и многие у тебя богатыри служат, а не можешъ ты тог
меча достати. И Зеленой Царь молвит: Брате Уруслан! чемъ
божия дѣла переставишъ? И Уруслан молвит: Господине царю!
И нынеча толко хто тот меч достанет, и тому человѣку моч-
но велику честь воздати? И Зеленой Царь молвит: Брате Уру-
сланъ! будетъ тебѣ мочно тот мяч достати, не изменю слова
своего: дам за тебя дочер свою, красную царевну, и полцар-
ства своего и всего имения половину. И Уруславъ молвит:
Господине великиі царь! яз тому рад послужити: хотя мнѣ
голова своя положити, а тебѣ, великому царю, послужу; а

еду меча достават. И приехал Урусланъ к богатырской голове и, сшед с коня, ударил челомъ перед головою ниско до земли, а молвил Уруслан: Господине богатыр! по твоему есми наказу похвалился меч к царю привести; а не принесу меча, и мнѣ живу не быть. Голова с меча скатилас и меч стал наруже. И Урусланъ взял мечъ за тупой конец и ударил челом головѣ до земли, а молвил Уруслан: Господине богатыр! научи ты меня, чем еси ялся научит. И голова молвит: Брате Уруслан! коли ты меч достал, а царя тебѣ мочно достати, толко не уполошейся, а вдругоряд не секи; а устрашисся и тобѣ самому живу не быть. Какъ тобя царь ис полаты увидит, что мечъ везешъ, и он против тебя самъ выедет и встретит тебя середи царског двора своег; и ты как будеш середи царског двора, и ты меч повези на плече, к собѣ вострым концомъ не оборачивай: вострым концем держи от себя проч. И хотя царь и блиско к тебѣ приступит, и ты меч держи на плече, не сноси, а жди времени, какъ к тебѣ царь приступит блиско і пойдет с тобою в ряд, и ты меч подыми да ткни царя под шею однава да гораздо. И Урусланъ поехал к городу, а меч повез на плече. И Зеленой Царь увидел ис полаты, что Уруслан меч везетъ: царь на своем месте не усидел, вышел ис полаты вон против Уруслана и рад добре, что Уруслан меч достал. И какъ Урусланъ взошел на царевъ двор, царь приступил к Оруслану блиско и, как царь с Оруслаком изверстался вмѣсте, и Уруслан поднял меч да тял царя по шее і розсѣкъ ево на двое. И Зеленой Царь, летячи на землю, молвил: Господине Уруслан! ткни вдругоряд. И Уруслан молвил: Двожды богатыри не секут. И стеклися на Уруслана царевы богатыри и хотѣли Уруслана убити. И Уруслан молвит: Господине богатыри! сѣчъ мнѣ вас тѣмъ мечем, которымъ мечем яз царя убил, и мнѣ царева честь потерати. И ухватил Уруслан одново богатыря и убил ево до смерти да тѣмъ многих богатырей побил. И видят царевы богатыри, что со Урусланом битися нелзя и оне все Урусланy учали бити челомъ в службу. И Уруслан молвил: Брате! не царствовать я к вамъ пришол, приехал есми для своег дѣла. И вспорол Уруслан у Зеленого Царя могучюю грудь и емлет в вощаночку кров горючюю и вымает свежую печен и обертел

в шприночку и положил в саадак, и вышел Уруславъ из царства Зеленого Царя вонъ. И пришол к своему доброму коню, вещему Арашу, и учал девку откавывать; а самъ учал говорит: Девка! постав ты меня во князь данилово княжение Бѣлово часа тог. И девка молвит: Господине Уруслан! поставлю яз тебя под темъ же дубомъ, под которым яз тебя взяла. И девка молвит: Господине Уруслан! зажмурся. А вещей Арашъ трижды ступил и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. И Уруслан прозрил: ажно стал под темже дубом, под которым его девка взяла. И стал Уруслан добре рад и девку от стремени откавал да отпустил на волю. И девка полетела птицею хохотупею; а сама девка молвит: Не дай Богъ впред под темъ дубомъ бывати, хотя векъ не играти. И Уруславъ поехал на своем вещем Араше во князь данилово княжение Бѣлово, где царь Киркоус без очей сидит в темнице и дядя ег князь Залазар и 12 богатырей его. И приехал Уруслан к темнице к царю Киркоусу и дал ему Уруслан свежую печен и горячюю кровь Зеленог Царя и пошел Уруслан от темницы проч. И в то время сказали сторожи князю Даниду Бѣлому, что Уруслан приехал к царю Киркоусу, а сторожи не смѣютъ ни один приступитися. И князь Данило Бѣлой хотел побежат от Уруслана, и Уруслан молвит князю Даниду: Уже ты от меня бегивал и душу еси мнѣ свою давывал да и тут еси слово преступил; а яз тобѣ поверил, а смерти яз тобѣ не дал: отпустил тобя жива; а нынеча тобѣ у меня живота не будет за твое преступление и за ложное шерстование и бежати тобѣ от меня нѣкуды. И поймал Уруслан князь Данила Бѣлово и привел ево живово ко царю Киркоусу, и царь Киркоус, поднявъ Данила князя Бѣлово, да ушиб о землю до смерти; а сам царь Киркоус и дядя ег князь Залазар и 12 богатырей его помазали себѣ кровью очи и печенью Зеленог Царя, и онѣ прозрили: всѣ стали волной свѣтъ видети. И Уруслан молвит: Государь, великиі царь Киркоусъ! виноват был я пред тобою, что есми наперед сего князь Данила живово отпустил, а поверил есми ево душе; а нынеча яз пред тобою справился: князь Данила привел к тебѣ живово, а вас есми всех отпустил. И царь Киркоус всех своих сыскал, которые с ним были в полону, а князь данилова царства людей, которыо ему гру-

били, всех велел смертною казнью казнити и розными муками велѣлъ мучити; а иных, которых добрых родов, велел для славы оставити у себя в царстве, велѣлъ служити, а по княз даниловым городомъ розсажал своих людей. И оттоле царь Киркоус пошел на свое царство добре радостен, и устроил царство свое лутчи старово и учал царь Киркоус на своем царстве жити безмятежьно. А Уруслан ударил челом царю Киркоусу і отцу своему, князю Залазарю, и самъ поехалъ в чистое поле козаковат. И едучи Уруслан, вспаметовал дву красных царевенъ, которых хвалила ему невѣска ево княз иванова жена, русково богатыря; и поехал Уруслан в далные земли доезжати тех царевенъ. И ехал Уруслан мног дней и приехал Уруслан к той орде, гдѣ живут красные царевны, и увидел Урусланъ в поле шатер бел, маковицы красново золота аравитцког и приезжает Уруслан к шатру: у шатра ходит стар человѣкъ. И Урусланъ по указу догодался, что тѣ царевны, которых царевенъ хвалила невѣска ег княз иванова жена. И Уруслан сшел с коня. И старой человѣкъ пришол и Урусланy ударил челомъ, а молвил: Скажи мнѣ, господине: какъ тебѣ имя. И Уруслан сказал: Будет слыхал есми Уруслана Залазоревича? И старой человѣкъ молвит: Слыхал есми, господине, про тебя, что еси удал. И молвит Уруслан: Поди ты, скажи про меня, старой человѣкъ, краснымъ царевнам. И старой человѣкъ сказалъ красным царевнам, и царицы обѣ вышли из шатра и ударили челомъ Урусланy, и учели бити челом, чтоб с ними в шатер бесѣдовати пошел. И Уруслан челобитье их принял и пошел с ними въ шатер бесѣдовати. И царевны учали Уруслана потчивати. И какъ тешился и пошел опочивать, а с собою взял на опочив красную царевну болшую сестру. И, лежа, Уруслан говорит: Душечка моя, красная царевна! ехал есми из далные земли, не киркоусова царства для вас собя не жаловал, коня есми своег не щадил: скажи мнѣ правду: естьли гдѣ вас, царевенъ, краше, а меня, Уруслана, удалѣе? И царевна, лежачи, молвит: Господине Уруслан Залазоревич! что мы за красны и хороши? Есть, господине, у индейского царя доч, красная царевна: іно, господине, та красна и хороша; а мы еѣ обѣ нас в ногу нестудны. А тобя, господине, Уруслана,

сть удалѣе: Ивашком зовут белая поляница, индейского царя торож. II Уруслану то слово учинилос добре в досаду, что царевна похулила Уруслана, а Ивашка, бѣлую полянницу, похвалила. II той царевне Уруслан сшиб голову и подкинул под срават да взял себѣ другую царевну, меншую сестру, да с собою положил еѣ на постелю. II Уруслан той царевне говорит: Душечка еси моя, милая красная царевна! скажи мнѣ в правду: естьли где тебя краше, а меня, Уруслана, удалѣе? И царевна молвит: Господине Уруслан! чѣмъ я красна и хороша? Есть, господине, у индейского царя доч, красная царевна: нет такие красавицы и во всей подсолнечной земли; а мы обе нас сестры и в ногу ей несудны. А есть, господине, Ивашком зовут, белая полянница, индейского царя сторож; тот, господине, силен; а ты, господине, удалѣе: обѣих вас Богъ вѣдает, которой из вас удалѣе будет. II Уруслану то слово полюбилос и с той царевны головы не сшиб, оставил еѣ живое. И встал Уруслан с постели своей да оседлал своего доброг коня, вещего Араша, да поехал в чистое поле доезжати Ивашка, бѣлую полянницу. II ехал Уруслан много дней и наехал—на индейскомъ рубеже человѣкъ спит на коне, подперся копъем, кон под нимъ ворон, великъ добре. И приехал Уруслан к нему блиско, а человѣкъ спит, не подвинетца с мѣста. И Уруслан подъехал блиско и уткнул ево копъем глухимъ концем, и человѣкъ на конѣ пробудился и проглянул, а се спросил: Господине! кто ты еси? какой человѣкъ, что, с коня не слазя, спиш? Ивашко молвит: Нечто еси не слыхал Ивашка, бѣлово полянницу? А яз де на индейскомъ рубеже стерегу украйны семъ лет, а никаков человѣкъ иные земли мимо меня не проѣзживалъ, а ныне было есми по твоему счастью уснул и тыб проехал мимо меня к индейскому царю в царьство и царь бы тобя спросил, по которой ты дороге ехал, и тыб царю сказал, что ехал мимо меня, а ничем не вреженъ: и царь бы тобя пожаловал и был бы тебѣ великие подарокъ и воздал бы тебѣ великую честь. А нынеча ты меня розбудил, и ты от меня не можешъ жив быти: живово мнѣ тебя отпустити—и мнѣ честь свою потерятн. II Уруслан молвит: Брате Ивашко! оба мы еще в божие руке: кому еще над кем Богъ пособит, а яз, брате, не розбивати хожу, ни красть езжу: ска-

зали мнѣ про тебя, что ты удал, и яз тебя смотрит приехал. И Ивашко молвит: Хто меня увидит, тотъ не может жив быти. И Уруслан молвит: Брате Ивашко! не хвалися: еще то дѣло весити: любо ты умреш, любо яз умру. И Ивашко молвит: Да никто мнѣ такова слова не говаривал грубна, а ты против меня говоришъ; и скажи мнѣ, какъ тобя зовут именем и какие ты орды человѣкъ таков прыток приехал ко мнѣ и хош меня проглотити? Человѣкъ есми крестьянин, а езжу из далные земли, ис киркоусова царства, а имя мнѣ Уруслан Залазоревич. И Ивашко, белая полянница, молвит: Слыхал есми про тебя, да два богатыя в поле не живут. И выехал Ивашко в чистое поле со Урусланом битися, и Уруслан подтянул у своего доброг коня подпруги по своему обычею и напустил с копъем против Ивашка, бѣлог полянницу. И Урусланъ молвил, едучи на ратное дело: Боже милостив! Спасъ, человѣколюбецъ! милостив еси, Господи, і долготерпелив: потеш меня, чтоб ни к одному человѣку копье железом не оборотилися. И какъ Урусланъ приехал к Ивашку да сшиб ево с коня долой на землю, ударив ево копъемъ глухим концем, а доброй конь уруслановъ, вещей Араш у Ивашка наступил копытом на панцырское ожерелье, и Урусланъ молвит: Брате Ивашко! не убил бы еси тебя: за то тебя убью, что тобою девки хвалятца. И проколол его копъем, и тут ему смерть скончалъ: похвалбѣ его Богъ не пособил. И как Уруслан убил Ивашка, белую полянницу, и самъ учал думати: взяти мнѣ ивашков кон или ратное оружие, и мнѣ розбойником прослыти. И не взял Уруслан тог погрому ничего и поехал Уруслан во царьство к индейскому царю и пришол, где сам индейской царь царствует. И приехал, бьет челом индейскому царю в службу. И царь индейской с радостию Уруслана приімает и учал ево любити, и учал ево многими царскими дары дарити. А ни во всемъ индейскомъ царстве нѣтъ такова человѣка лицемъ красна, ни доротством, ни храбростию, ни силою. А однем царь индейской хвалитца Ивашком, белою полянницею. И учал индейской царь Уруслана роспрашивати: Скажи мнѣ, брате: по которой дороге ехал еси? И Уруслан сказал, что ехал по той дороге, гдѣ стоял Ивашко, бѣлая полянница. И царь Уруслана спросил: Видел ли еси, едучи мимо, сторожа моего?

з, господине, не знаючи, убил его за ег похвалбу до смерти.
| царь о Ивашке учинился добре печален и учал Уруслана
ог болши тешити и розпотешати. И Уруслан с царем учал
здити в чистое поле и наехал озеро, а се Уруслан спросил
аря: Что, господине, во царстве твоемъ за озеро и какое
нем угодье и какая у тебя в немъ потеха? И царь заплакал,
самъ молвит: Брате! потеха у меня во царство людей до-
рых не оставила, всех перевела и хочет меня извести: вы-
ходит, брате, ис тово озера чюдо о трех головах, а емлет у
меня на всякой день по человѣку, а завтра взяти ему доч моя,
красная царевна. И Уруслан молвил: Да не изберетца, гос-
подине, таков человѣкъ в царстве, кому с тем чюдомъ битися?
I царь молвит: Брате Уруслан! что было богатырей и удалых
людей, и чюдо тѣхъ всех богатырей прибил, а полцарства
выел. И Уруслан молвит: Господине великпі царь! могу я за
тебя, за государя, живот свой на смерть дати: я иду с чю-
дом битися. И царь молвит: Брате Урусланъ! и без тово у
меня в царстве добрых людей не осталос, а ещо мнѣ тебя по-
терятп? И Урусланъ молвит: Господине великпі царю! на то
из народился, что мнѣ за вас, за государей своих, голова
свою складывати. И царь молвит: Брате де Урусланъ! Коли
ты мнѣ ту службу служиш здорово и жив будеш, и яз дамъ
за тебя доч свою, красную царевну, и полцарства своего.
И повели царевну к озеру, чюду на съеденья. И Уруслан
сел на свой доброй конь да поехал за царевною, а, хто ца-
ревну провожал, те всѣ воротилпс назад. И Уруслан пріехал
к царевне да сшол с коня долой. И царевна молвит: Брате
де молодецъ! поеди проч от меня: тебѣ мнѣ не пособит; а
себя мнѣ пущи погубит. И Уруслан молвит: Девка! не бойся;
молися Богу да смотри на озеро: какъ учнут волны являтися,
и ты меня побуди. И Урусланъ уснул крепко. И какъ на
озере учели волны являтися, и царевна побудила Уруслана;
и Урусланъ не пробудитца, спит добре крепко. И какъ в
другорят учали на озере волны являтися болши того, и ца-
ревна побудила Уруслана, и Урусланъ добре спит крепко, не
пробудитца. И как в третие почели на озере волны явля-
тися, тог болши: чюдовы головы почели являтися, і ца-
ревна, вынев нож урусланов, да поколола Уруслана в стег-

но, чтоб Русланъ услышелъ и оттогоб пробудился. И Русланъ пробудился и только успел на кон сѣсти, и чюдо кликнул богатырскимъ голосом. А Руслан кликнуляже богатырскимъ голосом и от обѣих богатырских голосов земля потрясеся, и царевна исполошилася и пала ничъ на землю. И Руслан не успел того молвит, чтоб ни к одному человѣку железомъ копья не оборотилися, и учал Руслан с чюдомъ битися и копья у них приломалис и ізымалися за руки: и чюдо побежалъ в озеро, а Русланъ с нимже пошел, а ни одинъ с коня не свалился. И какъ Руслан и чюдо потопли оба на дно озера и то видел царь и вси людие в царстве, и заплакали горко, а сами говорят: Уже де чюдо и Руслана убил и топерво уже наше и царство пусто будет. А нечаючи тог, что Руслан в озере живъ будет. И пособил Богъ Русланову Залазоревичю чюдо убити: снял ему мечем все три головы да, какъ Руслан чюдо в озере убил, и после того в озере нашел на дне камен. И вышел Русланъ из озора и царь с царевною и со всеми людми Руслана встречают и учали Русланову бити челомъ. А тот камен, что Руслан из озера с собою вынес, что нашел на днѣ, ажно камень добре дорогъ и во всемъ индейском царстве такова камени нѣтъ, и цены ему никто не может уставити. И царь индейской учал радоватися, а сам молвит: Дал де Богъ Руслана Залазоревича; тот де царство мое и меня от чюда оборонил; теперя де мы лиходея своег избыли: поживем мы топерво бескручинно. И велѣлъ индейской царь свадбу играти и дал доч свою, красную царевну, за Руслана за муж. И какъ Русланъ пришол с царевною от венчанья да легъ спати на первую ноч, и учал Русланъ спрашиват царевны: Душечка моя милая, красная царевна, дочъ индейского царя! яз для тебя ехал из далные земли, из далново царства, живот свой складывал, а коня своег не жаловал, а себя не щадил. А нынеча скажи мнѣ правду: есть ли гдѣ тебя краше, а меня, Руслана, удалее? И царевна молвит: Чем я, господине, красна и хороша? Есть, господине, на море солнечной город імянем, а в томъ городе царствует царевна, а служащие у нее все девки, и та царевна в седмь седмериц краше меня; а яз не судна тѣмъ девкамъ, которые у нее служат, красотою и хорошеством.

А ты, государь, убил Зеленог Царя, огненного щита, пламенного копья, да тыж убил Ивашка, белую поляницу, да в озере юдо о трех головах убил, да тыж убил Ѳеодула змея и тебя сильнее и удалѣе нигде нет. И спал с нею Уруслан первую ночь да встал от постели своей да тот ей камен дал, которой собою из озера вынес. И молвит Уруслан: Душечка де еси моя, милая красная царевна! родитца у тебя после меня сынъ, и ты тот камен на руку ему взложи; а родитца у тебя дочь, и ты ей в том камени серги доспей. І садитца Уруслан на свой доброй конь, на вещей Арашъ, да поехал солнечног города доезжати, гдѣ царевна царствует. И приехал Уруслан на море, ажно стоит город добре красен на высокой горе, і по указу Урусланъ догодался, что тот город. И приехал покопецъ мосту и свиснул богатырским голосомъ, и вышли противъ Уруслана девки добре красны: платье на них добре хорошо, а у всякой девки подол сажен великим жемчюгомъ да з драгимъ каменьемъ, и учели Уруслану бити челом і учели говорит: Царь ли ты, господине, или царевич, или князь, или богатыр силной, и ты, господине, поди к государыне нашей к красной царевне. И Урусланъ поехалъ в город к красной царевне. И вышла встречати Уруслана красная царевна и ударила ниско челомъ Уруслану и, взявъ его за руку, и повела в каменную полату и учели пити и ясти и тѣшитца. І тешився, Уруслан легъ с царевною опочиват; и, лежа, Урусланъ учал говорит: Душечка де еси моя милая, красная царевна дѣвица! есть ли де тебя краше, а меня удалѣе? И царевна молвит: Господине Уруслан! коли ты Зеленог Царя и Ѳеодула змея и Ивашка, бѣлую поляницу, и в озере юдо о трех головах убил и тобя сильнее и удалее нигдѣ нет, а меня краше и хорошее нигдеж нѣтъ. И учал Урусланъ в солнечном городе жит с тою царевною много лѣтъ. И какъ Уруслан с тою царевною поспит мѣсяцъ времени, і он обезсилеет: учнет тянути свой доброй крѣпкой лук, и он не может и от петел отвести; и учнет Уруслан тужит добре о своей старой силе. И какъ Уруслан не поспит с царевною месец времени, и он учнет тянути лукъ по старому. А пошлую свою венчалную жену Уруслан и забыл. И после Уруслана родился у жены его, индейского царя дочери, от его урусла-

нова плоду сынъ и дали имя ему Урусланъ Урусланович. И учал Уруслан рости божиім повеленнем борзо, по томужъ, какъ отецъ ево рос, Уруслан Залазоревич. И какъ будет Урусланъ о двунатцети лѣтъ и захотел он потешитца царскою потехою, чти над собою царскнеж похотел: и которых добрых родов царские дети и великих князей не учели над Урусланом чти держати и учели ево зват выблеткомъ і учели говорит Урусланy: Что ты за царев сынъ, что с нами не гораздо шутишъ? а ты у себя и отца не знаешъ. И Урусланy Уруслановичю то слово учинилося добре в досаду и пришол Уруслан к матери своей, добре невесел и учалъ говорити матери своей: Скажи мнѣ, госпожа моя мати: какова яз отца сынъ и гдѣ отецъ мой? А меня тѣмъ многие люди безчестят и мнѣ в соромех не мошно лица своег показат. И Урусланy молвитъ мати ево: В томъ ты, сынъ мой, не кручинся: отца ты сынъ доброво; отецъ у тебя был руской богатыр, а приехал из далные земли, ис киркоусова царства; а имя ему Уруслан Залазоревич; а отецъ твой Уруслан убил Зеленого Царя да Θеодула змея, да онже убил Ивашка, бѣлую полянницу, да в озере чюдо о трех головах убил, а меня от смерти отнял. А отецъ было мой, індейской царь, выдал меня тому чюду на съеденье і тот камен, которой яз тебе на руку дала, отецъ твой вынес из озера. И Уруслан Урусланович молвит: Да где нынеча, мати, отецъ мой Уруслан? а яз ещо ево не знаю, а хочетца мнѣ ево в очи увидет. И мати сказала: Сынъ мой Урусланъ Урусланович! отецъ твой Урусланъ венчался да одну ноч начевал со мною да поехал искати солнечного города, где красная царевна царьствует. И розослал Уруслан по дѣдиным стадам конскимъ, индейского царя, и выбрал себѣ доброг коня по своей мысли, и оседлал ег і подпруги подтянул по своему обычею, и остегнул на себя саадак и саблю крымског дѣлца и взял Уруслан свое булатное копье и селъ на своего доброго коня и поехал искати солнечного города. И какъ приехал Уруслан к солнечному городу и стал поконец мосту і свиснул богатырскимъ голосом, и в то время отецъ ево Уруслан Залазоревич исполошелся и сам молвит царевне: Не простой то человѣкъ крикнул, свиснул доброй силной богатыр. И садитца Уруслан на своег доброго коня,

ещег Араша і поехал ис солнечново города против богатыря
с мосту: ажно покопец мосту стоит паробочек молод добре.
І Уруслан напустил на коне против паробэчка с копьем,
і поробчик напустил против Уруслана, отца своег, с
копьемже и съехалися оба богатыри вмѣсто. И паробчик
Уруслана ударил, отца своег, копьем тупым концем и вышиб
во из седла: мало Уруслан с коня не упал, удержался за
седелную луку, и поехали богатыри вдругорят вмѣсто сьезжа-
тися. И Уруслан паробчика сшиб копьемъ тупымъ концем с
коня на землю, а доброй кон урусланов, вещей Арашъ, у
паробчика наступил на пансырское ожерелье. И Уруслану
паробчика убити до смерти жал, что ещо паробчикъ молод
добре, а поробчикъ в серцах под Урусланом рвет у него копье
булатное и ухватился за копъе добре крепко, и у паробчика
рука оболилас. И Уруслан у паробчика увидел тот камен,
которой Уруслан из озера вынес, какъ чюда убил. И по тому
каменю Уруслан опознал сына своег и скочил Урусланъ с
коня долой и учал паробчика спрашивать: Скажи мнѣ, брате:
какой ты человѣкъ? таков ты молод, а поехал козаковать
рано. И паробчик молвит: Какъ мнѣ тебѣ сказатися? По по-
добию есми человѣкъ, а и самъ не знаю, какова есми отца
сынъ яз; а сказывает мнѣ мати моя, индейского царя доч,
красная царевна, что прозвали меня отца моег имянемъ уру-
слановым; а тот де отецъ мой Уруслан был руской богатыр,
а спал де с маткою моею одну ночъ да поехалъ проч; а какъ
я родился после отца своег, и тому 12 лѣтъ минуло. И Уру-
сланъ Залазоревичъ то слово помыслил, а се паробчику: Сынъ
мой Уруслан! а яз твой отецъ Урусланъ Залазоревич; а яз
тебя опознал по камени: какъ ты за мое копъе хватился и
у тебя рука оголилас, и яз тот камень усмотрил у тебя на
руке; а тот камен я из озера вынес, как я убил чюдо о трех
головах: и какъ я поехал гулять от матери твоей, и яз, по-
ехучи, матери твоей приказал: родитца после меня сынъ, и
ты тот камен на руку ему взложи; а родитца у тебя дочъ,
и ты ей в том камени серги доспей. И Богъ дал мнѣ тебя,
доброво сына. И учал говорит Уруслан Урусланович отцу
своему Урусланю Залазоревичю: Господине ты мой отецъ!
пригоже ли ты такъ делаеш? покинул еси ты законную жену

свою, а живеш не з законною женою? И Уруслан Залазоревичъ молвит: Сынъ де еси Уруслан! в том де еси виноват, да всякой человѣкъ хочет потешитися молодостию, да всяко время бывает до поры; а ныне мнѣ то все ненадобно и впред того дѣлати не хочю. И покинул Уруслан свою незаконную жену да ис того царства выехал вон с сыномъ своимъ Урусланомъ во царство к индейскому царю, к своей законной женѣ. И какъ Урусланъ приехал к индейскому царю, и царь индейской учинился рад добре приезду урусланову. И учал царь Уруслана дарити своими царскими дары, и дал индейской царь Уруслану Залазоревичю половину царства своег индейской земли и всег своег имения половину дал в державу. И учал Уруслан жити во царстве индейского царя безмятежно своею законною женою, а незаконную жену свою покинул в солнечномъ городе. И подклонил Уруслан под свою руку к индейскому царству многие городы и многие царства, царей, и королей, и сильных богатырей, и удалых людей своимъ богатырствомъ. А сынъ ег Уруслан Урусланович, ударив челом дедушку своему, индейскому царю, и отцу своему, Уруслану Залазоревичю, и матери своей, да поехал в чистое поле гулати козаковати на отцове урусланове на добромъ конѣ, на вещемъ Араше,—искати царей и королей, и сильных богатырей, и удалых людей. И захотѣлъ отвѣдати плеча своего богатырьково и захотел прославитца во многие орды своею удачею, а отцомъ своимъ жити не похотелъ. Захотел свою честь получити и славу захотел свою пустити во многие орды. Ныне і присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

РУССКІЙ РАСКОЛЪ СТАРООБРЯДСТВА,

разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII.

А. Щапова. Казань, 1859 г.

—

Расколъ старообрядства составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи русскаго просвѣщенія. И въ означенномъ сочиненіи не мало сдѣлано для разъясненія этого явленія. Рукописи Соловецкой библіотеки и Казанской духовной академіи, которыми г. Щаповъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи, даютъ его книгѣ значеніе серьезнаго труда. Притомъ въ его сочиненіи въ первый разъ печатно высказанъ не близорукій, но вполнѣ разумный взглядъ на расколъ старообрядства, взглядъ, который конечно не будетъ новостью для передовыхъ людей въ наукѣ русской исторіи и литературы. Недостатокъ же въ сочиненіи г. Щапова мы находимъ въ томъ, что онъ хотѣлъ объяснить расколъ старообрядства изъ однихъ только современныхъ расколу явленій, или, по крайней мѣрѣ, изъ очень ближайшихъ къ его появленію. Такое, не совсѣмъ историческое объясненіе оставило мѣсто для многихъ вопросовъ, на которые мы не получимъ удовлетворительнаго отвѣта въ его сочиненіи. Совершенно справедливо то, что одною изъ причинъ раскола было невѣжество и безграмотность христіанскихъ учителей, современныхъ ему, но почему именно въ этотъ моментъ почувствовали ихъ несостоятельность, а не прежде? почему въ это время начали ихъ кри-

тиковать и анализировать? Образованнѣе ли они были прежде или почему нибудь до сихъ поръ не обращали вниманія на ихъ невѣжество? Если до раскола большинство христіанскихъ учителей было образованнѣе, то могло ли оно разучиться до безграмотности, еслибъ въ этихъ учителяхъ была постоянная нужда снизу, еслибы народъ постоянно подталкивалъ ихъ? Одною лѣнью невозможно объяснить неохоту этихъ учителей къ грамотности и собственному просвѣщенію, тогда какъ отъ того они могли бы имѣть и нравственное вліяніе и матеріяльную выгоду. Такое рѣшительное невѣжество не иначе можно объяснить, какъ отсутствіемъ практики у учителей. Никакою снисходительностью взрослыхъ учениковъ нельзя объяснить того, чтобы они терпѣли долгое время учителей совершенно невѣжественныхъ. Ясно, что существованіе подобныхъ учителей необъяснимо изъ современныхъ только расколу явленій, изъ которыхъ мы не объяснимъ себѣ удовлетворительно ни народнаго сознанія современнаго расколу, ни современной ему и раскольнической литературы, ни современныхъ расколу религіозно-эстетическихъ потребностей народа.

Христіанское просвѣщеніе, начавшееся въ Россіи сверху, не могло идти слишкомъ быстро. Изъ разсказовъ лѣтописцевъ о христіанскомъ просвѣщеніи нашихъ древнихъ князей и бояръ мы не можемъ заключать о томъ же къ народной массѣ. Ростъ русскаго народа вообще медленъ. Физическая сила, съ помощію которой началось у насъ вводиться христіанское просвѣщеніе, совершенно противорѣчитъ быстрому его распространенію въ народѣ. Какъ только лѣтописецъ, провозгласившій введеніе христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, коснется отношенія массы къ этому новому просвѣщенію, народъ у него непремѣнно является на сторонѣ своего языческаго просвѣтителя-волхва, а не христіанскаго учителя, котораго сторону принимаютъ только лучшіе люди — меньшинство. Замѣтимъ, что лѣтописецъ по этому поводу касается массы городской, передовой въ народѣ. Изъ сказаній о большомъ количествѣ храмовъ въ нѣсколькихъ, большихъ древне-русскихъ городахъ ничего мы не можемъ заключить о томъ же относительно нашего громаднаго отечества, относительно сельскаго народонаселенія, разбросаннаго по лѣсамъ, тогда какъ въ XVI и XVII вѣкѣ былъ большой недостатокъ храмовъ для народа, что ясно видно изъ сочиненія г. Щапова (365—380 стр.). Далѣе по жалобѣ нашихъ древнихъ христіанскихъ проповѣдниковъ о лѣнивомъ хожденіи народа въ храмъ, проповѣдниковъ, жившихъ въ большихъ городахъ, не можемъ же мы заключить того, чтобы большинство, жившее въ болѣе дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, прилежно

посѣщало храмы. О томъ, что народъ долго спустя послѣ введенія христіянства продолжаетъ жить по язычески, мы постоянно слышимъ жалобы нашего древняго духовенства, но притомъ опять таки жившаго большею частію въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, болѣе образованныхъ. Посланія нашего древняго духовенства о томъ же предметѣ были направлены большею частію въ болѣе важные пункты нашей древней Руси. А если мы не слышимъ подобныхъ жалобъ изъ другихъ частей Россіи, то не можемъ же мы заключать изъ этого о томъ, что тамъ болѣе успѣшно шло христіянское просвѣщеніе. Позднѣйшіе же лѣтописцы христіянскаго образованія массы народной, отцы стоглаваго собора, свидѣтельствуютъ, что по селамъ и погостамъ современной имъ Россіи господствовало язычество [1]). Такимъ образомъ до самаго раскола старообрядства массы русскаго народа жили еще языческимъ образованіемъ. Расколъ же старообрядства составляетъ тотъ моментъ въ развитіи русскаго народа, когда массы народныя сознали потребность христіянскаго просвѣщенія, *сами* начали требовать его. Въ это время жители селъ и слободъ, услыхавъ о какомъ нибудь свѣдущемъ учителѣ, тысячами бѣжали къ нему. Таково напримѣръ извѣстіе о расколоучителѣ Капитонѣ. Игнатій, м. тобольскій, пишетъ о Доміантѣ, что «собрашася къ нему мнози отъ поселянъ, еже есть слобожанъ, аки къ пустыннику и мужи и жены и дѣти, яко тысяча и семсотъ» (III посл.). Что не безъ этой цѣли народъ бѣжалъ къ расколоучителямъ видно изъ того, что о Капитонѣ говорится: «потому мнози ученицы бяху». Народныя массы дѣйствительно искали себѣ въ это время христіянскихъ учителей. Разсказывается, что, на пути отъ Вологды къ Царегополю, жилъ «*аки учитель нѣкій*, волхвъ и чародѣй, примысля себѣ имя пустынника и нѣціи поселяне *изъ домовъ своихъ изшедше*, *послѣдоваша ему.*» (245 стр.)

Не смотря на то, что со введенія христіянства въ Россію до раскола старообрядства прошло нѣсколько вѣковъ, однако масса русскаго народа, современная расколу, находилась на первоначальной степени обученія христіянскому просвѣщенію. Подобно первенствующимъ христіянамъ русскіе люди, «какъ гладные приходили въ церковь Божію съ жадностью духовнаго назиданія и наученія», «любили зѣло любезно послушать» (400 стр.). Въ расколѣ старообрядства способъ просвѣщенія не столько—школа и книга, сколько проповѣдь и бесѣда. Любовь къ просвѣщенію выражалась въ дѣтской привязанности къ буквѣ, въ вѣрѣ *чернилу*.

[1]) Стоглавъ гл. 41.

Пока христіянскаго образованія требовали только лучшіе люди, учителей хорошихъ для нихъ было достаточно, но когда массы народныя потребовали себѣ учителей христіянскихъ, то оказалось, что частію ихъ было мало для народа (380—386 стр.) или, если и достаточно въ иныхъ мѣстахъ, то большинство ихъ совершенно не соотвѣтствовало характеру учителей. «Рѣдко кто изъ духовнаго чина, жаловался Дмитрій Ростовскій, знаетъ порядокъ библейской исторіи, что когда происходило. Одинъ игуменъ спрашивалъ меня, когда жилъ Илія пророкъ по рождествѣ ли Христовомъ или послѣ рождества Христова? и еще: Маккавеи жили послѣ апостоловъ? ибо учитель ихъ Елеазаръ предъ мучителемъ приводилъ слова апостольскія и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день августа? И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чиномъ. Напримѣръ слѣдующее: которымъ ножемъ св. Петръ отсѣкъ Малхово ухо, тѣмъ впослѣдствіи св. Илія перерѣзалъ жрецовъ вааловыхъ (Древ. р. внвл., ч. XVII, стр. 87). Тотъ же Димитрій Ростовскій во время своего путешествія въ 1702 году зашелъ въ церковь и спросилъ попа: «гдѣ суть животворящія Христовы тайны. Попъ же ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ (говоритъ онъ) рече къ нему: «гдѣ запасъ?» Тогда онъ показалъ святые дары (ibid.). До того мало образованы были христіянскіе учителя, современные расколу, что въ XVII вѣкѣ «даже нѣкоторые честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, служаще въ святыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуще и поюще, не добрѣ разумѣли глаголемое и читанное» (Ркп. Сол. биб. № 897). А потому во время службы они не рѣдко произносили безсмыслицу, наприм. въ главѣ пяти молитвъ, которыя произносятся священникомъ во время проскомидіи, священники XVII вѣка, читали молитву надъ *виномъ хотящимъ служити* (192 стр. Щап.). Но мало того, что эти учителя не умѣли понимать читаннаго, они не умѣли иногда даже и читать. «Даже между честными протопопами и архимандритами, по словамъ старца Арсенія Глухаго, много было такихъ, кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разнствовали отъ невѣжды и поселянина» (68 стр.). Отцы собора 1667 года говорили, что въ священство поставлялись сельскіе невѣжды. Самъ строгій Никонъ требовалъ отъ большинства духовныхъ учителей только знанія грамоты. Книга г. Щапова наполнена множествомъ примѣровъ и выписокъ по этому предмету. Понятно, что учителя съ такимъ образованіемъ не могли удовлетворить народа, требовавшаго разсказовъ, объясненій, толкованій христіянскаго ученія. «Іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не про-

повѣдуютъ», говоритъ Димитрій Ростовскій (Сочин. св. Димитрія, II, 389). Духовный регламентъ говоритъ о духовенствѣ XVIII в.: «Понеже мало есть, противо толикаго Россійскія церкве многограднія таковыхъ пресвитерей, которые бы наизусть могли проповѣдывать догматы и законы Св. Писанія» и т. д. (П. С. З. т. VI. стр. 321). Отъ подобныхъ учителей не возможно ожидать любви къ своему занятію. И дѣйствительно духовенство лѣнилось даже исполнять церковныя службы, такъ что, если кто хотѣлъ читать пропускаемое ими въ службѣ, они запрещали, гнали отъ себя тѣхъ, которые обращались къ нимъ съ своими требованіями, или же потворствовали незаконнымъ требованіямъ: вѣнчали не по христіянскому обычаю (180—181 стр.), занимались чернокнижествомъ, волшебствомъ, какъ лестнымъ народу, чтобы сколько нибудь имѣть на него вліяніе. Въ посланіи Филарета Никитича въ Ниж. Новгородъ говорится, что «дьячекъ держитъ у себя книги не добрыя, ересныя, да приговоры.., рафли, тетради гадательныя». (Арцыб. т. III, гл. VI, прим. CLXXVI). Нравственная, домашняя жизнь этихъ учителей, которая особенно важна для учениковъ—дѣтей, была совершенно безотрадна. Народъ забылъ къ такимъ учителямъ уваженье, безчестилъ, а иногда и билъ ихъ. Правда, являлись нѣкоторые ученые и нравственные пастыри, но для цѣлаго народа, который хотѣлъ учиться, ихъ было слишкомъ мало. Но даже и эти, болѣе просвѣщенные учители, не понимали потребностей народа, не знали педагогическаго способа обученія дѣтей. Одно чтеніе безъ объясненія, безъ руководства неудобно для дѣтей. Книги, ими издаваемыя, были не по понятіямъ народа. «Обѣдъ душевный и вечеря душевная люботруднаго и мудраго мужа Симеона Полоцкаго и тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ не внимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло не разумительно, неточію слышащимъ, но и чтущимъ, вельми бо препросты страны сея жители, въ ней же ми обитати, не точію отъ мирянъ, но и отъ священникъ. иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицаху». (Оп. Рум. муз. стр. 632.) О томъ же говоритъ и духовный регламентъ. Наконецъ, когда расколъ побудилъ къ заведенію училищъ, то чистію ихъ вначалѣ было недостаточно, а въ особенности же они не отвѣчали современной потребности, такъ что до 1701 года, даже въ славяно-греко-латинской академіи не учили богословію. А между тѣмъ для народа нужно было много учителей, учителей, знавшихъ христіянское образованіе. Медленно распространялись училища и въ XVIII вѣкѣ. Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казан-

скомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «Сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержанію семинаріи и ученыхъ людей, такъ и къ строенію по введенному въ нынѣшнее время примѣру всякихъ въ эпархіи своей зданій не имѣлъ склонности, почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вмѣняя въ добродѣтель все прежде въ Россіи не бывалое истреблять безъ остатку». (Истор. каз. іерар. Ркп. каз. дух. акад.) Но и въ заводимыхъ семинаріяхъ богословіе преподавалось не вездѣ. «Въ нихъ весь курсъ ученія, говоритъ г. Щаповъ, большею частію ограничивался букваремъ славянской, латинской и греческой грамматики, да какими нибудь латинскими, риторическими и піитическими экзерциціями и оккупаціями de loco, de pane, de calceis» и т. п. (439). Съ половины XVIII вѣка введенное богословіе преподавалось на латинскомъ языкѣ, по системѣ западныхъ схоластическихъ богослововъ. А между тѣмъ массы русскаго народа всегда отличались противочувствіемъ католичеству. Никонъ окружалъ себя учеными съ юга, въ чемъ упрекалъ его и Нероновъ (86 стр.). Книги, которыя заимствовали для образованія, были западныя, католическія. Аввакумъ въ отвѣтномъ посланіи къ Андрею Плещееву говоритъ о книгахъ, пріобрѣтенныхъ Никономъ и переводимыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Нынѣ расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ, прочее умолчу до времени» (93 стр.). Такимъ образомъ кромѣ схоластицизма, неестественности, которая несносна ученику ребенку, средства для образованія были заимствованы съ запада, къ которому была непреодолимая антипатія.

И такъ христіянскіе учителя, современные расколу, не умѣли и не могли удовлетворить потребности народа, требовавшаго просвѣщенія. Но нисколько не заглохла отъ того въ народѣ жажда къ христіянскому просвѣщенію. Еще въ язычествѣ русскій народъ привыкъ обходиться безъ особеннаго сословія религіозныхъ учителей — безъ жрецовъ. И на этотъ разъ онъ рѣшается учиться у всякаго, кто бы только зналъ что нибудь, кто бы хотѣлъ научать его. Нашлись люди, хотя и не съ большими, но все же съ какими нибудь свѣдѣніями. Нашлись грамотные, вполнѣ воспользовавшіеся грамотностью, сколько отъ нихъ зависѣло, много прочитавшіе, много помнившіе изъ прочитаннаго. Таковы были образованнѣйшіе люди того времени,—справщики книгъ, писаря. И дѣйствительно расколоучителями явились справщики книгъ, бывшіе при патріархѣ Іосифѣ, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Логгинъ, Никита, изъ писарей Никита во Владимірѣ, Козма Прокофьевъ въ Каргополѣ. Являлись между расколоучителями и такіе, которые искусны были въ логикѣ, философіи и богословіи,

какъ Вавила, ученикъ Капитона. «Андрей Денисовъ грамматическому и риторическому разуму учился, Семенъ грамматику, риторику, піитику и часть философіи довольно изучилъ». Между расколоучителями были люди, одаренные большими талантами, такъ Исаія, ученикъ Аввакума. Притомъ у раскольническихъ учителей была сильная любовь къ своему занятію. Патріархъ Іоакимъ говоритъ, что у нихъ была страсть къ учительству. «Козьма Прокофьевъ, по словамъ Денисова, вся къ себѣ народы паче магнита привлекалъ, понеже всѣмъ, приходящимъ къ нему, сладокъ и полезенъ бяше совѣтникъ и наставитель». (Виногр. Росс., л. 106. об. 160.) Изъ множества приведенныхъ въ этомъ родѣ въ книгѣ г. Щапова примѣровъ мы выписали только одинъ. Расколоучители не только не отказывали приходящимъ въ словѣ, но даже сами старались проникать въ дома для ученія, путешествовали по Россіи, какъ миссіонеры, таковъ былъ Андрей Денисовъ и многіе его ученики. Для распространенія раскола они не щадили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни. (Пол. изв. о раск., ч. I, стр. 83.) Эти расколоучители при сообщеніи истинъ умѣли приноровиться къ способностямъ людей простыхъ, темныхъ. «Сочиненія Денисовыхъ, говоритъ г. Щаповъ, по своему тону и направленію, не могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно неразсудительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Напыщенно-восторженный тонъ, цвѣтистая, образная, иногда дѣйствительно не лишенная нѣкоторой красоты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хитросплетенныхъ доказательствъ, все это сильно дѣйствовало на умы и сердца неразсудительныхъ читателей» (319). Объ сочиненіяхъ Аввакума, г. Щаповъ говоритъ, что они «приходились по вкусу простому народу, написаны были простонароднымъ, мужицкимъ и отчасти шутливымъ языкомъ». (317 стр.) Сообразно съ дѣтскимъ характеромъ развитія народа предметами раскольническихъ бесѣдъ и рѣчей было: наступленіе послѣднихъ временъ, близость кончины міра, пришествіе антихриста, второе пришествіе Христово, страшный судъ, которымъ сильнѣе всего греческіе миссіонеры подѣйствовали на язычника Владиміра. Сообразно съ дѣтскимъ состояніемъ народа, литература раскольническая была толковательная, объяснительная, излагалась въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, загадокъ и рѣшеній ихъ. Правда, предметы этихъ вопросовъ и загадокъ были иногда очень пусты, мелочны, но все-таки они выходили изъ любознательности, все же это не отрицаніе знанія, не сосредоточеніе въ мелочахъ практической жизни, не апатія, не застой умственный. Расколоучители чужеземнымъ пользовались не католическимъ, а лютеранскимъ. Вавила, ученикъ Капитона, былъ лютерскія вѣры (Вин. Р., л. 135).

Таковы были нѣкоторые расколоучители въ Сибири. Объ Авраамiи, Яковѣ, Лепихинѣ и друг. Игнатiй, м. тобольскiй говоритъ: «Суть проклятiи лютере: чтеніе священнаго писанія все злѣ и растлѣнныя толкуютъ, и якоже кальвини и лютере вся церковная преданія отмѣтаютъ, мнящеся сами собою, не іереи суще, крестятъ дѣтей, явственнѣ еретицы—кальвины и лютере суть». (1 посл., Пр. соб. 1855, 1 кн. стр. 27, III посл., стр. 61.) Во многихъ сектахъ раскола старообрядства играютъ большую роль идеи протестантизма, хотя иногда и превратно понятыя. Вообще говоря, протестантизмъ болѣе пришелся по духу русскаго народа, соединившись съ преданіемъ языческимъ объ отсутствіи жрецовъ въ р. языческой религіи и дружелюбно принятый въ древнѣйшія русскія ереси стригольниковъ, жидовствующихъ. Расколоучители заботились о распространеніи своихъ идей посредствомъ книгъ. Они снабжали книгами всѣхъ желающихъ. Скиты ихъ имѣли искусныхъ писцовъ. Они продавали книги на ярмаркахъ. Раскольническіе миссіонеры ходили съ котомками, наполненными книжками и тетрадками. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говоритъ п. Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія простой и ихъ прелести не могущій познати многъ народъ прельщали яко словесы, тако и злолукавными лестными писаніи». «Раскольническія книги такъ сильно распространялись и такъ вредны были для народа, говоритъ г. Щаповъ, что въ 1724 году указомъ свят. Сунода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольническія рукописныя книги». (321 стр., 1 примѣч.) Результатомъ всего этого была удивительная быстрота, съ которою распространялся расколъ. Едва ли кто нибудь станетъ отрицать послѣ того, что расколъ способствовалъ по крайней мѣрѣ распространенію грамотности въ русскомъ народѣ, не далъ заглохнуть въ немъ любви къ просвѣщенію.

Отвѣчая народнымъ потребностямъ, раскольническая литература отразила въ себѣ жизнь массы, ея внутреннее развитіе, ея симпатіи и антипатіи. Мы уже упомянули о томъ, что въ раскольнической литературѣ выразилась антипатія къ католичеству. Излишнимъ считаемъ говорить, что въ ней выразилась антипатія къ духовенству. Для русскаго, народа привыкшаго къ свободной жизни въ язычествѣ, воспитаннаго въ вольности во время усобицъ, въ потворствѣ князей и царей, отвыкшаго во время самозванцевъ нести государственныя повинности, возмущавшагося при указахъ, стѣснявшихъ его свободу, для такого народа тяжело было нести расходы постоянныхъ войнъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, вступившемъ на престолъ, когда въ казнѣ не было денегъ. Естественно, что такому народу не могло нравиться

усиленіе монархической власти при Алексѣѣ Михайловичѣ, и особенно при Петрѣ. Не легко было время для народа послѣ подушной переписи, когда чиновники сбирали деньги *сильно*, вмѣсто 38 по 54 копѣйки, и наживали себѣ отъ сбора по 2000 р. Не могло не быть тяжело для народа, когда каждый годъ для постройки Петербурга приходило до 40,000 человѣкъ, когда этотъ народъ долженъ былъ собираться изъ дальнихъ мѣстъ, когда для постройки Азова гнали народъ изъ противуположнаго конца Россіи и народъ этотъ часто не возвращался совсѣмъ домой; когда нужно было приводить въ исполненіе такія огромныя предпріятія, какъ прорытіе Ладожскаго канала. Это было время, когда, по словамъ Посошкова, безъ взятокъ ничего нельзя было сдѣлать въ судѣ, когда прикащики грабили крестьянъ, забирали у крестьянъ что имъ вздумается, а за жалобу сажали въ тюрьму и заставляли выкупаться (Дополн. къ Ак. III, № 65), когда губернаторы, тѣшась изъ пушекъ, губили при этомъ человѣкъ по 15ти (Доношен. м. Сильвестра свят. Спн., рук. к. А., Щ. 525 стр.), когда пашни господскихъ крестьянъ оставались незасѣянными отъ недостатка сѣмянъ, когда господа издѣвались надъ крестьянскими женами и дочерьми, выбивали у женки ребенка, топили крестьянъ въ водѣ, отдавали ихъ чиновнику вмѣсто взятки. Еще ужаснѣе было для народа время Бироновщины, когда ставили крестьянъ голыми ногами въ снѣгъ, били палками по пятамъ, пытали. Всего яснѣе видна тяжесть этого времени изъ того, что нѣкоторые предавали себя самосожженію отъ присылаемыхъ командъ, отъ ихъ грабительства и раззоренія (П. С. З., т. XV, стр. 233). Подобно первенствующимъ христіянамъ, ожидавшимъ пришествія антихриста во время страшныхъ гоненій противъ нихъ, раскольники въ своей литературѣ отразили тяжесть государственной жизни въ образѣ антихриста. Въ своихъ сочиненіяхъ они пріурочивали пришествіе антихриста къ 1666 году царствованія Алексѣя Михайловича. Вотъ какъ говорится въ раскольническихъ сочиненіяхъ противъ усиленія самодержавія Петромъ Великимъ, противъ тяжкой для народа по своимъ послѣдствіямъ переписи: «Мы, сматряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣта по числу 1666му конецъ пріяша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичь съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіянъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году воз-

обнови; уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единаго превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкве россійскія и быть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія. Въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ первый день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ, виватъ новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повеле праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ первый день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріятъ за императора Августѣйшаго, сирѣчь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истреблени, а сатанины извѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайносзрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истиніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искоренати останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многія указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и самъ быть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ: тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани вытребова. Егдаже той императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранять и вѣру святую блюсти, и таковому

жехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есьмы христіане единаго исповѣданія у 7 вселенскихъ соборовъ св. отецъ, и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ во Святомъ Писаніи, яко прежде бывшіе въ Русіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичь, Ѳедоръ Ивановичь и Михаилъ Ѳедоровичь и Алексѣй Михайловичь, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили, и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите человѣцы и вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра Великаго: ибо духъ государей русскихъ, есть духъ Петра великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите люди моя, изъ Вавилона». (Раск. ркп. «Челобитн. или истор. Петр. Вел.», Спис. Сол. б.) Кромѣ того въ раскольнической литературѣ появлялись демократическія подметныя письма противъ монархической власти и имперіи. (П. С. З. № 4678.) «Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ, говоритъ г. Щаповъ, не рѣдко встрѣчаются жалобы на неправоту судей, на притѣсненія, причиняемыя народу, какъ на прямые признаки господства антихристова» (526 стр.). Младенчески простой, не изнѣженной, не привыкшей къ роскоши массѣ русскаго народа не могло нравиться неразумное заимствованіе внѣшностей отъ запада, когда щеголяли стрижкой волосъ, покроемъ платья, украшали дома обнаженными божествами классической древности, въ постъ готовы были «за курочку душу промѣнять», давали балы въ 500 р., тратили въ годъ на столъ по 14,000 р. занимались соблазнительными стишками. Раскольническая литература отразила народную

антипатію ко всему этому, облекая это опять таки въ образъ антихриста. «Седмоглавый змій, читаемъ въ одной раскольнической рукописи XVIII вѣка, наводитъ иностранные обычаи, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адово. Присмотрися, возлюбленне: вси бо христіане одѣются одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвицы. Аще хощемъ благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся иностранные обычаи, сирѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православніи сущіи душелюбцы, егда исполнится осьмыя тысящи 290 лѣтъ, тогда будетъ въ людѣхъ великое невоздержаніе, и плѣнятся обычаи невѣдѣніемъ разсужденія, и начнется въ христіанѣхъ иностранное любленіе, еже есть: глаголы, взоры, хожденіе, одѣяніе, о горе!» (Собр. раз. раск. ст., ркп. каз. ак.) Ясно отсюда, что раскольническая литература живо отражала въ себѣ антипатіи народа, чего мы не найдемъ въ литературѣ духовенства.

Совершенно справедливо то, что духовная рукописная литература XVI и XVII вѣка заключала въ себѣ статьи, которыя или благопріятствовали развитію раскола или цѣликомъ впослѣдствіи вошли въ составъ его ученія. Но эта же самая апокрифическая литература, полная нелѣпостей, была въ употребленіи у насъ еще въ XIII вѣкѣ и ранѣе [1]). Какимъ же образомъ могло случиться то, что послѣ столькихъ вѣковъ — въ XVII вѣкѣ не только не почувствовалась несостоятельность такой литературы, но даже ощутилась большая въ ней потребность? Неужели въ продолженіи столькихъ вѣковъ не было никакого прогресса въ христіанскомъ просвѣщеніи Россіи? Прогрессъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что до XVII вѣка христіанской апокрифической литературой (иной удобной для чтенія мы мало насчитаемъ) пользовалось меньшинство, а въ XVII вѣкѣ большинство. Этимъ же объясняется и то, что пользовавшіеся апокрифическою литературою до раскола не составляли особенной секты. Понятно, что апокрифическою литературою народъ пользовался не потому, что въ ней было много лжи, а потому, что она соотвѣтствовала характеру его развитія. Любовь къ апокрифической литературѣ могла быть у людей стоявшихъ на степени дѣтскаго развитія въ христіанскомъ просвѣщеніи, которые не только не могли понимать теоріи, сухой морали, но у которыхъ при чтеніи простыхъ разсказовъ евангельскихъ поминутно являлись вопросы, для которыхъ простой историческій разсказъ безъ всякаго вымысла былъ неудовлетворителенъ. «Умъ русскаго сектанта простолюдина (говоритъ

1) Пыпина. Древн. Русск. литерат. Отеч. Зап. 1857 г. ноябрь.

г. Щаповъ) не имѣвшій твердой точки опоры положительныхъ, точныхъ знаній христіанства, во тмѣ заблужденія, не управляемый авторитетомъ церковной власти, между тѣмъ, хотя безотчетно, смутно сознававшій потребность истины, успокоивался на такихъ мыслях, какія самъ выдумывалъ въ слѣпотѣ заблужденія, принимая ихъ за настоящую истину». (278 стр.) Вообще говоря, апокрифическая литература носитъ на себѣ характеръ сказочный, который нельзя объяснить, принимая въ основу одно христіанское просвѣщеніе, который можетъ быть удовлетворительно объясненъ изъ языческаго развитія русскаго народа. Сказочный характеръ апокрифической литературы виденъ изъ перечисленія апокрифическихъ статей, сохранившагося въ сборникѣ Соловецкой библіотеки XVII вѣка: «съставленія мирстіи псалмы, грядите вси вѣрніи, другіе грядете кресту твоему вѣдружденшуся на земли, Адамъ, о Еносѣ что былъ на питомъ небеси и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книгы, патріарси, Сиѳова молитва, Адамль завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеѳь, Елдадъ, Модадъ, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исаино видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстіи обходи, что приходили къ граду, обрѣтоша человѣка орюща волы и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше и придѣ съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу; Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы, Порахманехъ, Зосимохожение, паралипомены что орля слали къ Вавилонъ съ грамотою къ Еремію пророку. Суть же и ина много отъ лжесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана богослова въспросы еже на Елеонстѣй горѣ, Аврама праотца въспросы, того же Івана богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши приведный Иване Варѳоломѣеви вспросы къ Богородицы, како роди Христа. Епистолья о недѣле, о дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ попы ставили, и что Христосъ плугомъ оралъ, еже Еремия попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ павѣхъ навѣрзилошкому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта и хожение Петрово по вознесении Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаила кресты, и что рабы по суху ходили; Дѣтьство Христово, Хожденіе Богородици по мукамъ; о Адамовѣ лѣтѣ что седмь церквъ въ немъ седѣло; Павлово хожение по мукамъ, имена ангеломъ, о службѣ тапнъ Христовъ что опоздятъ служити обѣдню, врата небесная затворяются, и ангели попа кленутъ; и еже съ Христомъ діаволе прѣние, о пустынницѣ о Макаріе римъстемъ, что три черньци нашли его, что двадесять поприщъ отъ него рай; о Соломанѣ цари и о китоврасе прит-

сллиньстіи ѳплосоѳи ввели; Авгарево посланіе на шеи носятъ неразумніи; о двоюнадесяти іаковличахъ, глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса криво складена, а не тако, якоже истинна ихъ писана въ чтеніехъ и въ минѣяхъ и въ пролозѣхъ,—Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана царя мученъ, Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимъянова царева, иже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; и Евпатиево мученіе, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкирьскаго мученіе, и инѣхъ многихъ; единою убо вси святіи спасени умроша, по многихъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копіемъ прободени, ли ножемъ заклани, ту конецъ приняша; многажъ и иная сложена чтенія ложная, Давидови пѣсни. Соѳониино обавленіе; о Василіе кесарійскомъ, и о Иване златоусте і о Григоріе богосълове, въспросы и отвѣты о всемъ лгано; о всей тварн чтеніе, куръ стоитъ въ морн, 300 ангелъ солнце воротятъ; о двоюнадесяти пятницахъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елѳеріемъ; слово Меѳодія епископа патормъскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Муитъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани царн Александромъ царемъ Македонскимъ; Гогъ и Магогъ, и Исакъ сонъ видѣ столпъ посредн двора, архангелъ Михаилъ Аврама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти что дѣютъ и судилъ имъ, но лгано суть: не бывало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составливая лживыя отъ трясавицы, Еремня попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаанный, седящу святому отцу Сисѣнію на горѣ синайстѣй, и видѣ седмь жонъ исходящи отъ моря и ангела Сихаила именуетъ, и иная изыдоша седмь ангелъ, седмь свѣщь держаще, седмь ножевъ острящи, карастар о (70) имянъ Богу все то еретици списали. Суть же между божественными писании ложная писания насѣена отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и діякономъ лстивые соборники сельскын, худын манаканунци по молитвенникомъ у неразсудныхъ поповъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ, и грамоты трясавъскыя пишутъ на просѳирахъ и на яблоцехъ болѣсти ради, все убо то невѣжди дѣютъ, и держатъ у себя отъ отець и прадѣдъ, и въ томъ безумніи гинутъ. А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себѣ отлучаютъ о Бога, и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибаютъ: книга Мартолой рекше острологъ, остроумія землемѣрія, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся главизны стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птичь, еже есть тѣло свое хранитъ мертво, и лѣтаетъ орломъ и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, лѣтаетъ змиемъ, рысью и медвѣдемъ, есть громникъ, молъи-

никъ, мѣсяць окружится, колядникъ, метанія, сонникъ, волховникъ, волхвующе птицами, и звѣрьми, еже есть се, стѣнотрѣскъ, ухозвонъ, врановрай, курокликъ, окомигъ, огонь-бучитъ, песъ-выетъ, мышепискъ, мышь порѣты-изгрызетъ, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражатъ, сонъ страшенъ, слѣпца-стряцетъ, изгоритъ нѣчто, огонь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумитъ, дрѣво, съ дрѣвку листъ шумитъ, сорока пощекочетъ, дятелъ жона, волкъ выетъ, гость приѣдетъ, стѣвощелкъ, полатничикъ, волхвованіа разноличная, путникъ книгъ и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днехъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть еретики написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама, понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныа, Адама сотвори Богъ въ пятый день; како хощеши навѣгласе въ единъ день рожденіе адамле съ луною исповѣдати почто неразумне вѣруеши еретическымъ лжамъ, а оставя Божіе писаніе, на лжу убо писаше всю, дній луны. Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтецъ, звѣздъ, и другій звѣздочтецъ, ему же имя стодпецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дніи рожденій своихъ, саномъ полученія, урока-житія, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей, и казней, и въ службахъ и въ куплях и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безумнемъ, а оставя Божію помощь, и призываті бѣсовъ на помощь, а невѣдуще Божіихъ судебъ». (Сбор. Солов. библ. № 913.) Изъ этого перечисленія апокрифическихъ сочиненій ясно видно, что въ этой литературѣ участвовало младенческое воображеніе. Желаніе въ исторіи имѣть сказку возможно только для младенческаго воображенія, развитаго на счетъ другихъ способностей. Но кромѣ сказочности апокрифическая литература не лишена и дѣйствительной поэзіи. Эта потребность поэзіи въ христіянской литературѣ не могла зародиться въ русскомъ народѣ отъ русскихъ древнехристіянскихъ учителей, которые не питали и не развивали поэтическаго чувства въ народѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ ничего не было поэтическаго. Для примѣра поэтическихъ образовъ въ апокрифической литературѣ мы выпишемъ толковыя притчи, помѣщенныя въ сочиненіи г. Щапова: «Стоитъ гора на дву холмѣхъ, среди горы кладезь глубокъ, на верху горы лежатъ два камени самоцвѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: гора—человѣкъ на двухъ ногахъ стоитъ, а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладезь—гортань и чрево». «В. Стоитъ древо злато, а

на немъ листвие златое, подъ тѣмъ древомъ стоитъ лохань; прилетаетъ голубь, листвіе щиплетъ, да мечетъ въ лоханю: лохань не полна и листвие не убываетъ. То древо злато—небо, а листвіе—люди, а голубь—смерть, а лохань—земля». «Стоитъ градъ, а въ градѣ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое, а на полѣ цвѣты прекрасные, а около ихъ пчелы ярые. Толкъ: Градъ — изба, а гора—столъ, а поле—скатерть, а цвѣты—яди различные, а пчелы люди». Или: «въ тепломъ царствѣ стоитъ пещера каменная, а въ пещерѣ лютый змій лежитъ, а какъ бываетъ въ царствѣ томъ стужа, змій сокручинится и начнетъ у него изъ рта пламень огненный исходити и изъ ушей кудрявъ дымъ метатися, а изъ очей искры сыплются. Толкъ: теплое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а змія дрова горятъ изутра до вечера». «Вопросъ: сѣятели два, десять жателей, угобзися нива и сотвори три коблы. Толкъ: четыре Евангелиста, двенадцать апостоловъ, три коблы троица Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Или еще: рябъ попищитъ, зоветъ дѣти, ихже не родилъ. Толкъ: во второе христово пришествіе вострубятъ ангели и возстанутъ мертвіи отъ гробовъ». (Сбор. Сол. библ. № 923.) Мы не можемъ отказать этимъ притчамъ въ поэтической картинности, хотя выборъ сравненій въ нихъ ограниченъ слишкомъ ребяческимъ, слишкомъ необширнымъ знаніемъ предметовъ, хотя сравненія эти иногда очень странны. Кромѣ того въ апокрифической литературѣ былъ такой матеріялъ, въ которомъ живы были вѣрованія чисто языческой религіи. Между апокрифическими сочиненіями упоминается *колядникъ*, самымъ своимъ названіемъ ясно указывающій на содержаніе, заимствованное изъ языческой религіи; о *китоврасе притчи*, съ именемъ котораго соединяется языческое представленіе объ обращеніи людей въ животныхъ, *чаровникъ въ нихъ же суть 12, вся главизны стихи двоюнадесяти опромятныхъ лицъ звѣринъ и птичь иже суть тѣло свое хранятъ мертво и летаетъ орломъ и ястребомъ и враномъ и дятломъ и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ и волкомъ* (какъ говорится о Всеславѣ въ Словѣ о полку игоревѣ), *лѣтаетъ зміемъ, рысію и медвѣдемъ*. Какъ праздникъ въ честь Коледы былъ еще въ силѣ у людей, современныхъ расколу, такъ и вѣра въ превращеніе людей. Въ 50 прим. XII гл. 1 кн. своего свода лѣтописей, Татищевъ, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ, замѣчаетъ: «У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные, сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знаменитаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили... Одна баба тоже о себѣ

сказала, что въ сороку и дымъ превращалась и она съ пытки въ томъ винилась». Въ апокрифической литературѣ упоминается также сочиненіе: «*Еремия попа болгарскаю баски, плаголетъ бо окаянный: сѣдящу святому отцу Сисьнію на горе Синайстѣй и виде седмь жонъ исходящи отъ моря*». Ясно, что въ этомъ сочиненіи сохранилась языческая вѣра въ морскихъ дѣвъ, русалокъ. Соотвѣтственно степени народнаго развитія, требованію котораго удовлетворяла апокрифическая литература, она наполнена матеріаломъ двоевѣрнымъ, переходнымъ отъ язычества къ христіанству. Такъ въ ней упоминается о Перунѣ, какъ объ ангелѣ грома (Рук. сол. б., № 925), говорится о томъ, что «Давидъ ся женитъ, Адамъ въ сватѣхъ» (ibid.), точно также какъ въ сербской поэзіи въ пѣснѣ о женитьбѣ мѣсяца, новозавѣтные святые представляются играющими роль при свадебномъ обрядѣ. Въ самой жизни старообрядцевъ замѣчается поэтическій элементъ, соотвѣтствующій младенчествующему христіанству. Старообрядцы старались сохранить древнехристіанскій аскетизмъ, въ которомъ было много пустынно-поэтическаго, который былъ такимъ сильнымъ средствомъ для введенія христіанства въ Россіи и который въ это время совершенно палъ, потому что въ монастыряхъ только и занимались, что варевьемъ пива и куреньемъ вина (А. Арх. Эк. т. IV, № 328), ѣли мясо (ibid. III, № 285), принимали къ себѣ свободно женщинъ (ibid. IV, № 116) и выходили на разбой (ibid., № 202). Воображеніе раскольниковъ представляло себѣ иные монастыри. Ихъ воображеніе, настроенное чтеніемъ разсказовъ патерика Синайскаго о поэтической жизни аскетовъ, подталкивало ихъ самихъ къ такой жизни. И мы дѣйствительно находимъ у нихъ, хотя и наружное, подражаніе тому. Игнатій, митрополитъ тобольскій, разсказываетъ слѣдующій случай: «Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вологды, къ Каргополю, къ морю, акибы учитель нѣкій, врагъ божій, волхвъ и чародѣй, примыслы себѣ пустынника имя. И нѣцыи поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему, яко мняху въ добродѣтелѣхъ изрядному... Нѣкій же человѣкъ отъ града Вологды, отягченъ сый многими грѣхи и вшедъ въ совѣсть свою кающеся предъ Богомъ и положи обѣтъ Господеви Богу, во еже пожити въ чистотѣ и итти въ пустынныя мѣста, яко да, въ безмолвіи поживъ, получитъ отъ Бога прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пустынника людіе собравшеся живутъ, восхотѣ тамо поити. Пришедшу же ему ко оному, иже мняшеся пустынникъ быти, молитъ его да повелитъ ему при себѣ жити въ пустыни, якоже и прочимъ. Онъ

[1]) Сербскія пѣсни 1. т. Видины пѣсни.

же глагола ему: брате любимый, добрѣ пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на земли нѣсть церкве Божія, вси бо уклонишася и непотребни быша: понеже бо въ церквахъ поютъ и чтутъ по новому, а у насъ еще здѣсь милость Божія покрываетъ, новости никакой не пріемлемъ и крестимся по преданію блаж. Ѳеодорита: ты же добрѣ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антихриста. Той же умиленный человѣкъ, слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ житіе твое по Бозѣ, придохъ къ святыни твоей по Бозѣ, во еже спастися. Отвѣщавъ же той пустынникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искуситися, да не яси, ниже піеши дни нѣкія, дондеже намъ извѣститъ о тебѣ Господь Богъ и тогда тя пріимемъ съ радостію. Онъ же обѣщася вся повелѣнная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради душевняго спасенія. Пустынникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю едину отъ келій своихъ храмину, еже бяше присовокуплена къ келіи его, идеже самъ живяше и скверная своя мольбища творяше»(3-е посл., Прав. собесѣдн. стр. 116—118). Этотъ разсказъ живо напоминаетъ намъ разсказы патерика Синайскаго, гдѣ точно также раскаявшіеся грѣшники обращаются къ старцамъ пустынножителямъ за совѣтами, какъ загладить свои грѣхи. Этотъ разсказъ тѣмъ болѣе сходенъ съ разсказами патерика Синайскаго, что какъ тутъ, такъ и тамъ видно сектанство. Патерикъ Синайскій разсказываетъ о пустынникахъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ православной церкви, другіе держались аріанства, о томъ, какъ одни хулятъ другихъ, превозносятъ своихъ. Самый образъ обращенія, тотъ грѣшника и старца имѣютъ своими типами повѣствованія патерика Синайскаго. Эту то любовь къ пустынности, къ которой Русскіе, крывшіеся постоянно въ лѣсахъ, привыкли еще въ язычествѣ, раскольники старались ввести у себя. Постоянное передвиженье съ одного мѣста на другое, приливы изъ одного мѣста въ другое, это кочеванье составляетъ характеристическую черту нашей древнѣйшей исторіи. Извѣстно, что въ жизни бродячей много поэзіи — постоянная встрѣча новыхъ лицъ, предметовъ, много неожиданныхъ впечатлѣній, а тѣмъ болѣе въ жизни странствующаго проповѣдника; а у старообрядцевъ образовалась секта странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагали христіянскій спасительный подвигъ (255 стр.).

Въ расколѣ старообрядства яснымъ образомъ сказалась потребность русскаго народа относительно искусства. Русскій народъ не чуждъ былъ этой потребности еще во времена языческія. Правда, потребности эти были слишкомъ дѣтскія; правда, они ограничивались только лепетомъ религіознаго искусства, но все же онѣ были, онѣ

требовали себѣ удовлетворенія. И на этотъ разъ онѣ не далеко ушли отъ языческихъ потребностей и въ это время онѣ были религіозныя, наивныя, очень мало развились, сравнительно съ требованіями въ язычествѣ. Русскій народъ еще въ язычествѣ привыкъ къ великолѣпію своихъ божествъ, статуи которыхъ онъ украшалъ драгоцѣнными металлами. А русскіе храмы казались раскольникамъ не храмами, а конскими стоялищами. (Благод. слов. п. Іоакима.) Недостатокъ великолѣпія въ русскихъ храмахъ XVII вѣка и потребность въ немъ понималъ и Никонъ, который вводилъ великолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ и утвареяхъ. (Шушеринъ, Рук. Сол. библ. № 235.) Даже въ XVIII вѣкѣ Димитрій Ростовскій находилъ въ церквахъ сосудъ съ дарами «зѣло гнусный, а тайны божественныя въ небреженіи». (Др. р. вивліоѳ. ч. XVI, стр. 86, 87). А между тѣмъ потребность церковнаго великолѣпія въ народѣ была очень сильна, такъ что когда на Вѣткѣ была построена новая церковь Покровская и великолѣпно украшена по старинному: то «на толику убо славу новоосвященныя церкви, пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ исторіи о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнишася, на нюже отовсюду приходяще людіе, оставляху домы и въ толикій путь труды пріимаху. Господіе честные о зданіяхъ вознерадиша, и госпожи честніи течаху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуду безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и яко градъ великъ въ населеніяхъ тѣхъ явися». (Пол. Истор. изв. о раск. ч. III, стр. 8.) Изъ этого примѣра ясно открывается потребность великолѣпія у людей того времени. Неудовлетворенные въ этой потребности раскольники заботились о ней въ своихъ часовняхъ и молельняхъ. Входящему въ ихъ часовню открывался богатый иконостасъ, украшенный старинными, часто *драгоцѣнными* иконами, десятки горящихъ лампадъ и сотни возженыхъ свѣчъ сіяли, по выраженію раскольниковъ, «какъ лице Божіе». (272 стр.) Конечно, требованіе отъ искусства блеска металла и блеска свѣчъ (еще до сихъ поръ такъ сильно сохраненныя въ русскомъ народѣ), вмѣсто изящества, требованіе очень дѣтское. Это требованіе не болѣе, какъ первыя проявленія требованій искусства. Но одно уже отвращеніе отъ безобразія, неряшества, стремленіе къ чистотѣ, благообразію показываетъ потребность искусства. Русскіе люди въ язычествѣ не чужды были изображеній своихъ боговъ въ статуяхъ. Между своими богами они имѣли чернобоговъ. Какъ дѣти они разставались съ разрушеніемъ статуй своихъ боговъ, какъ будто вмѣстѣ съ статуями гибло все ихъ старое. Только что промѣнявши статуи своихъ языческихъ божествъ, только что освоившись съ темными христіанскими изображеніями живописи визан-

тійской, изображеніями, которыя по своей мрачности и таинственности, можетъ быть, пришлись по ихъ фантазіи, не могли они тотчасъ же снова мѣнять ихъ на ясныя свѣтлыя изображенія. Такъ пишетъ Игнатій, митрополитъ тобольскій, о Капитонѣ: «Видѣвъ же діаволъ готова его суща ко пріятію козней его, вложи ему помыслъ, яко не подобаетъ новописаннымъ иконамъ покланятися: аще бы Спаса Христа или Пресвятыя Богородицы, или святыхъ; но точью какого ветхаго письма и стараго и зачадѣлаго аки бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ вхождаше, аще видяше икону новописану и сіяющу новописаніемъ, тогда никакоже не поклоняшеся той святой иконѣ». (3-е посл. Пр. соб. 1855. 2 кн.) Привыкнувши къ статуетному изображенію своихъ божествъ, въ которомъ раздѣльно представлялась каждая часть тѣла статуи и не находя этого въ мало искусной живописи, русскіе раскольники непремѣнно требовали подписанія обозначающаго что изображено. Тотъ же Капитонъ «егда бы видѣлъ Пресвятую Богородицу на иконѣ написанную, аще и подписаніе имѣющую Маіи Божія: руцѣ же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа не написана: тогда и той иконѣ не покланяшеся» (ibid.). Въ изображеніяхъ церковныхъ господствовалъ символизмъ, соотвѣтствующій младенчествующему состоянію христіанства. Въ символической живописи въ соотвѣтствіе апокрифической литературѣ участвовала свобода фантазіи, такъ что Іоанна изображали со львомъ, а Марка съ орломъ, что исправилъ Никонъ. Раскольники же, наполняя скиты свои образами, имѣли школы иконописцевъ для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ и снабжали ими всѣхъ кого бы то ни было (288). По словамъ митрополита Евгенія живописцы ихъ были искусны (*Словарь* объ Андреѣ Денисовѣ). «Для большаго распространенія раскола раскольники всѣхъ сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіеся къ расколу, какъ наприм. старыя книги, лубочныя картины и т. д., и тутъ продавали» (289). Въ обрядахъ своей старины русскій народъ очень любитъ драматическія сцены, которыя представляются въ играхъ и которыя особенно сохранились до сихъ поръ въ свадебныхъ обрядахъ, въ которыхъ разыгрываются цѣлыя напередъ заученныя сцены. И посламъ Владиміра понравился драматизмъ христіянскаго богослуженія въ Византіи. Раскольнической любви потолковать о предметахъ религіозныхъ, драматической формѣ апокрифической ихъ литературы, соотвѣтствовала любовь ихъ къ томуже въ богослуженіи. А между тѣмъ духовенство не удовлетворяло этой ихъ потребности. Во многихъ погостахъ новгородскихъ «церкви стояли безъ пѣнія пусты», или «дворы поповы были пусты». Въ означенномъ сочиненіи

представляется множество примѣровъ того, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи не было богослуженія «скудости ради іереевъ», «за умаленіе іереевъ» (382, 383). Иногда по лѣности священники не хотѣли служить даже въ праздники. Такъ въ 1659 году «видимо учинилось святѣйшему п. Іосифу, во владимірскомъ уѣздѣ, въ ярополческой волости у церквей поповъ по осьми и по шести и по четыре и по три и по два и что тѣ попы на свѣтлой недѣли служатъ въ одно свѣтлое воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю нечѣлю и во всѣ владычны праздники и въ богородичны праздники службы не бываетъ». (А. А. Э. IV, № 326.) А иногда если и совершалось богослуженіе, то лица занимали не свои роли. «Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ дьяконы, дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такія службы, которыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ совершать или читали въ послѣдованіяхъ такія молитвы, которыя также непремѣнно самъ священникъ долженъ былъ читать и по лѣности не читалъ». (Дополн. къ акт. истор. V, стр. 469.) Была также небрежность въ дѣйствіи, такъ что, какъ видно изъ постановленій собора 1651 г., дьячки стояли лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ или на сторону или какъ пѣвцы пѣли, псаломщики читали, дьяконы говорили эктеньи, а священники возгласы не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, всѣ въ одинъ голосъ», о чемъ говоритъ и духовный регламентъ. Такимъ образомъ не было раздѣльности въ совершеніи богослуженія и любимая сторона его теряла свое значеніе. Иногда же совершали послѣднюю часть богослуженія безъ первой: обѣдни служили безъ часовъ. (Акт. археогр. экспед. т. III, № 264.) Самое богослуженіе нарушалось безпорядкомъ. «А пономари по церквамъ молодые безъ женъ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мирскихъ людей дѣти, во время святыя службы въ алтарѣ безчинствуютъ; и во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шишми съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больше, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а иніи полагающе пеленю на блюдѣхъ и свѣчи и собираютъ, рекущу на созиданіе церквамъ; а иніи же творятся малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а иніи ходятъ въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а иніи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, писку творяще, великъ соблазнъ полагаютъ въ простыхъ человѣцѣхъ». (А. А. Э. т. III, № 264.) Или еще разсказывается, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени *безъ ризъ*, а по церквамъ во время божественнаго пѣнія въ вечерню, въ заутреню и ли-

тургію ходили иноки и прокураты съ образами и съ блюдами и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни просили и отъ нихъ крику и писку православнымъ христіянамъ божественнаго пѣнія и чтенія не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божіи приходили аки разбойники съ палками, а подъ тѣми палками были у нихъ копѣйца железныя и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная». (А. А. Э. т. IV. № 321.) И такимъ образомъ самые совершители богослуженія являлись безъ ризъ; оставляя свою роль, смѣялись, и наконецъ самое служеніе нарушалось безпорядками и криками. Раскольники же учредили у себя ничѣмъ не нарушаемый порядокъ. «Въ ихъ скитахъ были иноки чинно одѣтые въ древне монашеское одѣяніе, съ степенно суровымъ видомъ, низко кланяющіеся, впереди иноки, старики покрытые сѣдинами, не рѣдко уважаемые ими схимники... въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно... сотни иноковъ по правую и по лѣвую сторону стояли степенно, на вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, дряхлые старцы впереди ихъ съ костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ и тѣмъ болѣе не смѣялся, взоръ всѣхъ обращенъ былъ наиболѣе къ землѣ. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось, одинъ въ одинъ и въ одно время тихимъ, полнымъ и неспѣшнымъ двупрестнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ усиленнымъ удареніемъ на челѣ, на раменахъ, и на чреслахъ, съ возведеніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ, и въ одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 и 5 часовъ сряду» (272 и 273). А между тѣмъ въ православныхъ храмахъ являлись священнодѣйствовать пьяные! (А. И. т. V, № 75.) Какъ видимъ, драматизмъ этотъ былъ религіозный, однообразный, болѣе мрачный, но все же была любовь къ нему. —

Русскій народъ, какъ и всѣ славянскіе, издавна отличался пѣвучестью. Покидая свои языческія религіозныя пѣсни, русскій народъ не могъ не требовать замѣны имъ отъ новой религіи. Не разъ уже было говорено, что напѣвъ русскихъ народныхъ пѣсенъ отличается грустнымъ, меланхолическимъ характеромъ. Не могъ не требовать себѣ удовлетворенія въ этомъ отношеніи русскій народъ. Въ раскольникахъ, болѣе чѣмъ въ другихъ людяхъ, сохранилась эта потребность. Но въ русской церкви мало можно было найдти удовлетворенія такому требованію. Часто церкви стояли пусты, какъ описывается, безъ пѣнія, иногда стояли

безъ пѣнія по десяти лѣтъ. (А. И. т. IV, № 37.) Какъ мы видѣли, иногда негдѣ было пѣть, иногда не кому. А если и пѣли, то по скору (Акт. А. Э. III, № 264), тогда какъ русскій народъ въ народномъ своемъ пѣніи любилъ медленные, продолжительные напѣвы. Церковное пѣніе было нестройное не въ голосъ, врозь. Въ 1601 году новгородскій митрополитъ Макарій писалъ тихвинскаго монастыря архимандриту Іосифу, что «поютъ и говорятъ не единогласно; православные христіяне, въ церковь пришедъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ не смирно, межь собою говорятъ и смѣются». (А. И., т. IV, № 151.) И въ соборномъ уложеніи 1651 года, что «на Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелось отъ небреженія многогласное пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре». (А. А. Э., т. IV, № 327.) Понималъ этотъ недостатокъ Никонъ. Но мы воспользуемся выпискою объ этомъ изъ книги г. Щапова: «такъ онъ (Никонъ) не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русской богослужебное пѣніе, которое начало упадать въ Россіи со временъ монгольскаго ига. Привыкши къ знаменному или столповому церковному напѣву и исполняя его весьма неисправно и небрежно, церковно-служители наши до патріарха Никона почти совершенно забыли и оставили то древнее ангело-подобное пѣніе, изрядное осмогласіе и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе, кіевское, послѣ болгарскаго и простаго демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церковь русскую Ярославъ Великій, и совершали пѣніе Божіе зѣло по скору. Патріархъ Никонъ, зная изъ примѣровъ церковной исторіи, что развивалось же въ восточной церкви богослужебное пѣніе, что святые отцы съ IV по VIII вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, исправлять древнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благогласное пѣснопѣніе, исправляя и возстановляя, что было лучшаго изъ древняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новогородскимъ, онъ, по словамъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ въ соборной церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти... и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибравъ крилосы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго и такого пѣнія, якоже у него, ни у кого не бывало» (житіе Ник., Шуш., ркп. сол. библ. № 235. л. 11). Но съ одной стороны онъ, какъ единственный человѣкъ, не могъ много сдѣлать при отсутствіи эстетическихъ потребностей въ духовенствѣ, съ другой стороны онъ, любившій разные напѣвы (въ его житіи), посылая учиться партесному пѣнію (Ундол. въ № 3. Чтен. общ. ист.

1846) не могъ отвѣчать потребности пѣнія съ характеромъ національнымъ. Такого именно пѣнія хотѣли раскольники. Въ ихъ скитахъ «на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по десятку, по два и болѣе многогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо большею частію *протяжно заунывно* пѣли церковныя пѣсни по старинному столповому напѣву» (Щап. 272). Любовь раскольниковъ къ пѣнію простиралась до того, что они старались даже служебное чтеніе приспособлять къ пѣнію. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Щаповъ: «Часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала, плѣняла простое вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ внѣшнимъ обрядовымъ благолѣпіемъ, сладостью тихаго, стариннаго столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностью внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія» (стр. 380). Здѣсь мы снова видимъ неспособность понимать болѣе искусственное, болѣе художественное пѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность пѣнія, жажду упиваться имъ, хотя это жажда къ пѣнію колыбельному: и до сихъ поръ въ деревенской церкви, особенно подальше отъ большаго города вы услышите напѣвъ, напоминающій мотивы народной пѣсни, особенно гдѣ принимаютъ участіе въ пѣніи сами крестьяне.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ оговориться, что мы имѣли въ виду нашею статьею только познакомить читателей съ книгою г. Щапова и намекнуть на одинъ изъ существенныхъ ея недостатковъ.

Иванъ Некрасовъ.

ПОВѢСТЬ О ЧЮДЕСИ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, О ГРАДѢ МУРОМѢ И О ЕПИСКОПѢ ЕГО, КАКО ПРІИДЕ НА РЕЗАНЬ.[1]

—

Слышахъ убо нѣкія глаголющихъ древняя сказанія о градѣ Муромѣ, яко в прежняя лѣта бысть не на томъ мѣстѣ созданъ, идѣже нынѣ есть, но бѣяше нѣгде в той же области, отстояніемже имѣя не мало отъ нынѣшняго града. Сказаніе же о немъ сице: яко преславенъ градъ бяше в російстей земли во дни древняя, многимже лѣтомъ прешедшимъ разорисе нѣкако и запустѣ и потомъ по многихъ лѣтахъ пренесенъ бысть на иное мѣсто в край тояже области и поставленъ бысть, ідѣже нынѣ есть. Егда же бысть в Киевѣ і во всей росі(и)держава превеликого князя и святаго равно апостоломъ владимера і внегда ему дѣти в содержаніе градовъ, предасть сынови своему, реку же святому Борису, в ростовстей области град Ростовъ, и сынови своему, реку же святому Глѣбу, градъ Муромь и с тѣхъ градовъ бысть по христѣ страданія многа и, якоже бысть на ею, познана бысть отъ вѣрныхъ и прославися во святыхъ церквахъ и бѣяху в тѣх церквах одержанія ихъ епископіи; нарицахуся ти епископіі домовни святыхъ страстотерпець Бориса и Глѣба. Потомже два князя от того сродства святаго превеликаго князя Владимера, присная сущая себе братія, начаша державствовать болши і вящи во градѣ Муромѣ и ипіже в Резани. В коликаже времяна бысть во градѣ Муромѣ епископъ праведенъ імянемъ Василей. Сегоже добраго житія не терпя врагъ, иже древнимъ душамъ работникъ, нача на ны спону творити, яко да при-

[1]) По рукописи конца XVII вѣка.

Ред.

лучна его блудному дѣлу сотворитъ; и воображается въ дѣвицу і показуя себе ис храмины епископа, овогда во оконце выглядая, іногдаж [1]) преходъ творя ис храмины его. Видевше же се, многъ народъ соблазнися, такожь і вельможи приидоша ко епископу в домъ і видевше сия вражия соблажнения, да сея ради вины ізгонятъ изъ епископьи. Епископьже Василей, принмъ ікону образа божия и превечнаго написано младенчески і пречистая богородица, на нюже імѣя надежу спасения своего о всяцемь уготованні своемь, и пойде изъ епископні из града Мурома і проводиша же до реки, нарицаемыя Оки и хотяху ему дати отплыты судно малое. Епископьже Василей и (sic) стоя на брезѣ со образомъ пречистыя богородица, на нейже воображен на руцѣ превѣчный младенецъ господь нашь Іисусъ Христосъ і свѣтъ миру, снемже с себе епископъ мантию свою святителскую и простре на воду і вступи на ню, нося божні богородичный образъ. Абиеже быстъ чюдо дивно і преславно зело: і промысломъ божіимъ и непзреченными его судбами і пречистыя богородица милостію і молениемъ несен быстъ духомъ бурным со образомь. Оле чюдо! яко не по водѣ несень быстъ, но противу струямь речнымь, отнюдуже течаше река. Повѣдаху же о семь, яко се бысть в трети часъ дни и тогож дни в девятый часъ дни примчанъ быстъ божиею благостию и пречистыя богородицы нѣвкое место, еже ныне зовомо старая Резань: ту бо тогда пребываху князи резанстні. Князьже Олгъ резанский стрѣте его со кресты і тако пребысть муромская епископия в Резани; нарицается же и поднесъ борисоглѣбская, обдержания ради града Мурома святымъ Глѣбомъ. По сихъ же паки принят бысть Муромъ от резанских епископь; самиже ктому в Муромъ не возвратишася і до нынѣ, і нарицахуся епископи преже резанстни и потомъ муромстни. Егда же посещения ради во градъ Муромъ епископи приходъ твориху, тогда нарицахуся прежде муромъстни и потомъ резаньстни. Чюдесная же та ікона, иже епископъ принесе, и до нынѣ в Резани есть: онъ бо вѣрою уповая на ню, сняже милостию удиви, иже хотя безъ порока явити своего раба и се великое чюдо сотвори: иже бо во едину шесть часовъ примчанъ бысть вверхъ по рецѣ множае двусотъ поприщь! О пречистая дѣво владычице і милости божия! кні языкь исповѣсть твоя чюдеса или кні смысль по достоянию возможетъ похвалити твоя благодѣяния, како молиши сына своего со отцемь и святымь духомь о нашихъ согрѣшенніхъ! Се бо слышимъ: не отъ самого зрака твоего, но образа твоего написаннаго кні силы сотвори. И повѣсть сию и не вѣмь, како написати.

[1]) Въ рукописи: *і когдаж*.

понеже оттуду уже многа лѣта преідоша, і азъ о семъ нѣ добрѣ свѣде і боюся, да не являюся о семъ глаголяі ложная: яко же слышахъ, сице і написахъ. Аще же нечто і не до конца свѣде и написахъ, но имеяі в помощь іспрославляющую владычицу всѣхъ богоматерь, сяже достоитъ всему христианству безпрестани почитатіч і молити, да избавитъ ны отъ навѣтъ вражіихъ всегда і нынѣ і присно і во вѣки вѣкомъ аминь.

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА XVII ВѢКА О ОБРАЗѢ БОГОРОДИЦЫ. [1]

В новоторжскомъ уѣздѣ пустыня есть, нареченная Каменка. В той пустыни церковь пресвятые богородицы. Во время же разорения московскаго от безбожных Ляховъ нашествие бысть и на сію пустыню, въ нейже тогда живый инокъ единъ и пресвитеръ. Ляхъ же нѣкий приіде в церковь пресвятые богородицы, ведый съ собою жену нѣкую отъ плѣна рускаго. Пресвитеръже церкви тоя, видя сие, убоися Ляха, бѣжа во олтарь, скрыся подъ святую трапезу, якоже о себѣ послѣди повѣствова. Тойже окаянный безбожный Ляхъ виниде со дерзновениемъ во святый олтарь и дерзнувъ сняти со престола образъ пресвятыя богородицы и изнесе изъ олтаря во церковь, повержа на землю и богомерзское проклятое безстудное дѣло з женою оною на образѣ томъ содѣя. Пресвитерже, зря сие, сѣди подъ святою трапезою, умилно слезы испусти, плачеся, глаголя: «О пресвятая дѣво богородице! почто еси попустила сему окаянному псу святую свою церковь осквернити и толикое безстудство на образѣ твоемъ содѣяти? како его, о госпоже! не погубиши?» Тогда гласъ бысть отъ образа: «О презвитере! сей безстудный песъ за своя дѣяния злѣ погибнетъ; тебѣже глаголю, яко не толико ми содѣя безстудство сей иноязычникъ, якоже ты: понеже безстрашіемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступивши ко святому жертвеннику в вечеру упиваешися до пияна, а з утра служиши святую литоргію и стоя

[1] По рукописи XVII вѣка, графа А. С. Уварова, № 555 (Царскаго № 440). *Ред.*

предъ симъ моимъ образомъ, отрыгаеши оный гнусный пиянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси паче сего поганина: онъ бо невѣдениемъ сотвори и за сие погибнетъ; ты же, вѣдая, согрѣшаеши. Глаголю ти: престани отселе такова дѣла». И тако гласъ той преста. Ляхъже гонимъ бысть силою божию, отбѣже; пресвитерже воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

СКАЗАНІЕ О ИНДѢЙСКОМЪ ЦАРСТВѢ. [1]

Послание Греческаго царя Мануила во Индиіскую землю.

Царь Мануилъ греческия земли посла послы своя во индіискую землю ко царю Івану индѣйскому і посла к нему дары великия і повелѣ его вопрошати ѡ велицѣй с(го) силѣ і о чюдесѣхъ індѣйския земли. Царьже Іванъ приялъ многия і великия дары с любовию і послы стали спрашивать о его силѣ і о его чюдесѣхъ земли его індѣйския і рече имъ царь Іванъ індѣянинъ: дружелюбцы! скажите своему царю Мануилу: аще хощеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ і вся чюдеса моего індѣскаго царьства і ты продай свое царьство греческое да купи бумаги да приедь в мое царьство індѣйское с своими книжники, и я дамъ списати чюдеса индейской земли і не мочи тебѣ списати моего царьства і до исхода души своея. Да еще ему рцыте отъ меня: царь де Мануилъ греческий! приедь во индискую землю и послужи мнѣ вѣрою і правдою, і я учиню тебя слугою себѣ в другихъ или в третьихъ и ты будеши выше своего царьства седемъ седмицею і будетъ тебѣ писати мое царьство своимъ царьствомъ на бумаге, і ты со всѣми своими книжники не можеши списатъ, занеже нелзѣ тебѣ списати мое царьство індѣіское: азъ есми до ѡбѣда попъ, а после обѣда есми царь над трема тысящи короли, а поборникъ есми православной христовѣ вѣре, а царьства моего ітъти во едину страну 12 лѣтъ, а в другую страну не весть сколько: ідѣже небо з землею соткнулося, потамѣстъ мое царьство скончалося. Да скажете своему царю Мануйлу ѡ *чюдесѣхъ іньдѣйския земли*: Есть у меня в одной странѣ живутъ люди немыя, а в другой

---

[1]) По рукописи конца XVII вѣка.

Ред.

странѣ люди рогатыя[1]), а иныя люди травоядцы, а іные люди десети сажень высота ихъ, а иные люди половина человѣка, а другая пса; а иные люди 6 рукъ імѣютъ; а иные люди в волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди бледные: единь ударитца въ полкъ на 1000 чедовѣкъ; да родятъся в моемъ царьствѣ звѣри слоны, древодоры[2]) і водятся у насъ волбуды і каркодилы звѣри, лютые, і киторасы звѣри: головы человѣчьи, власы женския і зверки скамалдры, которы во огны скачютъ, а не згараютъ, а на что онѣ прогнѣваются, на человѣка іли на древо, помочитця по сердцу і згоритъ от мочи его тот час. Есть у меня птица, всякое желѣзо костьми своими протираетъ. Есть у меня птица, імя ей наганинъ: сшиваетъ гнѣздо на пятнатцети древесахъ. Есть у меня птица гарвонтъ: сшиваетъ гнездо на новъ мѣсяцъ і сходитъ огнь с небесе і самое гнѣздо сожигаетъ, і в томъ огни і сама згараетъ, толко останется единъ пепелъ і в томъ пепелу зарожается червь і возрастетъ і опернатѣетъ и потомъ таже птица бываетъ. А среди моего царьства течетъ река Гедсонъ[3]), а течетъ та река із раю и в той рекѣ емлютъ люди моего царьства каменіе драгое, імя каменію драгому сапфіръ, ізмарагда, сердоликъ, аспидъже стоитъ а арадъ камень аки огнь палящь, есть всѣму каменію царь, іми ему еирсалимъ: всю нощь свѣтитъ, аки уголь горящій. А нѣть в моемъ царьствѣ ни татя, ни разбойника, ни завидливаго человѣка, занеже всѣмъ земля моя изобилна. Есть у меня палата сребряная, покрыта златомъ и внутри украшена каменіемъ драгимъ і жемчюгомъ, аки небо звѣздами. А иная у насъ палата сдѣлана в чистомъ златѣ, в нейже осмь столповъ отъ чистова злата, а толщина в столпѣ по три сажени, а высота осми сажень, а на всѣхъ столпѣхъ по камени по драгому: в нощи свѣтится, аки огнь горящій, а в день аки злато сияетъ. А в палате у меня огнь не горитъ: вмѣсто огня камень свѣтитъ; ащели огнь свѣтится в кадилехъ но из древа мир негниѣщаго і тѣм миром проклажаемся і тѣлеса своя мажемъ, ино не скоро старѣемся и очи не болятъ. Есть у меня палата сребряная на златых столпѣх, а на столпѣ по два камени великихъ, аки карчаги, і тѣ камения свѣтятся, аки горятъ в нощи, а в день аки злато сияетъ: я в той палатѣ самъ обѣдаю, а со мною обѣдаютъ 100 царей, 10 патриарховъ, 12 митрополитовъ, 40 епископь, 100 дияконовъ, 50 крылошан, 300 королей, 3 князей, а поварню у меня строятъ, есть

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *ропатыя*.

[2]) Въ другомъ спискѣ: *драмодаре*.

[3]) Въ др. сп.: *Едемъ*.

пряпасают два царя, два короля, а перцу у меня исходит в столѣ, за обѣдом і за уженою по 4 бочки. А жену у себя імѣю лѣпу паче всѣх, а з женою совокупляюся по дважды в мѣсяце, по тому чтобъ племя не вилико... было да родно. І нѣсть в моемъ царьствѣ никакова гаду, ни ужа, ни жабы, а каковь гадъ в нашу землю пріидетъ і на тот часъ і умрет. Есть у меня море песочное, в немже нѣсть воды, но единъ песокъ; аки море колыбаетца, и николиже не стоит на одном мѣсте і отколе ветрь не потянет, оттоле и пойдеть на тритцать верегь; і того моря никаковь человѣкъ не пройдет никакими хитростьми, а за тѣм моремъ не вѣдает никаковь человѣкъ, что есть тамо: потому что нѣсть конца ему, а противь того моря река течет пескомъ без воды: три дни калыбается, а на четвертой день стоит тиха; четвертой день минется і она разливаетца по тѣмъ мѣстамъ. Есть у меня горы пустые і с тѣх гор течет река невелика под землею, а на едино время раступаетца земля над тою водою, із нея выносить единь песокъ. А иная рѣка течет въ болшие море, а на устъе тое рѣки живутъ люди моего царьства, а кормят своих дѣтей і сами ядять сырую рыбу, а ловят тое рыбу — сами ныряють по три дни. А за тою рѣкою есть горы пустыя і с тѣх гор пылает огнь по многимъ мѣстомъ и в том огни живут черви, а без огня им нелзя ни часу быти, а тѣ черви нити із себя пускаютъ, іно чище вашего шелку, и тѣ нити емлют наши жены и шьють намъ рубахи, і какъ тѣ рубахи ізрудаются, іно их в водѣ не моют, но в тотъ огнь мечють і во огни они не згарают, но будут чище злата. А коли пойду к нарочитому мѣсту, іно предо мною несутъ единь крестъ древяной, на немже написано распятие господне, а посторонь честнаго креста несут блюдо великое златое, а на нем единая земля написана і, на ту землю зря, поминаемъ смертный час от земли есми создани богомъ и паки в туже землю пойдемъ; а по другую страну тогоже креста несутъ другое блюдо, златоеже; а на немъ камень драгой і великій жемчюгъ, и на тот камень смотрят, величается се наше государьство. Идутъ предо мною три проповѣдника і возглашаютъ великимъ гласомъ; единь возопиетъ: сей есть царь царемъ и государь государемъ; вторый возопиетъ великимъ і умилным гласом, яко от земли есми сотворены і в ту землю пойдем. Двор и у себя імѣю с утра день ітьти і до вечера ехати во единую страну, а в том моемъ дворѣ есть палаты древяныя, і каменые, і серебряныя, і златые. Ещеже імѣю у себя полату серебряную, покрыто златом, внутри украшена жемчюгомъ и различными писмами от начала мира і до сего дни; ещеже ложницу у себя імѣю от древа негнющаго, імя тому древу сарпралима: на огни не горит, на водѣ не то-

нетъ, в земли не гинет. Ещеж во дворѣ моемъ многие рѣки, і озера, і источники і овощи различныя: умъ человѣческий не можетъ ізрещи. Вратаже моя правая, верея от камени драгаго самоира, другая верея слоновыхъ зубовь, кровля же врат моихъ змиевыхъ розей; вратаже моя златые і з драгим каменнемъ і жемчюгомъ; да на моих же вратѣх ісписаны чюдеся от Адама і до сего дни. Да еще стоять среди моего двора 40 столповь сребряныхъ, позолочаных, а во всякомъ столпѣ вковано по 40 колецъ, а у всякова колца привязано по 40 конеи, а на тѣх конях ѣздять со мною на всякую потѣху і за мой столъ садятся тѣ люди, цари, і князя і короли, оприче патріарховъ і митрополитовъ, і епископовь, і всего причета црьковнаго. Какоже ты, царь Мануйлъ греческий, можешъ списать царьство ідѣйское?» Потомъ отпусти послы его честно, нынѣ і присно і во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГОВОРЫ НА ОРУЖІЕ[1]).

I. Господи! оружіе на діавола крестъ твой далъ еси намъ: трепещетъ бо и трясется не могій взырати на силу его, яко мертвыя возставляетъ и смерть упраздни, сево-рады кланяемся кресту твоему....

Молитва Господа нашего Іисуса Христа отъ стрѣлъ и пушечныхъ ядеръ и всякихъ пулекъ и всякаю оружія и побоища.

Господи благословы!

Во имя Отца и Сина и Святаго Духа! и взиде на гору господню Господа нашего Іисуса Христа со мною, рабомъ божіимъ, имрекъ, и святаго пророка предтечи и крестителя господня Іоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступѣте мене отъ стрелъ и пулкъ и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію, имрекъ, и моихъ товарищовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцатъ человѣкъ, молитвами святыхъ апостолъ и молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ стрелкамъ, и пищалнымъ пулкамъ, и пушеч-

[1]) Предлагаемые заговоры заимствованы нами изъ рукописи Е. Д. Филимонова, писанной въ 1769—1774 г. въ Харьковѣ. Къ сожалѣнію эта рукопись, сохранившая нѣкоторыя произведенія устной народной словесности, писана весьма небрежно и сильно пострадала отъ времени; нѣкоторые листы ея утрачены, друзіе

нымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ пятисотъ тридцать человѣкъ всѣми святими молитвами и апостолами, архангелами и ангелами, Михаиломъ, Гаврінломъ и со всею небесною силою, и со всѣми преподобными отцами, и святыми священномученіками, которые за Христа кровь свою проливали, святый Тихонъ.....[1]) всякаго супостата; святіе четире апостола Іоанъ, Матфей, Марко, Лука помолитеся за меня Господу Богу раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ (тридцать?) человѣкъ. Слава во имя господне, Господа нашего Іисуса Христа повергни Господь вороговъ моихъ и супостатовъ въ окіянъ море и подъ бѣлой камень, и каково въ замкахъ сидѣти крѣпко, таково би было слово христово крѣпко на рабѣ божѣмъ, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ: коли ти мои недруги изо дна моря ключи достанутъ, тогда мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ избранныхъ достанутъ. Да не доставатъ тѣмъ моимъ злымъ недругомъ изо дна моря ключовъ и мене раба божія, имрекъ, не достазатъ и товаришовъ моихъ въ заговорномъ оружіи, не образить никакимъ ратнимъ оружьемъ: како..... не виходитъ, такжебъ стрѣлкомъ, и пищалнымъ пулкамъ, и пушечнымъ ядрамъ не виходить, нехайже..... идутъ мимо мене. Я рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человѣкъ, всегда нинѣ и прѣсно и во вѣки вѣковъ аминь.

II. Во имя Отца и Сина и Святаго Духа! есть море каменное; на томъ морѣ стоитъ каменный столпъ и на томъ столпѣ стоитъ каменной мужъ: висота его отъ земли до небеси, широта его отъ востока до западу, а той мужъ заблетъ заповѣди божія, воюетъ своимъ посухомъ желѣзнимъ, и всякому желѣзу и окладу, булату синему и краснему, и стреламъ простимъ, и всякому оружію желѣзному, и стреламъ, и пищалнимъ пулкамъ свинцовимъ и оловянимъ, сребрянимъ, мѣднимъ и желѣзнимъ, и каменнимъ и пушечнимъ ядрамъ желѣзнимъ и всякому пушечному ядру, ни таблею сѣчною, ни ножемъ разить, ни копіемъ колоть, никакимъ оружіемъ не рушить мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ оружіе (sic!) пятисотъ тридцать человекъ, не образитъ мене никакимъ ратнымъ оружіемъ и какъ сковороднима ушима своима воротитъ за сковороду, такъ би воротилось отъ мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ по той же заповѣди

[1]) Точками обозначены мѣста неразобранныя.

всякому желѣзу з...ды своей матери земли, а древо въ лѣсъ, а періе въ птицу, а птица въ небо, а клей во свою матерь рыбу, а риба въ море отъ мене раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорноиъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ; и буде платья мое крѣпчайше шамина, и панцыря, и ковчега булатние, всегда нинѣ и прѣсно и во вѣки вѣковъ аминь.

III. Азъ рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ иду, на ратный бой, далеко, противъ нератнихъ людей, своихъ злихъ супостатовъ; нератніе люди идутъ противъ мене раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ пятисотъ тридцать человѣкъ и несутъ крестъ господень, на немъ же распятъ бысть Ісусъ Христосъ, истинной богъ нашъ..... божество совершается и господство совокупляется, то идутъ на мене, раба божія, имрекъ, холми и земли; и якъ широта земли и висота до неба такъ бы летѣли стрѣли и пищалные пулки и пушечныя ядра отъ мене раба божія, имрекъ, и товаришовъ моихъ пятисотъ тридцать человѣкъ, во вѣки вѣковъ аминь.

IV. О пресвятая госпоже Богородице, матка христова! укрой ризою своею святою отъ неба и до земли мене самаго и коня мого и кто при мнѣ есть; отжени непріятеля отъ мене, и учини порохъ водою, а пулю вѣтромъ отъ мене раба божія, имрекъ, ангеле христови на соблюденіе мнѣ отъ Бога съ небеси дай мнѣ..... прилежно молюся: ти мя днесь сохрани и просвѣти отъ всякія присподи и ко всякому дѣянію и на путь спасенія направи. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ ЛОМОНОСОВА НА СКАЗАННУЮ О СУМАРОКОВѢ ФРАЗУ:

Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs.

Génie Créateur перевелъ въ свои трагедіи изъ французскихъ стихотворцевъ все, что ни есть хорошево, съ великимъ множествомъ несносныхъ погрѣшностей въ россійскомъ языкѣ; и оныя сшивалъ еще гаже своими мыслями и словами. *Génie Créateur!* стихосложеніе принялъ сперва развращенное отъ Третьяковскаго и на присланныя изъ Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя написалъ ругательную епиграмму. Однако послѣ имъ же послѣдовалъ

и писалъ понимъ всѣ свои трагедіи и другіе стихи. *Génie Créateur!* Дѣйствіямъ училъ Мелиссино; а онъ только вздорилъ и всегда представлялъ въ комедіяхъ комедіи. *Génie Créateur!* Директорство Россійскаго театра велъ такъ чиновно, что за многія мечтательныя его неудовольствія и непстовыя наглости лишенъ полной прежней команды. *Génie Créateur!* Сколько ни жилился летать одами, выбирая изъ другихъ Россійскихъ сочиненій слова и мысли, и хотя ихъ превысить; однако толь же счастливъ былъ какъ Икаръ. *Génie Créateur!* Новое изобрѣтеніе выдумалъ пчелку и посылалъ ее на медъ на стрѣлку, чтобы потомъ жалила подъячихъ. Изрядной нашелъ способъ въ крапиву исп...няться! *Génie Créateur!* Сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ: для того что вся молодёжь, то есть пажи, коллежскіе юнкеры, кадеты и гвардіи капралы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика ихъ походитъ. *Génie Créateur!*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ПЛЕМЯННИКА Н. И. НОВИКОВА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ[1]).

—

Исполняя пріятной долгъ благодарности за состраданіе къ симъ несчастнымъ, я вновь обращаюсь къ вамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою принять живѣйшее въ семъ чудесно-несчастномъ семействѣ участіе. Безъ вашего теперь содѣйствія они изгонятся изъ дому и бѣдная дѣвушка, лишенная всего, съ двумя страдальцами должна будетъ искать пристанища въ домахъ чуждыхъ.

Все, случившееся съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, извѣстно, можетъ быть, правительству болѣе, нежели его дочери. По возвращеніи его Императоромъ Павломъ, онъ не хотѣлъ никакого вознагражденія, дабы оправдать себя и Государя своего отъ клеветы и ложныхъ заключеній, и, удалясь въ маленькое свое имѣніе, не переставалъ быть другомъ человѣчества. Новыя испытанія, чрезъ болѣзнь

---

[1]) Письмо, отрывокъ котораго мы печатаемъ по имѣющейся у насъ копіи, писано, вѣроятно, въ одно время съ извѣстною запискою Карамзина о Новиковѣ.

Ред.

дѣтей его постигшія, и устройство маленькаго и въ отсутствіе его разстроеннаго имѣнія требовали займа; онъ занялъ 10,000 руб. серебромъ, не составлявшіе тогда болѣе 35000 ассигнаціями, они вскорѣ обратились въ долгъ сорокатысячной. И отсюда началось разстройство дѣлъ его совершенно; такимъ образомъ оставшійся на немъ долгъ превышаетъ не много 100 т. рублей. Въ 1812 году онъ одинъ не оставлялъ своего дома, былъ блюстителемъ спокойствія окрестныхъ обитателей, защитникомъ человѣчества: ибо онъ платилъ крестьянамъ по рублю за каждаго живаго плѣннаго;—содержалъ приводимыхъ къ нему;—пользовалъ больныхъ и раненыхъ, а по изгнаніи непріятеля всѣхъ ихъ препроводилъ къ показавшимся обратно полиціямъ и московскому коменданту, — не ища никакой награды. Человѣкъ примѣрно добродѣтельный, переносившій страданія свои при совершенномъ спокойствіи духа, во всѣхъ случаяхъ былъ твердъ и полезенъ своимъ ближнимъ; исполненный вѣры, преступилъ черту міра сего: долженъ ли онъ быть забытъ его послѣдователями, истинными христіанами? Ради самого Христа, призовите на помощь его несчастнаго семейства всѣхъ, кого можете, и оставьте ему пристанище при гробѣ ихъ почтеннѣйшаго родителя, прахъ коего конечно поищутъ многіе, обращенные на путь истины. Государь милосердъ, богобоязливъ и сострадателенъ; онъ не отречется отъ искупленія оставленныхъ страдальцевъ; нужно только довести до свѣдѣнія Его.

ПИСЬМО Н. И. НОВИКОВА[1]).

—

Умѣдлилъ я, любезный другъ и Милостивый Государь василій васильевичь, отвѣтомъ на письмо ваше, благодарностію за трудъ вашъ въ списаніи 2 ч. Жизни Г-жи Гіонъ и увѣдомленіемъ о полученіи обратно 4 вѣка исторіи еретиковъ: что все нынѣ исполняя, прошу благосклоннаго извиненія въ медлѣнности моей: которая и по худому здоровью и по безпрестаннымъ хлопотамъ случилась.—Нынѣ

[1]) Списано буквально съ подлинника, находившагося въ древнехранилищѣ М. П. Погодина.

посылаю къ вамъ 5 вѣкъ сей Исторіи; ваши рѣчи прошу потерпѣть у меня были онѣ уже списаны, но брали списывать кое кто, а теперь не могу и отыскать, принужденъ въ другой разъ списывать. Третью часть Жизни Г-жи Гіонъ и бѣлую бумагу, прошу пожаловать прислать, теперь нашолся еще писецъ, такъ я отдамъ ее переписывать. Не забудьте о *семѣйственныхъ картинахъ*: дѣти все ко мнѣ пристаютъ объ ней. Еще маленькая прозьба, которую прошу постараться исполнить: она есть слѣдующая: покойной Иванъ Ивановичъ Голиковъ, взялъ у меня нѣсколько Екз. *Дѣяній Петра вел.* съ тѣмъ что бы за нихъ отдать *дополненіемъ*, что онъ и прежде дѣлывалъ. Сіе случилось прежде отъѣзда моего въ деревню, а потомъ что случилось вамъ извѣстно. Сколько онъ взялъ Екз. и сколько я долженъ былъ получить, сего теперь не помню и справиться непочемъ: но я за все очень доволенъ (буду), ежели Егоръ Ивановичъ сдѣлаетъ одолженіе, дастъ мнѣ одинъ екземпляръ всѣхъ томовъ *Дополненія*, сколько ихъ было напечатано. Я бы хотѣлъ имѣть у себя сей уваржъ полнымъ, въ память двухъ покойниковъ Героя и Автора, котораго я всегда любилъ. Дѣяній 12 томовъ у меня отъ разоренной моей библіотеки уцѣлѣли въ деревнѣ. Ежели Егоръ Ивановичъ согласиться сдѣлать сіе одолженіе, то прошу непереплетенной отдать вручителю: ибо я отдамъ переплесть въ одинакой переплетъ съ *Дѣяніями*: а ежели не согласится, такъ этому дѣлу такъ и быть.

Прости Люб. др. желаю вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ, въ милости Господней. Есмь навсегда съ искреннею любовію, дружествомъ и почтеніемъ

вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Н. Новиковъ.

13 Ноября 1806.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII ВѢКА.

—

М. И. ВЕРЕВКИНЪ.

Въ Словарѣ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (т. 1, стр. 73 — 74) сказано, что М. И. Веревкинъ былъ съ 1758 по

1761 г. директоромъ казанской гимназіи, съ 1782 г. корреспондентомъ Академіи Наукъ, скончался 21 марта 1795 года въ вотчинѣ своей клинскаго уѣзда, въ сельцѣ Михайловѣ; въ молодости сочинялъ стихи, помѣщавшіеся въ журналѣ: «Полезное Увеселеніе», потомъ написалъ комедію: «Такъ и должно», имѣвшую въ свое время весьма значительный успѣхъ; но преимущественно извѣстенъ переводами многотомныхъ сочиненій съ французскаго и нѣмецкаго языковъ». Печатаемъ здѣсь бумаги, касающіяся его литературныхъ трудовъ.— Въ 1792 году Веревкинъ подалъ на имя Государыни слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

Всеправосуднѣйшая Государыня!

1-е. Въ 1763-мъ, всемилостивѣйше твоимъ указомъ кабинету предписано за переводы иностранныхъ книгъ, которыя щедротою твоею обращался всегда въ пользу мою, выдавать мнѣ жалованья по 750 рублевъ по смерть мою.

2-е. Въ 1776 по благоизволенію твоему же, Государыня! опредѣленъ я къ статскимъ дѣламъ съ прибавкою къ жалованію по чину, изъ прежняго по 450 рублей, достальныхъ же со удержаніемъ въ казнѣ.

3-е. Въ слѣдовавшее затѣмъ до днесь междувреміе, по Твоей же волѣ святой, печатался произведенія пера моего на счетъ кабинета въ казенныхъ только двухъ типографіяхъ: сначала университетской, послѣ же училища горнаго, которыя во что становилося имъ всякого моего труда тисненіе—по подаваемымъ въ кабинетъ счетамъ получали деньги, мнѣ же отпускали книги натурою, и я, ихъ продавая оптомъ, выручалъ тысячи по двѣ, болѣе или менѣе на годъ, по соразмѣрностямъ съ количествами оныхъ..... Тако проводилъ я прежде и послѣ уже моей отставки, послѣдовавшей въ 1781-мъ, 16 лѣтъ даваемыми мнѣ изъ прежняго моего жалованья 450 рублями, расплачиваяся съ заимодавцами моими.

4-е. Въ нынѣшнемъ февралѣ сія послѣдняя милость Твоя, единое и все пропитаніе мое составлявшая, отнялася у меня. Обнищалъ всесовершенно; я и семейство мое разсѣянно ищемъ уже нынѣ хлѣба насущнаго по человѣколюбцамъ.... Ты, Государыня! одному Богу развѣ уступаешь въ человѣколюбіи и милосердіи.

5-е. Къ тебѣ единой и вопіетъ безгрѣшный предъ тобою старикъ, полстолѣтія на служеніе тебѣ и предкамъ твоимъ всѣ силы истощавшій: взыщи единожды уже тобою въ 1763-мъ дарованнымъ жалованьемъ по 750 рублевъ на годъ; повели удержанныя части онаго чрезъ шестнадцать лѣтъ ему выдать, да очистится отъ всѣхъ *своихъ* долговъ; ущедри возвращеніемъ въ первобытное его, десни-

цею твое устроенное въ 1763-мъ, состояніе — и во убогой своей о сорокѣ душахъ деревенькѣ подышетъ еще сколько-нибудь на свѣтѣ самъ, издавая въ печать въ казенной какой-либо типографіи, безъ обремѣненія казны твоей, элементарныя только и тому подобныя сочиненіи, слава и боготворя великое имя твое.

Всеправосуднѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *Михаилъ Веревкинъ*.

Прошеніе было сложено въ четвертку, съ надписью на оборотѣ: «Божественная правосудица! въ послѣдній на всю жизнь мою разъ о себѣ лично утруждаю: удостой прочтенія»).

При дѣлѣ хранится еще другое подобное же прошеніе Веревкина, которое также приводимъ сполна:

Великая Самодержица!

Указомъ кабинету, за подписаніемъ руки вашей, въ 1763-мъ повелѣно выдавать мнѣ по 750 рублевъ на годъ по смерть мою.

Таковымъ же въ 1776-мъ опредѣленъ я къ статскимъ дѣламъ съ прибавкою къ жалованію по чинамъ моимъ изъ вышесказанныхъ 750-ти по 450-ти ежегодно.

Въ 1781-мъ за болѣзнею отставленъ. Съ того времени до днесь получая изъ того вѣчно-пожалованнаго мнѣ пенсіона 750-ти только по 450-ти, на старости моей съ немалымъ семействомъ нуждаюсь даже дневною пищею; ибо и сіи 450 удерживаются у меня, по моему же прошенію, въ московскомъ счетномъ казначействѣ на уплату долговъ моихъ.

Подъ скиптромъ твоимъ, Государыня! всякая душа тобою призрѣна; призри и на меня, пятьдесятъ лѣтъ тебѣ собственно и высокимъ предкамъ твоимъ ревностно и безпорочно служившаго. Слово твое непреложно; повели исполняться по первоупомянутому именному обо мнѣ въ 763-мъ указу твоему: выдавать мнѣ отнынѣ и удерживаемыя со дня отставки моей изъ вѣчно-пожалованнаго онаго мнѣ пенсіона по 300 рублей ежегодно по смерть мою!

Великая Самодержица!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *Михаилъ Веревкинъ*.

Вслѣдствіе этихъ прошеній была составлена слѣдующая

Записка о пансіонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Веревкина.

«Въ 1763-мъ и 1764-мъ годахъ Ваше Императорское Величество высочайше повелѣть соизволили быть ему въ вѣдомствѣ кабинета,

для перевода съ иностранныхъ языковъ книгъ съ жалованьемъ по 750 р. въ годъ, которымъ и пользовался онъ по 1776-й годъ, а въ семъ году опредѣленъ былъ въ Новгородъ въ намѣстническое правленіе совѣтникомъ, гдѣ къ окладному его жалованью 600 рублямъ по высочайшему соизволенію прибавлено изъ числа получаемыхъ изъ кабинета 150 рублей, что и сдѣлало тѣже прежде получаемые имъ 750 рублей. Послѣ того вскорѣ прибавлено еще изъ кабинета по 300 рублей, что и составило кабинетскихъ 450, да окладныхъ 600, а всего 1050 рублей. Потомъ опредѣленъ въ гражданскую палату предсѣдателемъ, а по сему мѣсту съ жалованьемъ по 840 рублей, а съ означенными 450 получалъ онъ 1290 р. Наконецъ въ 1781-мъ году уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника безъ жалованья; остались же при немъ только кабинетскіе 450 рублей, но какъ оные обращены были на уплату долговъ его, то и содержалъ онъ себя переводомъ книгъ, которыя тогда же высочайше повелѣно было печатать на счетъ казны изъ кабинета. Въ 1792-мъ году сіе книгъ печатаніе высочайшимъ повелѣніемъ воспрещено; симъ самымъ доходъ его отъ переводовъ книгъ совсѣмъ пресекся. А хотя отпускаются ему изъ кабинета помянутые по 450 рублей въ годъ; но какъ выше явствуетъ, что обращены оные на уплату долговъ его, которые претендатели его и получаютъ изъ счетныхъ казначействъ уже сами погодно, то и остался онъ теперь въ старости лѣтъ своихъ и съ семействомъ безъ малѣйшаго дохода. Проситъ изъ высочайшаго милосердія на малой остатокъ дней его дать ему насущной хлѣбъ въ пропитаніе».

Кромѣ того, при письмѣ С. Стрекалова отъ 25 ноября 1792 г. къ Г. Р. Державину препровождены, вѣроятно,—для докладу Государынѣ, выписка изъ дѣлъ кабинета, о производимой оттуда пенсіи статскому совѣтнику Веревкину и подробная вѣдомость о сочиненіяхъ его и переводахъ, печатанныхъ на счетъ кабинета. «Выписка» въ началѣ сообщаетъ уже извѣстныя намъ свѣдѣнія; выписываемъ ея окончаніе: «За сочиненіе же и переводы его г. дѣйств. статскаго совѣтника Веревкина, на счетъ кабинета печатанныя, заплачено денегъ съ того 1776 года по нынѣшній 1792-й годъ, въ типографіи: Московскаго университета — 42,855 р. 62 к., горнаго училища — 23,501 р. $93^1/_2$ к.; а всего 66,357 р. $55^1/_2$ к. И какъ сія сумма плачена въ тѣ типографіи по требованіямъ оныхъ, а не ему г. Веревкину выдавана, то и неизвѣстно въ кабинетѣ, какими онъ выгодами отъ помянутыхъ типографій пользовался. Сверхъ сего въ типографіи горнаго училища въ нынѣшнемъ году напечатано его книгъ на 4311 р. $23^3/_4$ к., да въ типографіи академіи наукъ печатается

книга подъ заглавіемъ: «Картина Оттоманской имперіи»; во что-жъ она обойдется еще неизвѣстно. Но платежъ сихъ послѣднихъ денегъ, по силѣ именныхъ Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ сего 1792 года февраля 27 и 28 чиселъ остановленъ впредь до воспослѣдованія на оное особаго высочайшаго повелѣнія».

При «выпискѣ» приложены въ копіяхъ:

a) Высочайшій указъ отъ 17 октября 1763 года: «указали мы пожалованному отъ насъ въ вѣчную отъ всѣхъ дѣлъ отставку коллежскому совѣтнику Михайлѣ Веревкину быть въ вѣдомствѣ нашего кабинета у переводу книгъ съ иностранныхъ на россійской языкъ, а для бѣдности его выдать ему нынѣ изъ онаго кабинета въ награжденіе 300 рублей; когда же данную ему книгу переведетъ и тотъ его переводъ опробованъ будетъ, то и жалованье по чину коллежскаго совѣтника производить ему».

b) Высочайшій указъ отъ 23 генваря 1764 г. о производствѣ Веревкину жалованья по чину изъ комнатной суммы.

c) Высочайшее повелѣніе, объявленное дѣйств. тайн. совѣтникомъ Олсуфьевымъ отъ 11 августа 1776 г. о производствѣ Веревкину, опредѣленному къ дѣламъ въ Новгородской губерніи, додавать къ новому его жалованью 150 рублей изъ комнатной суммы на годъ.

d) Записка императрицы къ Олсуфьеву отъ 25 октября 1776 года: «Адамъ Васильевичъ! Колл. Совѣтн. Веревкину изъ прежней пенсіи выдавайте по триста рублей; да и книги, которыя переводить или сочинять онъ будетъ—печатали бы на коштъ кабинета, какъ сіе и было ему предъ симъ позволено».

e) Записка императрицы С. Ф. Стрекалову отъ 27 февраля 1792 года «Степанъ Ѳедоровичъ! прикажите выправиться по кабинету во что въ прошломъ году стали(о) печатаніе переводы(овъ) Веревкина, и до указа болѣе не давайте на оные ни едину копѣйку изъ кабинетной суммы».

f) «1792 года февраля въ 28 дней, Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила: чтобы впредь ни въ какихъ типографіяхъ какъ сочиненій, такъ и переводовъ, безъ особливаго Ея Величества повелѣнія, а притомъ и безъ увѣдомленія отъ кабинета на счетъ онаго не печатать; а позволила Ея Величество печатать сочиненіи и переводы г. коллежскаго совѣтника Петрова. На подлинномъ подписано: Степанъ Стрекаловъ».

ВѢДОМОСТЬ.

Именнымъ Ея Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ за собственноручнымъ подписаніемъ 1776 года октября въ 25 день повелѣно: сочиненія и переводы г. дѣйств. стат. сов. Михайла Ивановича Веревкина печатать на счетъ кабинета. Вслѣдствіе чего напечатано въ типографіяхъ нижеписанныхъ книгъ, и за оныя отпущено изъ кабинета въ тѣ типографіи по требованіямъ ихъ денегъ, а именно:

Въ которой типографіи и какія книги печатаны.	Типографіи требовали.	Въ какое время изъ кабинета заплачено.
Въ Типографіи Московскаго Императорскаго Университета:		
1776 г.		
Сюллєвыхъ записокъ,		
9-го тома . .	501 р. 39½ к.	1776 марта 17.
10-го » . .	414 р. 47 к.	—— ноября 10.
1777.		
За напечатаніе переводовъ	380 р. 84½ к.	1777 октября 23.
1779.		
Всеобщаго повѣствованія о путешествіяхъ,		
2-го тома . .	597 р. 6½ к.	1779 декабря 17.
4-го » . .	572 р. 15 к.	1782 февраля 17.
1780.		
Описаніе Екатерининскимъ водамъ, 1 книга	155 р. 87½ к.	1780 декабря 22.
1782.		
Сказаніе о мореплаваніи, 1-й части . . .	445 р.	1782 іюля 13.
1783.		
2-й части . .		
О странствіяхъ, 1-й и 2-й	3185 р. 13½ к.	1783 генваря 26.
3-й	1874 р. 80 к.	—— марта 31.
4-й	1818 р. 45 к.	—— іюня 30.
5-й и 6-й	2939 р. 61 к.	—— декабря 11.
1784.		
7, 8 и 9-й	3779 р. 25 к.	1784 апрѣля 26.
10 и 11-й	2680 р. 99 к.	—— декабря 30.

1785.		
12-й	1287 р.	1785 генваря 12.
13 и 14-й	3699 р. 32 к.	—— августа 27.
15-й	2196 р. 91 к.	—— октября 25.
16-й	1557 р. 5 к.	—— декабря 16 и
1786.		1786 декабря 28.
17-й	1570 р. 66½ к.	—— мая 28.
18-й	1320 р. 74½ к.	
1787.		1789 февраля 12,
19-й	1665 р. 58 к.	1791 марта 21,
20-й	1421 р. 16½ к.	апрѣля 29 и мая 8.
21-й	1608 р. 82 к.	
22-й	551 р. 83¼ к.	
1786.		
О китайцахъ 1-го т.	959 р. 67½ к.	1786 декабря 28.
1-го »	1248 р. 21½ к.	—— октября 19.
1787.		
3-й т.	1573 р. 59½ к.	1789 февраля 12,
4-й »	940 р. 91 к.	1791 марта 21,
1788.		апрѣля 29 и мая 8.
5-й »	949 р. 10 к.	Итого въ типог. московск.
6-й »	959 р. 71 к.	университ. 42,855 р. 62 к.
Въ типографіи горнаго училища:		
1786.		
Аглинской исторіи,		
1-й томъ	932 р. 13 к.	1786 октября 19.
2-й »	998 р. 20 к.	—— декабря 5.
1788.		
3-й »	1034 р. 93 к.	1788 іюня 17.
Французской исторіи,		
1-й и 2-й томъ	1870 р. 30 к.	—— декабря 29.
3-й »	1006 р. 95 к.	—— ноября 29.
1789.		
Лермейстера или наставника, 1-й части	722 р. 20 к.	1789 ноября 6.
1790.		
2-й »	636 р. 22½ к.	1790 февраля 25.
3-й и 4-й »	2510 р. ¾ к.	—— декабря 24.
1791.		
5-й »	531 р. 16¼ к.	1791 генваря 17.

6-й и на гравировку досокъ .	3094 р. 31¼ к.	—— марта 11.
7, 8 и 9-й . .	2219 р. 53 к.	—— іюля 16.
1790.		
Алкорана, 1-я книга	994 р. 47½ к.	1790 августа 7.
1791.		
2-я . .	808 р. 50 к,	1791 іюля 16.
1790.		
Исторіи турецкой,		
1-го тома	116 р. 68 к.	1790 августа 7.
2-го »	1838 р. 32½ к.	—— декабря 7.
1791.		
3-го »	887 р. 90 к.	1791 генваря 17.
4-го »	938 р. 36¼ к.	
Житія философа Конфуція, 1 книга съ портретомъ . . .	1361 р. 73½ к.	— —
		Итого въ типографію горнаго училища 23,501 р. 93½ к.
А всего въ типографіи московскаго университета и горнаго училища . .	66,357 р. 55½ к.	
Въ оной же типографіи горнаго училища сего 1792 года:		
Наставника 10 части	752 р. 45 к.	Платежъ сихъ денегъ остановленъ по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества указа, писаннаго и подписаннаго собственною Ея Величества рукою сего 1792 года февраля 27 дня (*).
Географическаго словаря, 1-й части . .	726 р. 71¼ к.	
2-й » . .	822 р. 85 к.	
3-й » . .	785 р. 52½ к.	
4-й » . .	616 р. 50 к.	
5-й » . .	607 р. 20 к.	
	4311 р. 23¾ к.	

(*) Книги, означенныя въ этой вѣдомости, указаны въ словарѣ Евгенія, однако не всѣ; имъ пропущены исторія французская (переводъ сочиненія аббата Милота, означенъ въ «Росписѣ» Смирдина подъ № 3147) и англійская (того же автора, у Смирдина подъ № 3179), житія Конфуція (у Смирд. № 3423), под-

Въ типографіи Императорской академіи наукъ, печатается книга подъ заглавіемъ:

Книга Оттоманской имперіи.

Оная печатается по указу изустно объявленному директору сей академіи, госпожѣ статсъ-дамѣ княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, чрезъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавріила Романовича Державина.

ная картина Оттоманской имперіи (у Смирд. № 3587) и Записки о Китайцахъ (у Смирд. № 3584). «Роспись» Смирдина еще указываетъ на комедію Веревкина: «Точь въ точь» (Спб. 1785 г.), и на переведенный имъ «Хозяйственной деревенскій календарь» (М. 1794 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

—

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

стр.

Матеріялы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа. *П. П. Лыжина* 3

Смоленская легенда о св. Меркуріи. *Ѳ. И. Буслаева* . . . 13

Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. I. II. *А. Е. Викторова* 67

II. МАТЕРІЯЛЫ.

Сказаніе о созданіи великія Божія церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Съ предисловіемъ *К. К. Герца* и *Ѳ. И. Буслаева* 3

Русскіе интерлюдіи первой половины XVIII вѣка. Съ предисловіемъ *П. С. Тихонравова* 35

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ 61

Прѣніе литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Піеію и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія, составленнаго Лаврентіемъ Катихизиса . . 80

Сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ. По рукописи XVII вѣка, сообщенной *В. М. Ундольскимъ* 100

III. СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

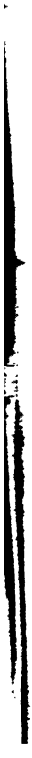
Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. *П. А. Попова* 1

Повѣсть града Іерусалима. *Ѳ. П. Буслаева* 34

Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Herausgegeben von Dr. Lazarus und Dr. Steinthal (1859 № 1). *А. Л. Дювернуа.* 44

Сказка о милосердомъ купцѣ 61

стр.
Стихъ о книгѣ голубиной 64
Повѣсть о Ѳеодорѣ жидовинѣ 69
Разговоръ о дѣтяхъ Адамовыхъ 72
Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Сочиненіе Щапова. *П. С. Некрасова* . 73
Повѣсть о чюдеси Пречистыя Богородицы. о градѣ Муромѣ и о епископѣ его, како пріиде на Рязань 97
Русская легенда XVII вѣка о образѣ Богородицы 99
Сказаніе о индѣйскомъ царствѣ 103
Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу: *Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs.* 105
Отрывокъ изъ письма племянника Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу 106
Письмо Н. И. Новикова. 107
Біографическія замѣтки о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка (М. И. Веревкинъ) 108



PG
3200
T544

DATE DUE